

Исторические заметки связи Китая с зарубежными странами

Viktor Frazin

2024-08-31

Contents

**Исторические заметки связи Китая с зарубежными
странами** **1**

Исторические заметки связи Китая с зарубежными странами

Цай Хуншэн

Русская академическая исследовательская пресса
2023

Содержание

Глава 1 Форма и предмет дани девяти фамилий Ху династии
Тан..... 1

1.1 Маршрут и частота дани.....
2

1.2 Анализ записей о дани.....
12

1.3 Приметы.....	20
1.4 Международные связи Девяти фамилий Ху из источника дани.....	42
Глава 2 Записи о тюркских изделиях.....	45
2.1 Тюркское железо.....	45
2.2 Тюркская лошадь.....	48
2.3 Тюркский воробей.....	51
2.4 Тюркское вино.....	54
2.5 Тюркское лекарство.....	55
2.6 Тюркская юрта.....	57
Глава 3 Происхождение мопса.....	60
3.1 Пекин.....	68
3.2 Янчжоу.....	72
3.3 Гуанчжоу.....	72
Глава 4 Лев в Китае.....	77
4.1 Западное происхождение льва.....	77
4.2 Древнекитайское представление о льве.....	82
4.3 Китаизация образа льва.....	86
4.4 Лев в фольклоре.....	93

4.5 Львиный рев — от звука Дхармы Будды до крика человека.....	99
Глава 5 Изучение «Чибо».....	102
5.1 «Чибо» в поэзии Тан.....	103
5.2 Чибо и Шифа.....	105
5.3 Тайна «кровавого пота» Чибо.....	107
Глава 6 Рыночный банкет в Гуанчжоу во времена династии Сун.....	110
6.1 Происхождение рыночного банкета.....	111
6.2 Литературное произведение, читавшееся на банкетах в торговых судах.....	113
6.3 Структура блюд и напитков на банкете.....	117
6.4 Исторический статус банкета в городе Гуанчжоу.....	120
Глава 7 Дополнения и исправления к хронике Российского павильона «Шуофан Бэйчэн».....	122
7.1 Срок смены.....	123
7.2 Краткая биография первых «чиновных учащихся».....	126
7.3 «Маньчжурско-китайские помощники учителей» и нанятые русскими «господа».....	128
7.4 Краткое объяснение титулов «лам и учеников».....	131
7.5 Происхождение, сборник и перевод «Русских книг».....	137
7.6 Наследие «хранилища ракшасов».....	142
Глава 8 Взаимодействие между цинскими послами и русскими синологами	145

8.1 Контакт между Бинь Чунем, Чжи Ганем, Кун Ци и Ван Сили.....	146
8.2 Миссия Чун Хоу и «китайский язык» в Петербурге.....	151
8.3 Российские китаеведы в трудах Мяо Юйсуня и Ван Чжичуня.....	158
8.4 Заключение.....	168
Глава 9 Исследование и комментирование «караванного чая».....	171
9.1 Зарождение чая в России.....	174
9.2 Логистическая деятельность «чаоторговцев Западной группы».....	176
9.3 История системы «министерского билета».....	184
9.4 Отход «западных купцов» и рост «южного прилавка».....	189
9.5 Полная история покупки и распространения черного чая У Дачэном в России.....	197
9.6 «Вливание русского чая» — конец «караванного чая».....	202
9.7 Российский павильон и торговля «караваным чаем».....	205
Глава 10 Российско-американская компания и порт Гуанчжоу.....	213
10.1 Возникновение мехового рынка в Гуанчжоу.....	215
10.2 Тайна «патрульных» и «грузовых судов».....	220
10.3 «Самостоятельное партнерство для торговли с Кантоном» было ложным предлогом.....	225
10.4 История «Андеррайтинга Лай Ян Ю, купца из Сай Шинг Хонга».....	230
10.5 «Англо-грузинское пребывание в Гуандуне.....	235

10.6 Связь между российским павильоном в Пекине и инцидентом с российским судном.....	240
10.7 Журнал переговоров.....	244
10.8 Заключение.....	249
Глава 11 «Четыре удивительных рассказа» Пояснение к Петербургской летописи	252
11.1 Изменения в резиденции миссии Чун Хоу.....	254
11.2 Ветер цареубийства.....	256
11.3 Тайные дела Эрмитажа и служебный скандал.....	259
11.4 Православные обряды и обычаи.....	261
11.5 Групповой образ рабочих.....	263
11.6 Казаки.....	265
11.7 Театры и артисты эстрады.....	267
Глава 12 Врачебная практика и научная деятельность «Цинь Хуаня» российского павильона.....	271
Глава 13 «Троесловие» в России.....	277
13.1 Ранние переводы.....	277
13.2 Перевод Бичурина и его влияние.....	279
Глава 14 Сборник старых историй о поступлении «Сне в красном тереме» в Россию.....	282
14.1 Происхождение книги Лецзана.....	282

14.2	Комментарии Ван Шушэна на «Сон в красной тереме».....	285
14.3	Интерес консула Куна к «красноведению».....	287
14.4	Избранные произведения из «Сна в красном тереме» в Петербургском университете.....	289
Глава 15	«Российский инцидент» в Тяньцзинской резне.....	291
15.1	Происхождение «российского инцидента».....	292
15.2	Стратегия консула Куна по «замедлению» принятия решения.....	294
15.3	Русские купцы и Тяньцзиньский чайный порт.....	296
15.4	Российский инцидент и царская дипломатия.....	299
Глава 16	Шведская хроника династии Цин и шведская торговля в Гуанчжоу	302
16.1	Введение.....	302
16.2	Хроника Швеции в истории династии Цин.....	304
16.3	Суй Хун в Гуанчжоу во времена династии Цин.....	319
16.4	Заключение.....	327
Глава 17	Голландский павильон в Гуанчжоу времен династии Цин.....	330
17.1	Голландский павильон в поэзии династии Цин.....	333
17.2	Фань Браам и китайско-голландские отношения.....	343
17.3	Голландский павильон и культурный обмен между Востоком и Западом.....	349
17.4	Заключение.....	358

Глава 18 Интерпретация поэмы Ван Вэньгао, данника голландского государства 360

18.1 Ван Вэньгао и его «Сборник стихов Юншаньтан».....
361

18.2 Жизнь «голландского посланника с данью» Дэ Шэна.....
364

18.3 «Голландские корабли» и «Карта торговца кораблями».....
366

18.4 Люди и места в переводе «Таблицы золотого листа».....
369

18.5 Чанлин и «Получение указа в Морском дворце».....
373

18.6 «Фестиваль под цветами» и купец У.....
376

18.7 Отъезд голландской миссии в столицу.....
378

18.8 Заключение.....
380

Глава 19 Западный взгляд на купцов Гуанчжоу в эпоху династии Цин..... 382

19.1 Положение Пань Юду во внешних делах Цяньцзя.....
383

19.2 Тематика и стиль «Западных песнопений».....
386

19.3 Китайские и западные различия и культурные искажения.....
388

19.4 Исторические особенности западного мировоззрения Пань Юду..... 392

Глава 20 История китайских рабочих в Наньяне в современное время..... 399

20.1 Исторические предпосылки торговли «кули» (обманом и насилием завербованный для полурабского труда в чужой стране).....
399

20.2 Учреждения и деятельность в сфере торговли кули.....
405

20.3 Условия жизни «кули» китайских рабочих.....	423
20.4 Борьба «кули» китайских рабочих против своих эксплуататоров.....	434
20.5 Заключение.....	436
Глава 21 Прибрежный район Южно-Китайского моря.....	439
21.1 Культура Линьнань и море.....	440
21.2 Процветание «Дороги Гуанчжоу к морю и варварам».....	442
21.3 Морские изменения и встреча Китая с морем.....	445
21.4 Линьнаньские пионеры, вышедшие на мировой уровень.....	449
Заключение.....	451

Глава 1

Форма и предмет дани девяти фамилий Ху династии Тан

Девять фамилий согдийцев (также называемых Девятью племенами Чжаову) были хорошо известны тем, что «умели вести дела». Торгуя по всей Центральной, Западной и Восточной Азии, они были названы «финикийцами внутренней Азии». Наследуя традиции древних согдийских предпринимателей, которые торговали «во имя выплаты дани» («Ханьшу» том 96 «Записи о Западном крае»), они пересекали пустыни на верблюдах или лошадях, отправляясь на Восток для

коммерческой деятельности. С начала до середины периода Тан они продолжали платить дань в течение более 100 лет. Их разнообразные и обильные дани заслуживают тщательного текстологического исследования и интерпретации. Во-первых, во времена династий Хань и Тан общепринятой практикой было то, что согдийские купцы также были послами дани. Контакты между Девятью фамилиями и империей Тан осуществлялись в основном через «выплату дани» и «получение подарков». Поскольку «ведение дел» осуществлялось под прикрытием «выплаты дани», предлагаемые ими товары приобретали двойное назначение — они были и особым торговым товаром, и подарком. Таким образом, изучая товары для дани, мы можем получить косвенное и богатое экономическое понимание структуры торговли. Во-вторых, дани Девяти фамилий включали как продукцию местного производства, так и товары для перепродажи, причем последние составляли большую долю. Эти эффектные и разнообразные «экзотические сокровища» не только отражали связь между согдийскими государствами в Центральной Азии и такими странами, как Фулин, Персия и Индия, но и показывали масштабы и характеристики товаров, находившихся в обращении во внутренней части Азии в раннем средневековье. Наконец, дани, поступавшие в империю Тан, также распространялись из императорского дворца во внешний двор, некоторые из них имитировались и становились товарами для повседневного использования (например, вино и каменный мед), обогащая жизнь династии Тан. По сути, история дани была историей материального и культурного обмена. Это сложная область, требующая широкого круга знаний. Ниже приводится мое предварительное исследование на эту тему.

1.1 Маршрут и частота дани

Бао Фан, императорский ученый (цзиньши) (прим. переводчика — высшая учёная степень в системе государственных экзаменов кэцзюй) в поздние годы правления Тяньбао (прим. переводчика — девиз правления танского Сюаньцзуна, с 742 по 756 гг. н. э.), в своей поэме «Случайные отрывки» описал великолепную картину приношения дани: «В империи Хань долгое время царил мир, и короли из многочисленных вассальных государств приезжали ко двору, чтобы поклониться императору. Царские лошади постоянно жуют люцерну, привезенную из-за границы, согдийские купцы ежегодно платят дань восхитительными винами».[1] Несмотря на краткость, эти строки содержат три основных вопроса: маршрут, частота и продукт дани. В этом разделе мы начнем с обсуждения первых двух, а затем перейдем к последнему.

В период Тан маршрут дани Девяти фамилий Ху начинался из Трансоксианы в Центральной Азии, проходил через реку Суйе (прим. переводчика — Ак-Бешимское городище), Иссык-Куль (Жэхай), большую пустыню (Даци), в коридор Хэси и, наконец, в Чанъань. Разнообразные горы и реки образовывали сложный географический барьер на этом пути, о котором можно получить приблизительное представление из статьи Цзя Даня «Вступление на западные территории через протекторат Аньси» (в «Синь Таншу» (прим. переводчика — «Новая история династии Тан», составлена Оуян Сю), том 43). Помимо суровых природных условий, на части этого даннического пути часто встречались разбойники, поэтому Девяти фамилиям Ху пришлось синхронизировать графики своих притоков и организовать в караван, чтобы обеспечить безопасное путешествие. С точки зрения мест торговли, с запада на восток, три города Суйе, Гаочан (прим. переводчика — китайское название государства Турфан) и Лянчжоу имели самую тесную связь с доставкой дани.

Суйе, водный город, находился в Ак-Бешиме на территории современной Кыргызской Республики.[2] Это был торговый город, где «смешивались купцы из разных стран» («Записи о Западном крае династии Тан», том 1), а также главная столица «десяти ханских племен с разными фамилиями Янтин» (Западно-тюркский каганат). В 679 году, знаменитый полководец танского двора, разбил одно из племен под предводительством Ашина Дучжи, а его заместитель полководец Ван Фанъи заново отстроил город Суйе. Как говорится в «Биографии Ван Фанъи» («Ван Фанъи чжуань») в Новой книге Тан: «На завершение проекта ушло пятьдесят дней. С каждой стороны есть по трое ворот. Город настолько извилист и кругообразен, что сбивает с толку тех, кто приезжает и уезжает». Иностранцы из западных областей внимательно изучали город, но не могли понять его замысел, поэтому все они пришли, чтобы предложить свои сокровища». Благодаря смешанной резиденции иностранных купцов и накопленным сокровищам, Суйе занимал особое положение на пути дани из западных регионов. Из-за его важности Танский двор однажды назначил туда комиссара обороны (чжэньшоу ши). В то время в домах богатых семей и видных чиновников даже служанки или слуги были родом из Суйе. В пяти балладах Жунь Юй под названием «Горе», («Кузайсин»), в третьей из них приводится такая строка: «В прежние годы я покупал слуг, приезжавших из Суйе». Это стало возможным, вероятно, из-за хаотичной политической ситуации в Суйе. «Вдоль тысячи миль реки Суйе расположились десятки тысяч тюркских воинов, носящих разные фамилии. Теперь все

крестьяне одеты в доспехи, грабят друг друга и превращают других людей в своих рабов-слуг». («Синь Таншу», том 221, «Записи согдийцев»).

Другим ключевым пунктом на пути западной дани был Гаочан, расположенный в 4300 милях от Чанъани, и как пограничный город, здесь использовался как китайский, так и местный язык. «Поскольку в последние годы правления династии Суй начались социальные потрясения, вход в большую пустыню был закрыт, поэтому всем чиновникам, получавшим дань из западных областей, приходилось объезжать Гаочан» («Цзю Таншу» (прим. переводчика — «Старая история Тан» — история династии Тан), том 198, Повествование о Яньци). (Неудивительно, когда Сюаньцзан отправился на запад за буддийскими писаниями, король Гаочана мог написать для него 24 дипломатических письма, что позволило ему проехать через 24 государства Западных регионов. Как центральный город, Гаочан не только облегчал передачу дани танского двора, но и способствовал сбору налогов. Более того, его особое расположение позволило ему стать «наблюдательным пунктом» империи Тан, так что королевские члены Гаочана могли «сообщать обо всех передвижениях государств Западных областей в памятной записке без каких-либо задержек» («Цзю Таншу» (прим. переводчика — «Старая история Тан» — история династии Тан), том 198, Повествование о Гаочане). Только после этого, царь Цюй Вэнтай восстал против сюзеренитета Тан. Он приказал своим людям «грабить согдийских купцов и блокировать дань». Затем в 640 году император Тайцзун послал армию разгромить Гаочан и превратил его в Сичжоуское командование (Сичжоу дуду фу).[3] Среди документов, обнаруженных в Турфане в последние годы, есть два досье которые свидетельствуют о том, что Сичжоу при династии Тан функционировал как связующий город на маршруте сбора дани, как и Гаочан при правлении семьи Цюй, в котором наблюдался бесконечный поток купцов и торговцев. Один из них — договор о продаже верблюдов в 673 году, подписанный в Сичжоу «согдийским купцом, ведущим дела, по имени Кан Вупоян из государства Кан (Самарканд)».[4] «А в другом случае речь идет о деле, в котором проживающие купцы, такие как Геча и другие, «перевозя свои хозяйства в танскую столицу», просили чиновников Сичжоу выдать им «проездной билет». Эти материалы показывают, что Сичжоу при династии Тан служил как перевалочный пункт на маршруте дани в Западном краю, и все еще был наводнен купцами и торговцами, как и в эпоху Цюй Ши в Гаочане.

Лянчжоу на западе реки, также известный как Увэй и Гуцзан, был важным городом в коридоре Хеси, местом, где чиновники

из Девяти фамилий Ху должны были проходить по пути за данью.[5] Слово Кс'п в древних согдийских текстах Сутэ является транслитерацией слова «Гуцзан». Согласно записям «Сутэ» в «Истории Вэй (прим. переводчика — историческая хроника династий Северная Вэй (386-535) и Восточная Вэй (534-550) в Китае) – Записи о Западном Крае», уже в середине V века «купцы их страны отправились в Лянчжоу для торговли». В начале правления династии Тан, когда Сюаньцзан проезжал мимо этого места перед выходом с пограничного перевала, он был глубоко впечатлен: «Как региональная столица коридора Хеси, Лянчжоу граничит с западными регионами и связывает страны к западу от Конглинга [Памира], и сюда нескончаемым потоком прибывают и прибывают купцы» («Жизнеописание досточтимого Трипитаки храма «Великий благодетель» том 1). Странствующие торговцы из Девяти фамилий Ху жили в Лянчжоу в виде кланов, образуя переплетающиеся группы, среди которых особенно славился клан Ань. Во второй год правления императора Император Су-цзун династии Тан (прим. переводчика — 711-762 гг, личное имя — Ли Хэн) (757 г.): «После того как Гай Тинлун, военачальник (бинмаши) Хеси, объединился с Ань Менву, купцом из Девяти фамилий Ху в Увэй [Лянчжоу], и некоторыми другими людьми, они убили Чжоу Ми, военного комиссара (цзедуши), и собрали толпу в 60 000 человек. В пределах города Увэй есть семь небольших городов, и согдийцы заняли пять из них» («Всеобщее зеркало, управлению помогающее», (прим. переводчика — историко-энциклопедическое сочинение назидательно-утилитарного характера), том 219). Этой записи достаточно, чтобы показать, что Девять фамилий Ху сыграли решающую роль в городе Увэй.

В период правления династии Тан, хотя Девять фамилий Ху не платили дань по регулярному графику и не существовало фиксированного обычая, определяющего периодичность выплаты дани, общее количество дани было довольно внушительно. Основываясь на соответствующей информации, полученной от «Изначального зеркала книгохранилища, Сокровища библиотек» (прим. переводчика - историческая энциклопедия) (в следующей таблице я привожу список государств-союзников, время выплаты дани, имена посланников и точные суммы дани. Примечание: Те, что отмечены звездочкой (*), являются записями, добавленными из «Синь Таншу»:

Список дани девяти фамилий Ху при династии Тан

Притоковое государство Китая (старое)	Период дани
Канджоу	Июнь седьмого года правления Гаоцзу У Дэ (62)
Канджоу	июль
Цао	июль
Канджоу	девятый год (626) декабрь
Кушания	Пятый месяц первого года правления короля Та
Канджоу	Май
Ши (Ташкент)	8-год (634) декабрь
Канджоу	9-год (635) (месяц отсутствует)
Канджоу	11-год (637)(месяц отсутствует)
Ань	12-год (638) ноябрь
Канджоу	13-год (639) февраль
Канджоу	16-год (642) первый месяц
Цао	первый месяц
Ши	17-год (643) первый месяц
Канджоу	18-год (644) первый месяц
Канджоу	19-год (645) первый месяц
Канджоу	20-год (646) первый месяц
Ши (Ташкент)	21-год (647) первый месяц
Ши (Ташкент)	первый месяц
Канджоу	22-год (648) первый месяц
Канджоу	первый месяц
Ши (Ташкент)	23-год (649) второй месяц
Ань	Десятый месяц третьего года правления короля
Цао	4-год (653) одиннадцатый месяц
Цао	5-год (654) 4-месяц
Цао	4-месяц
Канджоу	4-месяц
Ань	Третий месяц второго года правления Сяньхэна
Канджоу	10-месяц первого года правления Тиаолу (679)
Канджоу	9-месяц первого года правления Юнчунь (682)
Ши (Ташкент)	4-месяц второго года правления императора У
Ань	6-месяц третьего года правления императора Ч
Канджоу	3-месяц пятого года правления императора Сю
Ань	6-год(718)2-месяц
Канджоу	2-месяц
Ми	4-месяц
Ши (Ташкент)	(месяц отсутствует)
Ми	
Канджоу	
Ань	7-год (719) 2-месяц
Канджоу	2-месяц
	8-год (720) 12-месяц
Ши (Ташкент)	9-год (721) 2-месяц
Ши (Ташкент)	12-год(724)4-месяц

Канджоу	14-год(726)2-месяц
Ань	5-месяц
Ань	
	11-месяц
Канджоу	15-год(727)5-месяц
Канджоу	5-месяц
Ши	5-месяц
Ань	7-месяц
Ши	11-месяц
Ми	16-год(728)4-месяц
Ми	
	17-год(729)первый месяц
Ми	
	18-год(730)4- месяц
Ми	
	4- месяц
Ши (Ташкент)	28-год(740)10- месяц
Ань	10- месяц
Канджоу	29-год(741)3- месяц
Ши	3- месяц Первого года правления Тяньбао(742)
Цао	3- месяц
Ши (Ташкент)	2-год(743)12- месяц
Ши (Ташкент)	
	3-год(744)3-месяц
	7-месяц
Ань	7-месяц
Канджоу	7-месяц
Ши	7-месяц
Западный Цао	7-месяц
Ми	7-месяц
Ши (Ташкент)	
Ши (Ташкент)	4-год(745)7-месяц
Ань	7-месяц
Ши (Ташкент)	5-год(746)3-месяц
Ши (Ташкент)	
Ши	високосный 10-месяц
Ми	високосный 10-месяц
	високосный 10-месяц
Ши (Ташкент)	
Ши (Ташкент)	пятый месяц 6-года(747)
Канджоу	8-месяц 8-года(749)
Ань	первый месяц 9-года (750)
Хосюнь	первый месяц
Канджоу	9-месяц 10-года (751)

Ань	9-месяц
Канджоу	9-месяц 10-года (751)
Хосюнь	12-месяц 11-года (752)
	5-месяц 12-года (753)
Ань	
Ши (Ташкент)	седьмой месяц
Ми	12-месяц
Канджоу	4-месяц 13-года (754)
Канджоу	седьмой месяц
Хосюнь	3-месяц 14-года (755)
Цао	3-месяц
Канджоу	3-месяц
Ань	6-месяц первого года правления императора Су
Ши (Ташкент)	3-месяц 2-года (759)
Канджоу	12-месяц первого года правления Баоин (762 г.
Ми	12-месяц седьмого года правления Да Ли корол
	12-месяц

Как видно из приведенной выше таблицы, Девять фамилий Ху начали выплачивать дань в 624 году, а прекратили в 772 году, в общей сложности 94 дани за 150 лет. Что касается государств-притонов, то порядок следующий: Кан (Самарканд) 32 дани, Ши (Чач) 19 даней, Ань (Бухара) 16 даней, Ми (Маймург) 10 даней, Цао (Кабудхан и Ишитихан) 8 даней, Ши (Кеш) 5 даней, Хуосунь (Хваразм) 3 дани и Хэ (Кушания) одна дань. Из согдийских государств только Уди не был записан. В предыдущем списке Самарканд занимает первое место среди девяти фамилий, на его долю приходится около трети дани. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, Самарканд был ядром согдийских городов-государств, как объясняется в «Записях Великой Тан о западных областях» (Да Тан Сиюй Цзи): «Из всех согдийских государств это сидит в центре, и все другие государства, ближние и дальние, подражают его манере и стилю». Во-вторых, Самарканд уделял первостепенное внимание коммерческой деятельности. Согласно Всеобъемлющим установлениям (Тонгдиан), «люди в Самарканде умеют вести дела. Когда мальчику исполняется пять лет, его отправляют учиться. После получения основ его отправляют обратно, чтобы он изучил, как управлять бизнесом. О том, хорошо ли работает человек, судят по полученной им прибыли». Это объясняет, почему этот крупный торговый город-государство был в авангарде торговли

данью и контактов с Танским двором.

С точки зрения времени дани, Девять фамилий Ху появляются с наибольшей частотой в период правления императора Сюаньцзуна из династии Тан с 717 по 755 год, в общей сложности 56 поездок, что составляет около 60% от общего числа посещений. Это заметное историческое явление обычно объясняют реакцией иностранных государств на «Процветающий период Кайюань и Тяньбао», как показано в стихотворении Бао Фана. Оно гласит следующее: «В империи Хань долгое время царил мир, короли из многочисленных вассальных государств приходили ко двору и кланялись императору». Аналогичным образом, в своей книге «Подлинные записи, переданные в эпохи Кайюань и Тяньбао» Чжэн Ци также рассматривал неоднократные визиты вассальных государств как признак мирного мира, где «Желтая река чиста, а море спокойно». На самом деле существует и другая мотивация, объясняющая, почему Девять фамилий Ху часто платили дань в первой половине восьмого века. Она связана с вторжением арабов в Трансоксиану в Центральной Азии. Если мы посмотрим на письма о дани, отправленные согдийскими царями тангскому двору, то сможем составить представление об их бедах.

1.2 Анализ записей о дани

В документах, хранящихся в Танском правительстве, все письма о дани Девяти фамилий Ху относятся к периоду правления Сюаньцзуна (712-755 гг.) и были отправлены соответственно государствами Ань (Бухара), Кан (Самарканд), Ши (Чач) и Цао (Кабудхан). Мы приводим содержание этих писем в хронологическом порядке, а затем кратко анализируем каждое из них.

(1) Письмо о дани от Тугшады, царя Бухары, в седьмой год Кайюань (719), второй месяц:

От Тугшады, одного из миллионов травоподобных рабов в степи, Вашему величеству, небесному владыке, управляющему всем миром, императору добродетелей и мудрецу. Преклонив колени, я приношу свои благословения в далеком краю так же, как воздаю почести богам. С момента основания царства Ань (Бухара) шли бесконечные бои за царствование, но и воины, и мирные жители нашей страны были искренне преданы Вашему Величеству. Теперь, потревоженные арабскими разбойниками, на этой земле нет покоя. Сегодня я падаю на колени и умоляю Ваше Величество Императора проявить милосердие и освободить нас от страданий. Пожалуйста, прикажите тюргешам прийти к нам на помощь. По их прибытии

я немедленно приму командование над своими войсками, и мы непременно победим арабов. Я искренне прошу Ваше Величество удовлетворить мою просьбу. Настоящим я дарю двух персидских лошадей (лу), одну фулинскую вышитую кюсю, 30 цзиней тюльпанов и 100 цзиней сырого каменного меда. Кроме того, поскольку я уже получил право носить официальное пурпурное одеяние (прим. переводчика — в династиях Тан и Сун цвет формы чиновника был определен как пурпурный для тех, кто выше третьего ранга, и фиолетовый для тех, кто ниже третьего ранга, известный как «заимствованный пурпур»), я смиренно прошу Ваше Величество пожаловать мне титул чиновника третьего ранга (санпин). Также моя жена, бухарская хатун (кедун), посылает императрице два больших таби-кюсю и один вышитый кюсю. Если я могу получить милость от Вашего Величества, прошу наградить меня седлами, уздечками, вожжами, царскими регалиями, халатами и поясами, а моей жене подарить одежду и косметику. («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 999).

Эта просьба о помощи была отправлена в конце правления царя Тугшады I (Тукаспада I, 700-720 гг.), который был казнен арабскими завоевателями в 727 году. В этом письме выражается настоятельное желание использовать влияние танского двора для организации войск, совместной военной силы Тюргеша и Бухары, для борьбы с арабами. В этом письме царь Тугшада называет себя «одним из миллионов травоподобных рабов степи», что на согдийском языке является очень скромным способом обращения к себе. То же самое можно найти в следующем письме, где царь Самарканда обращается к себе как к «одному из миллионов травоподобных рабов под копытами лошадей», что в оригинальном согдийском языке буквально означает «ничтожный раб».[6]

(2) Дань-письмо от Гурака, царя из Самарканда в седьмом году Кайюаня (719 г.), второй месяц:

От Гурака, одного из миллионов травоподобных рабов под копытами лошадей, до Вашего Величества, небесного владыки, управляющего всем миром. Моя страна и другие согдийские государства были искренне преданы Вашему Величеству, делая то, что хорошо для империи Тан, никогда не восставали и не посягали на Ваши границы. За последние 35 лет, когда арабские разбойники начинали против нас войну, мы собирали военные силы для борьбы, никогда не беспокоясь о том, чтобы Ваше Величество послало солдат нам на помощь. Шесть лет назад арабский верховный главнокомандующий Кутайба ибн Муслим привел сюда свои войска. Мы храбро

сопротивлялись вторжению, но многие из моих солдат были ранены и убиты. Поскольку арабы несоразмерно превосходили нас числом, мы не видели перспективы выиграть войну. Мы отступили в город для самообороны, но они окружили город 300 повозками с камнями и даже трижды проходили через наши оборонительные ямы, пытаясь ворваться в город. Я умоляю Ваше Величество Императора, ознакомившись с этими обстоятельствами, послать часть своих войск, чтобы выволить нас из беды. У этой арабской империи было всего сто лет, чтобы стать сильной, и в этом году исполнится сто лет. Если танские войска придут нам на помощь, мы, несомненно, сможем победить арабов. Настоящим я дарю Вашему Величеству одного хорошего коня, одного персидского верблюда и двух персидских лошадей (лу). Если я смогу получить добрую милость от Вашего Величества, прошу оставить награды для меня с моими посланниками. Желая, чтобы в будущем не было нашествия на мою страну. («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 999).

Очевидно, что в этом письме дани уважения рассматривается история борьбы Девяти фамилий Ху против нападения арабов. Ссылаясь на некоторые западные документы и найденные культурные реликвии, мы даем здесь краткую интерпретацию.

Во-первых, временная фраза «за последние 35 лет» относится к кампании 683 года, когда правитель Хурасана Салм ибн Зияд (известный в арабских документах как его персидское имя Салм) вторгся в Бухару. Чтобы спасти свою страну, хатун Бухары предложила Тархуну, царю Самарканда, «стать его женой» в обмен на его помощь.[7] С тех пор огонь войны распространился с запада Согдианы на восток.

Во-вторых, вышеупомянутый Кутайба ибн Муслим (также известный как эмир Кутайба), также был известным полководцем в арабском завоевании Трансоксианы. «Шесть лет назад» указывает на падение столицы Самарканда в 712 году, за шесть лет до написания этого письма о дани. Здесь Гурак неясно говорит о своей капитуляции перед Кутайбой. На самом деле условия мирного договора, который он был вынужден подписать с Кутайбой, были четко зафиксированы в персидском документе, найденном в Турции в 1936 году. В этом договоре оговаривалось, что Самарканд должен заплатить два миллиона серебряных монет и эквивалентную цену в 3000 рабов (каждый стоимостью 200 серебряных монет), а также политически принять защиту Кутайбы.[8] Не желая быть униженным, Гурак вскоре вывел своих последователей из своей страны и нашел убежище в государстве Цао (Кабудхан). Во время своего изгнания он

платил дань и одалживал «танские войска», что на самом деле является частью его плана реставрации.

В-третьих, больше подробностей о «камнеметных повозках», использовавшихся арабами в войне, можно увидеть на одном из фрагментов фрески, найденной в 1970 году на развалинах Панджикента в Средней Азии, который находится примерно в 60 километрах к востоку от современного Самарканда. Изображая сцену запуска «повозки для метания камней», эта фреска четко показывает ее структуру — опорную раму, катапульту и пять буксировочных тросов, которые тянут пять стрелков. По своей структуре это требюше китайского типа, похожее на однобашенную пушку из «Полного собрания сочинений военной классики» (прим. переводчика — китайский военный трактат 1044 г.). Что касается этнической принадлежности пяти стрелков, то, судя по стилю одежды и внешнему виду, они не являются ни китайцами, ни арабами, ни согдийцами. Скорее всего, это коренные жители Передней Азии, которые сдались арабам.[9]

В-четвертых, что касается утверждения «У этой арабской империи было всего сто лет, чтобы стать сильной, и в этом году будет 100-й», то, вероятно, отсчет ведется по календарю хиджри, который начался в 622 году, 16 июля, когда Мухаммад и его последователи переселились из Мекки в Медину. Получается, что на момент написания письма-дани прошло всего 97 лет. Но поскольку исламский календарь не включает високосные годы, а на каждые 30 лет приходится один год разницы, это можно считать «сто лет». Основываясь на этом изречении, можно предположить, что в антизавоевательном движении Девяти фамилий Ху в начале восьмого века было в ходу пророческое высказывание о том, что «Арабская империя закончится через 100 лет», выражающее их надежду на восстановление своих стран. Это политическое пророчество, вероятно, распространяли зороастрийские жрецы, которые хорошо умели «проклинать через огонь».

(3) Письмо с данью пришло от Ина Тудун Кулэ, царя Ши (Чач), в 29-м году Кайюань (741 г.):

На протяжении тысяч поколений мы были верны Танскому двору, как и тюргешский хан, который был искренен с вами. Теперь все княжества подчинены. Когда-то тюргеши предали Ваше Величество — Тенгри Каган, и они стали жгучей проблемой под ногами Вашего Величества. Теперь, когда тюргеши сдались Тенгри Кагану, единственной угрозой стали арабы на западе, но их сила еще не превзошла силу тюргешей. Поэтому я прошу Ваше Величество не оставлять тюрков в стороне. Вместе мы

сможем победить арабов, и тогда все вассальные государства, естественно, покорятся и уйдут с миром». (Тан Хуэй Яо, том 99).

Столкнувшись с угрозой со стороны арабской империи, подобно бухарскому царю, царь Чача также предложил объединиться с тюрками. Девяти фамилиям Ху в середине восьмого века это казалось единственной стратегией для достижения «мирного подчинения и отставки всех вассальных государств».

(4) Письмо с данью пришло от Гелуопулу, царя Цао (Кабудхан), в четвертом году Тяньбао (745 г.):

Со времен наших предков мы были верны Тенгри Кагану. Имея за плечами историю порабощения, мы умоляем Ваше Величество принять наши земли в качестве одной из малых префектур империи Тан. Если мы будем нужны в вашем распоряжении, мы будем от всего сердца преданы и будем сражаться за империю. («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 977).

Царь Цаого, Горобулу, или Хара — Бугра, как он известен в арабской истории, был сначала царем Восточного Цао (720-740), а затем Западного Цао (740-760). Когда он просил, чтобы с его страной обращались как с «одной из малых префектур империи Тан», он на самом деле надеялся освободиться от арабской угрозы. То, что он подразумевал под «борьбой за империю», на самом деле является антизавоевательным желанием.

Из анализа вышеупомянутых форм дани становится ясно, что Девять фамилий Ху возлагали свои надежды на защиту и восстановление своих стран на династию Тан. Независимо от того, объединяться ли с тюрками или заимствовать войска у империи Тан, они должны были получить одобрение китайского императора. Поэтому, в отличие от обычной коммерческой торговли «во имя уплаты дани», кульминация дани Девяти фамилий Ху в период правления Сюаньцзуна (712-755) была результатом политических потрясений в Центральной Азии того времени. Именно в первой половине VIII века арабы постепенно установили свое господство над Трансоксианой в Центральной Азии: в 706-709 годах они завоевали Бухару, в 710-712 годах — Хваразм и Самарканд. Затем в 751 году Чач также потерял свою независимость. [10] В некотором смысле, эта волна «священной войны», прокатившаяся по городам-государствам Согдианы, подтолкнула согдийских посланников/кузнецов из западных областей на дорогу дани, чтобы искать привязанности к империи Тан. Некоторые из них оказались «согдийскими гостями», которые жили в Чанъане и нуждались в провизии от Государственного церемониального двора для своего

проживания. («Всеобщее зеркало, управлению помогающее», Статья «3-й год правления Чжэньюаня» (прим. переводчика — 785–805 гг., девиз правления танского императора Дэ-цзуна)).

Трудно сделать точный анализ списка дани девяти фамилий Ху (с девятнадцатого по двадцать седьмой годы эпохи Кайюань дани не встречаются, так что, должно быть, была нехватка дани), поскольку доступны только десять имен, перечисленных выше. Однако общее представление получить все же можно: во-первых, самый высокий ранг данников занимает брат одного царя и зять другого царя; Во-вторых, посланники Самарканда, Бухары, Кеша и Маймурга получили приказ явиться ко двору Тан после того, как их страны были разрушены, поэтому вполне вероятно, что они представляли свое правительство в изгнании или силы, желавшие восстановить свою страну. В-третьих, хотя не сохранилось сведений о том, сколько человек входило в одну делегацию, можно предположить, что она была размером с караван. («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 971) В 753 году «третье племя карлуков отправило посланников для выплаты дани. Всего их было 130 человек. Их разделили на четыре команды, которые одна за другой входили в императорский двор». Для делегации из западных регионов их «лидер» был также «купцом», что свидетельствует о неясной, но поддающейся расшифровке интеграции двух идентичностей в одну. Как отмечает Эдуард Шаванн в четвертом томе «Документов о западных тюрках», «если посланники, прибывшие в Китай для выплаты дани в то время, не говорили четко, какой царь их послал, то возможно, что они были скорее купцами-караванщиками, чем посланниками».

Подношения посланников должны были быть проверены и оценены официальными учреждениями. В «Трактате о чиновничестве» («Байгуань чжи») Новой книги Тан, том 48, есть четкая запись о конкретных правилах: «Подданные лошади осматриваются Дворцовым управлением (Дяньчжун Шэн) и Двором императорской конюшни (Тайпу Си). Хороших отправляют в первую, а старых и больных — во вторую. Подданные лекарства, после осмотра в Государственном церемониальном суде, оцениваются Управлением императорских мануфактур (Шаофу Цзянь) (прим. переводчика - придворный чин). Поскольку орлы, соколы, собаки и гепарды не могут быть оценены, решение о том, ценны они или нет, оставляют на усмотрение Государственного церемониального суда. Все переносные предметы дани гости показывают императору. Что касается верблюдов и лошадей, то их ведут в императорский двор для показа. Подношения, которые недостаточно хороши,

чтобы быть предложенными императору, отправляются в префектуры или уезды.»

1.3 Приметы

Начиная с династий Хань и Вэй, существовали некоторые заметные различия между иностранной данью и внутренней данью. Хотя первая функционировала как коммерческий обмен, предлагались не одежда, еда или утварь для повседневного использования, а скорее «особые предметы старины», «знаменитые сокровища», «экзотические продукты» или «потрясающие навыки» из далеких мест. Подношения от Девяти фамилий Ху в период династии Тан не выходили за рамки этой классификации. Поскольку карлики и согдийские танцовщицы в категории «потрясающие умения» были подношениями, их не следует ставить рядом с предметами подношений; здесь мы ограничиваем свое обсуждение другими шестью категориями: животные, растения, минералы, текстиль, утварь и пища, и выборочно объясняю звучание и значение, свойства, а также использование некоторых из этих подношений.

1. Животные

1) Лев. Лев в согдийских текстах пишется как «Srrw». Самарканд был известен как родина среднеазиатских львов. Как сообщается в Книге Вэй: Записи о западных регионах (Вэй Шу: Сиюй Чжуань): «Государство Сиванцзин [Самарканд] со столицей в городе Сиванцзин [Самарканд] расположено к западу от Мими [Маймург], примерно в 12 700 ли от государства Дай. К югу от Самарканда находятся горы Газны, где водится много львов. Каждый год львы приносятся в жертву императорскому двору». Это показывает, что когда Самарканд предлагал дань львов Танскому двору, они действительно следовали принятой практике. Львы должны быть приручены перед тем, как их принесут в жертву. Что касается навыков укрощения львов в древней Центральной Азии, Чэнь Чэн в своем отчете «Записи об иностранных государствах западных областей» («Сиюй Фанго Чжи») записал следующее: «Лев обычно рождается в камышах реки Амударья. Говорят, что она не открывает глаза в течение семи дней. Для тех, кто хочет поймать и приручить его, лучше всего брать его, когда глаза еще закрыты. Когда лев вырастет, его будет трудно приручить, так как он становится свирепым и жестоким». Поскольку дань-льва дрессировали, а его дикая природа была несколько сдержана, то «в конце периода Кайюань дань-льва из западных областей» могли «привязать к дереву перед конной станцией, когда он достиг западной дороги Чаньани». Тем не менее, львы — плотоядные животные. Говорят, что «за один день лев съедает двух живых

овец. Он также выпивает по две бутылки: уксуса, горького вина, медового сыра». Таким образом, даже если дань льву была приручена, все равно прокормить его на протяжении 10 000 ли пути было изнурительной работой. В 635 году, когда Самарканд предложил своего первого дань-льва Танскому двору, «император Тайцзун так дорожил этим даром издалека, что приказал директору дворцовой библиотеки (Мишу Цзянь) Юй Шинаню сочинить рапсодию». Но в отношении более поздних даров льва придворные министры стали высказывать свои возражения. Например, в третьем месяце 696 года Яо Шу в своем мемориале «Прошу отклонить дани львов, предложенные государством Ши [Чач]», указал, почему оно не подходит для получения дани: «Львы — свирепые хищники. Перевозить их из Суйе в нашу столицу и кормить их здесь слишком дорого». Хотя это предложение было принято императрицей У Цзэтянь, ее внук император Сюаньцзун не последовал ее примеру. В двух случаях он принял подношение львов от Девяти фамилий, соответственно в 15-м [727] и 17-м [729] годах эры Кайюань. Более подробную информацию о львах в Китае можно найти в главе «Лев в Хуася (Китай)» (прим. переводчика – древнее название Китая) этой книги».

2) Лошади. Девять фамилий Ху в десяти случаях приносили в дар танскому двору лошадей, которые возглавляли список подношений. Поскольку западные регионы были местом, откуда «приходят хорошие лошади», мы можем прочитать в стихотворении Бао Фана «Королевские лошади постоянно жуют люцерну, привезенную из-за границы», что намекает на то, что происходило в период Тан, ссылаясь на ситуацию в династии Хань. В других танских стихотворениях, например, в «Песни для измученного жеребца» Цяо Чжичжи («Лэйцзюнь Пянь»), также есть описания дани лошадям: «Изрыгая белоснежную слюну и издавая протяжный шипящий звук, ты проделал путь с северо-запада, называя себя предтечей сегодняшнего дракона. В благодарность за это ты прошел десять тысяч ли, чтобы достичь ворот Запретного города, где девятирусный императорский дворец открыт для тебя во всех отношениях». (Стихи Цюань Тан, том 2, № 3, стр. 81) Здесь «предтеча дракона» относится к чистокровным лошадям из Самарканда. Как объясняется в записи под названием «Маркировка лошадей из иностранных государств» («Чжифань Майинь») в Институциональной истории Тан (Тан Хуйяо), том 72, «Лошади из Самарканда в Согдиане — это ферганские лошади. Они отличаются огромными размерами. В эпоху Вудэ [618-626] Самарканд привез 4 000 лошадей в качестве дани. Официальные лошади, используемые сегодня, в основном

потомки этой породы».[11] Здесь необходимо отметить, что, хотя «выдающиеся лошади», подаренные Самаркандом в 626 году, могли быть использованы в качестве жеребцов, ни в каких других документах нет подобных записей об этих «четыре тысячи лошадей», поэтому в записи «сорока» как «четыре тысячи» может быть ошибка. На самом деле, дань с девяти фамилий Ху всегда приходила небольшими партиями, от двух до нескольких сотен лошадей. Эти ограниченное количество лошадей из Самарканда не использовались для почтовой службы, не участвовали в военных походах, а запрягались в Бюро императорской конюшни (Шанчэн Цю) при Дворцовом управлении для службы императору, или тренировались как «лошади для игры в мяч» или «лошади для танцев».[12] Две императорские лошади императора Сюаньцзун — «Нефритово-цветочная пибальдовая лошадь» и «Ночная сияющая белая» — были неизвестного происхождения, но из поэмы Ду Фу «Баллада о пибальдовой лошади» можно сделать вывод, что пибальдовые лошади происходили из Центральной Азии, так как в поэме упоминаются «пибальдовые лошади ферганской породы». О том, как обучать данных лошадей танцевать, говорится в книге Чжэн Чухуэй «Разные записи императора Мин: Дополнения» содержится подробный рассказ: «Император Сюаньцзун однажды приказал людям тренировать лошадей для танцев, 400 копыт [100 лошадей], стоящих слева и справа, разделенных на разные части и названных «Чья-то любимая» или «Чья-то гордость». В то время были также хорошие лошади, прибывшие из регионов за Великой стеной. Его Величество попросил людей обучить их, и все лошади танцевали под чудесную музыку. Тогда было постановлено, что эти лошади должны быть одеты в вышивку, украшены золотыми и серебряными украшениями, а их гривы должны быть декоративно украшены жемчугом и нефритом. Танцуя под мелодию «Удовольствие наливать из чашки» («Цин бэй лэ»), которая имеет около 10 оборотов, лошади трясли головами и виляли хвостами, двигаясь вверх-вниз, влево-вправо, повторяя ритм. Иногда устанавливалась трехъярусная платформа из деревянных досок, и тогда лошадь поднималась на нее, вращаясь, как в полете. В другое время очень сильный мужчина поднимал кушетку, на которой лошадь могла танцевать. Вокруг них стояли музыканты, все молодые и красивые парни, каждый из которых был одет в бледно-желтый халат с нефритовым поясом на талии. В «Праздник тысячи осеней» [день рождения императора] лошадей выводили танцевать перед Залом ревностного управления. Позже Его Величество переехал в Шу и почтил это место своим присутствием, после чего все эти лошади были рассеяны по разным районам страны.

Недавно найденный серебряный кувшин эпохи Тан с кожаной сумкой, на котором выгравировано изображение танцующей лошади с развевающимися лентами на гриве и с чашкой во рту, согнутой в коленях, доказывает, что слова о танцующих лошадях, чьи «гривы должны быть украшены жемчугом и нефритом», соответствуют действительности. То же самое можно сказать и об описании Чжан Шуо в третьем стихотворении «Песни лошадей для танцев», сборника из шести стихотворений о лошадях — «Согнув колени и держа во рту чашу, лошади были представлены на месте празднования, чтобы преданно отметить день рождения императора».

3) Карликовые собаки из Самарканда. В эпоху Тан собаки, получавшие дань из Самарканда, назывались «Канго цзюньцзи» (карликовые собаки из Самарканда) и были игрушкой для придворных чиновников и знатных дам. Например, в один летний день в конце периода Тяньбао император Сюаньцзун играл в шахматы с одним из своих королей, а «императорская супруга Ян стояла в стороне и наблюдала за игрой. Когда император будет проигрывать, императорская супруга посадила цзюньцзи на край его сиденья. Собака прыгнула на шахматную доску, так что игра была испорчена, что очень обрадовало императора».[13] Эта ценная порода собак с Западного края всегда высоко ценилась, начиная с династий Тан и Сун и заканчивая династиями Мин и Цин, хотя их называли разными именами в связи с различными маршрутами доставки в Китай — по суше или по морю. Более подробно о них рассказывается в другой главе этой книги «Прослеживая историю собаки Хаппа». Также здесь следует кратко упомянуть о «двухголовой собаке», предложенной Бухарой. Как записано в томе 970 «Премьер-черепахи» Бюро записей: «В четвертом месяце 697 года Бухара предложила двухголовую собаку». Здесь квантификатор стоит перед существительным, поэтому то, что называется «двухголовая собака», на самом деле является сросшимся уродцем. Неудивительно, что это было воспринято как зловещее предзнаменование приближающегося правления императрицы У Цзэтянь, когда в одной стране будет два лидера. Как гласит старая поговорка, «из-за лишней головы вершина становится другой».

2. Растения

1) Золотой и серебряный персик. Самарканд был родиной цветов и фруктов в Центральной Азии, У китайского буддийского монаха Сюаньцзана в его книге «Великие записи Тан о западных областях» есть описание местного ботанического ландшафта: «Деревья роскошны и пышны, цветы и фрукты процветают».

Елюй Чу Цай также неоднократно вспоминал, что во времена династии Юань в западной провинции Хэчжун «белые цветы сливы и розовые цветы персика создают яркий мир перед моими глазами» («Собрание сочинений ученого Чжань Жань», том 5). Таким образом, персики Самарканда были среди подношений девяти согдийских фамилий Ху. На одиннадцатом году периода Чин-гуань (637 г.) «Самарканд предложил золотые и серебряные персики, и император издал указ, чтобы семена были посажены в дворцовом саду». Затем в 647 году придворный чиновник, следуя указу императора, внес золотой персик в каталог дани как «драгоценный фрукт», записав, что «Самарканд подарил желтые персики, каждый размером с гусиное яйцо. Поскольку они имеют золотистый цвет, их также называют золотыми персиками». В «Записях Согдианы» том 970 («Канцзюнь Чжуань») Комплексных учреждений, том 193, год записи золотого персика в каталоге дани ошибочно записан как год получения дани, поэтому эта запись не может быть принята в качестве доказательства. Учитывая тот факт, что персики издавна выращивались в Китае и были завезены в Индию еще до династии Тан, где они были известны на санскрите как «Чарви» (танский термин «Хань Чи Лай» в книге «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан», том 4), можно задать вопрос: почему к этим желтым и белым персикам из Самарканда танский двор отнесся так благосклонно, посеял их в императорском саду, а также занес в каталог дани? Хотя это может быть связано с их формой и цветом, более вероятно, что они апеллировали к национальной психике древних китайцев, поскольку считалось, что «свежие или кондитерские персики, предлагаемые в качестве подарка на день рождения» «обещают долголетие», «амулеты из персикового дерева» «отгоняют злых духов», а «персики бессмертия» даже делают человека «бессмертным».

2) Тюльпаны. Тюльпаны из Бухары были родом из шафрана. Согласно «Заметкам о цветах» в Собрании переводов буддийских терминов, том 3, «То, что называется Чацзюмо, на самом деле является тюльпанами. В «Обрядах Чжоу» говорится, что Юйжэнь, чиновник по ритуалам в министерстве Весны, использовал тюльпаны для приготовления вкусного вина. В книге «Объяснение единичных иероглифов и анализ составных иероглифов» говорится, что тюльпаны — это травянистые цветы, привезенные издалека, сок которых Юйжэнь добывает для добавления в вино, которое затем используется для приглашения духов или выражения почтения предкам». Этот вид ароматных цветов родом из Джибина (также переводится как «Тяпи», «Тяпиши» или «Каписа»). В китайской литературе

довольно подробно описаны его свойства и применение. В томе 14 «Сборника основы травоведения» цитируются «записи об особых продуктах Наньчжоу»: «Тюльпаны привозят из Каписа, где они посажены. Их используют в качестве подношения Будде, а через несколько дней, когда они завянут, их забирают. В это время цветы имеют только желтый цвет, похожий на молодой и нежный лотос в воде гибискуса. Они могут сделать вино более ароматным». Кроме того, в книге «Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 970, описывается сезон цветения тюльпанов и способ их посадки, ссылаясь на запись дани 647: «Листья похожи на листья корня офиопогона. Цветущие в сентябре, они похожи на водяной гибискус, имеют пурпурный или синий цвет и аромат, который можно почувствовать на расстоянии десяти шагов. Тюльпаны не плодоносят, хотя и цветут, поэтому те, кто хочет их посадить, должны выкопать корень». Что касается их использования в повседневной жизни народа Тан, то, помимо подношения Будде, тюльпаны имели две светские функции. Во-первых, они использовались в виноделии. Об этом свидетельствует стихотворение Ли Бая «Письмо гостя»: «Ланьлинское вино с соком тюльпана пьянит и благоухает, в нефритовой чаше оно прозрачно, как янтарный свет». Во-вторых, они использовались для придания одежде ароматного запаха. В третьем стихотворении книги Дуань Чэнши «Представляя Фэйцину игривое толкование древнего текста» написано: «Тюльпаны вырастают с тонкими цветочными шипами. Аромат исходит от воротника, когда их сушат и кладут в детский халат» (см. «Разные записи Вэньчана», том 3). Подобное описание можно найти в «Дворцовой лирике», написанной Хуажуй Фурэн (мадам Хуажуй), где говорится: «Красные гобелены на стенах, голубые парчовые ковры на полу, и вся комната была покрыта ценными благовониями из диптерокарпов и тюльпанов». Здесь «покрыть комнату ценными благовониями из диптерокарпов и тюльпанов» было обязательным условием, когда император танского двора ложился спать во дворце одной из своих супруг. Следует отметить, что когда Бухара в 719 году принесла в дар тюльпаны, в эту партию были включены и четыре куска кюйшу, таким образом, видно, что благовония шли вместе с драгоценностями и войлочными коврами.

3) Порошок из извести и индиго. Он широко использовался в качестве косметики для женщин в древней Центральной Азии. От Ферганской долины до побережья Каспийского моря «женщины не пользовались пудрой, а просто красили глаза индиго» («Энциклопедия», том 193, цитируется в «Цзин Син Цзи»). Индиго — это краситель, добываемый из растений

индиго. В Китае женщины начали красить брови индиго очень давно. В начале «Стихов Чу» (Чуси) есть описание «бровей, окрашенных в черный цвет, и щек, напудренных белой пудрой, и сладкого бальзама на лицах». Таким образом, если бы дань индиго из Самарканда не была знаменитым «персидским индиго», она не была бы «экзотическим продуктом». Однако, поскольку у гаремных красавиц периодов Кайюань и Тяньбао была тенденция красоты «красить брови длинные и тонкие индиго», эта западная косметика все же была своевременным продуктом.

3. Минералы

1) Желтая медь. Желтая медь — это перевод персидского слова *tutiya*, что означает латунь, изготовленную из цинка и меди.[14] В древнекитайской литературе слово «латунь» впервые встречается в золотом разделе «Юйпянь» (прим. переводчика — словарь китайских иероглифов VI века): «Латунь, тахуш. Он также подобен золоту».[15] Камень, вероятно, был перевезен из Персии. В «Вэй шу» и «Суй Шу» перечислены персидские изделия, в состав которых входит этот камень. В записках «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан», том 11, также говорится, что Персия «производит золото, серебро и латунь». Цао Чжао из династии Мин в «Идеологии древних норм» говорится: «Настоящий латунь впервые был добыт в Персии, который подобен золоту — не тускнеет при горении». В период расцвета Персии ее территория была расширена до Кавказа на восточном побережье Черного моря. В последние годы на Кавказе было обнаружено множество латуней, что можно подтвердить с помощью китайской литературы. В 1967 году на горном северо-западе Кавказа была раскопана гробница под названием Мошевая Балка, датированная VIII-IX вв. Было обнаружено 47 артефактов, 33 из которых были импортированы, что составляет 70% от общего количества. По химическому составу их можно разделить на две категории: с низким до 14% и с высоким содержанием цинка от 15% до 50%. Эти физические объекты можно подтвердить объяснением из «Продолжения произношения и значения всех сутр» Силяня, том 5: «На Западе медь рафинируют с помощью лекарств, и есть два вида камня, хороший и плохой, которые отличаются друг от друга: плохой белее серый как пепел, а хороший более желтый как золото, который также называют настоящим. Житейский мир не может похвастаться золотом». «Золото», или «золотоподобный латунь», был весьма популярен на кавказском маршруте Шелкового пути. Очевидно, что девять фамилий Ху торговали им за дань, что соответствует товарной структуре внутренней торговли в Азии в раннем

средневековье. Основные направления использования латуни в период правления династии Тан: одно из них — для отливки статуй Будды: в Чанъани «статуя Лушэ в храме Хуаянь имеет высоту шесть футов и отличается изысканной древностью» («Всякая всячина из Юяна», том 5 продолжение). Использование каменных статуй было настолько распространено в династии Тан, что когда император У Цзун уничтожил буддизм, он отдал приказ переплавить «золотые, серебряные и медные статуи и для покрытия государственных расходов династии Тан» («Старая история Тан» — Записи о боевых аспектах). Второе — для украшений форменной одежды: «форма восьмого и девятого рангов чиновников были сделаны из зеленого цвета, украшенного латунию» («Синь Таншу», том 24, «Трактат о чиновничьих колесницах и нарядах»).[16] Что касается частного сектора, то такие «золотоподобная» медь, вероятно, была относительно редка, так что у купцов была возможность извлечь из них выгоду. Стихотворение Юань Чжэня «Музыка купца» показывает пример мошеннического использования фальшивого золота: «Как только вы поймете язык улиц, любви к родному городу не останется. Браслет сделан из меди, а ожерелье — из клейкого риса. Их привозят и продают в деревне, и могут издавать звук золота или нефрита».

2) Красная и черная соль. Оба являются «военной солью», свойства которой затерялись в литературе и трудно установить.

Согласно «Суй Шу» и «Синь Таншу» — «Повествование Западного края», черная соль производилась в Цао Го (Цао Цзюй Чжа, Се Юй) и Южном Тяньчжу. По-видимому, речь идет о красной соли, поскольку в статье «Газневидское государство» в биографии «Вэй Шу — Повествование Западного края» говорится: «Земля производит красную соль. Это перевод Газневидов (Газна), столицы Цао, и ясно, что оба вида соли производились в Цао. Возможно, что красная и черная соль, которую девять фамилий Ху привезли в качестве дани, была переправлена из Цао, который находился к югу от железных ворот и довольно далеко от государств Хуосюнь, Ши и Ши (Ташкент) к северу от железных ворот. Оба вида соли могут быть использованы в медицине. Согласно статье о «Каменной соли, добывавшейся на территории жунов» в 11 томе «Компендиума лекарственных веществ», черная соль «полезна при вздутии живота», а красная соль «обладает силой латентных пиропатогенов».

3) Агат. Агат является одним из «семи сокровищ» Западного края и пользовался большой славой в древние и средневековые времена.[17] Одним из западных «сокровищ» в доме царя

Северной Ван Юаньчэна была агатовая чаша («Хроника монашеских общин-сангхар Лояна», том 4). Согласно «переводу сборника названий», том 3, «семь сокровищ»: «Моррогали — это облако агата. Это сокровище подобно мозгу лошади, поэтому его так и называли». Согласно тому «Теории древних норм»: «Древняя поговорка гласит: если ваши агаты не красные, вы будете бедны до конца своих дней». В том же духе, на картине Ду Фу, изображающей лошадь генерала Цао в резиденции Вэй Фэнлу, есть фраза «чаша из красного агата», которая предполагает, что цвет драгоценных изделий из агата должен быть красным. Агат, принесенный девятью фамилиями Ху, был самого высокого качества в этой категории. В день рождения Ань Лушаня Сюаньцзун подарил два маленьких и одно большое блюдо из агата Цзиньпинтоу,[18] предполагая, что награда была важным способом распространения дани от внутреннего двора к внешнему. Агаты династии Тан не были маленькими украшениями более поздних поколений, их размеры порой захватывали дух. Во второй год правления И Фэна (677 г.) Пэй Синцзянь умиротворил «десять фамилий Ханов», и среди военных трофеев «было блюдо из агата, более двух футов шириной и исключительной красоты». Неудивительно, что чиновники и солдаты династии Тан считали его «сокровищем» («Цзю Таншу», том 84).

4. Ткани

1) Ковры, Хаойи. Хаойи — это знаменитый вид войлока, пришедший с Запада в глубокой древности. В «Песне дворцового карлика» Ли Хэ, описывая жалобы дворцовых служанок, упоминает эту дань: «Аромат вырывается из слоновьего рта благоговений, на ковре хаойи чувствуется тепло, над городом висит Большая Медведица, а воронка времени возвещает о глубокой ночи». В сборнике «Песен и стихов Ли Чанцзи» Ван Ци довольно подробно объясняет этот объект: «Хаойи можно использовать как прикроватный коврик «Бицан»: Маоси. Также в своем «Бэй Тан Шу Чао» (прим. переводчика — название книги, написана Юй Шинанем из династии Тан) пишет: Это тонкий ковер, который называется Хаойи». В «Тун Я»: В древней Индии использовали Хаойи, нынешнее название которого Пу Мао». В общем, разница между этими двумя изделиями заключается не в сырье, а в процессе производства. «Хаойи — тонкий войлок, ковер — грубый войлок».[19] Первый изображается в романах Северной Ци как экстравагантные удовольствия народа Ху: «Чжи Фа Цун, согдиец по происхождению, вырос в Гуанчжоу. Он был очень искусен в медицине и вскоре стал очень богатым. У него было восемь или девять футов войлочного ковра, разнообразных и ослепительных». («Записки времён тайпинов»,

том 119, цитата по «Книге о возвращении несправедливости») Последний, помимо сохранения тепла, также использовался для украшения залов. Походная песня Цэнь Сэня «о генерале Гае на заставе Юймень»: «Теплая комната расшита шторами, красным камином и вплетенным ковром с цветочными узорами». Ковер иллюстрирован тканым узором и представляет собой настенный ковер. Эти два вида войлока производились в девяти фамилиях Ху при династии Тан (см. «Повествование о Канцзюй», том 193 «Энциклопедия»), но мастерство изготовления значительно уступало их византийским аналогам (т.е. «Римская империя» и «Фубяо»).[20] Придворные ткацкие мастерские Константинополя пользовались большим авторитетом на древнем Ближнем Востоке. В «Записях Троецарствия», том 30, приводится цитата из «Вэй Люэ» (Хроника Римской империи): «Такие изделия, как шелковые тканые ковры, Хаойи и шатры из войлока отличаются хорошим качеством, и они более красочны, чем ткани, производимые в царствах к востоку от моря». Так, в седьмом году эры Кайюань (719 г.) государство Аньго заплатило дань за эту ткань, специально обозначив ее как «ковер с вышивкой знака Будды», предположительно, чтобы подчеркнуть, что это византийский, а не бухарский продукт.

2) Юэнуо. В «Книге Суй», том 93, говорится, что «ткань юэнуо» производилась в Персии, что означает, что это был местный продукт Ирана, а не Согдианы. По поводу происхождения этого термина есть два предложенных объяснения: Лауфер свел его к сложному слову фарси Var-naх, состоящему из слов «шелковая ткань» и «парчовый атлас».[21] Бёшнер же считает, что это перевод санскритского разговорного выражения «Var-na kā», которое происходит от слова «varṇā» (цвет, цветок).[22] Во времена Арабского халифата этот персидский атлас, похоже, претерпел изменения, и только белые считались высококачественными. В первые годы правления династии Северная Сун в Багдаде производили «белую ткань Юэнуо» (белый атлас). В первые годы правления династии Северная Сун ткань Юэнуо была предложена в качестве дани дважды: в четвертом году Чуньхуа (993) и в первом году Чжидо (995). («Сун Ши», том 490, «Повествование об Арабском халифате»).

3) Ковёр для танцующих. В династии Тан, когда двор или дворянство собирались на банкет, сцену покрывали коврами и называли «ковром для танцующих».[23] На фресках Дунь Хуана можно увидеть две формы ковра для танца: прямоугольный, например, парный танец у северной стены притона 172 (период расцвета династии Тан); и круглый, например, сольный танец в притоне 180 (период расцвета династии Тан). В период расцвета династии Тан существует множество

описаний танцевального праздника, заполняющих пробелы в историческом тексте. Бай Цзюйи «Двадцать стихов из темной войлочной юрты»: «сбоку ставится низкое сиденье для певцов, а на полу расстилается небольшой ковер для танцующих». В «Стихотворении, написанном в ответ на визит министра Линху в Бяньчжоу в городе Гайюэ»: «На высокой платформе выступают артисты с белыми шелковыми веерами, а на танцевальных коврах — девушки в рубашках с золотыми нитями». Ли Шаньинь («Ива»): «Однажды, я стоял на ковре для танцующих и тоскливо наслаждался восточным ветром и весенним садом». Ван Цзянь, «Дворцовая лирика», № 84 из 100: «Когда нефритовая флейта меняет мелодию переставляя цитру, исполнителей призывает надеть одеяние из красного тонкого шелка и выйти на вышитый танцевальный ковер». Ковер для танцующих представлял собой вышитую ткань, которую можно было постелить на платформе или под открытым небом, и менять во время представления, чтобы усилить эффект сцены. Естественно, на таких коврах выступали и придворные танцоры. Самые великолепные ковры для танцующих династии Тан пришли из Персии, а именно «ковер для танцующих с вышивкой и пламенной шерстью» и «ковер для танцующих с вышивкой и длинной шерстью», датируемые девятым годом периода Тяньбао (750 г.) («Дзю Тан Шу», том 198, «Повествование о Персии»). (Династия Сасанидов к этому времени уже умерла, поэтому вполне вероятно, что персидские купцы выдавали себя за данников). Что касается дани девяти фамилий Ху (прим. переводчика - Ху — согдийцы) «ковер для танцующих Топи», боюсь, что цвета и сорта были не самого высокого качества, поскольку «Топи» или «Тоби» (сокращенное Лауфером до среднеперсидского слова *tābīx*) — это не что иное, как грубый шерстяной материал, т.е. это «шерстяная стена», которую в книге «Произношение и значение всех сутр» Хуэй Линя, том 10, объясняют, как «Маоси».

5. Артефакты

1) Хрустальный флакон для глазных капель. Среди дани девяти фамилий Ху, «хрустальный флакон для глазных капель» имеет культурный фон, который предполагает иное происхождение. Знаменитые западные офтальмологи династии Тан были не из Саудовской Аравии, а монахами из Индии и Римской империи. О первом свидетельствует стихотворение Лю Юйси «Подарок браминскому монаху, главному врачу»: «Постепенно воспринимая красный цвет как зеленый, мои глаза боятся сильного солнечного света и ветра. С вашими прекрасными хирургическими навыками, как насчет лечения моей катаракты и вернуть мне зрение?». Последний, согласно «Записям сутры» Ду Хуана: «Врачи Римской империи хороши в

лечении глаз и дизентерии, или в диагностике, или в вскрытии мозга для избавления от червей». Лечебные навыки монахов Римской империи уже были хорошо известны на восточных берегах Средиземноморья. В династии Тан тоже обнаружен их следы. В IX веке в Чэнду «один из великих монахов Римской империи, который исцелял глаза», написал 12 томов книг «Сборника Ли Вэньжао». Возможно также, что Цинь Минхэ, врач, который уколол две акупунктурные точки в мозговое окно императора Тан Гаоцзуну и сделал его глаза «видящими», [24] мог быть офтальмологом Римской империи, в соответствии с распространенной практикой, когда люди из племени Ху, приехавшие в Китай, брали свою страну в качестве фамилии. В дополнение к этому следует также принять во внимание, что Римская империя была известным источником «флаконов для глазных капель», которые в эпоху династии Тан не обязательно были хрустальными, но, возможно, более светящейся формой стекла. В книге Вэй Иньву «Пение хрусталя» говорится: «Принимая цвет предмета, который он отражает, кристалл пуст снаружи и внутри. Держась за яркую луну, блестящий предмет превращается в цвет грустной воды». Это гимн стеклу. В свете вышеприведенного анализа можно сделать вывод, что «офтальмологический флакон для глазных капель», который был подарен Канго в двадцать восьмом году эпохи Кайюань (740 г.), на самом деле был стеклянным офтальмологическим флаконом времен Римской империи.

2) Нефритовая кровать. Это пример такого легкого приспособления для сидения, которое широко использовалась во времена династий Вэй-Цзинь и Суй-Тан как легкое приспособление для сидения, которое можно было складывать и носить с собой. В «Песнях и стихах о складной кровати Ху» Юй Цзянь У династии Лян очень точно передает смысл: «Пользуясь хорошей славой в Западных регионах, табурет пользуется признанием и доверием на Центральных равнинах. Даже если человек калека, верхняя часть его тела выпрямляется, даже если почерк человека искажен, он все равно сидит естественным образом». На стенной росписи династии Суй в пещере 402 в Дуньхуане также есть изображение воина, сидящего на согдийской кровати. Западные китаеведы недавно написали монографии о кроватях Ху, с которыми можно ознакомиться. [25] Во времена династии Тан продолжали поставлять западные кровати, а в шестом году периода Тяньбао (747 г.) Персия отправила посланника, чтобы «предложить кровать из агата» («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 971). Как упоминалось выше, агат был одним из «семи сокровищ», поэтому вполне вероятно, что «драгоценная кровать», приписываемая

девятью фамилиями Ху, также была кроватью, украшенной агатом.

6. Продукты питания

1) Дикий мед. В древней Азии дикий мед можно было разделить на три категории: Первая — горный или натуральный дикий мед. Отрывок «Я собирал дикий мед с моих плетенных башмаков» из «Нань Юань» Ли Чанчжи описывает именно о данном меде. Согласно книге Тао Хунцзина «Заметки травника», «Дикий мед, также известный как каменный мед, можно собрать на скалах в высоких горах. Он зеленоватого цвета, слегка кисловатый на вкус и вызывает чувство досады в сердце после его употребления, а пчелы, которые производят каменный мед, черного цвета, как слепни». Термин «чувство досады в сердце» относится к побочным реакциям, которые он вызывает. Он явно не подходил в качестве дани уважения для такого персонажа. Вторая — это сироп, смотрите статью «Сахарный тростник лекарственный» в книге «Классическая коллекция», том 87, со ссылкой на «Восемь историй на южных областях Китая»: «Существует сахарный тростник, несколько дюймов в окружности и более десяти футов в длину, который напоминает бамбук. Если разломить его пополам и пожевать, он покажется вам довольно сладким. Если выжать сок из сахарного тростника на солнце в течение нескольких часов, получится солодовый сахар. Положите его в рот, и он тут же растает. Местные жители называют его диким медом». Поскольку он «очень сладкий», его можно было бы отнести на дань. Однако мед западноазиатского региона сильно отличается от мальтозы (прим. переводчика - солодовый сахар), и, согласно «Записям Священных Писаний» Ду Хуана, «вырезали из каменного меда Лушэ, [лакомство], похожее по форме на китайскую императорскую карету, и преподносили его по праздникам высокопоставленным лицам». Если дикий мед можно вырезать, он должен быть твердым, а не желатинированной мальтозой. Третья — западный дикий мед, произносимый как «Sarkaḡā», имеет индийское происхождение.[26] Он производится путем варки мякоти сахарного тростника с молоком и маслом, которые затем застывают в комок. Поскольку первые две возможности исключены, можно лишь предположить, что дикий мед, принесенный девятью фамилиями Ху, является западным диким медом. Здесь следует добавить, что это народный обычай в Канго: «Рожая, женщина держит во рту каменный мед, а на ладони — желатин, надеясь, что этот будущий ребенок, когда вырастет, будет говорить приятные слова, а накопленные сокровища останутся с ним, как клей на руке». («Синь Тан Шу» — «Повествование о Канго»). Очевидно, что в

сознании центральноазиатского народа Ху дикий мед считался благоприятным и, естественно, мог быть предложен в качестве дани. Однако неясно, что это означает, и сомнительно, что это была дань из королевства Ань, так как на этикетке был указан «сырой дикий мед».

2) Вино. Девять фамилий Ху были одновременно «хорошими торговцами» и «винолюбивым» народом, а её традиционный продукт, вино, был известен в Китае уже во времена династий Хань и Цзинь. В Книге поздней династии Хань («История династии Поздней Хань» — «Повествование о Западном крае») говорится, что «обладая плодородной почвой, Согдиана является страной обильных фруктов, поэтому вино в этом месте особенно знаменито». В «Трактате обо всех вещах», том 5, есть более подробный рассказ: «Один из сортов вина в западных регионах может храниться в течение многих лет, не портясь. Существует местная поговорка, которая гласит: если выпить вино после того, как оно хранилось десять лет, человек так опьянеет, что не протрезвеет до конца следующего дня». Таким образом, «согдийский народ каждый год приносил в жертву вино», что вполне соответствовало его материальному и культурному положению.[27] История введения вина с Запада в Китай хорошо изучена, и нет необходимости повторять её. Здесь мы добавим только два археологических источника, относящихся к производству вина девяти фамилий Ху.

Первый — винный шатер. Согдийское письмо № 69, найденное на горе Мугэ представляет собой винный шатер, деревянные дощечки, состоящие из восьми строк. Количество бутылок вина, взятых из погреба одиннадцати фамилий Ху, отмечено выше — от трех, четырех или пяти «каменей» каждая. (Крсь «капи-чи» на согдийском языке, емкостью около 10 литров).[28]

Второй — винная лавка, найденная между VII и VIII веками в Кенте, Хорезме и Ташкенте, показывают, что две речные долины Центральной Азии действительно были базой для производства вина на Западе. В 1979 году была раскопана винная лавка династии Тан в Дунцао (Содусана), расположенная на холме, с трубами, соединенными с чанами и емкостями для вина, и глиняными чашами, найденными в то же время.[29] Именно таким образом девять фамилий Ху продолжали платить дань в качестве вина в первый год Кайюань, после того как император Тайцзун из династии Тан «победил Гаочана, привез кумыс, посадил семена розового яблока в саду и получил от жителей Гаочана метод виноделия» («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек», том 970). Кроме того, Ян Гуйфэй все еще «потягивал вино из западного региона

Лянчжоу» на вечере просмотра цветов в императорском дворце (Лэ Ши: «Неофициальная история госпожи Ян», том 1). Это говорит о том, что спустя 70 или 80 лет качество изготовления вина все еще не сравнялось с вином, полученного в качестве дани.

В целом, древние дани на Западе имели четкую коммерческую направленность. На седьмом году правления (719 год) император Тан установил принцип «щедрого вознаграждения за цену» в ответ на то, что страны Кан, Ань и Тюргешского каганата «поставляли много редких и экзотических товаров» («Сокровища библиотек», том 168). Дань и торговля были характерной чертой международных контактов в Средние века. Сложность структуры дани как особого товара является отражением разнообразия её происхождения. Ниже приводится примерное объяснение этого вопроса.

1.4 Международные связи Девяти фамилий Ху из источника дани

В период Тан города-государства Девяти фамилий представляли собой ключевые точки на транспортном пути с востока на запад. Этот регион был местом схождения четырех древних цивилизаций — Китая, Индии, Персии и Византии, занимая, таким образом, важное место в мире.

Столица Кан, первое из Девяти государств Ху, плативших дань, была центром средневековой торговли в Центральной Азии, где «было собрано много иностранных сокровищ» («Путешествие в Западный край во времена Великой Тан», том 1). До начала правления династии Мин в Самарканде сохранялась традиция посреднической торговли, и «хотя товаров было много, ни один из них не был местного происхождения, в основном их привозили из других стран» («История Западного края»). Такая структура товаров, естественно, накладывает соответствующий отпечаток на дань. Согласно анализу структуры дани, проведенному в предыдущем разделе, единственными продуктами, которые можно с уверенностью определить, как коренные для двух речных долин Центральной Азии, являются львы, лошади, золотые персики, серебряные персики, порошок из извести и индиго и вино. Остальные дани были в основном иностранного происхождения. Например, ковер и собака были произведены в Византии, камень и ткань — в Персии, а тюльпан и мед, вероятно, были импортированы из Индии. Все три этих источника дани Девяти фамилий Ху имеют разную степень исторической достоверности. Во-первых, сирийская провинция Византийской империи была центром торговли драгоценными камнями в древнем мире.[30] В «Дзю Тан Шу», том 198, «Повествование о Фубяо», ясно сказано: «Все сокровища Западных областей

пришли из этой страны». В середине VI века Мани Ачи, отправленный в Константинополь по приказу тюркского хана, был согдийским купцом, который намеревался обменять шелк на сокровища.[31] Поэтому вполне понятно, что дань Девяти фамилий Ху включала в себя сокровища Римской империи. Во-вторых, город-государство Согда граничил с Восточным Ираном и имел долгую историю сотрудничества друг с другом. В памятнике «Бесистун», воздвигнутом персидским царем Дарием в VI веке до н.э., уже упоминаются в Хуосюне и Согдиане, которые входили в 16-й налоговый округ династии Ахеменидов. В «Дзю Тан Шу», том 198, «Повествование о Персии», говорится: «Все согдийские царства в западных регионах исповедовали зороастризм, и многие согдийцы отправлялись в Персию за религиозным обучением». Поскольку все девять фамилий Ху были частью региона, где была распространена зороастрийская религия огня, они получили не только персидскую духовную культуру, но и многое из персидской материальной культуры (например, архитектуру и одежду). Поэтому также естественно покупать персидские товары для дани. В-третьих, между Ватиканом и Ху существовали давние отношения. В середине III века до н.э. Ашока (прим. переводчика — индийский царь, третий император Империи Маурьев) уже распространил буддизм в долине Амударьи. Влияние индийской цивилизации на девять фамилий Ху иллюстрирует настенная роспись из бывшего города Каджикент,[32] в которой в качестве мотива использована история принца, играющего в шахматы в четвертой книге «Махабхараты».

Наконец, есть важный исторический текст, который стоит изучить. Согласно «Новой книге Тан (Синь Тан Шу)», том 221 (см. ниже), «Повествование о Канго» гласит:

Государство Хэ [Цюшания], также называемое Цюшанитя или Гуйшуанни, расположено на месте бывшего города-государства Фумочэн. С левой стороны от столицы находится башня. На северной стене этой башни нарисованы императоры древнего Китая, на восточной — царь тюркского ханства и брахман [Индии], а на западной — цари Персии и Фулин [Византии]. Царь этого государства приходит каждое утро, чтобы совершить ритуальный поклон, а затем уходит.

Город Хэ расположен между Самаркандом и Бухарой и был известен как «сердце Согдианы». Изображение правителей на стене города напоминает известную легенду о «четырёх сыновьях Неба». Так называемые «Четыре сына Неба», также известные как «Четыре владыки», были «Владыкой людей» в Китае, «Владыкой слонов» в Индии и «Владыкой сокровищ»

в Персии или Фубяо, «Владыкой лошадей» юэчжи (прим. переводчика — племена и царство за западной границей Китая, таджики) или тюрков, правящие на востоке, юге, западе и севере соответственно. Стенная роспись в башнях столицы Хэ предназначалась для поклонения императору с юга, поэтому изображение не могло быть разложено во все стороны, а только слева, в центре и справа, так что ориентация «Четырех владык» отличается от легенды, но основное содержание сохраняется. Очевидно, что эта группа стенной росписи, которой поклонялись императоры Хэ, является одновременно выражением устрашающей силы Четырех Владык и микрокосмом международных связей между девятью фамилиями Ху. В этом свете разнообразие источников дани от девяти фамилий Ху в период правления династии Тан вполне объяснимо.

Глава 2

Записи о тюркских изделиях

Историческая литература династии Тан, как правило, подробно описывает обычаи и изделия тюркских народов, но не продукты. За исключением лошадей, для которых была сделана специальная запись «провинциальное конское тавро», остальные тюркские предметы не были подробно описаны и, очевидно, не получили достаточного внимания со стороны историков. В наше время было раскопано множество захоронений с родины тюрков в Южной Сибири и Монголии, и их артефакты в основном представляют собой орудия труда и лошадей, а других видов очень мало. Поэтому, к сожалению, материальную форму кочевой цивилизации в тюркскую эпоху до сих пор трудно понять во всей её полноте.

Однако в письменных источниках сохранились следы жизни в хижинах как образа жизни, включая уникальные продукты и ландшафты. Ниже представлена информация о некоторых тюркских предметах из коллекций и записных книжек, разделенная на категории, которые можно назвать «записями», но которые на

самом деле являются справочной информацией для заполнения пробелов.

2.1 Тюркское железо

Тюркский народ овладел искусствомковки железа со времен легенды. Согласно «Книге об эпохе Суй - Повествование о тюрках»: «Раньше тюркский род, народ Ху в Пинляне, назывался Ашиной. Когда Тайцзу (прим. переводчика — храмовое имя императора, как правило — основателя династии) поздней Вэй уничтожил род Цзюйцуй, племя Ашина из пятисот семей переселилась в Жужу. Они жили в районе Цзиньшань на протяжении многих поколений, зарабатывая на жизнь производством железных инструментов». После перехода на сторону Жужуни (прим. переводчика — по другим версиям также авары, обры) тюркский род Ашина стал зависимым племенем, которое платило дань железом, и владыка Жужуни, Анагуй, называл их «коваными рабами» (см. «Книга Чжоу - Повествование о тюрках»). Это кованое племя, которое начинало с железа, все ещё хвастало тем, что «искусен в работе с железом» после основания страны. В начале 568 года восточно-римская миссия в ханство Западного Туркестана, когда они «прибыли в Кантуй, многие турки продавали им железные изделия. Известный историк Менандр истолковал это как сообщение турок посланникам о том, что их страна богата железными рудниками».[33]

В Тюркском каганате по запасам железной руды самой богатой была киргизская подчиненная народность. Всякий раз, когда над страной шли проливные дожди, рудные жилы обнажались, что привело к ошибочному мнению, что «железо добывается под дождем». Это объясняется в записях «Географические заметки эпоха тайпин», том 199:

Это место, где железо производится из-за прохлады деревьев во время сильных дождей, когда почва долгое время подвергается эрозии, поэтому оно наилучшего качества подобно капелькам дождя. Цзя Дан говорил: «Название сорта железа — Гаша, которая производилась в Тюркском каганате.»

Тюркский народ, который был «искусен в работе с железом», был особенно хорош в изготовлении упряжи и оружия. Помимо железных стремян и жеребцов, особенно разнообразными и тщательно продуманными были железные наконечники стрел, которые широко использовались на охоте и в бою. По мнению археологов, железные наконечники стрел древних тюрков можно разделить на восемь категорий и тридцать типов в зависимости от их формы. Первая категория, трехгранная

стрела, имеет до десяти узоров. Из 220 найденных железных наконечников стрел 180, занимает 81% от общего числа, были поющими стрелами.[34] Поскольку трехгранные стрелы были особенно популярны в древнетюркскую эпоху, именно по этой причине в книгах по истории династии Тан при описании её военного снаряжения подчеркивается сила поющих (сверлённый) наконечников стрел (прим. переводчика — сигнал для передачи команды, приказа). В «Приказе Яо Чуну и другим о вторжении на север» Тан Сюань-цзуна есть строка, которая гласит: «Капаган Каган (Мо Чуо) жесток и бескомпромиссен, ему помогают свистящие стрелы, изготовленные в Ланцзу». («Сборник избранных придворных од династии Сун», том 459) Свистящие стрелы считались явным признаком того, что тюрки вторглись в империю Тан.

Что касается железного ремесла, то хотя тюрки хорошо изготавливали железные стрелы, они были не так хороши в изготовлении сельскохозяйственных инструментов. Так, когда в середине правления Сянхэна (670-673 гг.) тюркские сдавшиеся семьи в шести государствах Ху были репатрированы, Мо Чуо попросил у У Цзэтяня «3000 инструментов и десятки тысяч фунтов железа» для удовлетворения потребностей земледельческого поселения. («Синь Тан Шу», том 215, «Повествование о тюрках»).

Очевидно, что тюркские народы, которые начали с железа, были в основном пастбищными кузнецами. Но их несбалансированные технические навыки не позволили им приспособиться как к ведению войны, так и к земледелию и скотоводству.

2.2 Тюркская лошадь

Лошадь также является известным тюркским продуктом. Согласно династии Тан («Свод сведений о важнейших событиях при династии Тан», том 73), «Турецкие лошади совершенны, с отличными мышцами и костями. Они хороши в дальних дорогах и в охоте. В исторических записях их называют Цичу». Качество и количество лошадей было важным показателем могущества тюркского государства, и именно это подразумевается в высказывании: «взлет и падение тюркского каганата полностью зависели от овец и лошадей» («Дзю Тан Шу (прим. переводчика - Старая книга Тан) — Биография Чжэн Юаньци»). Богатство тюркской знати также измерялось в количестве лошадей, например, брат Бильге-кагана Кюль-тегин владел «четырьмя тысячами лошадей».

На «рынке обмена» между Тюркским каганатом и Китаем шелк и лошади были самыми важными торговыми товарами. В 588

году, т.е. 8-ой год император династии Суй, «главы тюркских племен договорились иметь на государственной границе около десяти тысяч лошадей, двадцать тысяч овец, пятьсот верблюдов и пятьсот коров. Они отправили посланников в Китай с предложением создать торговый центр вдоль границы, что было одобрено императором.» («Пэйши», том 99, «Повествование о тюрках»). Император Тан Тайцзун, личное имя которого было Ли Шимин, был хорошо знаком с турецкими боевыми конями, поскольку он пробивался к трону верхом. В восьмом месяце 21-го года Чжэньгуань (647 г.) он сделал комментарий в стиле Бо Лэ (прим. переводчика — легендарный ценитель и знаток лошадей в период Чуньцю) о знаменитом коне, подаренном ему курыканами: «При одном только взгляде на эту лошадь замечаешь её крупные кости и густую гриву. Его глаза похожи на висячие зеркала, а голова квадратная, как кирпич, если смотреть на нее сбоку. Ноги как у оленя, но менее круглые, а шея похожа на шею феникса, но более тонкая. Под бедром кости поднимаются, образуя пики, а под седлом — толстые вены, разбросанные, как лепестки на цветке. Судя по острым и крепким, как скошенный бамбук, ушам, можно сказать, что это турецкая лошадь, но мускулистый хвост, способный почти вырыть кирпичи в земле, свидетельствует о корейском происхождении. С плоским животом и маленьким бочком она достаточно сильна, чтобы бегать на большие расстояния; а с большими ноздрями она не задыхается при беге». («Свод сведений о важнейших событиях при династии Тан», том 27) В мирное время лошадей обменивали на китайском рынке на китайский шелк, что приносило пользу обеим странам. Танский император Сюаньцзун в 721 году сказал: «Когда мы были в хороших отношениях с турками, обе страны наслаждались счастливым временем, солдаты отдыхали, а торговцы были заняты. Мы покупали у турок лошадей и овец, а турки покупали наш шелк. Мы удовлетворяли потребности друг друга по справедливой цене». («Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотек, том 980). Однако такая ситуация не длилась вечно. Когда возник дефицит торгового баланса, империя Тан почувствовала давление со стороны Тюркского каганата. В 736 году император Сюаньцзун выразил недовольство демпинговой политикой Инжанского кагана (И-ран хан):

Во время правления вашего отца (Бильге Кагана) количество лошадей, продаваемых каждый год, не превышало трех-четырёх тысяч. Нам было сравнительно легко справляться с таким количеством. Но теперь, время от времени, вы привозите нам 14 000 лошадей. Поскольку ты только что был возведен

на престол, и я усыновил тебя как своего сына, неразумно отказывать тебе, поэтому я сохранил их всех. Эти лошади стоят 500 000 болтов шелка. Сейчас у нас время национальной амнистии, и вся страна освобождена от налогов, но наши расходы остаются неизменными. Поскольку эта торговля не служит особой цели брачного союза (хэцинь), а количество шелковой ткани, необходимой для обмена лошадьми, огромно, сроки поставки несколько затягиваются. Чулуо Даган все еще остается с нами. Когда вы поймете, что его не задерживают намеренно, вам станет легче. Сейчас сделка возобновлена, скоро будет готова шелковая ткань, и тогда Чулуо вернется, на что вы можете рассчитывать. Наше место для него как дом, так какая разница — вернуться или жить здесь? В будущем, когда вы планируете обменять лошадей на шелк, помните, что не стоит брать с собой так много лошадей. Лучше пойти по стопам отца и заключать торговые договоры перед началом дела. В любом случае, долгосрочные торговые отношения — это не дело одного дня.

(«Сборник Чжан Цюцзяна», том 6, «Книга тюркского кагана»)

В масштабной торговле лошадьми за шелк общая стоимость лошадей достигла поразительной цифры «500 000 болтов шелка». Неудивительно, что императору Минхуан, находившемуся в расцвете сил, пришлось призвать «сына кагана», чтобы обуздать свой аппетит. Позже эта торговля постепенно стала неустойчивой. К тому времени, когда Бай Цзюйи написал свою поэму «Иньшаньская дорога» («Иньшань дао») в новом стиле Юэфу, она стала непосильным финансовым бременем для династии Тан: «Шелк прочь, неси лошадей, дела будут идти в гору и никогда не остановятся».

2.3 Тюркский воробей

Информация о турецких птицах редка, поэтому и соответствующие исследования также ограничены. К счастью, лингвисты перечислили ряд названий птиц, предлагая нам заглянуть в мир птиц. В 1975 году Долорес Хабибовна Базарова опубликовала статью под названием «Толкование названий различных птиц у древних тюрков», [35] среди которых были следующие названия птиц: коростель-пастушок, лебедь, рябок, сорока, красная утка, перепел, жаворонок, ворона, ласточка, ястреб, курица, журавль, дербник и сова. Из всех вышеперечисленных стай птиц рябок был единственным, который упоминается в записях о тюрках во времена династии Тан. Живший до основания Тюркского каганата и оставшийся в живых после его падения, этот рябок пережил империю, поскольку до сих пор известен под прозвищем «турецкий воробей», пользуясь славой

«национальной птицы».

Рябок, также известный как чукар, куропатка или воробей-захватчик, живет в Северной пустыне. В своей книге «Произношение и значение всех сутр», том 73, монах Ши Хуэйлинь из династии Тан предложил четкое описание:

Большой, как голубь, или как куропатка, вторгающийся воробей (Чунь) похож на курицу фазана. Ноги похожи на крысиные, но без заднего пальца. У него вильчатый хвост. При перемешивании воробьи-захватчики летают стаями и активны в северных пустынях. Мясо этого воробья очень вкусное. Известные в народе как турецкие воробьи, они размножаются на лугах. («Произношение и значение всех сутр», том 73, и ср. том 99, «Морозный попугай»).

«Тюркский воробей – это кекялик или кеклик на древнетюркском языке. По словам Базаровой, название произошло от звука птицы «кекялик, кеклик», известной в современном кыргызском языке как кекилик, которая приобрела известность во времена династии Тан, начиная с конца правления короля Гаоцзуна».

После правления династии Тан (679 г.) появилась птица, большая, как горлица, и пестрая, как вороний вьюрок, летающая с шумом ветра, и совершающая шествие миллионов. Современники называют его попугаем, а тюрки воробьем. Если прилетают птицы, за ними следуют обязательно тюрки. («Записки времён Тайпинов», том 139, цитируется в книге «Популярные записи о дворе и стране»).

Что касается того, как пограничный народ относился к этому виду птиц, «Трактат о пяти агентах» в Старой книге Тан, том 37, дает безошибочную подсказку:

В 679 году мы все еще находились в союзе с тюрками, и никакого восстания не произошло. И вдруг через пограничную крепость пролетели стаи воробьев-захватчиков. Их было так много, что они почти покрыли всю землю. Пограничные люди испугались и сказали: «полет турецких воробьев на юг- предзнаменование того, что тюрки вошли».[36]

С тех пор и до конца династии Мин, на протяжении почти тысячи лет, «турецкие воробьи, летящие на юг» стали предупреждающим знаком, пугающим пограничных людей, живущих в Северной пустыне. Ян Шицун, редактор-экзаменатор (цзяньтао) Ханьлинской академии (Ханьлин юань) в период правления Чунчжэня (1627- 1644) династии Мин, писал в «Записях нефритового зала» (Ютань хуэйцзи):

За пределами пограничной крепости обитает вид птицы под

названием пескарь, у которого нет заднего пальца ноги. Начиная с 1632 года, их ловили и продавали на рынке. Каждый раз, когда замечали эту птицу, на границе возникал кризис, поэтому, вероятно, в прошлом пескарь назывался турецким воробьем. В 1636 году было объявлено о чрезвычайной ситуации на границе, но никто при дворе не знал об этом, пока императорский указ не был передан военному министру. Поскольку там не была выставлена стража, оттуда не поступало никаких сведений. Какая пустая трата стоимости этих посыльных птиц.

Эти отголоски связей бога и человека с тюрскими воробьями, хотя и довольно суеверные, указывают на взлет и падение династии. Очевидно, что несчастье или благословение определяется не птицами. Собственно говоря, после того, как к власти из Маньчжурии пришли маньчжуры, знак летящих на юг тюрских воробьев был уже не экстренным предупреждением, а «знаком сдачи Монголии»:

В 1633 году в Ляодун прилетели рябки. Местные жители сказали: В Ляодуне нет такой птицы, а теперь прилетели эти монгольские птицы, должно быть, это знак капитуляции Монголии. В следующем году Чахар капитулировал. В 1753 и 1754 годах, две зимы подряд, десятки тысяч таких птиц прилетали на северо-запад столицы, и на следующий год Джунгар сдался. Хэ Тайань написал об этом поэму под названием «Поэма о тюрских воробьях» («Туцзюэ цзи ши»): «Эти бедные воробьи-захватчики обитают в песчаных районах, и все же у них полные коричневатые черты лица, чтобы изящно летать. Дважды прилетая в столицу, чтобы предложить знаки удачи, они являются естественными вестниками, опережающими одаренного человека.» Примечание: «Тюрский воробей — это на самом деле рябок, а по вкусу он напоминает курицу фазана». (Ян Чжунси: «Сборник стихов Сюэцяо», том 5).

Для древних китайцев тюрские воробьи трактовались либо как «предупреждающий выстрел», либо как «знак удачи». Разница свидетельствует о смене династий. Перелистывая пыльные страницы истории, мы обнаруживаем, что история птиц таит в себе антропологическую загадку. Это действительно удивительно!

2.4 Тюрское вино

Тюрки были коневодами, и напиток, который они пили, называется кумыс. В «Записях о тюрках» («Туцзюэ чжуань») Всеобщей географии эпохи тайпинов, том 196, говорится, что тюрки «пьют напиток из перебродившего сыра, чтобы

напиться». Прежде чем лошадиное молоко стало пригодным для питья, оно должно было стать кислым. Вот монгольский метод, описанный в «Краткой истории черных татар» (Хэда шилюэ): «Колострум потребляется жеребятами днем, а ночью его собирают, процеживают и затем хранят в мешке из конской шкуры. Если хранить его несколько ночей и постоянно встряхивать, пока оно не станет слегка кисловатым на вкус, его можно будет пить. Его также называют айран».

На древнетюркском языке «вино называется Фуни», а «Да Луобянь, сосуд для вина, похож на рог, но толстый и короткий». Два из десяти ранних тюркских официальных титулов были названы в честь вина и винных сосудов. («Энциклопедия», том 197, «Повествование о тюрках») История вина у тюркских народов, можно сказать, имеет давнюю историю, и соответствующие ритуалы уже существовали. Согласно «Суй Шу-Повествование о тюрках», когда они выпивали «они громко пели и звали друг друга». Согласно «Суй Шу-Повествование о Рюкю» говорится, что пиршества у кочевников проводились таким образом: «Всякий раз, когда устраивался пир, человек, державший вино, называл свое имя, прежде чем выпить, а человек, подававший царское вино, также называл имя царя и пил по-тюркски». Этот ритуал питья по именам и есть объяснение слова «Ху» (прим. переводчика – с китайского языка «возглашать, кричать, звать»).

В начале XX века Бо Сихэ опубликовал два журнала, посвященных изучению тюркских названий вин: «Названия вин в Эрдорической книге» и «Тюркские символы для вин: Фуни».[37] В своем исследовании «Комментирование тюркских официальных названий» конфуцианец господин Хан передает основные моменты: согласно Бо Сихэ, древнее произношение «Бони» — bak-ni, противоположное bag-ni. Оно больше не существует в различных современных тюркских диалектах. Тем не менее, оно до сих пор зафиксировано в нескольких тюркских текстах. Это слово встречается в ряде тюркских текстов, таких как уйгурские надписи в Шинеусу в Монголии, тюркские документы, найденные в Дуньхуане Штейном, Великий тюркский канон, написанный в 1073 году Ходжалы, и «Великое затмение тюркских слов» Ибэн Муханы. Помимо вышеупомянутых книг Эрдорика, существует также «Исторический сборник» Рашидуддина. [38]

2.5 Тюркское лекарство

Поскольку древние тюрки часто участвовали в войнах, лекарства от колотых ран были для них весьма необходимы. Вот ценная запись Ли Шичжэня.

Тюркское лекарство горькое на вкус, в основном используется для лечения ранений металлическими предметами. Оно помогает остановить кровотечение и вырастить новые мышцы, а также тонизирует почки и способствует восстановлению разорванных сухожилий. Происходящий от тюрков, оно выглядит белым и примерно серым, и, как говорят, его синтезируют из извести и других лекарств.[39]

О том, как это лекарство применялось в лечении, в исторических книгах нет никакого описания. Однако после того, как Ань Лушань кастрировал Ли Жуэра, он наложил на Ли некую серую повязку, чтобы остановить кровотечение. Эта повязка была очень близка к Туцзюэ бай. Нижеследующее взято из «Биографических рассказов Ань Лушаня» («Ань Лушань чжуань») в «Старой книге Тан», том 200:

Ли Жуэр происходил из племени кидани (прим. переводчика — народность на территории нынешнего Сев.-Вост. Китая). Когда ему было около десяти лет, он начал служить Ань Лушаню. Он был довольно хитрым пажом. После того как Лушань кастрировал его острым ножом, он потерял много крови и вот-вот должен был умереть. Тогда Лушань присыпал его рану золой. Через день он выздоровел. Как евнух, Ли Жуэр пользовался благосклонностью Лушаня и был самым доверенным лицом.

Ли Жуэр был любимцем Ань Лушаня, поэтому его кастрировали. Если бы он заранее не приготовил лекарство для остановки кровотечения, то скорее всего «лишили бы его всех сил». В свете фактов, кажется, что «зола», использованная для набивки ран Ли, была золой, которая была «объединена с различными лекарствами». Она была настолько эффективна, что человек, потерявший несколько литров крови, «выздоровливал в течение дня». Даже если этот пример не выявляет истину о тюркских лекарствах, он все равно должен служить косвенным доказательством того, что это не вздор.

2.6 Тюркская юрта

Тюркская юрта, также известный как войлочный дом или шатер — это место, где живут кочевники. Эта короноподобная структура представляла собой уникальную культурную особенность жителей Северной пустыни в тюркскую эпоху, отмечая огромное отличие от земледельческой цивилизации: «Опираясь на животноводство, тюрки шли за водой и травой, ведя кочевой образ жизни в войлочных палатках» («Суй Шу», том 84, «Повествование о тюрках»). Следующий диалог полностью отражает различия между тюрками и китайцами:

Министр Совета обрядов и гражданских назначений и министерства округа Фаньян Лу Кай назначил Да Е, своего приглашенного советника, губернатором Ланьчжоу. Е отказался, спросив: «Что плохого я сделал, чтобы вы отправили меня соседствовать с тюрками одной стеной?». Кай удивился: «Как у тюрков может быть стена?». Да Е ответил: «Мясо — их основная пища, лед — их главный источник питья, а юрта — их дом, войлок — стена». («Записки времён тайпинов», том 173, цитируется в «Беседах»).

Один из древних наскальных рисунков о турецкой юрте, найденный в Иньшане, наглядно иллюстрирует смысл поговорки «юрта — это их дом, обнесенный войлоком». Высеченная на скале на вершине горы Булхада в Урадском ущелье, картина изображает турецкую палатку намного выше, чем современный монгольский гэр. С мансардными окнами наверху, эта юрта имеет решетчатые деревянные стены, на одной из которых сделана дверь. С помощью толстых веревок, горизонтально связывающих две разные секции, решетчатое пространство разделено на три части, что делает юрту достаточно просторной для легкого доступа.[40]

Для лучшего понимания турецкой юрты мы можем обратиться к палаточной структуре более поздних кочевников:

Существует два типа юрт. Та, что популярна в Яньцзине, сделана из ивовой лозы, поэтому ее легко свернуть в рулон, подобно ширме, используемой в южных районах. Спереди юрта имеет дверь; сверху она имеет форму зонтика, но со световым люком. Сверху она покрыта войлоком, который можно снять и положить на лошадь. Второй тип, тот, который обычно используется на лугах, имеет неподвижное кольцо из ивовой лозы и покрыт войлочной тканью, которую нельзя свернуть. Когда вода высыхает и трава вянет (не по определенному графику), ее грузят на телегу и увозят. [41]

Предположительно, войлочные юрты перевозили на телегах, также известных как «тюркские войлочные телеги» («Суй Шу», том 84, «Повествование о Шивэй»). Отсюда ясно, что тюркские народы уже практиковали «систему пастбища». Это был один из знаменитых «грузов» тюркских солдат династии Тан.

Поскольку животноводство и охота были доминирующими видами производства, а ремесленные производства, такие какковка железа, виноделие и сборка палаточных тележек — вспомогательными видами производства, тюркские скотоводы хорошо освоили «луговое ремесло», что показывает, что они не жили скучной и однообразной жизнью, как принято считать. Знаменитый стих, читаемый многими поколениями китайских

читателей, «когда дует ветер и трава опускается, видны коровы и овцы», действительно олицетворяет основные характеристики кочевого животноводства. Однако если мы примем во внимание записи о местных продуктах, то увидим, что эти простые слова имеют гораздо более богатый экономический подтекст.

Глава 3

Происхождение мопса

В период правления династии Тан из западных территорий (Сиюй) была завезена новая порода собак под названием карликовая собака («Цзюайцзи»), которая сегодня известна как собака Хаппа. От династийной дани до народного питомца, Цзюайцзи оставила заметные следы в исторических документах, культурных реликвиях и стихах.

В сборнике стихов Чэнь Инькэ есть семистрочное стихотворение «Без названия», написанное в 1954 году, которое имеет глубокий смысл и является удивительно красивым произведением. Прямо под ним Чэнь добавил интригующее длинное примечание о Хоцзи, состоящее из более чем 70 слов:

В неофициальной биографии Ян Тайчжэня («Тайчжэнь вэйчжуань») есть описание самаркандской Цзюайцзи, и это на самом деле то, что известно как «пекинская собака» для иностранцев, и «собака Хаппа» для нас, китайцев. Она также упоминается в двух поэмах Юань Вэйчжиня «Сон о весенних странствиях» и «Весенний рассвет», где мы читаем эти две строки — «младенец все еще выглядит сердитым во сне» и «когда он фыркает, колокольчик тоже звонит». Упомянутые здесь домашние животные — это Цзюайцзи, а «младенец» во «Сне о весенних странствиях» следует понимать как карликовую собаку». Какой-то невежественный человек в своей так называемой ревизии дал неправильное написание.

«Младенец» во «Сне о весенних странствиях» — это ошибка слова «прекрасный» (прим. переводчика - схожие иероглифы:

младенец «□» и прекрасный «□»), которое было написано невнимательным человеком.

Эта серьезно звучащая заметка, помимо пояснений и исправлений, имеет двойную структуру классической и современной интерпретаций, учитывая исследовательский стиль Чэня, который прослеживается в двух его статьях «Читая «Плач по Югу» и «О реинкарнации». Что касается современной, то она связана с волнениями «Редологии», охватившими китайскую академию в 1954 году. Поскольку об этом было несколько теневого намеков, я не буду обсуждать этот вопрос. Что касается классической, то с помощью культурных исследований мы можем проследить историю собаки Хаппа более тысячи лет назад, начиная с того времени, когда они были податными животными, предлагаемыми государствами Западных территорий в седьмом веке, а затем были локализованы и коммерциализированы во времена династий Тан, Сун, Юань, Мин и Цин, и заканчивая их нынешним статусом обычного домашнего животного. Как и китайский лев, Цзюайцзи входит в список «китайских культурных икон», отражающих культурный обмен между Китаем и Западом. К сожалению, из-за скудных усилий по стиранию пыли с этого культурного зеркала мы не можем увидеть истинную картину их исторического происхождения.

Цзюайцзи происходят из Восточной Римской империи, а именно Византийской империи, которая называлась «Дацинь» или «Фубяо» во времена династии Тан. Согласно «Записям о Гаочане» («Гаочан чжуань») в Старой книге Тан (Цзю Тан шу), том 198, В 7-м году правления императора У дэ (624 г.) Цюй Вэньтай, король Гаочана, предложил в качестве подношения пару собак, самца и самку, высотой около шести кун и длиной в один чи. Предполагается, что эти собаки были родом из Фулиня, они были удивительно умны, умели погонять лошадей и держать свечи. Это положило начало «фулинской собаке» в Китае.

Расположенное в Турфанской котловине в Синьцзяне, царство Гаочан было протекторатом империи Тан и ежегодно приносило ей подношения, в том числе собак. Картина на шелке под названием «Два ребенка»,^[42] держащий гладкую черную голову собак найденная в Астане, уезд Турфан в 1972 году, на которой изображен ребенок с левой стороны, держащий черного Цзюайцзи, может рассматриваться как свидетельство раннего прибытия собаки Фулин в Китай. Что касается Цзюайцзи, которого императорская супруга Ян (Ян Гуйфэй) обнимала и гладила в гареме, то, хотя он также был разновидностью собаки фулинь, на самом деле это была дань из среднеазиатского

города-государства Самарканд (Кангуо). В исторической записи говорится, что в 724 году Самарканд предложил «двух лошадей и двух собак», и продолжал приносить дань до периода Тяньбао (742-756 гг.).

До того как Юэ Ши (930-1007) в династии Сун написал книгу «Неофициальная биография Ян Тайчжэня» («Ян Тайчжэнь вай чжуань»), в книге Ван Жэньюй «Анекдоты периодов Кайюань и Тяньбао» («Кайюань тяньбао иши»), завершённой в период Пяти династий и Десяти царств, было дано подробное описание того, как «Цзюайцзи нарушил шахматную партию»:

Однажды император Мин Хуан династии Тан[685-762] играл в шахматы с одним из своих королей в сопровождении известного музыканта Хэ Хуайчжи, игравшего на китайской лютне соло. Императорская супруга Ян стояла в стороне и наблюдала за игрой. Когда император собирался проиграть, Ян выпустила на волю Цзюайцзи и позволила ему пробежаться по шахматной доске так, что игра была испорчена, что очень обрадовало императора.

Такой непослушный щенок был обычным «шутком» в гареме. «Дворцовые стихи», написанные Ван Я, «императорским ученым» в период Чжэньюань, весьма выразительно описывают его прелесть: «Белоснежный пес волочится по земле, когда идет, привыкший спать на красном ковре без страха». Этот живой образ домашней собаки также можно найти на знаменитой картине Чжоу Фана «Дамы с цветами в волосах». Следуя императорской моде, вельможи внешнего двора также держали Цзюайцзи при своих домах. В «Обширных записях правления Тайпинов» (Тайпин гуанцзи), том 386, есть цитата, взятая из «Таинственной странной записи» (Сюань гуай лу), которая звучит следующим образом: «У Лу Сюя, правителя Минчжоу (сейчас находится в Юнпине, провинция Хэбэй), была дальняя тетя по материнской линии. У этой тети был очаровательный Цзюайцзи по имени Цветочный (Хуацзи), и она очень заботилась о нем». В знаменитом четверостишии «Собака, разлученная с хозяином» («Цюань ли чжу»), написанном Сюэтао, светской дамой времен царства Шу Хань [221-263], Цзюайцзи становится инструментом для выплеска печали покинутой женщины:

За малиновыми воротами в течение четырех или пяти лет его обучали быть послушным,

Его сладко пахнущая шерсть и чистые лапы завоевали сердце хозяина.

Без всякой причины он укусил любимого друга и повел себя неподобающим образом,

И больше ему не позволено ликующе спать на красном шелковом ковре.

Для этой одаренной социальной бабочки использование собаки в качестве метафоры не является самоуничижением, потому что ни одно другое животное, кроме этой необычной собаки, не было способно завоевать расположение хозяина, даже будучи нелюбимым.

Приведенные выше события эпохи Тан показывают, что после того, как собака Фубяо была завезена в Чанъань из Гаочана, и была либо выведена, либо вновь импортирована. К VIII-XIX векам она распространилась на север и юг, достигнув Чэнду в Сычуань и Юнпина в Хэбэй. Что касается технических мер, как «полностью устранение запаха шерсти» животных династии Тан, например, распылением «розовой воды» с Западного края, то выяснить это невозможно из-за отсутствия документации.

В середине 10 века, когда Чжао Куаньинь установил династию Северная Сун в Бяньцзине (ныне Кайфэн, провинция Хэнань), в великолепном дворце также были следы Цзюайцзи. Сун Бай, императорский ученый во времена правления императора Тайцзун из Сун, написал «Дворцовую поэму», которая гласила:

Весенняя ночь светит дворцовую девушку в тонком платье,
колокольчик звенит и не слышно ветра.

Под бисерной занавеской лежит Цзюайцзи в дневном сне,

В тени алого банана сидит дама, которая смотрит на зеленые
листья в ястреба».

Рисуя картину Цзюайцзи и дворцовой девушки в одну весеннюю ночь, это стихотворение передает ощущение мира и спокойствия. Император Тайцзун из династии Сун, правивший 20 мирных лет (976-997 гг.), был большим поклонником Цзюайцзи. При жизни он наслаждался их общением, а после смерти их приставили охранять его мавзолей. Стихотворение Ли Чжи «Песня собаки по имени Персиковый цветок» (Хроника поэзии песен, том 2) гласит:

Внутри императорского дворца живет собака по имени Персиковый цветок (Таохуа), на шее которой висит золотой колокольчик из темно-красного шелка, придающий ей очарование.

Хорошо обученная и чуткая, она интуитивно повторяла слова покойного императора.

Прежде чем бисерная занавеска откидывалась в сторону или раскрывалась как бумажный веер, виляя хвостом, Персиковый

цветок уже был там.

Тихими ночами он спал у цветочной грядки, утром он ел только рядом с императорской кроватью.

Его не нужно было вести, так как он хорошо знал дорогу,

Изредка он лаял, когда ветерок обдувал душистую траву, а высоко в небе собирались в кучу разноцветные облака.

Эта понятливая собака, как редкая порода в своем роде, пользовалась особым вниманием в гареме династии Северной Сун. Она не только держалась «рядом с императорской кроватью», но и имела «золотой колокольчик, подвешенный к темно-красному шелку на шее для придания шарма». Очевидно, что он был более блестящим, чем его «благоухающие и чистые» предки. Хотя Тайцзун не был бездарным и безжалостным монархом, его чрезмерное обожание собак не сулило ничего хорошего для будущего династии.

После того как монголы вошли в Китай, они взяли Пекин в качестве столицы. С изменением жизни от куполов к дворцам, они переживали ускоренный процесс урбанизации. Среди этнических групп династии Юань «сему» из Западных территорий стали элитой, и некоторые из них погрузились во все виды чувственных удовольствий, включая лошадей, собак, похоть и банкеты, ведя роскошную и развращенную жизнь. В «Записях о прекращении земледелия в деревне Нань», том 24, Тао Цзунъи описывает «великое собрание» при династии Юань следующим образом:

Каждый раз, когда устраивался императорский банкет для угощения королей и министров, происходило «великое собрание». В этот день в Ваньсуйшань (гора Бан Бан) в качестве зрелища показывали множество свирепых зверей. После того как тигров, леопардов, медведей и слонов вывели одного за другим, появились львы, которые были настолько малы, что походили на золотисто-шерстяных лапчатых собак, которых обычные люди держали дома.

Здесь «великое собрание» было также выставкой зверей. По тому, как Тао Цзунъи описывает редких львов, сравнивая «зверя императорского двора» с народным животным — «золотоволосыми лапчатыми собаками», видно, что эти собаки уже вошли в жизнь простых людей во времена династии Юань.

Эти «золотоволосые лапчатые собаки» на самом деле были собаками Хаппа, которых часто можно было увидеть в эстрадных спектаклях (цзацу) времен династии Юань. В своей книге «Тщательное объяснение цю и ци династий Сун, Цзинь, Юань,

Мин и Цин» Ван Сюэци и Ван Цзинчжу в соавторстве перечисляют следующие случаи, когда упоминается Хаппа.

В пьесе Мэн Ханьцина «Кукла Мохэлуо» («Мохэлуо»), акт 2, есть строка, которая звучит следующим образом: «Красная дверь, зеленое окно, на двери висит занавеска из пестрого бамбука, а под занавеской лежит собака Хаппа».

В пьесе Чжэн Гуанцзу «Битва на перевале Люйбу», акт 1, мы читаем: «Перед палаткой два ведущих флага, на каждом из которых изображена собака Хаппа».

В анонимной пьесе под названием «Тактика в серии», в акте 2 есть следующее предложение: «Если я солгу, меня превратят в собаку Хаппа».

В «Сказке о рыбаке и дровосеке», еще одной анонимной пьесе, во втором акте говорится: «Ой, Ляньэр, Паньэр, курица-голова, Хаппа, колючая слива и птичий клюв, послушайте меня, наш господин возвращается. Давайте поприветствуем его».

Согласно Фан Гуйлину, хаба — это монгольский аналог qaba (-п, -ng), означающий «маленькая собака»[43]. Как китайское заимствованное слово, оно популярно уже более семисот лет. Только при династии Мин он был заменен псевдонимом «Сиеба» из-за запретов «Ху». Определенного слова для перевода не существует, а в «Сборник чайных ароматов» Юйюэ, том 23, хаба рассматривается «как Сиеба», что нельзя считать окончательным.

В начале правления династии Мин королевская семья немедленно издала указ об искоренении практики Ху, существовавшей при династии Юань. В первый год правления Хунху (1368) Чжу Юаньчжан издал указ о «запрете одежды, языка и фамилий Ху» («Отредактированный сборник управленческих дел династии Мин», том 1), который стал громом и шоком для двора. Какова была судьба «собак Ху» в разгар шума и крика об отчуждении? Из литературы следует, что с ними обращались во внесудебном порядке и не убивали. Неясно, осталось ли безнаказанным пережитое бедствие. В конце династии Мин это животное все еще было в фаворе у евнухов, о чем свидетельствует «История дворца Мин» Лю Жуюя: «Во время правления Ваньли (1573-1620) главный тюремщик Ду Юн вырастил щенка Сиеди, который был самым ценным».

Согласно дворцовой системе династии Мин, должность Ду Юна в святилище заключалась в том, что он отвечал за уборку и освещение храма, а его заветная собака должна была иметь доступ в торжественные залы. Что касается ситуации

в провинциях, то в «Записях социальных обычаев династии Мин» Тянь Ихэна, том 30, есть рассказ о природе, количестве и происхождении бедствия в Ханчжоу в конце династии Мин, который настолько ясен и конкретен, насколько это возможно.

На сегодняшний день такая хаппа — это разновидность древней маленькой собаки, которая была скрещена с собакой чау-чау и выросла более высокой. Стремянную собаку длиной четыре-пять дюймов можно спрятана в стремя..... Таких пород в Ханчжоу очень много, семья Шэнь Жувэнь получила пару самых маленьких из них от Сюй Гэлао с очаровательной фиолетовой шерстью.

«Сюй Гэлао» — это Сюй Гуанци (1562-1633). Этот старик был настолько достойным, что вырастил маленького мопса и подарил его Шэну. Очевидно, что в конце династии Мин ученое сообщество в Пекине и Ханчжоу уже разделяло предпочтение таких питомцев. Эта социальная тенденция была перенесена и в литературу: в «Сю Жу Цзи» Сюй Линя, том 31, описывается «пегая лошадь, скачущая вместе с собакой Сиеба»; даже в «Путешествии на Запад», в пятидесятой главе, создается вымышленная сцена: «Сзади вышла хаппа, посмотрела на путника и залаяла».

После вступления в династию Цина, собаку хаппа кормили больше людей, чем в предыдущей династии. XVII-XVIII века были «золотым веком» собак хаппа. С севера на юг располагались три центра разведения мопсов: Пекин, Янчжоу и Гуанчжоу. Среди владельцев собак были ханьцы, маньчжуры и иностранцы. На рынке хаппа продавалась с большой наценкой и была полностью коммерциализирована.

3.1 Пекин

Ван Шичжэнь (1634-1711), известный поэт династии Цин, рассказывает о своем опыте на храмовом празднике в Пекине в эпоху Канси во втором томе «Случайных высказываний Чибэй»: «На рынке храма милосердия я увидел персидскую собаку, не более фута высотой, с шерстью как у пурпурного соболя, остроухую, с острым клювом и короткими голеньями, с дорони, покрывающей спину, и очень умную, за которую просили пятьдесят золотых». Не забывая о своей истории, господин Юйян добавляет: «Это также была собака Персиковый Цветок, принадлежавшая императору Тайцзуну из династии Сун».

В «Цирковых представлениях чжучжицы» Ли Чжэньшэна также описываются обычаи эпохи Канси. В предисловии к книге «Собаки хаппа» есть описание ее акробатических навыков: «Самых маленьких собак учат выгибать лапки для поклона,

подражать пение, кружиться более десяти кругов, называемых «кругами собачьего бурения».

Этот вид хаппа, который «знает всякие трюки», может выступать на улицах, поэтому его, естественно, знают все женщины и дети. Неудивительно, что в тридцать седьмой главе «Сна в красном тереме» служанки Цинвэнь и Цювэнь, смеясь и шутя, высмеивали очаровательную Хуа Сичжэнь называя ее «цветочным хаппа Запада».

Во времени правления династий Цянь и Цзя в Пекине стало больше, чем в эпоху Канси, но их ценность оставалась прежней. Хуан Чжунтан отмечает в своем «Новом гимне столицы» под строкой «на затканной бамбуковой циновке гордо спит цветок Римской империи»: «Собака Римской империи очень маленькая и теперь является местным продуктом столицы. Лучшие из их породы стоят десятки золотых. Хозяева их лелеют и заботятся о них больше, чем о детях». Хуан не только указал на факт локализации собаки, но и раскрывает извращенный менталитет «ценить собак выше людей», возможно, с намерением назидания тем, кто потерял свое стремление играть с вещами.

Местная хаппа была любимцем аристократических семей столицы в конце династии Цин. В знаменитом альбоме Чэнь Шицзэна «Пекинские обычаи» шестнадцатая картина «Молодая женщина в платье с флагом» снабжена следующим стихотворением: «Новый комплект одежды стоит больших денег, алая блузка и домашний макияж. Золотые колокольчики и щенок следует за ней, а после ужина идет на рынок с сигаретой во рту». Это пример моды того времени. Гу Тайцин, известная маньчжурская дворянка и лирическая писательница, жалеющая непоседливых детей, показана во втором томе «Песни рыбака Восточного моря». В своей «Хуан Сиша — Песне о двух озорных детках» он рисует картину двух щенят, используя сочетание эмоций и слов:

Тепло спрятавшись в рукавах,

у щенка два пушистых ушка, увешанных парой золотых колокольчиков.

«Аннулярные булочки (шуанхуан)» — самое подходящее название для этого. Когда бамбуковые листья отбрасывают тени на занавеску, нарушая изображение луны.

Собаки лаяли на блики, которые так хорошо светились на стене
Только поздно ночью она заснула прижавшись к подушке.

Эти двое нежные и наивные, очень обаятельные и умные.

Заставить людей жалеть — их природный талант.

Когда они спят, будто позируют для картины, а когда играют, они могут быть удивительными.

Нежный звук издают, но еще не похож на лай.

Опечаленный смертью собаки, Гу Тайцин со слезами написал «Мань-тин-фань - Погребальную оду о слуге»:

Луна всегда теряется, облака легко рассеиваются, но жаль, что я так сражен. Какова воля Божья? Существо слишком хрупкое. Я все еще помню простой взгляд слуги, я все еще помню золотые колокольчики у тела. На туалетном столике я вспомнил имя моей маленькой красавицы. Ветер сильный. Ветер дует. Слезы хозяина остановились, а дождь с трудом унимается. Я боюсь спускаться вниз, в павильон Янцзы, где трава зеленая и грустная. Лопатка желтой земли на углу перил напоминает о надписи на ее голове.

Маленькие собачки хаппа, описанные в стихах Гу Тайцина, которых можно было «спрятать в рукаве», были широко известны как «обувные собаки» и являлись «миниатюрным» сокровищем на пекинском рынке домашних животных. Собаководы в Пекине в конце династии Цин использовали наркотики для контроля генетики породы, чтобы удовлетворить любопытство «дворцовых», и вывели особенно маленькую «обувную собаку».

В период правления Гуансюй Гэнсиня (1900-1901 гг.) один западный человек из Пекина приехал в Шанхай с тремя обувными собаками на продажу, попросив за них сто золотых, которые были получены во дворце. Это было сделано искусственным методом: когда обычную хаппу кормили киноварью в рисе, собака становилась меньше обычной, а когда ее кормили молоком, становилась еще меньше. Когда собака становится маленькой, как башмак, ее продают во дворец и могут выручить за нее высокую цену. (Вторая часть «Странной коллекции древних и современных времен»)

Что касается императорских собачьих стойл во дворце, то ими заведовали четыре евнуха, и увлечения вдовствующей императрицы Цыси (прим. переводчика — 1835-1908 гг., вдовствующая императрица, контролировала верховную власть в империи Цин в 1861-1908 гг.) хаппами подробно рассказывается в книге Дэ Лина «Туманные записи об императорских ароматах», так что нет необходимости останавливаться на них.

3.2 Янчжоу

Янчжоу расположен в месте слияния рек Янцзы и Хуай и

известен как «знаменитая столица Хуайцзо». Одним из многочисленных занятий, которым жители Янчжоу занимались в XVIII веке, было «разведение маленьких тигроголовых собак». Согласно книге, Линь Ланьчжи «Триста элегий о Ханьцзян», том 8:

Существуют разные виды собак, но тигроголовая собака — самая могучая. В городе Ян многие покупают маленьких мопсов из столицы (Пекина), чтобы получить их дух, и даже берут тех, кто имеет форму тигра, чтобы спрятать и вырастить их. Но не больших, а маленьких.

Похоже, что три слова «мужественный, духовный и маленький» — это секрет жителей Янчжоу, которые едут в Пекин, чтобы купить мопсов.

Цзинь Нун (1687-1763), один из «Восьми чудаков Янчжоу», также был эксцентриком, любившим собак. Он был независим, пренебрежительно относился к своей карьере и имел странный стиль. В третьем томе «Сборника живописи Янчжоу» Ван пишет об отношениях жизни и смерти между этим выдающимся художником и его питомцем «Ацью»: «У него была собака иностранной породы по имени Ацью, которую он кормил мясом каждый раз, когда ел. Когда Ацью умерла, он написал о ней поэму». Цзинь Нун был так тронут смертью Ацью, что эта история неизбежно распространилась среди его сверстников. Известный поэт Юань Мэй написал стихотворение под названием «Портрет грустного господина» («Сборник стихов о монастыре на горе Сяоцань», том 28), в котором он написал такие строки: «Иногда мы вместе говорим о цыплятах, иногда поем песни о собаках», ссылаясь на историю о том, как Цзинь Нун плачет над своей любимой собакой.

3.3 Гуанчжоу

Во времена династии Цин самым известным владельцем хаппы в Гуанчжоу был Шан Чжисинь, сын Шан Кэси — короля Пиннаня. У Шан Чжисиня была «конура», где он держал «гуандунских гончих и маленьких собачек Хаппа». У него также был «дом для насекомых», «дом для канареек и воробьев» и «дом для орлов и ястребов», и все это на песчаной земле у подножия горы Юэсю. Об этих питомцах хорошо заботились и тщательно ухаживали слуги. «Некоторых собак называли «господин» (сянгу), а других — «младший брат». Каждый день евнухи одевали их в вышитые одежды и выводили в центр города, чтобы показать их» (Хуан Фойи «Записи обороны города Гуанчжоу» том 1). По вышесказанному, нетрудно представить, как при кровавом правлении короля Пиннаня простые люди в Гуанчжоу

сторонились этих собак, когда видели, как «младших братьев» выводили на прогулку.

В 19-ом году правления Канси (1680 г.) произошел «отказ от власти королей», и Шан Чжисинь получил императорский приказ покончить жизнь самоубийством. После этого его конура также была закрыта. Затем в 1685 году, когда в Гуандуне было создано морское таможенное управление, и когда все больше иностранцев приезжали, привозя своих собак, тринадцать хонгов стали новым центром домашних животных. Ниже приводится рассказ очевидца даоса Цинляна («Великие записи слышащего дождя»).

Я видел несколько пар иностранных собак в Шисаньхане в Гуандуне, по форме напоминающих гигантские баклажаны, ничем не отличающиеся от обычных собак при рождении, черного, белого и коричневого цвета, виляющие хвостами и кивающие головой, прирученные, каждая пара которых стоила от 20 до 30 юаней.

В сорок седьмом году правления Цяньлуна (1782 г.) Цзэн Цижун, ученый из Цзясяна провинции Шаньдун, также видел иностранную собаку, известную как «карликовая собака», в голландском павильоне в Гуанчжоу («Маленький навес», том 16, «Записи о путешествиях на Юг»). В те дни иностранные собаки, цена которых составляла несколько юаней, предположительно импортировались прямо из Макао и имели то же происхождение, что и собаки хаппа, живущие в Пекине: одни пришли с Запада, другие — с Южно-Китайского моря. В книге Цу Дацзюна «Новые речи Гуандуна», том 21, уже приводится информация на этот счет: «Устричное зеркало Макао полно иностранных собак, низкорослые и маленьких, с волосами как у льва, которые могут стоить больше десяти золотых». Характеристики различных видов собак уже были перечислены в следующем томе «Хроник Макао», поэтому я не будем их повторять.

К слову, хотя собаки хаппа уже давно фигурируют на картинах, и поэт Ван Янь из династии Южная Сун тоже воспевал в «Картине купающихся щенят династии Тан, собранной Сюй Цаньни» («Хроника стихов династии Сун», том 54) как «Пеструю собаку, которую несомненно ласкают люди», но впервые она была создана гуандунскими художниками династии Цин, чтобы продемонстрировать их эстетическую ценность с точки зрения теории живописи. Чжэн Цзи, известный линьнаньский художник эпохи Цзя и Дао, родом Синьхуэй написал «Краткое введение в живопись фантазийного дома», и в главе «О животных и зверях» он предлагает следующий новый взгляд.

Собака — это домашнее животное, форм которого существует множество, но есть и разновидность собаки, высотой в три фута, как маленькая лошадь, либо черная, белая или палевая. Есть также маленькая собака с шерстью такой же длины, как у льва, которая еще более интересна на картинах. Голова собаки похожа на тыкву, уши — на раковины моллюсков, живот — большой и маленький, а хвост часто вертикальный и размахистый, хотя существует множество типов, но есть два вида — со сплошной и с распушенной шерстью. Картина должна быть основана на методе написания про львов и лошадей.

Здесь Чжэн Цзи явно выступает за использование собак хаппа в качестве предмета китайской живописи и тщательно планирует технику и моделирование, что, возможно, не будет преувеличением, если сказать, что это первый случай в теории искусства, когда для собак хаппа был создан «стиль живописи».

Со времен династии Ли Тан люди любили этих «несчастных». Секрет, как сказал ранее Чжэн Цзи, заключается в слове «веселье». Хаппа не является ни дверной, ни охотничьей, ни снежной собакой, способной нести тяжелый груз. Если ориентироваться только на утилитаризм, то не будет слишком многого, если сказать, что от «хаппы нет никакой пользы». В истории и в реальности причина ее популярности, как золотой рыбки среди рыб и попугая среди птиц, заключается в том, что собака обладает декоративной ценностью, не встречающейся у обычных собак, способностью трогать умы, вселять оптимизм в дам гарема и даже литераторов своим отношением, своим интеллектом и своей неправдоподобной привязанностью к людям. Уникальная роль хаппы как объекта сопереживания не может быть заменена никаким другим видом. Таким образом, хотя собаки хаппа с Запада не способствовали повышению благосостояния страны, они принесли новые удовольствия в духовную жизнь китайцев. Именно в этом смысле он стал шедевром китайской культуры, сохранившимся на протяжении тысячелетий. Что касается владения хаппами, которые были заметным потреблением досугового класса, то в «Теории нерабочего класса» Фань Болуня уже анализировалась экономика этих домашних животных.

Обзор происхождения собак хаппа — это «долгое» занятие, охватывающее династии Тан, Сун, Юань, Мин и Цин. Информация рассеивается и теряется, как сломанная медная нить. Приведенное выше беглое рассмотрение не было бы «жалкой тратой времени и усилий», если бы оно могло проиллюстрировать, что «стремительность также является зеркалом культурного обмена между Востоком и Западом». Поиск автором собаки в

куче бумаги не является «жалким усилием».

Наконец, 21 синоним слова хаппа, полученных путем перебора и расчесывания, были сведены в таблицу, которая служит резюме всего текста.

Список разных имен мопсов прошлых династий

Династия	Имена	Место
Тан	Собака Римской империи (Фулинь)	Гаочан
	Щенок Канго	Чанъань
	Белоснежный	Чанъань
	Цветок	Минчжоу
Сун	собачка	Пяньцзин
	собака Персиковый	Пяньцзин
	Цветок	
Юань	золотистый ретривер	Великая столица
	хаппа	Хаочжоу
Мин	щеночек Сиеба	Пекин
	карликовая собачка	Ханчжоу
Цинь	пес-стремьянка	Ханчжоу
	Персидская собака	Пекин
	хаппа	Пекин
	цветочная хаппа	Пекин
	Запада	Пекин
	Цветок Фулиня (Римской империи)	Пекин
	обувная собака	Янчжоу
	тигроголовая	Янчжоу
	собака	Гуанчжоу
	собака иностранной породы	Гуанчжоу
борзая хаппа		
низкая собачка		
собачка Фань		

Лев в Китае

Историческая судьба льва на перекрестке западной и китайской культур характеризуется поляризацией: с одной стороны, как дань Запада, лев был только декоративным, но не практичным, и поэтому не мог культивироваться и тренироваться так же, как лучший скакун, и даже было много случаев, начиная с династии Тан и заканчивая династией Мин, когда он был «отвергнут» властями. С другой стороны, лев уже давно разделил видное место с китайским «духом», распространившись по столице и сельской местности, проникнув во все сферы культурной жизни, став популярным и благоприятным символом народа. История льва в Китае является, так сказать, типичной для изучения трансформации как материальных, так и духовных систем в процессе культурной трансмиссии, интеграции чужой и местной культур.

4.1 Западное происхождение льва

Слово «лев» не встречается в «Происхождении китайских иероглифов». Лев в древнекитайском языке является иностранным словом, как подробно показал известный лингвист Ло Чанпэй: исходя из противоположного произношения, Уотер считает, что лев *šī* происходит от персидского *sēr*. Однако, Лофер не вполне удовлетворен этим заявлением. «Ведь так называемого «персидского языка» не существовало в то время, когда первый лев был предложен Китаю народом юэши в 88-году н.э». Примерно в конце I века — это слово было завезено в Китай через посредство юэши, первоначально из какого-то восточноиранского языка. Там морфология слова — *šē* или *šī* (тохарский язык, *s'isak*), которое также не имеет рифмующихся согласных, как и китайское деление *šī* (*š'i*)». Французские синологи, такие как Шаванн, Пеллио и Кордые, также отмечают контрастное произношение этого иероглифа. Пеллио считал, что «от этимологии *xša -θγα*, которая некоторое время использовалась иранологами по отношению к персидскому *ser*, следует отказаться. Ведь Кордые уже указывал, что это слово происходит от согдийского *šγw, šarγ?* «лев». В любом случае, мало кто сомневается в том, что это слово иранского происхождения, хотя некоторые не признают его так называемым «персидским». Бернхард Карлгрен также воспринял слова профессора Моргенштерна и говорит, что «лев си является аналогом иранского «транслитерация амэнь».[44]

В древние времена Запад был популярным местом для поклонения львам. От Индии до Персии лев был сильно мифологизирован и стал символом божественной силы и царской власти как в монашеских, так и в светских кругах.

(1) Индия. Буддийские писания отводят льву высший статус в царстве животных. В сутре «Большой сборник», том 10, говорится: «В прошлом жил царь-лев в глубокой горной пещере, который думал: «Я — царь всех зверей, и я могу присматривать за всеми зверями и защищать их. Как «царь зверей», могучий лев с самого начала был защитником Дхармы. В «Сутре о происхождении буддийских учений наследного принца» говорится: «Когда Будда только родился, пятьсот львов пришли со снежных гор и встали у дверей». С тех пор Будда сидел на львином сиденье, давал свои учения и рычал как лев, став «львом среди людей». В III веке до н.э. Ашока построил каменные столбы Эдикта Каноена для распространения учения Будды, которые были украшены четырьмя львами.[45]

(2) Культ льва в Персии также имеет долгую историю. Согласно «Суй Шу», том 83, «Повествование о Персии»: «Царь носил корону из золотых цветов и сидел на золотом львином сиденье». В длинной эпической поэме «Шахнаме», завершённой в 994 году древнеперсидским поэтом Фирдоуси, содержатся героические фигуры, большинству из которых дано элегантно имя «лев», например, «Дастан-лев» и «Сохраб — лев».

(3) Легенда об основании Арабского халифата (Аравии) удивительным образом связана с оракулом льва. В «Книге о старой династии Тан», том 198, «Повествование об Арабском халифате», говорится: «В середине Дайе (605-617) на горе Цюйфэнь Модена стоял перс, пасший верблюдов. Вдруг с ним заговорил человек-лев: «На западе этой горы есть три пещеры, в которых находится оружие, ты можешь взять его. В пещерах также есть черные камни и белые надписи, и если ты прочтешь их, то станешь королем».

Древняя западная дань львами была основана на вышеупомянутом культе льва как на религиозной, так и культурной основе.

До наших дней не сохранилось древних текстов, в которых содержалась бы окончательная запись о разведении львов в Китае. Ученые всех веков почти единодушно утверждали, что львы пришли с Запада. Монах Хуэй Линь династии Тан сказал: «Мифические звери — это тоже львы, и они пришли с Запада». («Произношение и значение всех сутр», том 71) Ли Шичжэнь, ученый династии Мин, также сказал: «Львы пришли из западных стран». («Компендиум лекарственных веществ», том 51) В конце

династии Цин ученый Вэнь Тин-ши утверждал более подробно: «Львы — это мифические звери, а не китайские. Если бы они существовали до эпохи Трех династий, то стихи и книги назывались бы не слонами-носорогами, а львами. («Чистый язык ветви Чанцзы» том 23) Исторически лев был введен в Китай в качестве дани с Запада. Самая ранняя запись об этом содержится в третьем томе «Книги поздней династии Хань»: в первый год правления императора Чжан Хэ (87) государство Юэши предложило львов, а во второй год (88) государство Аньси. Последующие подношения львов записывались из поколения в поколение, пока португальский посланник Бенедикт не подарил африканских львов на 17-м году эпохи Канси (1678 год). В течение этого долгого периода, который длился XVI веков, львы в качестве дани с Запада перевозились в основном по суше, морские перевозки были редкостью. Определить местонахождение каждого последующего поколения такой дани не представляется возможным, учитывая ограниченность литературы. Единственный, чье местонахождение известно, — это лев, «предложенный царем Персии» в конце правления императора Сяомина из династии Северная Вэй (520-525). После шестилетнего пребывания в Китае, «в первый год правления Путая (531), король Гуанлин вступил на престол и постановил: «Было бы против природы заключить зверя в клетку, поэтому его следует вернуть в горы». Льва также было приказано вернуть в свою страну, но отправители не смогли этого сделать из-за расстояния до Персии, поэтому они убили зверя в дороге и вернулись» («Хроника монашеских общин-сангхар Лояна», том 3). Что касается судьбы других львов, то, вероятно, поэт Ню Шан-ши из династии Средняя Тан в своей «Фуге и предисловии ко Льву» сетовал: «Золотой замок надолго завязан, а железная клетка закрыта навеки. Я скорблю о неловкости этой жизни и тоскую по старой стране с печалью и восхищением». («Цюань Тань Вэнь», том 398).

Если репатриация была ответом на обращение с западными львами в Китае, то «отказ платить дань» был еще более сильным ответом. В марте первого года правления династии Тан (696 год) Яо Ци в своем «Ходатайстве об подношении льва из страны Шаш (прим. переводчика — древнее государство на территории нынешнего Ташкента)» изложил причины, по которым дань была неуместна: «Лев — свирепый зверь, питающийся только мясом, и он перебрался из Суйе в столичный округ, где мясо трудно достать и очень дорого («Цюань Тань Вэнь», том 169). Этот довод танского двора не принимать дань, который был направлен на экономию «труда и расходов», был дополнен при династии Мин. В семнадцатом году Чэньхуа

(1481) султан Самарканда предложил двух львов, но Лу Жун, официальный министр, сказал: «Львы, конечно, удивительные животные, но их нельзя приносить в жертву в пригородных храмах, и они не должны использоваться в повозках для лошадей, поэтому их не следует принимать». Во второй год эры Хунчжи (1489) Самарканд снова привез львов, и министр обрядов Ни Юэ попросил отозвать дань, сказав: «Я думаю, что львы, привезенные Самаркандом, — это звери варваров, а не то, что должен хранить Китай. Если их держать внутри, они не будут красивым зрелищем для двора, а если их разместить снаружи, они не будут полезны для армии. Львы — бесполезные предметы, но это полезные деньги». Император Сяоцзун из династии Мин принял его слова, и Ли Дунъян написал за это поэму «О льве в качестве дани», восхваляющую Его светлость:

В начале Вань Ли лев был преподношен в качестве дани. Какое-то время управлению дворцовым секретаритом все нравилось. Познание священных учений начинается с сердца. Как говорят, правда глаза колет! Во времена династии Хань дракона перевозили как лошадь, а семья Суй птицу — как феникс. Только те, кто осмеливается писать дифирамбы о династии Цин, смогут написать новую поэзию с чистым сердцем («Рекорд династии Мин (1574 г.) об исследованиях и международных отношениях», том 15).

«Лев был объявлен нежелательным животным. Этот ответ на общественное мнение, который сильно отличается от западного культа льва, следует интерпретировать в свете древнекитайского представления о льве.

4.2 Древнекитайское представление о льве

Хотя львы не являются коренными жителями Китая, их привозили на протяжении веков, предоставляя возможность непосредственного наблюдения, и поэтому описания львов в древней китайской литературе в высшей степени документальны. В династию Мин Хуан Син написал том «Писаний о зверях» («Бумаги об Имэнь и Гуандуне», том 21), в котором содержится специальный рассказ о львах, но он слишком краток, чтобы отразить конкретные наблюдения древних. Теперь лев классифицируется в соответствии с полученной личной коллекцией информации, как описано ниже.

1. Внешность

1) «Записи о династии Восточная Хань»: «Лев по внешнему виду напоминает тигра, желтый, бородатый, с кончиком хвоста размером с ведро». То же самое записано в «Энциклопедии» в 192 томе «государство Селевкидов».

2) В «Рапсодии о льве» («Шицзи фу») Юй Шинаня написано: «Как выглядит лев? По форме он отличается от других зверей: у него широкая грудь и длинный хвост. Его мышцы и кости переплетены. Его шерсть выглядит мягкой, но в то же время прочной. Когти похожи на крючки, а зубы острые, как пила. С опущенными ушами и коленопреклоненной позой он, тем не менее, скрывает свою бодрость и силу для большого натиска, когда представится возможность.»

3) Лю Юй, «Записи с Запада»: «У льва-самца есть грива, и хвост как кисточка, он может причинить людям вред. А его рев исходит из живота».

4) Дао Цзунъи «О повестях», том 24: «Тело короткое и маленькое, абсолютно похожее на золотистошерстных резвых собак, которых держат люди. Когда звери видят его, они в страхе склоняются, не смея взглянуть вверх, так велико давление воздуха».

5) Ма Хуань, «Обзор берегов океана», Аданьго: «Внешность льва напоминает тигра, черно-желтый без пятен, с большой головой и широкой пастью, длинным черным хвостом, с гривой и ревом, подобным грому, все звери, увидев его, преклоняются и не смеют встать, так как он царь зверей».

2. Поведение

1) «Жизнеописание сына Неба Му», том 1: «Мифическое животное подобно дикой лошади, проходит 500 миль в день».

2) Яньячжи «Хроника монашеских общин-сангхар Лояна», том 3: «Император Чжуан сказал слуге Ли Юю: «Я слышал, что тигр, увидев льва, закрывает глаза, поэтому я хочу проверить это». Поэтому он приказал близлежащим горным округам поймать тигров и отослать их. Гунсянь и Шаньян отослали двух тигров и одного леопарда. Император наблюдал за ним в саду Хуалинь. Когда два тигра и один леопард встретили льва, все они закрыли глаза и не осмелились посмотреть вверх. В саду был также слепой прирученный медведь и император захотел попробовать пообщаться с этим животным. Когда чиновник, отвечающий за лесное хозяйство, подвел его, слепой медведь почуял запах льва. Он тут же в ужасе отпрыгнул в сторону и побежал прочь, не снимая цепей».

3) Дао Цзунъи «О повестях», том 24: «Когда других зверей кормили цыплятами, утками и другой дичью, другие звери давили их когтями, а зубами и языком выдирали перья. Но лев поднял птицу лапой и подул на нее, после чего перья опали, как снежинки. Это выглядело так, как будто птицу депилировали в

горячей воде. Вот почему он отличается от всех других зверей».

3. Питание

1) «История Мин – повествование о Западном крае»: «Лев ест двух сырых баранов в день, и по две бутылки уксуса, горького вина, меда и каши».

2) «Жемчужная лодка»: «Лев из львиного дома номер 2 ежедневно съедает полторы живых овцы, четыре таэля сахара, две бутылки овечьего молока, две бутылки уксуса и один таэль и три монеты душистого перца».

4. Одомашнивание

1) Чэнь Чэн «Истории вассальных владений Западного края»: «После рождения он открывает глаза только через семь дней. Для тех, кто хочет поймать и приручить его, лучше всего получить его, когда его глаза остаются закрытыми. Когда лев вырастет, его будет трудно приручить, так как он становится свирепым и жестоким».

2) Лян Чжанцзюй, «Сборник рассказов о странствовании», том 6, династия Мин: «Для вольера, где обитает лев, из кованого железа делают столбы, от которых расходятся две железные цепи, каждая из которых обвивает шею льва, одна слева, другая справа. Перед тем как выпустить льва, в землю вбивают большой железный кол длиной шесть-семь чи и диаметром один чи с двумя большими железными кольцами на одном конце, оставляя над поверхностью только кольца. Когда лва выпускают, двое укротителей прикрепляют цепи к кольцам, а затем тянут цепи в разные стороны, чтобы лев не мог двигаться. Затем евнух отдает приказ играть в мяч. Взяв два разноцветных клубка пряжи размером с круглодонное ведро, один укротитель начинает играть с клубком первым. Лев лежит на земле и следит за его движениями. Когда укротитель видит, что лев встает, чтобы схватить мяч, он тут же бросает его льву. Держа мяч между двумя лапами, лев потом долго играет, не опуская его на землю». Тянь Ихэн, «Лю Цин Жи Чжа», том 29, записи примерно одинаковые.

3) Ван Юйгуан, «Пословицы и парные надписи княжества У», том 1: «Львы любят катать шары, но шаров в дикой природе не найти. Когда в качестве подношения приходит маленький лев, укротитель берет мячик, который представляет собой обрезанное скопление кусочков яркого шелка, и играет со львом. Доставляя ему радость, укротитель может вылепить его характер, сделав его редким зверем в королевском саду».

5. Подавление

1) Ма Хуань «Обзор берегов океана» главнокомандующий государства Моси: «Зверь первого ранга, известный как летающая кошка, по имени Сия Гуоши (согласно Фэн Чэнцзюнь примечание: персидское имя *siyāhgōs* противоположного звука, это слово «черные уши», то есть научное название *Felis Caracal* рыси). Он крупный, как большая кошка, и все его тело похоже на черепаховый панцирь или пятнистую кошку, а заостренные уши — черные. По своей природе он бесхитроу и не причиняет вреда другим. Но при виде такие свирепых зверей, как львы или леопарды, все замирают на месте. Это действительно царь зверей».

2) В «Хрониках о местах для гостей» Шэнь Чжоу упоминает льва западных варваров (прим. переводчика – о европейцах) в качестве дани во времена династии Мин: «Есть два маленьких зверька по имени Хоу, похожие на кроликов, с длинными заостренными ушами, длиной всего около фута. Когда лев демонстрирует свою силу, тянет Хоу и смотрит на него, он не осмеливается пошевелиться в страхе перед подчинением. Если моча хоу брызнет на тело льва, то это место немедленно сгниет».

Как уже говорилось выше, очевидно, что в сознании древних китайцев лев с Запада был лишь «чужим» или «удивительным» зверем и не считался «редким». Лев не считался «ритуальным животным» и был полностью исключен из числа благоприятных объектов феодальной ритуальной системы. Согласно 4-му тому «Шести уложений Тан», лев не был включен ни в один из великих, верхних, средних или нижних обрядов. Это представление о льве как об «отвратительном звере» (династии Хань, Мин) и акт «дани» отражают глубоко укоренившуюся избирательность в процессе культурного обмена.

На 17-м году правления Канси (1678) итальянский иезуит П. Людовикус Бу- глио (1606-1682) написал «Сказку льва» в Пекине. В своем предисловии он гласит: «Этот рассказ о внешнем виде и телосложении льва, а также о его природе и силе, предназначенный не только для удовольствия глаз и ума. Необходимо знать, что есть Творец мира, который питает все вещи и является хозяином всех устройств, чтобы все вещи имели свое место, и мы должны всегда славить и восхвалять Его».[46] Эта гибридизация католической теологии и современной зоологии не изменила и не могла изменить традиционное китайское представление о льве.

Далее мы перейдем от изучения видов к изучению образа и посмотрим, как лев сияет в Китае.

4.3 Китаизация образа льва

Одним из самых влиятельных каналов распространения западной культуры льва в Китае было буддийское искусство. Монахи использовали буддийские картины и статуи для визуализации «Короля Льва» из буддийских писаний. Согласно «Сутре Нирваны», том 25, лев в индийском стиле описывается следующим образом:

У него квадратная челюсть, большая голова с крупными костями, мясистое тело, длинные глаза, высокие брови, широкие брови, квадратный рот и нос, острые зубы, красно-белый язык, острые уши, прямая спина, незаметное брюхо, мягкий и мощный длинный хвост, блестящая грива. Знает свою силу, острые зубы и когти, твердо стоит на ногах, скалистая пещера не смолкает от звука взмаха хвоста. Если есть кто-то, кто имеет такую внешность, то он — настоящий король-лев.

Манджушри бодхисаттва верхом на льве — распространенный сюжет в буддийском искусстве, и он четко представлен в двух лучших памятниках династии Тан. Первый — это зал Бодхисаттвы в горах Вутай, где «статуя льва верхом на льве заполняет пять залов, и его львиный дух, с целыми костями, имеет импульс движущегося шага, а его пасть увлажнена воздухом; если смотреть на него долгое время, кажется, что он находится в движении». (Эннин (прим. переводчика — 793 — 864 гг., основатель японской школы тэндай-сю) - Записи о вступлении паломничества Драгмы во времена династии Тан», том 3) Второй - 25-я стенная роспись пещеры Юйлин в Ганьсу, где Манджушри изображен с мощным и величественным зеленым львом в качестве своего скакуна, вместе с охранником-кунлуну. Буддийская живопись льва не является иконографией животных, и его отличие по форме от звероподобного льва часто вызывало путаницу среди древних китайцев. Некоторые жаловались на искажение львов, например, эмиссар Северной Вэй Сун Юнь, который в начале VI века увидел двух живых львов в государстве Бади (ныне Балх) и воскликнул: «Львы настолько величественны, что ничто из нарисованного в Китае не может с ними сравниться». («Хроника монашеских общин-сангхар Лояна», том 5) Некоторые подозревали, что львы были поддельными, и в период Юань «появился лев с головой как у тигра и телом как у собаки, зеленого и черного цвета. Во дворце решили, что лев не похож на нарисованного, и заподозрили, что он не подлинный» (Чжоу Ми, «Разные заметки о Гуй Синь», продолжение). Как можно объяснить эту загадку культуры льва, которая кажется настоящей, но не является таковой, и которая кажется поддельной, но также не является таковой?

Львы, импортированные с Запада в древние времена, будь то индийские или персидские, все были представителями чужой культуры и подчинялись ограничениям традиционной китайской культуры: персидский лев с зубами и когтями стал более миролюбивым, а индийский лев с его «красно-белым языком» был свиреп. После долговременной интеграции и трансформации изображение китайского льва наконец приобрел уникальный образ.

1. Лев под драконом

Древние китайцы поклонялись «четырем духам»: единорогу, фениксу, черепахе и дракону. Боги предков в Китае, Фуси (прим. переводчика — легендарный первый правитель Китая, божество - повелитель Востока) и Нюйва (прим. переводчика — одна из великих богинь китайского (даосского) пантеона, создательница человечества, избавительница мира от потопа, богиня сватовства и брака), были человекообразными драконами. Император также почитался как дракон. Вся земля Китая стала почти землей драконов. Чтобы выжить в такой культурной экологии, иностранный лев не мог иметь такого же высокого статуса, как на Западе, но должен был быть включен в модель «львы под драконами», что привело к старой легенде о том, что «лев — пятый из девяти сыновей дракона» («Гэ Чжи Цзинъюань», том 90). Здесь мы приведем следующие примеры: Во-первых, после вступления У Цзэтянь на престол династии Тан она выковала «Хвала Дубхе» — восьмиконечный бронзовый столб. На этом огромном «священном сосуде» в центре изображен дракон, а сбоку — лев. Во-вторых, в гробнице Ван Цзяня, бывшего предка Гаоцзу в эпоху Пяти династий, в задней комнате была установлена каменная кровать в подражание императорской кровати, с рельефной резьбой на передней части, также с драконом в центре и львами по бокам.[47] В-третьих, на вышитых халатах официальных мундиров династии Тан «цари были украшены драконами и оленями», а «гвардейцы левой и правой охраны были украшены львами» (Ван Пу, «Свод основных сведений по эпохе Тан», том 32). Этот вид драконьих и львиных мантий с явным достоинством и неполноценностью использовался до династии Цин: императорские сыновья, принцы использовали круглый орнамент «свёрнутый кольцом дракон», военные чиновники первого и второго ранга носили только львиные халаты. Очевидно, что в светских и феодальных ритуалах древнего Китая лев не был ни выше, ни равнее дракона, и утратил всю свою значимость как символ божественной власти и царственности на Западе, и мог лишь примыкать к церемониальным рядам и появляться в виде идущего или приседающего льва на могильных дорожках сменяющих друг

друга императоров, охраняя «осенний ветер, закат (прим. переводчика — в основном используется, чтобы подчеркнуть ветхость страны и опустошение душевного состояния), Ханьский двор».[48]

2. Мощь, но не ярость

Во времена Южных династий, когда процветал буддизм, в китайской пластике были популярны львы в индийском стиле, представленные в виде каменного льва с высунутым языком. Львы на восточной стороне гробницы Чжоу Уван, царя династии Лян, умершего в третьем году (522 г.), как большие, так и маленькие, имели длинные языки. Каменный лев перед гробницей Сяо Цзина, маркиза Пинчжуна, умершего в четвертом году (523 г.), «сейчас — это восточный лев, самец с тучным телом, выступающей грудью и вздымающейся спиной, а также наклоненной головой и языком».[49] Согласно традиционной китайской культуре, язык — это «духовный корень», и его следует прятать и не показывать. К династии Тан лев с «красным и белым языком» становился все более редким, и единственными распространенными формами были те, в которых пасть была открыта, а зубы обнажены. Пересмотр «высунутого языка» стал важным шагом в китаизации образа льва. В своей «Фуге о каменном льве в городском квартале» Янь Суйхоу, писец периода Кайюань (713-741 гг.), описывает появление льва в эпоху Тан во всех его формах и проявлениях: «За сотни городов чувствуется грозная сила льва, устрашающая тех чиновников низшего ранга, которые приходят к нему в гости. На протяжении тысяч миль властная сила льва остается неоспоримой, в отличие от бессмысленной демонстрации силы тигра. С огромными когтями, которые не хватают, люди знают, что он одомашнен; с острыми зубами, которые не кусают, люди знают, что он добрый и нежный».[50]

Показывается, что этот мощный, но не злой каменный лев не только обогатил атмосферу династии Тан, но и создал стандартизированный стиль, который стал нормой для последующих поколений статуй львов.

3. Гармония между человеком и львом

В древнеперсидском искусстве часто можно встретить льва и человека, сражающихся в так называемом «сасанидском стиле», который процветал в сасанидский период (226-642 гг.). Этот стиль был настолько распространен, что в то время в Западной и Центральной Азии в мотивах тканей и украшениях из золота и серебра часто встречались сцены охоты: тяжелооруженные рыцари отстреливаются от набрасывающихся на них львов.

Сохранившаяся в Японии «охотничья парча Хорюдзи с четырьмя всадниками на львах и серебряная чаша с мотивами охоты», найденная на берегах Амударьи, типичны для «сасанидского стиля».[51] Зрелищные сцены борьбы человека и льва, когда одна сторона убивает, а другая бьется, могли быть популярны на Западе, но не могли распространиться в Среднем королевстве. Это связано с тем, что в традициях китайской культуры отношения между человеком (миром людей) и Небом (природой) должны быть гармоничными, а не конфронтационными. Начиная с династий Тан и Сун и до конца династии Цин, «лев, играющий с вышитым мячом» (основанный на китайской технике дрессировки львов), который был почти бытовым названием, был художественным выражением гармонии между человеком и львом, и использовался не только как украшение на бронзовых зеркалах и фарфоре, но и как важный сюжет для народного искусства и вырезания из бумаги.

4. Семейные группы

Антропоморфизация львов часто встречается в буддийских историях и в «баснях Эзопа». Родовость льва уникальна для китайской культуры. Большой лев, его детеныши и мать с детенышем образуют семью львов, похожую на древнегреческие групповые скульптуры. В древнем Китае перед храмами, официальными учреждениями и залами предков обычно ставили пару каменных львов — самку слева и самца справа, оба в сидячем положении. У льва-самца под левой лапой вышитый мячик, а у самки — львенок под правой лапой. Эта семейная группа вполне человеческая, и поэтому стала образцом для всех львов у ворот. Например, в храме Биюнь в Пекине времен династии Цин «каменные львы расположены на восточной стороне горных ворот. Самец худой и костлявый, с черной шерстью. Самка толстая и мясистая, с зеленой шерстью из мха и вышины. Животы чисто белые, а резьба изысканная». Из диаграмм, написанных Линь Цин, следует, что форма Биюньского каменного льва представляет собой сочетание льва, играющего с мячом, и матери с ребенком.[52] Знаменитая пара каменных львов перед домом Цзя во «Сне в красном тереме» подобным образом подобрана. Этот семейный характер льва отражает не только усвоение ориентированной на семью китайской культуры, но и художественные достижения древних каменотесов.

К династии Цин лев полностью утвердился в китайской живописи и резьбе, и появился соответствующий теоретический обзор. Чжэн Цзи в своей книге «Краткое изучение живописи в фантастическом доме» (1866) писал: «Лев — самый главный

из всех зверей, поэтому его называют львом. У него желто-зеленый мех, вытянутая голова и длинный хвост, крючковатые когти и пилообразные зубы, уши и нос, молниеносный взгляд, огромный рот и грива, шерсть и морда. Кисть на хвосте большая, как шар, а шерсть по всему телу рыхлая и резвая, как у собаки. Юй Шиннан говорит, что он свиреп, как тигр, который проглатывает храбреца, и как носорог, который раскалывает слона. Поэтому, если лев нарисован с улыбкой и без мощи, то этот художник не так хорош.[53] Что касается резьбы львов, Ли Доу в томе 17 «Записей о живописных лодках Янчжоу» (1795) излагает следующие особенности конструкции: «Резьба по льву включает в себя все: голову, морду, тело, лапы, зубы, пах, вышитый пояс, колокольчик, волосы на шее, вышитый шар и львенка».[54] Так называемая «прядельная нить» относится к гриве льва в виде шиньона, которая и сегодня используется народными каменщиками как часть процедуры резьбы льва.

4.4 Лев в фольклоре

Исторически сложилось так, что китайский лев является популярным и любимым образом для многих людей, его знают все женщины и дети как в городской, так и в сельской местности, что значительно обогащает культурное содержание китайского фольклора. Три самых известных — это танец льва, сахарный лев и снежный лев. Стоит вспомнить об этом наследии династий Тан и Сун, дошедшем до наших дней.

1. Танец льва

Танец льва был популярен в Китае со времен династии Тан и исполнялся во всех провинциях на севере и юге страны. Согласно «Новой книге Тан — ритуалы и музыка», «Танец пяти квадратных львов» в то время был индивидуальным с точки зрения артистов и реквизита.

Каждый лев был украшен двенадцатью мужчинами в раскрашенных одеждах, держащими красные виски и с красными мазками на головах, называемыми господами львами.

Со ссылкой на другие документы можно сделать два конкретных анализа «пяти львов»: во-первых, внешний образ льва. В книге Бай Цзюйи «Движение за обновление поэзии - Искусство Западной Лян» он описывается так: «Резное дерево для головы и шелк для хвоста, позолоченные глаза и серебряные зубы. Это был лев, выходящий из песка». Это прототип современного «льва». Во-вторых, цвет льва. Среди пяти цветов «желтый» был цветом императора, и никто, кроме императора, не мог станцевать желтого льва. Знаменитый поэт Ван Вэй однажды нарушил табу и понес большие потери: «Когда он служил

заместителем мастера музыки, Ван Вэй был подстрекаем к исполнению танца льва внутри желтого льва, за что был понижен в должности. Танец желтого льва может исполнять только император. Это следует помнить молодым поколениям. (Ван Дань: «Собрание танских сказаний», том 5).

Танец льва передавался и совершенствовался из поколения в поколение и стал массовым китайским обычным танцем. Нередко танцы львов исполняются на фестивалях и праздничных мероприятиях. Конечно, как обычаи отличаются от севера к югу, так и танцы. В регионе Гуандун во времена династии Цин сочетание «танца» и «боевого искусства» стало прекрасным примером искусства танца льва в Китае. Рассказ Чжана Синтая о танце льва в Чаочжоу в период Тунчжи (1862-1874 гг.) поражает воображение:

На Новый год в Чаоцзя проходят танцевальные представления с пятицветной тканью, изображающей туловище и голову льва. Например, драматический стиль: один человек держит голову льва, а другой держит львиный хвост. Один в красной маске с большой головой, в короткой шубке, в правой руке держит бамбуковый наконечник, а в левой — пальмовый веер, это монах Ша. Другой — невысокий, компактный мужчина с прозрачным лицом. В сопровождении более десяти юношей, держащих копыя, щиты, вилы и палки, машут красными платками, и бьют гонги. В первый день первого лунного месяца они ходят в храмы различных деревень, чтобы отдать дань уважения тому, что называется «львиный женьшень». Это просто день поклонения, никаких кулаков и палок. На второй день первого месяца монах Ша сражается со львом, а после боя выставляет бамбуковую раму и заставляет детей прыгать на нее, а затем он использует кулаки и палки, и вся молодежь выходит на площадь, чтобы показать свои боевые искусства. Вначале исполняются боксёрские навыки, последним идет сбор ножей: накрывают большой стол, острые ножи стоят перед ним, атлетически сложенные подростки обгоняют стол, кончик ножа на животе, как бы раскалывается, сердце зрителя ужасает. Гай — это ритуальное значение древней церемонии изгнания демонов перед Новым годом. Однако существует обычай, что «лев также является учителем», и жителям деревни нечем заняться ночью, поэтому они изучают боевые искусства, и они всегда будут просить своих учителей обучать их, используя шоу льва в качестве своего имени. (Чжан Синтай: «Краткие заметки о блуждании по Гуандуну», «Сборник рассказов о Сяофан Хучжай Юйди», том 9) Танец льва, как и этот, объединил в себе танец, акробатику и боевые искусства. Неудивительно, что в современном диалекте Чаочжоу инструктора боевых искусств

называют «отец льва с кулаком».

2. Сахарный лев

В китайской культуре питания важны не только цвет и вкус, но и красота формы. В период династии Северная Сун в продовольственных магазинах Бяньцзина (Кайфэн) уже продавались «львиные конфеты» (Мэн Юаньлао: «Записи прекрасных снов о Восточной столице», том 2, статья «Еда и фрукты»). В династию Цин сахарные львы были популярны на всем юге реки Янцзы, и Кун Шанжэнь прочитал стихотворение:

«Процветание юго-восточного Китая начинается с Янчжоу, земли, наполненной ценными товарами, такими как шелковые платья, которые перевозятся по суше или по приливам и отливам.

Красные мандарины, желтые апельсины и ароматные лимоны растут в изобилии, сахарные духи и конфеты в форме льва выложены в ряд». («Поэма Кун Шанжэня», том 2) Сахарный лев — одна из «животных конфет», производство которых включает в себя варку сахара, помещение его в форму и снятие. Подробно записал деятель науки Сун Инсин в конце династии Мин, см. «Тяньгун Кайу» том 1 «способ изготовления сахара».

3. Снежный лев

Как следует из названия, «снежные львы» являются частью северного ландшафта. Во времена династии Северная Сун снежные львы были пышным зрелищем для знатных семей, которые устраивали банкеты в середине зимы. В книге Мэн Юаньлао «Записи прекрасных снов о Восточной столице», том 10, записано это событие: «В этом месяце (декабре), хотя не было никакого праздника, знатные дома открывали свои пиры, когда выпадал снег, лепили снежных львов, устанавливали снежные фонари, чтобы встретить своих родственников и старых друзей». Хотя использование снега для создания льва благоприятно, он недолговечен и при повышении температуры растает. Это также иногда высмеивается в поэзии Песни. В эпоху династии Сун в книге Чжао Дэлиня «Записи о мясных блюдах», том 8, цитируется «Четверостишие о выступлении со снежным львом» Чжан Вэньцяня: Попробуй стать королем зверей из снежинок, когда выглянет солнце! Так называемые «снежинки» — это и сокращение от «кристаллики снега имеют шесть лучей», и термин, используемый в танских и сунских пьесах о львах. Посмотрите диалог танского монаха Яошана (Вэйяна) и Юньяна (Таньшэна) о дзэн:

«Шань также спросил: «Я слышал, что вы исполняли танцы

львов, так ли это?». Он ответил: «Да». Он спросил: «Сколько раз?». Учитель сказал: «Шесть». Он сказал: «Я тоже могу исполнить». Мастер спросил: «Сколько раз?». Он ответил: «Только один». Мастер сказал: «Один — это шесть, а шесть — это один.» («История дзен-буддизма в Китае при династии Сун», том 5).

«Снежинки» означают шесть наборов, образующих серию львиных танцев. Монахи также были хороши в этом, поэтому очевидно, что танец льва был общей любимой среди монахов и мирян.

Помимо праздничных мероприятий, львы также играли уникальную роль в похоронных ритуалах. Во времена династии Цин в Цзинане церемония похорон включала в себя «отправление льва и леопарда».

Льва и леопарда присылают родственники и друзья на похороны в качестве туловищ льва и леопарда будут использовать ковер, а голова и хвост будут деревянными, и в него будет завернут один человек. При просветлении похорон они располагаются слева и справа от ворот, входят первыми и танцуют перед духом корбящая семья сначала заготавливает тысячу или две тысячи денег и кладет их на духовой стол. После танца они ложатся рядом с ним, и из их животов выходит маленький львенок и просит денег, которые они хватают и уходят. Иногда после танца льва и леопарда несколько человек переодеваются в театральные костюмы и разыгрывают спектакль, после чего дух просветляется. Эти деревни созданы родственниками и друзьями, а города используются бедняками. В последнее время в плетеном переулке появилось бюро льва и леопарда, но тех, кто им пользовался, по-прежнему называют «нанятыми» и не разрешают еще раз нанимать. Похороны льва и леопарда не подходит для могил. (Сунь Доу: «Записи о блуждании по району Лися», «Сборник рассказов о Сяофан Хучжай Юйди», книга 6).

Льва не только включали в траур, но даже считали защитником сельскохозяйственных животных. Во времена династии Цин в Чэнду существовала копия «Божественного ритуала Короля Льва».

Я полагал бы, что лев — повелитель всех зверей, а повелитель совсем не похож на льва, не говоря уже о том, что он настолько божественен! Король лев в моем царстве почитает богов, а боги показывают свою святость. Когда животные больны, вода полна духов. Они могут приносить пользу вещам и людям, но не беду и вред. Если в одной семье заболел скот, а пастбище стало непригодно, необходимо подготовить специальные благовония

и бумажные деньги для принесения жертв богам и призракам, чтобы они ниспослали воду-талисман. Если они примут скот, он станет таким же сильным, как тигр, и не заразится чумой, и таким же могущественным, как дракон, и дадут долговечное богатое пастбище. Группы вещей говорят о добродетели любви и просвещения, благотворно влияющей на доброжелательность людей. Я пишу, чтобы сообщить вам об этом.[55]

Согласно приведенной выше цитате, лев рассматривается в народной традиции как таинственная сила скорби и счастья, что является исторической и национальной особенностью, отличающей китайскую культуру льва от западной.

Китайский образ льва прошел долгий процесс трансплантации, натурализации и инноваций и стал результатом усилий искусных мастеров на протяжении многих поколений. Китайский лев стал независимым от остального мирового искусства, и является «одним из лучших в Китае». Его уникальный вид нельзя объяснить традиционной теорией живописи «подобия Бога». Как показано выше, львиное величие полностью обусловлено импортом китайской культурной крови. Сохраняется величественный облик льва, но в то же время ему придается мирный вид.

4.5 Львиный рев — от звука Дхармы Будды до крика человека

Буддийские писания называют Будду «львом среди людей» и используют термин «львиный рев» для описания его величественного звучания дхармы. Считается, что этот рев достаточно силен, чтобы потрясти небо и землю и смести зло.

С централизацией буддизма и китаизацией львов, «львиный рев» был перенесен с алтаря богов к людям, где он использовался для выражения земной борьбы и человеческих криков.

Не забыто, что, когда китайскую нацию угнетали и притесняли западные державы, ее описывали как «спящего льва», сатирически ссылаясь на непробужденную природу нации. В известной книге Ван Каньяня «Записки Ван Жанцина» говорится следующее:

«Западники говорят, что Китай — это спящий лев. Лев спит, но однажды он проснется. Когда я задал этот вопрос западным людям, они все рассмеялись, но не ответили, так что я не понял, что они имели в виду. Позже, когда я встретил укротителя львов, я попросил у него объяснений. Укротитель львов сказал: «Этот термин имеет глубокий смысл. В прошлом, когда мы учились приручать льва, мы ловили детеныша и кормили его собачьим молоком. Мы думали, что когда детеныш вырастет, у него будет форма льва и характер собаки, и тогда его будет

легко приручить для игры. Однажды кто-то играл с этим львом и считал его зубы, когда он открывал пасть. В это время лев был голоден, поэтому, воспользовавшись случаем, он откусил человеку голову. Люди, видевшие это, пришли в ужас и обвинили меня в том, что я плохо умею укрощать львов. Тогда я все обдумал, и у меня появилась идея. Я натер говядину сырым опиумом в качестве приманки и скормил ее льву. Сначала использовал совсем немного, потом постепенно увеличивал количество, пока не наступил день, когда лев стал сонным, словно в глубоком сне, и не реагировал, как бы люди его ни разыгрывали. Хотя он мог шевелить когтями и открывать пасть, чтобы завывать или зарычать, это было просто как звук сна, и он не мог по-настоящему никого укусить. Теперь, имея форму льва, оно не обладало основными качествами льва, и прежняя собачья черта также исчезла. Если бы так продолжалось и дальше, он бы вечно жил в дреме и никогда не проснулся. Китай — большая страна, как и огромный лев. Но глубина яда в Китае больше, чем от опиума! С помощью этой аналогии вы можете приблизиться к истинному значению этого термина».

Как страшно! Я надеюсь, что китайский народ осознает этот факт.

В современном Китае призыв к национальной демократической революции принял форму «львиного рева», чтобы бросить вызов суровой реальности улицы, полной волков и собак.[56] Чэнь Тяньхуа, пропагандист ввремя Синьхайской революции, озаглавил свой революционный роман «Львиный рев», в котором кричал «Поднять львиный флаг, смести волчье логово», и боролся за республику.

В 1934 году, в критический момент национальной опасности, Сюй Бэйхун, полный горя и гнева, написал картину с изображением льва: «Новая жизнь жива!»

И «Львиный рев» Чэнь Тяньхуа, и картина льва Сюй Бэйхуна — это произведения спасения во времена несчастий и страданий, выражающие сердце детей Яньхуана. Сегодня земля Китая превратилась в новый ландшафт. В этом контексте нет необходимости рассматривать историю льва в Китае. С точки зрения истории дани, лев, как «чужеродное животное с Запада», не имел никакой практической ценности и неизбежно подвергался череде холодных приемов: его приносили, репатриировали или он умирал от старости в доме полном насекомых и муравьев, в конце концов исчезая в неизвестности и не оказывая никакого влияния на ход китайской истории. С другой стороны, история фольклора показывает, что благодаря культивированию китайской культуры лев стал спутником

«четырёх духов» и приобрел китайский стиль как по форме, так и по духу. В результате лев стал одновременно популярной и элегантной фигурой. Факты показывают, что не образ льва, а его дух ценился китайцами на протяжении веков.

Глава 5

Изучение «Чибо»

Династия Тан была династией боевых искусств. Лошади играли очень важную роль в вооруженных силах страны. С начала династии Тан до конца династии Тан в пастбищный район Луньюй было завезено большое количество хороших лошадей через «рыночных лошадей» и «дань». Лошади, прибывшие в Тан, включали две основные категории: «лошади Ху» породы Давань и «лошади Фан» монгольской породы. Первая, согласно статье «Лошади и кони Фань» в 72 томе «Сводное обозрение династии Тан», гласит:

Лошади Канго, также известные как Кандзюго, относятся к породе Давань и их описание чрезвычайно велико. В середине Вудэ Канго предложил 4000 лошадей. Официальные лошади сегодня по-прежнему принадлежат к этому виду.

Лошади пришли из земли Ху, и их пастухи должны быть людьми Ху. Государство назначало людей Ху пастухами лошадей, и Ши Тиебан, потомок девяти фамилий Ху, является тому примером. В третьем году периода Сянь Цзин (658 г.) он даровал право 17 надзирателям храма упряжи Сыма, и его управление лошадьми было очень успешным: «Он умел приручать лошадей наилучшим образом, и его обучение не противоречило его природе».[57]

Нередко дворяне использовали детей-слуг Ху в качестве рабов для лошадей. В дополнение к строке Гао Ши «Маленькое дитя-слуга Ху управляет благородным скакуном»[58], в «Песне о рыжем храбром коне» Цэнь Сэня содержатся более подробные описания: «Рыжего коня семьи Цзюня невозможно нарисовать, это вихрь цветов персикового цветка», «Пурпурную гриву коня с тремя косами дитя Ху состригает золотыми ножницами в конце дня».[59] «Раньше я знал, что пограничные

генералы действительно богаты и почетны, но лошади бедных — блестящи». Генерал Вэй известен как Вэй Боюй, чиновник Четырех городов и Северного двора. Его лошадь, персикового цвета «Рыжий Пхё» с «тремя цветами» (грива лошади, разделенная на три косы), вероятно, является лучшим скакуном «Чибо», который неоднократно встречается в поэзии Тан.

5.1 «Чибо» в поэзии Тан

В знаменитых стихах танского народа о лошадях часто упоминается слово «Чибо», например, в «Песне генерала Гая на перевале Юймэнь» Цэнь Сэня: «на стойло гордо красовались все лошади, а персиковая Чибо – была самой дорогой и отличалась от всех. Всадник будет охотиться до южного угла города, и в день воска он убьет тысячулетнюю лисицу».[60] Имя генерала Гая неизвестно, но Вэнь Идуо в «Исследовании хронологии Цэнь Цзячжоу» делает вывод, что это был «Гай Тинлун, посол западной армии и лошадей»[61], и хотя некоторые согласны с этим утверждением, а другие сомневаются, нет сомнений, что «персиковый» имел разную ценность среди лошадей на стойло. Песня Цэнь Сэня была написана на рубеже Тяньбао и Чжидэ, поэтому очевидно, что в середине VIII века Чибо в районе перевала Юймэнь уже был очень известен.

В пятнадцатом году правления Юаньхэ (820 г.) герцог Цзинь Пэй Ду отправил знаменитого коня из Бинчжоу к генеральному секретарю Чжан Цзи, что вызвало сенсацию среди литераторов. Помимо Пэя и Чжана, каждый из которых написал стихотворение в ответ, Ли Цзян, Хань Юй, Чжан Цзя, Юань Чжэнь, Бай Цзюйи и Лю Юйси также пели. Хор поэтов также был вызван лошадью Чибо. В произведении Бай Цзюйи «В ответе секретарю Чжан Шиба о присылке лошади в Пэй» поэт говорит: «У Чжан Лана из Тайного двора есть жирная и сальная лошадь. Лошадь моют и превращают в атласную парчу; когда она идет, ее копыта потеют и ступают по настоящему жемчугу».[62] Согласно «Поздравлению секретаря Чжан Шиби с приобретением лошади Пэй Сикуна» Хань Юй, оно гласит:

Лошадь была подарена Пэю секретарем их семьи.[63]

Видно, что лошадь Пэй Ду — недавно прирученная «персиковая» лошадь.

Лошадь уже была хорошо известна в Юймэне и Бинчжоу, так что в Чанъани она точно не была бы неизвестна. В стихотворении Вэй Чжуана «Чанъань Цинмин» действительно передано следующее послание: «Пурпурные чужестранцы в

беспорядке, красные ретируются, а зеленые тополя высоко подняли нарисованные качели». (Хроника поэзии Тан, том 68).

Как уже было сказано выше, термины «персиковая Чибо» и «рыжая Чибо» используются в поэзии Тан под разными названиями. Очевидно, что существуют различия в типе цвета волос так называемых «лошадей Чибо», и нельзя делать обобщения. Ниже приводится краткая ссылка на исторические источники, чтобы попытаться объяснить разницу.

5.2 Чибо и Шифа

Среди сохранившихся исторических источников по этому вопросу наиболее полная запись содержится в книге Цинь Цайси «Записи о чудесах, а лояне» династии Сун: «В середине Тяньбао государство Давань импортировало шесть лошадей: одна была рыжая Чибо, вторая — фиолетовая, третья — зеленая, четвертая — желтая и пятая — сиреневая, шестая — персиковая».

Также говорится: «У первой лошади был рубиновый паланкин, у второй — паланкин из пурпурного нефрита, у третьей — пиншаньский, четвертой — повозка, уносящая ввысь, пятой — повозка с летящими благовониями, шестой — повозка с сотней цветов. Картина находилась в зале Яогуан, но ее заменили на зал Гуаньцзи.[64]

Название «Давань» — древнее название Баханы, также переводимое как Полуона, Пейхан, Бахана и т.д. На двадцать девятом году правления Кайюаня (741 г.) император Сюаньцзун династии Тан превратил его в Королевство Нинъюань, расположенное на севере реки Сырдарья в Средней Азии. Согласно хронике дани, в 971 томе «Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотектоме», в десятом году Тяньбао (751), в феврале Нинъюань отправил посланника предложить 22 лошади; в сентябре Нинъюань отправил другого посланника предложить 20 лошадей; и в том же месяце было предложено еще 20 лошадей. Всего в Давань было направлено 62 лошади тремя партиями, и неизвестно, были ли включены в эту дань упомянутые выше шесть лошадей.

Император Сюаньцзун династии Тан изменил имя дани на «паланкин» и приказал людям написать шесть коней Ци Шэна. И по-видимому, он следовал прецеденту, созданному императором Тан Тайцзуном, когда он сделал статую боевых коней, «Шесть коней», в память о своих достижениях. Картина «Шесть коней» была первой в своем роде, написанной в начале VII века. Один из этих коней был назван «Шифа», как описано в «Славословии о шести коней» императора Тан Тайцзуна:

Шифа, чисто рыжего цвета, была оседлана Пин Шичуном и Цзянде. Она была поражена четырьмя стрелами спереди и одной сзади.

В восхвалении говорится: «Прежде чем затихнет река, боевой топор расширял свою силу, Чжу Хань скачет копытцем, а знамя возвращается с триумфом».[65]

Так называемый «Чжу Хань» означает «кровавый пот» и, вероятно, относится к породе Да Ван. Кличка этой лошади, «Шифа», явно иностранное слово, так что возможно ли, что это перевод «Чибо»? Согласно древнекитайскому произношению, предложенному Гао Бенханом, «шифа» произносится *ziar b'irt*, а «чибо» — *tsiet puât*[66], которые схожи по звучанию и, похоже, происходят из одного источника. В популярном сутском языке династии Тан есть два слова, обозначающих «лошадь»: первое — (означает «лошадь»), от древнеиранского *aspa*-[67]. Второе — *c' arθ-рабē*[68], что означает «четыре копыта». Таким образом, Фрай узко ссылается на «лошадь», которая, как предполагается, является этимологией слова «чибо» или «шифа».[69] Это кажется более правдоподобным.

Среди различных цветов «брани» наиболее известна браня персиковых цветов. Лошадь с цветком персика продолжала использоваться в качестве представителя весла вплоть до династии Юань. Согласно предисловию, к книге Елю Каста «Рыжие лошади Чибо», «в наследии тюркских племен» нынешние персиковые лошади назывались «лошадьми Чибо». («Сборник Шуан Си Цзуй Инь», том 6) Первоначально тюркские племена «называли лошадей Хэлань».[70] но, согласно этому наследию, они также использовали слово ху «Чибо» в качестве названия для определенных видов лошадей.

5.3 Тайна «кровавого пота» Чибо

Как уже упоминалось выше, «Чибо» или «Шифа» — это потнокровные лошади, которые имеют физиологические характеристики, описанные в «Прозе о лучших скакунах» Ван Суньчжи: «Каждый пот увлажнен текучестью, подобно образованию крови».[71] Феномен «кровавого пота» тайваньской лошади долгое время мистифицировался древними как признак того, что «небесный конь» отличается от обычных лошадей. На самом деле, это не что иное, как «раненое дыхание» лошади, распространенное среди пастухов на северо-западе.

У лошади, которая хорошо скачет, может быть небольшой рубец на переднем плече и позвоночнике, который кровоточит при разрыве. Это то, что туземцы называют «раненым дыханием». У кого она есть — значит здоровая лошадь, поэтому в древности

считалось, что признаком хорошей лошади является не пот, а кровь. В «Книге о поздней династии Хань» – биография Ван Цана из Дунпина описывается: «у лошади из Дайюани (прим. переводчика — Фергана) кровь вытекала через маленькое отверстие в плече». В книге «Чжун Цзинъинь И»: «Из Цюцы или Куча выходят легендарные кони-драконы». В книге «Комментарии Цзо» также приводится цитата о «езде на лучшем коне». В «Прозе о Синьцзяне» Сюй Синбо сказано: «Покоряют своей разнообразностью, производя изящных благородных скакунов».[72]

Такой взгляд на «туземцев» династии Цин совпадает с трактовкой современных иностранцев.

Что касается термина «кровавый пот», то он относится к характеристикам этих лошадей, которые долгое время оставались загадкой для западных людей. Только в последнее время было предложено убедительное объяснение этому (британским синологом Гомером Дабс: «Книга бывшей династии Хань» Бань Гу): это просто относится к лошадиной болезни, паразитическому червю, который зарывается в кожу, особенно на крестце и спине лошади, и в течение двух часов появляется в виде маленького мешочка, сочащегося кровью, отсюда и термин «потнокровная лошадь».[73] Интересно отметить, что эта болезнь, как и больную Си Ши (прим. переводчика — о больной, которую болезнь делает ещё краше), в древних легендах не вызывала никакого сочувствия, а скорее стала восхитительным символом совершенства. Такого рода «исторического зла», будь то красавицы или знаменитые лошади, трудно избежать.

Глава 6

Рыночный банкет в Гуанчжоу во времена династии Сун

Во времена династий Тан и Сун Гуанчжоу был известным торговым портом, куда постоянно прибывали морские суда. Будучи распределительным центром торговли пряностями в средние века, «Дом Гуандуна»[74] был настолько богат доходами, что его называли «Южной сокровищницей Сына

Неба».[75] Различные импортные продукты, такие как ладан, борнеол, гвоздика, перец, слоновая кость и рог носорога, продавались как «товары для обсуждения» и часто продавались внутри страны под названием «Гуандун», что имело чрезвычайно далеко идущее влияние. У Юань Мэя, поэта династии Цин, была фраза «Линьнань с древних времен называлась Страной ароматов», [76] которая полностью резюмировала торговые характеристики порта Гуанчжоу в эпоху торгового судна (эпоха заморской торговли до середины династии Мин).

Уже на втором году правления Кайюаня (714 г.) императора Сюаньцзуна из династии Тан в Гуанчжоу осуществляли свои полномочия посланники городских кораблей (должностные лица, отвечающие за внешнюю торговлю). На четвертом году правления Сун Тайцзу Кайбао (971 г.) был основан Судостроительный департамент Гуанчжоу, и постепенно сформировались система и этикет ведения внешней торговли. Начиная с академической истории, система была изучена более глубоко и подробно. Что касается ритуалов городских портов, то, похоже, они стали менее изученными после публикации книги Санъюань Чжи «Пу Шоу Гэн Као». В этой статье мы намерены исследовать «рыночный банкет» и через изучение его происхождения, формы и влияния показать, что в истории рыночной торговли все еще есть культурные ресурсы, которые стоит использовать и которые могут дать историческое понимание за пределами экономического единства.

6.1 Происхождение рыночного банкета

Корабли, путешествующие в Гуанчжоу и обратно во времена династии Сун, были ограничены природными условиями и должны были плыть в сезон дождей.

В целом, плавание происходило из зимы в лето: «Корабли шли в ноябре и декабре, при северном ветре. В мае и июне ветер идет с юга» [77]. Период ожидания ветра составлял около полугода: «Тех, кто приезжал в Гуанчжоу из всех стран и не возвращался в течение года, называли «живущими в Тан» [78]. Во время своего «пребывания в Тан» купцы продавали товары, ремонтировали корабли и закупали припасы для обратного путешествия, живя в «Фанфан» (или «Фансян») и управляясь «Фанчжан». Перед отплытием корабля начальник отдела судостроения Гуанчжоу должен провести прощальный банкет, чтобы выразить свою благосклонность к ветру. Это рыночный банкет: «В десятом месяце года он был повышен в должности, чтобы основать иностранного купца, и отослал его».[79] Местом проведения банкета было «Здание Хайшань», расположенный на стороне городского павильона на юге

Гуанчжоу, обращенный к Жемчужной реке, так как записано во втором томе «Рассуждений Пин Чжоу»: «В павильоне города Гуанчжоу, на воде стоит здание Хайшань. Он находится прямо напротив пяти континентов, под которыми расположено так называемое малое море. В середине ручья есть площадь более десяти футов, и корабли берут его воду и хранят, чтобы пересечь море». Вышеизложенное является прямым отчетом о путешествии Чжу Юя в Гуанчжоу вместе со своим отцом в период правления Чуннин (1102-1106 гг.) Очевидно, что система рыночного банкета была создана в период правления династии Северная Сун. В период династии Южная Сун департамент лодок города Гуанчжоу продолжал следовать ему, и это стало обычной практикой.

Нет четких сведений о размере банкета. Маловероятно, что на банкет были приглашены все моряки и члены экипажа. Согласно отчету Департамента морского транспорта Восточной дороги Гуаннань от 21 июня 1132 года, ясно, что присутствовали только грузовладельцы, капитаны и рулевые судов.

Со времен предков Гуанчжоу, они ставили корабли в городе и собирали больше налогов, чем любой другой маршрут. Каждый год, в месяц, когда отправлялись корабли, выплачивались государственные деньги и устанавливались пособия. Китайским и иностранным лидерам, начальникам кораблей и лучшим рабочим было приказано сидеть друг с другом, и они всегда были счастливы. Это была не особая система классов, а способ привлечь иностранцев и сделать их мягкими и отстраненными. («Сборник рукописей Сун Хуйяо», 44-чин).

Размер банкета был ограничен, чтобы сумма денег, потраченных на банкет, не была слишком большой. Согласно Лоу Ци, который служил магистратом в городе Гуаннань, в 14-м году периода Шаосин (1144 г.): «В десятом месяце каждого года правительство должно платить 300 чохов за банкет. («Сборник рукописей Сун Хуйяо», 44-чин) Согласно денежной системе династии Сун есть медные и железные монеты, где медные считаются официальными деньгами. В период Шаосина цена золота составляла 30 000 таэлей, поэтому стоимость банкета составляла 10 таэлей золота, что было эквивалентно цене двух или трех официальных монахов и монахинь.[80]

Время, место, масштаб и стоимость банкетов династии Сун в Гуанчжоу были кратко описаны выше.

Ниже приводится дальнейшее обсуждение его культурных и материальных форм.

6.2 Литературное произведение, читавшееся на банкетах в

торговых судах

Банкет на городском корабле в здании Хайшань — это прием государственных консьержей, где дворцовые торговцы играют музыку и угощают вином, чтобы добавить веселья. У поэта Хун Ши из династии Южная Сун в его «Паньюйской шутке» есть стихотворение под названием «Хай Шань Лоу», которое посвящено этому событию:

Башня находится на высоте ста футов над скалистым городом, с нее дует величественный бриз.

Тучи настолько сильны, что утром идет дождь, а вечером морские волны набегают на берег.

Перед башней гармонично сочетаются барабаны и трубы, а на крыше выстроились лодки.

Я верю, что чиновники честны, и надеюсь, что в горах полно редких товаров.

Песни и танцы банкета предваряются «музыкальной фразой», которая состоит из двух частей: «приветственная речь» (параллелизм) и «стихи» (поэзия). Чжан Банцзи в своем «Богатом сборнике записей», том 9: «Литературное произведение не обязательно должно быть классическим, но когда оно шутовское — это превосходно». У Хун Ши есть замечательное «Банкетное произведение», в котором он выражает цель банкета, достижения города и пожелания ровного ветра, и содержит интригующее историческое послание:

Основание Южного Вьетнама — редкое сочетание варваров. Северный ветер подчиняется закону, и это период, когда развивается торговля кораблями. Но императорская семья проявила свою доброту к народу, поэтому правительство устроило банкет, чтобы показать свою милость. Правительство города смогло разместить тюрьму, и репутация города была переполнена. Правительство города имело большой успех. Если будет править как Фан Цин, то сможет подавить вождей Куньлуня. Поэт Чжэн Гун, который был известен своими товарами и страной Шицзи. Он был очень прямым и непосредственным правителем. Он не использовал никакого оружия. Он жадно пил из источника и не желал слышать о незначительных вещах. Внешний район поощрял и верил ему, а внутренний дом процветал. Люди жили среди сокровищ земли и тибетских гор, разводили носорогов и продвигали слоновую кость. На кораблях было установлено более сорока тотемов воды. Миллионы монет были потеряны на земле. В то время, когда весла приводились в порядок, был устроен

пир. Все почетные гости были в шпильках, пришли великие торговцы. Все гости были одеты в дорогие одежды и цветы, и им дарили цветы. Все гости были очень учтивы и вежливы. Я скорее напьюсь и уйду в отставку, и дойду до Буфана живым и невредимым. Если вы продолжаете извлекать выгоду из богатства, как вы можете вернуться домой с слабиной. Я художник, который учился в грушевом саду (прим. переводчика — назв. придворной музыкальной труппы, основанной танским императором Сюань Цзуном; обр. в знач.: театр), где лагеря были разделены ивами, которые помогают в пении. Вода под морем и горами обращена на восток, и это путешествие будет долгим». Я бы предпочел найти страну, которая находится недалеко от меня, но я хотел бы воспользоваться преимуществами быстрого ветра. Облака и династия Хань находятся за пределами звезд, а рыбы и драконы входят и выходят из огромных волн. Я хотел бы протянуть руку королю и поднять свой кубок, как радугу.[81]

Музыка исполняется артистами грушевого сада в соответствии с заранее составленными строками литераторов, в которых восхваление чистоты правительства, цитируя «Фан Цин» и «Чжэн Гун», оба из династии Тан, кратко объясняется следующим образом:

Во-первых, «Если будет править как Фан Цин, то сможет подавить вождей Куньлуня». Фан Цин, по фамилии Ван и по имени Фэй, «был губернатором Гуанчжоу во времена императрицы У Цзэтянь». В Южно-Китайском море есть Чэньфэй во внешнем районе Корабельного города Куньлунь. Бывший правитель, Лу Юаньжуй, сделал вид, что забирает его добро, и вождь так рассердился, что убил его. Вначале у руководителей министерства были проблемы, и народ пошел жаловаться в правительство. Фан Цин установил правило, согласно которому чиновникам запрещалось общаться друг с другом, а нарушители наказывались по закону. Правительство считалось лучшим в мире. (Новая книга Тан, том 116, биография Ван Лина).

Во-вторых, «поэт Чжэн Гун, который был известен своими товарами и страной Шицзи». Чжэн Гун — это Чжэн Цюань, который был назначен губернатором провинции Линьнань в третьем году правления Чанцин (823 г.). Хань Юй написал стихотворение под названием «Предисловие к отправке Чжэн Шан Шу в Линьнань», в котором он писал: «Страна Шицзи — это страна товаров, а на сцене У Вана звучит музыка».[82]

Прояснив ее классику, фраза становится занимательной, и только когда она кажется обычной, она становится понятной. Говорят, что Ван Фанцин должен был умиротворить гнев вождей Куньлуня, но сказано, что он «умиротворял вождей Куньлуня».

И так далее, невзрачно, как раз в тон комедиантам. Название царства Шицзи, которое было названо в честь укрощения священного льва, распадается на «царство Шицзи» и так далее.

Кроме того, Лэ Ю упоминает, что ежегодный фискальный доход от «подъема» достигает «миллионов юаней», поэтому «триста официальных денег», потраченных на городские банкеты, составляют примерно одну десятитысячную, что является немаленькой суммой. Что касается слов «пир» и «поднять кубок», то они намекают на материальную форму банкета, что также является подходящим словом для данной темы и должно было быть развито. К сожалению, четких записей об этом нет, поэтому трудно составить истинное представление об этом. Ниже приведен воображаемый список продуктов питания, о которых можно сделать вывод только на основании косвенных доказательств.

6.3 Структура блюд и напитков на банкете

Во времена династий Тан и Сун в Гуанчжоу было большое разнообразие кораблей, включая корабль Южного моря, персидский корабль, корабль Куньлунь, корабль Шицзи и так далее. Купцы были в основном великими едоками, либо из Персидского залива (Оман), либо из Малаккского пролива (Суматра), большинство из них исповедовали ислам и восхищались арабской цивилизацией. Поэтому на банкете должны были соблюдаться их диетические табу и исключаться блюда из свинины. Что касается напитков и фруктов, то они, конечно, тоже должны соответствовать вкусу «большой еды». Иначе «праздник проявления милосердия» был бы пугающим.

Народ Сун считал число «девять» благоприятным, и как на императорский, так и на государственный банкет подавали «девять блюд». Лу Юдзи записывает посланников «девяти блюд» на банкете в зале Цзинь: «Первое блюдо — мясо с соевым соусом, второе — жареное мясо двойными ломтиками, третье — лепешка из лотоса и мясо с косточками, четвертое — лепешка из белого мяса, пятое — тайпинский жареный пирожок, шестое — искусственная большая мягкотелая черепаха Кантора, седьмое — бобовая лапша с яблоками, восьмое — искусственная акула, а девятое — отвар с соевым соусом, лещом, дыней и имбирем.»[83] Неизвестно, был ли банкет в Гуанчжоу также проведен в соответствии со спецификациями «девяти блюд». В любом случае, несомненно, мясо в блюде не должно быть свининой. Если обратиться к официальным банкетам династии Северная Сун, где «призрачные рабы предлагают баранину на золотой тарелке, и вода с розами льется им на грудь», и «сановники

Юань Жун бьют в барабаны, а старые варвары предлагают жареного ягненка»[84], то вполне вероятно, что блюда, подаваемые на банкете по случаю прощания с великими купцами-мореходами морскими чиновниками города, также включали жареного ягненка и воду с розами. Согласно книге Юэ Кэ «История ремесла» в томе 11, богатый купец Гуанчжоу по фамилии Пу в период Шаоси (1190-1194) часто общался с маршалом Гуанчжоу и морским ведомством и в знак благодарности предлагал «вино и жареных овец», «овцы тоже были драгоценными, шкура — как золотая, а вино было мягким и сладким, почти неотличимым от меда утеса».[85] Сладость пяти вкусов отражалась и в пищевых привычках танского населения: «Когда я был в Гуанчжоу в первые годы, танские посетители предлагали еду, в основном с патокой, медом и мускусом, а также рыбу, которая была сладкой, но вонючей, за исключением жареных побегов бамбука». Кажется, логичным, что по случаю «устройства банкета» для него могут быть выбраны европейские кушанья. Об этом свидетельствует тот факт, что на банкете «девяти блюд» царства Цзинь в предыдущей цитате были пирожки и печеные лепешки.

На банкетах обычно подавали фрукты, и по моде Гуанчжоу времен династии Сун следующие два предмета были самыми примечательными, или же их также могли использовать на рыночных банкетах для гостей.

Во-первых, персидские финики, также известные как финики тысячелетия, которые описаны во втором томе «Записей о различиях в таблице Лина»: «В Гуанчжоу есть вид персидского финика, который не имеет боковых ветвей и возвышается на три или четыре фута прямо вверх и в четыре стороны, имеет более десяти ветвей, с листьями как у пальмы, которые туземцы называют морскими пальмами, и имеет семена через три или пять лет, примерно по тридцать или двадцать семян в каждом, все они похожи на северный зеленый финик, но меньше. Морские купцы также привезли в Китай большую страну, цвет — как сахарный песок, мякоть мягкая и гнилая, вкус очень сладкий, как у распаренного северным небом финика, но сердцевина у него совсем другая, две головки не заостренные, дважды свернутые и круглые, как маленький кусочек пурпурной руды, семена не сырые и спелые.» «Иракские медовые финики», как они известны сегодня, должны быть именно этим продуктом.[86]

Во-вторых, орех бетеля. «Дерево это подобно пальме, с листьями, как у ивы, между семенами, и каждое украшено гроздью. Весной он мягкий бетель, обычно называется бетель, очень вкусный. Летом и осенью его сушат и вялят, чтобы

сделать рисовый бетелевый орех, и замачивают их, чтобы они стали солеными. Маленький, заостренный орех бетеля похож на «куриное сердце», а большой, плоский орех – на «большой живот».[87] Во времена династии Сун орех бетель был популярной едой в Гуанчжоу, где «гостям подавали орех бетеля в качестве подарка вместо чая». «В Гуанчжоу в качестве ароматных лекарств добавляют гвоздику, душистый османтус и санлаизи, которые называются орехами бетеля. Орех бетеля был единственным, чем наслаждались в Гуанчжоу с утра до вечера, независимо от достатка, возраста или пола».[88] Можно предположить, что использование ореха бетеля в качестве закуски на банкете пришлось бы по вкусу многочисленным гостям.

Наконец, есть еще один момент, который стоит обсудить. Согласно вышеупомянутому «Банкетному произведению», в конце «пира» «преподносили цветы встав на колени». По данным династии Сун, праздник проводился каждый год 12 октября в зале Цзисянь, на нем присутствовали «послы из разных стран», и «по окончании праздника придворные возвращались в свои личные резиденции с цветами, а всем присутствующим дарили цветы и деньги».[89] Поскольку банкет был официальным, возможно, что в конце банкета гостям также дарили цветы. Кроме того, в те времена в Гуанчжоу в изобилии выращивали жасмин и гвоздику, а «гвоздики особенно благоухали только те, что росли в переулках города» («Новые вызывающие речи», том 15). Поэтому тем более уместно, что посетители вернулись с цветами.

6.4 Исторический статус банкета в городе Гуанчжоу

В период династии Сун среди трех провинций (Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян) «Гуанчжоу была самой процветающей из трех сторон» (см. «Суждения Пин Чжоу», том 2). Поэтому модель Гуанчжоу была образцовой, примером чему служит введение системы муниципальных банкетов в Цюаньчжоу в середине XII века.

В шестой день девятого месяца четырнадцатого года правления императора Шаосина (1144 год) Лоу Ци, назначенный на торговое судно Фуцзяньской дороги, сказал:

Вчера меня был назначен секретарем в Гуаннаньском судостроительном управлении, было принято в десятом месяце каждого года тратить 300 гуанвэнь официальных денег на организацию банкета, которым угощали иностранных купцов разных стран и т.д. чиновники управления Тицзю и охранники. Управление города и судоходства Фуцзянь ежегодно выплачивает лишь

небольшую сумму денег начальнику управления города и судоходства для подготовки банкета, что отличается от того, что происходит в Гуаннане. Прошу Вас в соответствии с системой Портового управления города Гуаннань ежегодно устраивать банкет для купцов разных стран по случаю отправки их кораблей, как знак намерения двора привлечь дальних людей. Он был принят. («Сборник рукописей Сун Хуэйяо», «Чиновничество» 44)

Очевидное намерение цитаты Лоу Ци — стандартизировать банкет по образцу Гуанчжоу. После реформы в Цюаньчжоу также был организован рыночный банкет в кантонском стиле: во-первых, финансирование было изменено с «количественного» на «обычное», т.е. было установлено в размере 300 гуаньвэнь официальных денег; во-вторых, период банкета был изменен с обычного «угощения» на «по случаю отправки кораблей», то есть на десятый месяц года. Лоу Ци особо подчеркивал «ритуальное значение», то есть «намерение императорского двора привлечь людей издалека», указывая на то, что суть рыночного банкета заключается в его культурном значении.

Глава 7

Дополнения и исправления к хронике Российского павильона «Шуофан Бэйчэн»

Всестороннее исследование русско-китайских отношений в период правления династии Цин, «Шуофан бэйчэн» было написано на десятом году правления Сяньфэна (1860 г.) и было оценено императорским двором как практический ответ на углубляющийся кризис на границе. Он по-прежнему сияет светом патриотизма.

Автор, Хэ Цютао, Юаньчуань, был уроженцем Фуцзяни. Он родился в четвертом году эры Даогуан (1824 г.), стал ученым на 24-м году жизни и был назначен на должность директора Министерства юстиции, умер в первый год эры Тунчжи (1862) в возрасте 39 лет. Он был автором сборника «Северное ополчение» из 80 томов, который был представлен ко двору

Чэнь Фуэнем, военным министром, и переименован в «Шуофан Бэйчэн». За короткий срок жизни Цютао получил большой запас знаний, изучил старые факты, определил горы и реки, отличил добро от зла, понял преимущества и недостатки. Если бы в династии Цин существовала «русология», то этот молодой ученый должен был бы с честью стать ее основателем. К сожалению, со времени публикации этой книги только Ли Вэньтянь написал книгу «Записи о Шуофан бэйчэн», но она предвзято относится к идентификации географических названий и гор, и в ней еще много вопросов, требующих обсуждения. Как указывает господин Мэн Сэнь, «Хэ Юаньчуань, современный специалист по географии севера, написал книгу о предварительном сборнике Шуофан, который был известен в династию Цин, но в котором время от времени могли появляться ошибки». «Читая его книгу, нельзя не изучить ее».[90]

В данной книге также включена история русской миссии в Пекине. В «Общих положениях» книги есть раздел об «учреждении российского павильона для сбора дани и обмена товарами, а также об учреждении русской школы для обучения праведных экскурсантов», пояснения к которому даны в дв ух томах. Однако из-за традиционной «рифанской» предвзятости и ограниченности источников не удалось раскрыть внутреннюю работу российского павильона. Хотя в последние годы в зарубежной историографии были написаны монографии о российском павильоне, тематика и направленность их различна.[91] Эта статья призвана исправить некоторые ошибки в летописи «Шуофан Бэйчэн» и может стать дополнением к работе по истории Российского павильона.

7.1 Срок смены

Принято говорить, что продолжительность российской миссии в Пекине менялась раз в десять лет. В «Шуофан бэйчэн», том 12, говорится: «Русские ламы и ученики, размещенные в Пекине, менялись каждые десять лет».

В «Различных записях павильона бамбукового листа», том 3, Яо Юаньчжи также придерживается мнения, что «сменялся раз в десять лет». Сюй Цзише в «Кратком описании мира», том 4, еще более уверен: «Каждые десять лет принято меняться». Но согласно архивам императорского дворца, «Санатана Ямэнь о смене лам, проживающих в Пекине» (8-ое июля 25-го года периода Даогуан), двенадцатый класс руководителей проповеди, переданный Тун Чжэнху, указывал на сложности различных периодов смены:

Российское государство отбирает лам и учеников для класса.

Срок смены варьируется от десяти до менее десяти лет, а общее количество лет, необходимых для обратного путешествия, составляет двенадцать.[92]

Видно, что существует расхождение между российскими и китайскими отчетами о количестве лет смены. Это случай «десять лет на сессию» или «разные сроки для смены»? Это следует проверить.

С 1715 года (54-й год правления Канси), когда первый класс был размещен в Пекине, по 1858 год (8-й год правления Сяньфэна), когда в «Китайско-российском Тяньцзиньском договоре» изменил период существования классов, было 13 классов русских миссионеров, которые можно разделить на три категории в соответствии с количеством лет, в течение которых они меняли классы.

(1) Первая группа прожила в столице 10 лет и состояла из пяти классов: класс IV (1745-1755), класс VI (1771-1781), класс X (1821-1830), класс XI (1830-1840) и класс XII (1840-1850).

(2) Вторая группа имеет срок менее 10 лет и состоит из трех классов: класс II (1729-1735), класс III (1736-1744) и класс XIII (1850-1858).

(3) Третья категория — более 10 лет и состоит из пяти классов: класс I (1715-1728), класс V (1755-1771), класс VII (1781-1794), класс VIII (1794-1807) и класс IX (1807-1821).

Исходя из этого, видно, что только половина смен была изменена за 10 лет; исключения встречаются чаще, т.е. те, которым менее 10 лет или более 10 лет. Это связано с тем, что вопрос о смене класса не является изолированным и часто подвержен влиянию крупных политических событий между Россией и Китаем. Например, пятый класс, самый длинный, пробыл в Пекине 16 лет. Он прибыл в Пекин 23 декабря 1754 года (19-й год правления Цяньлуна) и должен был быть заменен через десять лет, в 1764 году, но «постепенное запрещение Россией договоров и сбора налогов с товаров» нарушило мир на границе, что вынудило цинское правительство объявить: «Кяхта закрытой для взаимной торговли» сразу. «Только в 1768 году (Цяньлун XXXIII «рынку было разрешено продолжать работать как прежде» («Шуофан бэйчэн», том 37). Ответственность за провал замены класса, который не был заменен до 8 ноября 1771 года, полностью лежит на царском правительстве.

С момента создания Азиатского департамента Министерства иностранных дел России в 1819 году (Цзяцин 24-ой год) царское правительство стремилось к тому, чтобы пекинская

миссия как можно скорее создала большое количество «китайцев-читателей» для удовлетворения потребностей расширяющихся внешних сношений с Китаем. Политические мотивы российской стороны, которая неоднократно пыталась сократить продолжительность курса, очевидны. Упомянутая выше ссылка на «просьбу Тун Чжэнву о пятилетней смене занятий» якобы была вызвана этическими соображениями: «все родители дома и скучают», но на самом деле целью было ускорить обучение студентов и использовать частую смену занятий для более масштабного шпионажа. На самом деле целью было ускорить обучение студентов и использовать частую смену занятий для более активного шпионажа. Рикугуни не знал об этом, и вместо этого выразил слепое понимание: «Мы обнаружили, что смена классов ламы-резидента раз в десять лет, хотя это и не было прямо указано, была установлена. Запрос на пятилетнее изменение — это вопрос необходимости».

Руководствуясь этим путаным представлением, цинские чиновники, естественно, потеряли бдительность в отношении количества лет для смены смен. Таким образом, к моменту подписания неравноправного Тяньцзиньского договора в 1858 году царская Россия окончательно завладела полной инициативой в смене обстановки. Статья 10 этого договора предусматривала, что «русским, изучающим китайский маньчжурский и китайский языки и обучающим их для проживания в столице, будет предоставлено право изменить прежний установленный предел, независимо от количества лет».[93]

7.2 Краткая биография первых «чиновных учащихся»

Год, когда первые ученики Русской миссии прибыли в Китай, и их имена записаны в «Шуофан бэйчэн», том 12:

В этом году (пятый год правления Юнчжэна) Российское государство отправило на учебу в Китай четырех своих официальных студентов — Луку, Федора, Ивана и Герасима. Это был год, когда российское правительство направило четырех своих студентов для обучения в старом зале Хуйтун.

Согласно «Послесловию к русской длинной рукописи» Юй Чжэнсэ (том 6 «Указа о сводной рукописи»), эта статья является транскрипцией «Общего осмотра императорских документов — школьного экзамена». Ниже приводится небольшая коррекция на основе российских исторических источников, разделенных на хронологию и персоналии.

Четверо «чиновных учащихся» приехали в Китай не в один год. Первые три были привезены в Китай 26 декабря 1727 года (пятый год правления Юнчжэна) русским торговым

комиссионером Ланька. Четвертый прибыл в Пекин только 16 июня 1729 года (седьмой год правления Юнчжэна) Платковским, главой второго класса миссионеров. Годовая ошибка в 18 месяцев на литературном факультете династии Цин[94], вероятно, связана с тем, что все четверо были «чиновными учащимися» и учились в одной школе, поэтому позднее поступление не было точно подсчитано.

«Термин «чиновные учащиеся» вполне соответствует статусу этих четырех человек и гораздо более уместен, чем «русские дети, обучающиеся искусству». В основном это были взрослые люди, и некоторые из них даже занимали чиновные должности. Ниже приводится краткое изложение их истории.

«Лука - Лука Войков, сын военного губернатора Тоборска. В 1714-1725 годах он учился в Славянской, Греческой и Латинской академиях, а в 1726 году присоединился к миссии Саввы в Китае в качестве переводчика с латинского языка. В следующем году он был направлен в Ланка в качестве одного из «чиновных учащихся» для изучения маньчжурского и китайского языков. Он умер в Пекине 7 января 1734 года от алкоголизма после того, как не смог «изучить искусство».[95]

«Фодод» — Федот Третьяков, сын Алексея Третьякова, монгольского переводчика Измаевской миссии, которому было всего 16 лет, когда приехал в Китай. Он вернулся в Россию в 1732 году и вскоре после этого умер, но его деяния не очевидны.

«Иван - Иван Пхайд, он был немцем, родившимся в Москве, и работал регистратором в Российской академии наук до того, как попал в Китай, эту должность он занимал и по возвращении в Россию в 1732 году. В то время китаистов очень мало в Петербурге, академик Келл назвал его «блестящим молодым человеком».

«Карашим» — Герасим Шуркин, был учеником монгольской школы при Успенской семинарии в Иркутске и был выбран в качестве «чиновного студента» для въезда в Китай в 1729 году. Этот человек также был любителем выпить, и, несмотря на то, что Ланка избивал его ремнем, он умер в Пекине 28 февраля 1735 года, предавшись чрезмерному пьянству.[96]

История этих четырех «чиновных учащихся» показывает, что во времена династий Юн и Цянь русская миссия в Пекине находилась еще в зачаточном состоянии, отбор и управление студентами еще не были завершены, как и обучение китайскому языку. С точки зрения эффективности, «лука» были всего лишь группой ранних экспериментов по культивированию русскими «китайского языка».

7.3 «Маньчжурско-китайские помощники учителей» и нанятые русскими «господа»

В «Шуофан бэйчэн» записаны один маньчжурский и один китайский ассистенты преподавателей в Российском павильоне, а его создание и развитие описывается следующим образом:

(Шестой год Юнчжэн (прим. переводчика — девиз правления маньчжурского императора Айсиньгёро Иньчжэня)) Русским студентам разрешили жить в российском павильоне, как только они прибыли, и разделили их на одного маньчжурского и одного китайского помощника учителя, которые должны были жить в павильоне с тюрьмой государственного принца для преподавания цинского и китайского языков.

(9-й год Цяньлун (прим. переводчика — (девиз правления императора династии Цин)) Государственная ученая канцелярия разрешила китайским ассистентам преподавателей Российской академии стать дополнительными ассистентами преподавателей, о чем Министерство образования делает отдельный комментарий.

(15-й год Цяньлун) Было решено, что маньчжурские ассистенты Российской академии не являются специальными членами, а китайские ассистенты должны быть ликвидированы. Позже шесть доцентов также отвечали за изучение русского языка.

Отсюда видно, что система «маньчжурско-китайских ассистентов-преподавателей» в Российской академии менялась трижды: сначала она была временной, потом добавился штатный китайский ассистент-преподаватель, а затем все они были переведены на неполный рабочий день. Изначально они входили в состав Императорского колледжа, но затем заняли неполные должности в подчиненных подразделениях Академии Сан-Франциско. Это было неизбежно, так как у преподавателей было две работы. В своем отчете Тайному совету Пратковский, староста второго класса, жаловался на то, что «маньчжурские и китайские учителя часто не приходят в школу для преподавания, и если бы они не приходили сюда каждый месяц, то русские ученики проводили бы свои дни в забавах». Такая ситуация сохранялась и в XIX веке. В дневниковой записи от 30 сентября 1822 года (второй год периода Даогуан) Леонтиевский, ученик десятого класса, писал: «Маньчжурские учителя, назначенные правительством, не приходят в музей с первого месяца».[97] Очевидно, что маньчжурско-китайские помощники преподавателей были в значительной степени номинальными. Однако Рифанская академия и Государственный совет не обратили на это внимания и позволили этому случиться.

Коррупционность преподавательской администрации в

российских павильонах оставила лазейку, которой могла воспользоваться пекинская миссия. Именно через эту лазейку входили нанятые частным образом российские «господа».

Софроний, глава миссии восьмого класса, с 1795 года (60-й год правления Цяньлуна) выделял часть средств миссии на наем частных лиц в Пекине для преподавания маньчжурского и китайского языков студентам, сопровождавшим класс, за спиной Академии Рифан. В 1821 году (первый год правления Даогуана) Тимковский, попечитель десятого класса миссии, остался в Пекине и, видя, что маньчжурские и китайские помощники учителя приходят в павильон только два-три раза в месяц, также решил, что, помимо «чиновных» учителей, русские должны нанять частных «господ». С тех пор сосуществование обоих типов преподавателей в российских павильонах превратилось из разовой меры в регулярную систему. Список частных учителей в Приказе с ежемесячным жалованьем, составленный священником 11 класса Гишелевским, дает некоторые подробности того, как эта система была реализована в 1830-х годах:

(1) Рекруты: большинство преподавателей были кадетами, но были и ламы.

(2) Языки: помимо маньчжурского и китайского, преподавался также тибетский язык.

(3) Месячная зарплата: 4 таэля серебра.

(4) Срок работы: от нескольких месяцев до года или двух.[98]

Таким образом, в системе управления российским павильоном образовалась брешь, Академия Сан-Франциско потеряла контроль над русскими «господами», а Миссия незаконно приобрела часть полномочий по управлению школами в Китае. Серьезные последствия деятельности учителей, нанятых из России, стали более очевидными в 1950-х годах. Студент и астроном тринадцатого класса Скачиков (известный в литературе династии Цин как «Кон Ци» или «Кон Ци Тин»), в котором работали два «господина», изучали язык и литературу, а также проводили социальные исследования. Сфера его деятельности простиралась как внутри павильона, так и за ее пределами, от города до его окраин. Он подкупил Гао Сюэя, который был нанят для продажи национальных интересов во время Второй опиумной войны.[99] К этому времени российская миссия осуществила одно из своих великих изобретений в русском павильоне: превратила набранных частным образом «первопроходцев» в прирученный инструмент для роли предателей, чтобы политика Цинской династии

«контролировать варваров с помощью варваров» не могла быть оспорена.

7.4 Краткое объяснение титулов «лам и учеников»

Хотя русские миссионеры долгое время жили в российском павильоне и часто посещали Палату по делам иностранцев и Министерство Хозяйства, посторонним было трудно узнать структуру миссии из-за ее чрезвычайно секретной деятельности. Однако из-за чрезвычайной секретности их деятельности посторонним трудно узнать структуру Ордена в деталях. Поэтому, если не считать общего упоминания Хэ Цютао о «ламах и учениках», конкретные названия неясны.

Штатное расписание русской миссии в Пекине в XIX веке несколько отличалось от того, что было в XVIII веке: духовенство, или «ламы», было в целом стабильным, а светский персонал, или «учащиеся», явно менялся. Такая ситуация позволяет предположить, что она развивала новые функции под традиционной религиозной оболочкой, чтобы приспособиться к все более политической миссии. Поэтому не лишним будет дать краткое пояснение к его названиям.

1. Имя монаха было широко известно в литературе династии Цин как «Да лама», иногда транслитерировалось как «Архимандрит», с греческого означающее «глава дома», и, следовательно, также как «монах дома». Он также известен как «монах». В иерархии православной церкви он является старшим монахом после епископа. Главой каждого класса Пекинской миссии был монашеский первосвященник. Российский Высший Папский Совет наделил его патриаршей властью над всем орденом: «Монашествующие священники, монашествующие помощники, слуги и ученики, находящиеся под вашим началом, подчинены первосвященнику ордена. Вас должны уважать как отца, как того, кто учит и ведет их к спасению. Поэтому во всем они должны слушаться вас, как стадо слушается своего пастуха, ребенок — своего отца или ученик — своего учителя, и не должно быть непослушания».[100] Первосвященник в Пекине был прикреплен к Иркутскому патриархату и выполнял следующие дипломатические и церковные обязанности: во-первых, своевременно передавать официальную переписку между российским Тайным советом и Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и губернией Восточной Сибири и цинским судом; во-вторых, регулярно представлять царскому правительству информацию о внутренних и внешних делах Китая; в-третьих, готовить отчеты о ходе работы миссии и успеваемости духовенства и студентов; в-четвертых, председательствовать на религиозных собраниях миссии

(созданной из 10-го класса) и других крупных религиозных мероприятиях (таких как освящение новой церкви и ежегодное празднование праздника Посвящения в феврале).

К слову, в «Послесловии к длинной русской рукописи» шестого тома «сохранившейся рукописи 30-го года 60-летнего цикла» проводится различие между «ламами с миссией в Китае и ламами, проживающими в Пекине». Термин «миссионерские ламы» относится к священникам, сопровождающим русских купцов или миссии в Китай, без фиксированного числа священников, которые возвращаются в Россию после миссии. А термин «столичные ламы», впервые встречающееся в статье 5 «Кяхтинско-китайского соглашения о демаркации», относится к постоянным священникам пекинской миссии, фиксированному числу в четыре человека, которым не разрешается покидать миссию без смены. С точки зрения даты въезда в Китай, «миссионерские ламы» были старше «столичных лам», но первые также могли трансформироваться во вторых, как в случае Ила Ливана, первоначально священника каравана Ху Цзя (прим. переводчика — китайский общественный деятель, активист и диссидент) в 1712 году, который позже возглавил первую группу «религиозных священников» в Пекин вместе с Туличэном. Тот факт, что первая группа «монахов» прибыла в столицу вместе с Туличэном, и что Платковский, первоначально бывший священником миссии Измайлова в 1720 году (пятьдесят девятый год эпохи Канси), позднее был назначен главой второго класса проповедников. Это пример превращения «миссионерской ламы» в «столичную».

2. Священник и помощники действуют как помощники первосвященника-монаха в дипломатических и церковных делах. Священники и помощники могут крестить посвященных, выслушивать исповеди и совершать последние обряды. Эти две категории духовенства имеют право замещать или подменять первосвященника в случае отсутствия главы миссии с разрешения своего начальства.

3. Курьеры в церкви включают в себя разные монахи, в том числе псаломщик, они отвечают за уход за священными сосудами, чтение Священного Писания и звон колоколов во время молитв в церкви. Начиная с одиннадцатого класса, они больше не назначаются, и их места занимают светские сотрудники.

4. Среди русских миссионеров студенты в классе в основном как член светских сотрудников. В XVIII веке большинство из них были выбраны из семинарий (епархиальных средних школ) и были известны как «ученики». Во время своего пребывания в Пекине они изучали маньчжурский и китайский языки в

Русской школе при государственном училище (расположенной в Русском павильоне). Начиная с девятого класса (1807-1821 гг.), их называли «учениками», обычно из Петербургской духовной семинарии, но также и из других университетов. Помимо изучения языков, они также должны были пройти субдисциплинарные исследования (философия, астрономия, сельское хозяйство, медицина и т.д.) и, по возможности, написать работы на китайском языке. Во время обучения некоторые студенты также поступили в Институт русского языка при Кабинете министров (школа русского языка для детей Восьми Знамен) в качестве преподавателей русского языка на полставки или в Академию Рифан в качестве переводчиков. Эта последняя группа также известна в литературе династии Цин как «приходящие учащиеся».[101] В отличие от духовенства миссии, студенту давали китайское имя, например, «хуанмин» (Грабовицкий). По окончании курса большинство студентов были назначены дипломатами Департамента Азии (например, торговыми комиссарами, консулами или переводчиками), составив «основную силу синологов» в эпоху царской России.

5. Софроний, первосвященник восьмого класса, предложил, чтобы в штате русской миссии был врач: «Для миссионерских целей было бы хорошо, если бы один из них знал медицину, хотя бы один, потому что там (в Пекине) врачей очень уважают». Но только в десятом классе (1821-1830) началась данная практика. Большинство командированных были выпускниками Московской Медицинской школы хирургии, которые уже практиковали до приезда в Китай и имели некоторый клинический опыт.[102] Во время своего пребывания в Пекине они смогли использовать свои «медицинские навыки», чтобы получить доступ к сильным мира сего и к широкому кругу людей из всех слоев общества. [103]

6. С одиннадцатого (1830-1840) по четырнадцатый (1858-1864) классы в Русской миссии работали четыре художника, все они были выходцами из Петербургской Академии художеств и специализировались на жанровой и фигурной живописи. Во время своего пребывания в Пекине они занимались двумя основными видами деятельности: во-первых, фиксировали обычаи и людей Китая посредством набросков и рисунков, таких как чимутовские «Вид с улиц Пекина» и «Взгляд на чайхану», которые были самой разнообразной тематики и могли включать в себя самых разных людей, от высокопоставленных лиц до разносчиков и нищих. Во-вторых, чтобы заручиться поддержкой династии Цин, было написано большое количество портретов цинских чиновников (художник одиннадцатого класса Легашов однажды написал портрет Сяна, министра Рифанского двора).

Кроме того, отдельные художники делали копии надписей и монет, и даже изображали китайское оружие для изучения российскими властями.

7. В династии Цин опекуны были известны как «чиновники, которые заботились о ламах и учениках», и у Русской миссии было семь опекунов с 1794 года (восьмой класс) по 1858 год (четырнадцатый класс). Это были чиновники, назначаемые царским правительством для обновления ордена, и представляли собой гражданских или военных офицеров, которые оставались в Пекине на срок от шести месяцев до года. Их основными задачами были, во-первых, выступить в качестве полномочного представителя царского правительства, отправить новую группу в Китай и принять старую группу обратно в Россию. Во-вторых, он должен был исследовать государство династии Цин, изучить ресурсы по пути и собрать образцы. Во время семимесячного пребывания в Пекине И. П. Ковалевский, попечитель 13-го класса, посетил угольные шахты в Мэньтоугоу и осмотрел четыре из них, получив большое количество образцов, которые он привез в Россию для сравнения с углем Донбасса.[104] В-третьих, он отправлял все деньги на миссию и вел переговоры с цинскими чиновниками по пограничным или торговым вопросам. В-четвертых, они искали китайские книги, как, например, опекун десятого класса Тимковский, который, вернувшись в Россию, взял с собой 118 карт. Все опекуны 10-го класса занимали важные посты в Министерстве иностранных дел. Двое из них (Любимов и Ковалевский) были директорами Азиатского департамента и эффективно следили за реализацией политики царского правительства в отношении Китая.

Наконец, давайте рассмотрим изменения в соотношении двух категорий персонала в Русской миссии.

Четырнадцать классов в столице насчитывали в общей сложности 156 членов, из которых 88 были священнослужителями, а 68 — светскими. Если взять отдельно первые семь классов (XVIII век) и последние семь классов (XIX век), то количество духовенства сократилось с 54 до 34, то есть примерно на треть, в то время как количество светского персонала увеличилось с 22 до 46, то есть более чем в два раза. Другими словами, прослеживается четкая тенденция к изменению структуры миссии: начиная с XIX века доля духовенства уменьшается, а доля светского персонала увеличивается. Это было полностью результатом выполнения директивы царского правительства от 1818 года. Другими словами, изменение веса двух категорий проповедников было организационным отражением процесса,

в ходе которого политическая природа Ордена менялась от скрытой к явной.

7.5 Происхождение, сборник и перевод «Русских книг»

В «Шуофан бэйчэн», том 39, «Записи русских книг», говорится:

В двадцать пятом году периода Даогуан царь Руси сказал, что «Канон Данчжур» важна для буддизма, но в его стране ее нет, и попросил передать его ему. В последующие месяцы царь, учинивший в столице новый класс студентов, подарил все книги Российского государства, которых было триста пятьдесят семь, каждый номер — книга, и очень богато украшенные. Книги были украшены диаграммами, но все они были написаны русскими буквами, которые люди не могли прочитать, поэтому заинтересованные лица согласились вернуть их. Было предложено вернуть книгу правительству, и что она должна быть возвращена правительству. Тогда военные власти сохранили аннотированную книгу, которую сначала нужно было перевести, и смогли получить библиографию из 357 номеров, которую затем передали хорошим людям.

Помимо очевидного преувеличения «Всех книг России», в этот рассказ следует внести три поправки: о происхождении, коллекции и переводе. Они следующие:

1. Происхождение

«Посвящение книги» состоялось во время двенадцатого занятия Русской миссии (1840-1850). В 1847 году в классе произошло только одно кадровое изменение: священник-монах Палладий был отозван в Китай, а ученик класса, Горский, умер в Пекине после непродолжительной болезни, поэтому двух членов класса не хватало, но они не были заменены. На двадцать пятом году правления Даогуана (1845 г.) не было «перевода учащихся в столицу», и не царь «просил о пожаловании», а старшина российского павильона, главный священник семинаристов Тун Чжэнву, который через старшину российского павильона просил императорский двор приобрести комплект тибетских буддийских писаний. С одобрения императора Даогуана свободный набор был передан в коллекцию дворца Юнхэ. Согласно архиву императорского дворца «По приказу российской Палаты по делам инородцев собрать и передать десять коробок с книгами» (третий день двенадцатого месяца двадцать пятого года правления императора Даогуана), известно, что обе стороны имеют дело с чиновниками, отвечающие за министра города Урга (прим. переводчика — ныне Улан-Батор, Монголия), один из них —

«Эргун Ченгу Бильна Тор»[105], то есть «губернатор Иркутска», который совершенно не связан с «обменом студентами».

2. Коллекции

Когда российские книги прибыли в Пекин, они были сначала собраны Ли Фаньюанем, а затем дважды перевезены в другие места. Сюэ Фучэн записал следующее:

В восьмом году правления Сяньфэн император Вэнь Цзунсянь обвел сорок один вид книг, все из которых являются книгами с картами и рисунками, и представил их для второго издания. Остальные книги были переданы на хранение в библиотеку премьер-министра. На восьмом году правления Тунчжи книги были переданы в библиотеку Главного управления по иностранным делам. («Полное собрание сочинений заурядной студии», том 5).

После того, как были переданы на хранение в библиотеку, они долгое время оставались без присмотра. Только в одиннадцатом году периода Гуансюй (1885) императорский историк Чжао Е Сюнь попросил изучить их и передать в Тунвэньгуань (прим. переводчика — училище, учрежденное в 1862 году в Пекине для обучения китайцев иностранным языкам и наукам) для перевода, но это не было сделано. Прошло сорок лет, но они остались практически нетронутыми. Согласно книге, Фу Цзэнсяна «Записи книг истории Цаньюань», том 6, «Российская библиография не делится на тома»: «В предыдущем году (1930) книжная лавка «Вэнь Юй Тань» получила том старых книг с надписью на обложке: «Русская библиография 25-го года периода Даогуан была передана в библиотеку Палаты по делам инородцевдля». Книга является копией, которая была записана Чжао Шэном, а также была записана в «Сборник записей Янцзи Чжай» У Чжэньюй, где говорится: «В двадцать пятом году эры Даогуан Российское государство представило министру Урга по приказу Палаты управления по иностранным делам, вверенного столице, один вид книги с тремястами пятьюдесятью семью номерами, более восьмисот книг, двадцать две карты и два инструмента. Их было приказано передать в коллекцию Рифанской академии. Все книги написаны русскими буквами, а переводы включают астрономию, географию, военные книги, военное дело, артиллерию, медицину, посадку деревьев, историю и биографии разных стран, поэзию и литературу, теории природы, священные писания, законы и постановления и т.д. Карты отличались особой детализацией». Количество книг в этом томе соответствует количеству книг, переведенных в то время. После реорганизации Академии в Министерство в период Сюаньтянь, и упразднения Министерства в Монгольскую

Академию после вступления Республики, перевод Министерства и перемещение Канцелярии Цао сделали невозможным проследить, где были разбросаны эти огромные книги». После Синьхайской революции книги были возвращены в коллекцию Министерства иностранных дел правительства Бэйян. В первые годы существования республики сохранилось лишь около 80 томов. В каталоге коллекции Министерства иностранных дел сказано: «За последние несколько десятилетий она была немного разрушена и разыскана с большими усилиями, но это все, что удалось получить для аллюзии». К 1947 году половина коллекции была вновь утрачена, и осталось всего около 40 томов.[106]

3. Перевод

Хотя ни один из десяти ящиков с русскими книгами в офисе премьер-министра не был переведен на китайский язык, общий каталог был переведен дважды. Первый перевод, пронумерованный и неклассифицированный, был сделан Российской библиотекой и включен в «Шуофан бэйчэн», том 39. Второй перевод был сделан Тунвэньгуанем, и был записан только Вэнь Тинши, который привел следующие причины для повторного перевода:

«В одиннадцатом году правления Гуансюй я попросил Чжао Цзишаня выпустить перевод черновика Эрсюнь. Главное управление Российской академии художеств и литературы, однако, посчитало, что старая книга не столь подробна, как новая, и что русская книга не так хорошо изучена, как английская, немецкая и французская, поэтому нет необходимости переводить ее, и дело было прекращено. На самом деле, в той же библиотеке было очень мало студентов, хорошо владеющих русским языком, поэтому они боялись отложить его в сторону. Библиография, однако, была переведена русским преподавателем Бендором по курсу студентов. Это, кажется, лучшее основание, чем старый перевод.[107]

Второй перевод разделен на 18 категорий, с более «изысканными» названиями, чем в первом переводе, но и более далекими от первоначального смысла. Например, «Положение о содействии защите лесных перевалов в России», которое изначально было постановлением об охране леса, было переведено в «Обязательно к прочтению при посадке деревьев» и занесено в разряд нормативно-правовых актов. Даже сам Вэнь Тинши считал это «почти непостижимым», и очевидно, можно сделать вывод, что новый перевод «кажется более адекватным, чем старый», и является совершенно произвольным».

Однако второй перевод также имеет свое историческое значение. Ведь он представляет собой промежуточное звено между современными и новейшими переводами и дает ряд заслуживающих внимания переходных переводов. Например, географическое название «Кавказ» сначала было переведено как «Карфакас», а затем как «Кавказ»; а личное имя «Наполеон» сначала было переведено как «Наполеонг», а затем как «Наполеон». Кроме того, название предмета «Микроинтеграция», впервые переведенное как «Книга чисел Филлис Лен», и второй перевод как «Микроанализ», который ближе к настоящему переводу. Это имеет определенное справочное значение для изучения стереотипизации имен в истории современного перевода.

7.6 Наследие «хранилища ракшасов»

В хронике российского павильона в «Шуофан бэйчэн» нет упоминания о русском кладбище в Пекине, что является очевидным упущением.

Из 156 членов 14 последовательных классов русских проповедников, прибывших в Китай к моменту реорганизации в 1860 году, 26 «лам» (священнослужителей) и 17 «учащихся» (мирян), как известно, умерли в Пекине, всего 43 человека, или около четверти от общего числа. За исключением нескольких самоубийств и нескольких смертей от болезней, большинство смертей было вызвано алкоголизмом. Очевидно, что этот замечательный.

Очевидно, что этот замечательный руководитель миссии первого класса, пробывший в Пекине всего девять с половиной месяцев, умер 14 октября 1717 года (57-й год правления Канси) после болезни от алкоголя и был «похоронен на кладбище между воротами Андинмэнь и Дунчжимэнь».[108] Все остальные русские были похоронены здесь», — утверждает Софроний, глава миссии восьмого класса.[109] В Пекине династии Цин православная миссия, конечно, не могла сравниться с католическими иезуитами, поэтому это кладбище не так хорошо известно, как «ограда Тенгун» за воротами Фучэн (кладбище Маттео Риччи, Нан Хуайрен и других). В «Черновике пекинского Ши Фансян» Чжу Исиня упоминается о «кладбище ракшасов», которая никак не объясняется, но ее расположение похоже на вышеупомянутое, и, похоже, это общее название русского кладбища. Со времен ранней династии Цин, когда православную церковь Святого Николая жители Пекина называли «храмом ракшасов», вполне логично использовать термин «кладбище ракшасов» для обозначения места захоронения «проживающих здесь лам и учеников». На русском кладбище был похоронен

пекинский проповедник.

Русское кладбище, одно из религиозных владений Пекинской миссии, несколько раз ремонтировалось и к концу правления династии Цин достигло значительных размеров. Ниже приводится краткий обзор русских источников в дополнение к тем, которые не вошли в «Шуофан бэйчэн».

Русское кладбище подверглось серьезной реконструкции в период работы миссии Одиннадцатого класса в Пекине (1830-1840 гг.). Было сделано два главных дела: во-первых, план кладбища составил сопровождающий класса Черепанов, а во-вторых, надпись на надгробии написал архимандрит господин Анвен (или Аввакум).[110]

Весной 1850 года (тридцатый год эры Даогуан) Ковалевский, попечитель тринадцатого класса проповеднического корпуса, руководивший строительством Русского павильона-обсерватории, отправился для дальнейшего ремонта на русское кладбище.

В 1900 году (правления Гуансюй 26-ой год) ихэтуани разрушили «русское кладбище» за пределами Аньдинмэнь. Цинское правительство заплатило русской стороне 10 000 таэлей за восстановление кладбища, как это было предусмотрено в пункте 4 Двенадцати статей мира Синь-Чжоуских государств. [111]

После Октябрьской революции православная церковь тайно перевезла кости семи близких родственников царя Николая II в Пекин, где в 1920 году они были помещены на русское кладбище. Эта история была опущена, так как выходит за рамки данной статьи.

Глава 8

Взаимодействие между цинскими послами и русскими синологами

Унизительные последствия Второй опиумной войны заставили цинское правительство неохотно пересмотреть свою политику «варварских дел», внося ряд корректив в пользу западных держав, как в отношении офиса, так и в отношении способа

связи. Создание в январе 1861 года (10-ый год в декабре правления Сянфэн) Управления премьер-министра по внешней торговле и коммерции и первая миссия в западные страны в марте 1866 года (5-ый год в первом месяце правления Тунчжи) ознаменовали существенный сдвиг от «уважения» к «неполноценности» «Небесной империи». Открытость династии Цин, с ее «лютней с закрытым лицом», сделала феодальную империю чуть менее закрытой. Поэтому для цинских чиновников стало возможным посещать Россию после середины 1860-х годов с различными миссиями, встречаться и взаимодействовать непосредственно с российскими синологами там, а также вести записи о своем опыте.

Перевод центра подготовки российских китаеведов из Русского музея[112] в Пекине на восточный факультет Петербургского университета также произошел в 1860-х годах. С 1865 года (4-ый год правления Тунчжи), когда четырнадцатый класс проповедников сменил класс, русские перестали посылать своих студентов в Пекин для обучения в своей стране. Число студентов, поступивших на курсы китайского и маньчжурского языков в университете Питера, увеличилось с 8 в 1860 году до 11 в 1867 году и до 15 в 1875 году.[113] Таким образом, российские синологи, контактировавшие с цинскими посланцами в период правления династий Тун и Гуан, фактически состояли из двух поколений — старшего поколения из миссии и нового поколения, подготовленного в университете. Наследие их академического происхождения и политических пристрастий, а также зависимость российских синологов от российского дипломатического сообщества можно найти в записках цинских послов в России. Выявление исторической правды в этом отношении обогатит наше понимание истории российско-китайских отношений и истории российской синологии.

8.1 Контакт между Бинь Чунем, Чжи Ганем, Кун Ци и Ван Сили

Весной пятого года эры Тунчжи (1866 г.) главный сборщик налогов Хедэ уехал в Великобританию в шестимесячный отпуск и предложил канцелярии премьер-министра прислать офицера для его сопровождения, чтобы он мог «ознакомиться с обычаями и людьми страны, что представляется весьма удобным».[114] С одобрения великого князя Гун для сопровождения в Европу была назначена официальная туристическая группа, состоявшая из Бинь Чуня, ханьского солдата корпуса белого знамени (получившего звание третьего класса и занимавшего должность заместителя генерального управления генеральной администрации), его сына Гуан Ина, а также студентов из училища Тунвэньгуань, Фэн И, Дэ Минь и Янь Хуэй. Делегация покинула Пекин в 21-

й день первого месяца пятого года эры Тунчжи и посетила Великобританию, Швецию, Германию, Бельгию, Францию и Россию, а Бинь Чунь написал книгу под названием «Заметки о ремесле западных стран», в которой он «сделал подробные записи о горах и реках, обычаях и людях, через которые он проходил, нарисовал и выложил их описания, которые он привез в Китай для подтверждения»[115].

В пятый день шестого месяца пятого года эры Тунчжи Бинчунь и его партия прибыли в Петербург.[116] На следующий день российский «премьер-министр, господин Кун, прибыл с визитом, заявив, что он находится в Пекине уже восемь лет». На десятый день шестого месяца мистер Кун пришел проводить их, позаботившись об их багаже и заказав для них карету. Очевидно, что в течение шести дней первого визита цинских чиновников в Петербург российский МИД отправил «Куна», чтобы позаботиться о транспорте. Кто был этот человек? Более подробный рассказ дает Дэ Минь (так называлась школа Чжан Дэи в Тунвэньгуане), служитель Бинь Чуня.

(В шестой день шестого месяца пятого года эры Тунчжи) Местный житель по фамилии Кун и по имени послал визитную карточку на китайском языке, именуя себя «лорд Кун».

На седьмой день шестого месяца по хиджре стало ясно. Утром я отправился в дом Кун Ци, чтобы выразить свое почтение, и узнал, что он прожил в Пекине восемь лет, он говорит по-китайски не очень четко, занимает должность государственного чиновника, также работает в главном управлении по иностранным делам по совместительству. У него была коллекция стихов и книг, а также стена картин, купленных в Китае за большие деньги. Я познакомился с его женой и дочерью, и меня угостили пельменями. Кун говорил: «Люди должны любить есть, потому что это то же самое, что и в Китае». Поев, он ушел. («Морское путешествие», том 4).

Понятно, что «Кун Цзюнь» означает Кун Ци, что является провинциальным переводом Константина Андрионовича Скальчикова. Слова «в настоящее время занимает должность государственного чиновника» означают, что он преподает на восточном факультете Петербургского университета. Когда он представился Бинь Чуню и его партии, Кун Ци только упомянул, что он был «в Пекине в течение восьми лет», т.е. как студент 13-го класса проповеднической группы в Пекине (1849-1857); хотя он «называл себя лордом Куном». «Он не сообщает, что был российским консулом в Тачэне» (1859-1862).

Помимо Кун Ци, был еще некий «Ван Шушэн», или «Ван Сили»,

который поддерживал связь с цинским послом. Его потрепанный вид резко контрастировал с пышностью и обставленностью «лорда Куна»:

(Вечером седьмого дня шестого месяца пятого года эры Тунчжи) Уроженец Китая Ван Шушэн нанес визит цинскому двору. Это был беловолосый, длинноглазый мужчина, который десять лет служил в Пекине, хорошо говорил по-китайски и многое знал о ситуации в Китае. Он умел писать на маньчжурском и китайском языках и был очень хорош в этом. Мин путешествовал с ним и пригласил его к себе домой. Его семья оказалась в трудной ситуации. Он сказал, что после смены класса в Китае он установил палатку в российской столице, чтобы преподавать маньчжурские и китайские науки. Однако зарплаты, которую он получал в школе, было недостаточно для покрытия расходов, а его дети были совсем маленькими и не могли его содержать. Это человек, который усерден в учебе, но плохо зарабатывает на жизнь. Я говорю уже давно, но иногда вздыхаю. Я достал три или четыре тома русских книг и предложил две тарелки иностранных пирожных, по форме напоминающих хризантемы, и чашку чая. Мин поблагодарил его и вернулся.

В произведении Дэ Мина бедный профессор Петербургского университета изображен живо и ярко. Неудивительно, что первоклассный «китайский человек» России академик В. Васильев «иногда вздыхал», чтобы свести концы с концами. Накануне отъезда цинской делегации из России Ван Шушэн лично пришел к нему на квартиру попрощаться и сказал: «Если вы еще раз приедете в мой город, пожалуйста, передайте мне сообщение, чтобы мы могли провести несколько дней вместе и пожелать вам счастливого пути на родину».[117] Три года спустя, когда очередная цинская делегация прибыла в Петербург, Ван Шушэн уже не говорил о семейных делах, а произносил много речей.

Вслед за Бинь Чунем в Россию приехал и Чжи Гань. Он получил второй ранг в Главном управлении и был назначен министром по делам Китая и иностранных дел, и во главе шести студентов из Тунвэньгуаня сопровождал американского министра в Китае Пу Аньчэнь в поездке по разным странам. Он покинул страну в феврале 1868 г. (7-ой год эры Тунчжи) и вернулся в Пекин в октябре 1869 г. Он написал книгу под названием «Мемуары о первой миссии в Таиланд и на Запад»[118], в которой записал свое посещение одиннадцати стран Европы и Америки.

Чжи Гань и его партия встретились с царем Александром II (1855-1881) в 17-й день первого месяца 9-го года Тунчжи (1870) и покинули Россию 20 апреля. Во время пребывания цинских

послов в Петербурге царский «китайский язык», конечно же, приходил на порог. Согласно статье «16 марта девятого года Тунчжи» в «Хронике первого посольства в Таиланд».

К нему пришел человек, который изучал китайский язык в Китае, а теперь изучает ритуал у себя на родине. Он сказал, что нет ничего западного, чего не мог бы сделать Китай, но что католицизм нежелателен; он читал китайские книги, но его обсуждение древних вопросов было скорее утилитарным, чем педантичным. Это все еще попытка сенсационно преподнести раннее принятие западного права в Китае.

Очевидно, что «Василий» — это перевод Ван Сили, беловолосого, длиннобрового «Ван Шушэн», которому было 52 года (1818) и который все еще был профессором восточной кафедры Петербургского университета, а потому известен как «народный учитель», которому «уже шесть лет». «Ему было 52 года (1818), и он все еще был профессором восточного факультета Петербургского университета. Время и содержание встречи позволяют предположить, что Ван Сили приехал за три дня до того, как китайская миссия должна была покинуть Россию, чтобы «обсудить западные и древние вопросы». Эти прощальные слова имели глубокий смысл, который Чжи Гань уже воспринял как «попытку спровоцировать Китай на скорейшее принятие западных методов»! Что касается того, что он умел заискивать перед цинским послом, говоря, что «католицизм неуместен» в то время, когда антифоригенистское движение в Китае было в самом разгаре, то это показывает, что этот «Ван Шушэн», который приехал в Китай на десять лет, чтобы «изучать обряды», не был ученым человеком. Ван Шушэн (прим. переводчика – шушэн – букв. перевод «кабинетный ученый, книжный ученый»), который прожил в Китае десять лет, не был кабинетным ученым.

Можно спросить, почему исчез «господин Кун», который три года назад часто общался с Бинь Чунем. Кун Ци был назначен российским консулом в Тяньцзине в 1867 году и получил звание генерального консула в 1870 году, когда он был занят переговорами с цинским двором по поводу случайного убийства трех русских купцов в ходе «учебного дела» в Тяньцзине. Ко времени посещения России миссией Чун Хоу, «Кун» вновь появился и стал известен как «консул Кун».

8.2 Миссия Чун Хоу и «китайский язык» в Петербурге

В истории русско-китайской дипломатии династии Цин Чун Хоу был позорным инструктором, потерявшим власть и унижившим страну. На четвертом году правления Гуансюя (1878 г.) он получил специальное указание отправиться в Россию

для ведения переговоров или в качестве «первоклассного имперского посланника и полномочного министра». Делегация включала маньчжурцов, китайцев и иностранцев, и была размещена в большом количестве аристократических резиденций на южном берегу Невы в Петербурге. В течение восьми месяцев Чун Хоу провел 31 встречу с Бу Цэ по трем вопросам: торговля, демаркация границы и возврат долга, и в итоге подписал печально известный Ливадийский договор, который «возвращал русским купцам все выгоды от шелка и чая и объединял все выгоды Шэньси и Синьцзяна с Россией»[119], что было неприемлемо для двора и общественности того времени. Дипломатическая история миссии Чун Хоу в Петербурге — это история унижения цинских феодальных бюрократов, которые подверглись сочетанию мягких и жестких мер со стороны русских, чтобы продать свой суверенитет. Поэтому очень важно выяснить имена и личности царских «китайских языков», сопровождавших миссию на банкетах, спектаклях и экскурсиях, чтобы понять внутреннюю суть русско-китайских переговоров в Или.

Чжан Дэ И, переводчик второго ранга в миссии Чунхоу (четвертого ранга в китайской армии под окаймленным желтым знаменем и член военного министерства), в своем дипломатическом дневнике «Четыре описания Ци» довольно подробно описывает группу «китайского языка» в Петербурге.

В ночь на 15-й день первого месяца 5-го года правления Гуансюй (1879 г.) Чун Хоу провел торжественный Праздник фонарей в резиденции миссии по адресу 68, «Англо-немецкий проход» в Петербурге, со следующими гостями и сценами.

Звездный посол пригласил бывшего российского министра в Китае господина Бу Цэ, генерального консула господина Кун Цитин и преподавателя маньчжурского языка господина Ван Сили, также известного как Ван Шушэн, которые были здесь летом предыдущего года, на званый ужин с генеральным консулом господином Уилбуром и полковником Цю (опечатка иероглифа «Пэй»), а также Мэн Ди и Пу Чжи, которые вернулись в Китай в отпуск. В соответствии с русским протоколом банкета, рядом с большим столом был поставлен маленький столик, покрытый белой скатертью, на котором стояли несколько маленьких бутылок белого вина, несколько тарелок с хлебом, холодным мясом и сладостями. Когда гости входят в столовую, их окружают со всех сторон, и каждый берет закуску или немного вина, чтобы возбудить аппетит, прежде чем сесть за стол. Когда трапеза заканчивается, они встают, выходят и пожимают руки своим хозяевам, чтобы поблагодарить их. Таким

же образом проводится и вечер. В конце вечера подается обед.

Поскольку «10 часов вечера» наступает в 22:00, очевидно, что этот ужин в западном стиле длился около двух часов. Перед тем как сесть за стол, мы выпили «китайскую водку Шерри» — обычный аперитив на дипломатических мероприятиях. Все шесть российских приглашенных, за исключением Бу Цэ, были «китайскими» специалистами царской России. У каждого из них был свой опыт и статус, и их контакты с миссией Цин были разными.

Именно в этом году «генеральный консул Кун Ци Тин», вышеупомянутый Кун Ци, оставил свой пост и вернулся в Россию. «В то время ему было 58 лет (р. 1821), он еще не вышел на пенсию, но все еще работал переводчиком в Департаменте Азии. Кроме участия в этом приеме и сопровождения министра иностранных дел Джемани на вокзал, чтобы проводить Чун Хоу, он не появлялся на других мероприятиях. Однако он довольно активно писал статьи для прессы по вопросу Или.

«К. И. Вибель, сотрудник консульства, находящийся в отпуске по возвращении в Китай, был в «отпуске» и поэтому имел только одну социальную встречу с Чун Хоу. Он специализировался на географии китайской границы, составлял карты северо-востока и опубликовал такие труды, как «карта Чжили» (1892, петербургское издание) и «Указатель к воротам атласа общественного мнения» (1907, петербургское издание). В середине 1980-х годов он стал российским министром в Корее — пост, который он покинул в 1897 году[120]. В царской дипломатии конца XIX века Уилбур был также специалистом по делам Дальнего Востока.

Первым русским консулом в Тяньцзине был Дмитрий Алексеевич Пишуров, о котором великий князь Гун 25 февраля одиннадцатого года правления сообщил как о «консуле Тяньцзиня по коммерции и торговле». Этот человек уже имел дело с Чун Хоу. В первый год эры Тунчжи (1862) Китай и Россия подписали «Правила о торговле землей», а «Правила о возобновлении налогов» были скреплены печатями Чун Хоу и Мэн Ди соответственно от имени двух стран.[121] Этот учёный закончил математико-физический факультет в Петербургском университете в 1853 году, добровольно приехал в Китай в сопровождении четырнадцатого класса проповеднической группы России. Во время своего пребывания в Пекине с 1859 по 1860 год Мэн Ди руководил обсерваторией «Российский павильон» и собирал информацию о землетрясениях в период правления династии Мин, написав объемный трактат о «землетрясениях в Китае эпохи Мин» (1860, том 29), в котором первый раз

исследовалась история землетрясения в Китае. Во время миссии Чун Хоу в Россию Мэн Ди уже преподавал на восточном факультете Петербургского университета, где он также был переводчиком кафедры Азии и представлял официальный прием. По словам Чжан Дэ И, в восьмой день декабря четвертого года правления Гуансюя, когда цинская делегация выходила из вагона, «Мэн Ди, бывший сотрудник консульства в Китае, а ныне преподаватель китайского языка в официальной школе, пришел нанести визит». После обмена любезностями, «когда он заговорил об императорском посланнике, тот усложнил ситуацию, заявив, что национальное письмо не было написано», очевидно, с намерением убить Чун Хоу. На двадцать восьмой день, когда Чун Хоу передал свои верительные грамоты, Мэн Ди приехал с императорским министром, чтобы принять их, и въехал во дворец «в карете с четырьмя лошадьми» вместе с Шао Юйлянем, первым советником миссии. В то время семья Мэн Ди жила в пригороде «деревни Александр, в двадцати восьми милях от резиденции миссии», но он все равно был обязан сопровождать цинских чиновников и выполнять свои официальные обязанности в качестве «учителя китайского языка в государственной школе». На протяжении всех переговоров в Или Мэн Ди был постоянным спутником.

Какова была роль так называемого «полковника Пэй Сяйсичжи»? По словам Чжан Дэ И и других людей, посетивших его дом, говорят:

Я проехал от южной границы России до Монголии, проследовал по Западному пути, зашел в Южно-Китайскую провинцию и Ханькоу и вернулся обратно.

О своих путешествиях он вел дневник. В его доме хранится список китайской мужской и женской одежды и обуви, а также лекарства, продукты питания, бумага и карандаш, каллиграфия и живопись, тысячи изделий из золота, серебра, меди, железа, камня, фарфора, плитки и деревянной посуды, небольшая фотография Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана, множество китайских имен и мечей.

Очевидно, что этот человек — Пясецкий, тот самый «Пищевский»[122], которого Цзо Цзунтан встретил в Ланьчжоу в девятый день седьмого месяца первого года правления Гуансюя (1875), и который приехал в Китай в тринадцатом году правления Тунчжи (1874) и первом году правления Гуансюя для изучения «чайного пути» и сбора образцов. По профессии он был врачом в Петербурге. В Петербурге он был врачом по профессии и в 1876 году опубликовал статью о санитарных условиях и медицине в Китае. Его двухтомник «Путешествие по Китаю» (Петербург,

1880) стал сенсацией. Он также был гостем «Вечернего гала».

«Пучжи был относительно младшим чиновником, но восходящей звездой в «Китайской связи» царской России. Он был одним из «переводчиков, присланных в Китай российским министром в Пекине», когда Чун Хоу находился в России. Слово Пучжи должно быть провинциальным переводом А.М. Позднеева. Он был учеником Ван Сили и одним из русских послов в Пекине. В середине 1880-х годов он вернулся с государственной службы и стал ученым секретарем восточного отделения Петербургского университета, работая помощником главы отделения Ван Сили, и опубликовал такие произведения китайской литературы, как «О тайной истории династии Юань» (1884) и «Обзор жизни буддийских монахов и монастырей в Китае» (1887). Он путешествовал в Монголии, написал двухтомную книгу «Монголия и Монгол». В 1899 году он отправился в Рим в качестве монголоведа для участия в 12-м Международном конгрессе востоковедов. В том же году он основал Владивостокский восточный институт, первым директором которого был Пучжи (1899-1903), а также был управляющим пекинского отделения Русско-китайского Доусон-банка.[123] Он поставил перед собой задачу подготовить «людей для административной и промышленной деятельности на Востоке», и с момента основания до Октябрьской революции институт окончили 300 студентов и 200 офицеров.[124] Очевидно, что Пучжи, дебютировавший во время миссии Чун Хоу в Россию, стал известным «китайцем», который обучал «китайцев» для царского правительства на Дальнем Востоке России.

Что касается Ван Сили, известный для посланника династии Цин, ещё задолго до того, что Чун Хоу вернулся в Россию, он уже был весьма заинтересован в защите колониальных прав и интересов царской России в Или. В конце 1876 года (второй год эры Гуансюй) он вызвался составить проект русско-китайского договора из 16 статей, отказавшись от своего первоначального заявления об «отказе вернуть Или», но по-прежнему угрожая, чтобы Китай и Царскую Россию обладают одними помыслами и одними устоями. В Петербурге началось заключение Илийского договора.[125] После начала Илийских переговоров в Петербурге Ван Сили продолжал участвовать в некоторых дипломатических мероприятиях, организованных Департаментом Азии, но они носили скорее церемониальный, чем содержательный характер. После того «позднего ужина» старый синолог некоторое время пребывал в депрессии из-за семейной трагедии. Согласно «Четырем описаниям странного», том 12, «Статья о 12-м дне 2-го месяца 5-го года эры Гуансюй (1879)», записано следующее:

«Королева Ван Сили, Лия, упала из окна в возрасте девятнадцати лет из-за размолвки между отцом и дочерью. Очень жаль! Звездный посланник (Чун Хоу) немедленно приказал Тамуану (Такамуне, сверхштатному помощнику Министерства промышленности) отправиться на виселицу с оружием в руках.

После того как Чун Хоу покинул Россию, его пост занял первый советник Шао Юйлянь. Более подробно о контактах Шао с «китайскими знатоками» смотрите также мою книгу «Ван Сили и Кун Ци Тин в русских текстах Шао Юйляня»[126], которую я не буду здесь повторять. Но следует вскользь упомянуть, что в 1884-1885 годах на восточном факультете Петербургского университета работал преподаватель китайского разговорного языка и каллиграфии, с русским эквивалентом гуйжун[127], который был переводчиком третьего ранга из полка Гуйжун, ханьский солдат окаймленного синего знамени, окончивший русский класс Тунвэньгуаня и назначенный поручиком в Министерство внутренних дел. Возможно, это было связано с рекомендацией Ван Сили или Мэн Ди, но, к сожалению, документы династии Цин утеряны, и трудно узнать подробности.

8.3 Российские китаеведы в трудах Мяо Юйсуня и Ван Чжичуня

На июле тринадцатого года правления Гуансюя (1887 г.) главе Министерства финансов Мяо Юйсуню было приказано отправиться в Россию, «проехав более 70 000 миль, чтобы своими глазами увидеть горы и реки, политические успехи и потери, избыток и недостаток государственных средств, силу армии, изобилие и недостаток продуктов, численность населения, красоту и недостатки обычаев и практики в стране, и посоветоваться со всеми», составлено в томе 8 сборника «Путешествие в Россию»[128]. Это более подробный рассказ о путешествиях по России в конце правления династии Цин. Восьмой том представляет собой дневник, начинающийся 25 июля 13-го года правления Гуансюя и заканчивающийся в первый день июня 15-го года правления Гуансюя, и посвящен Петербургу, а также южной России и Сибири.

Среди китаеведов, с которыми Мяо Юйсунь познакомился в Петербурге, кроме «Василия» или Ван Сили, наиболее заметным был К. М. Георгиевский (1851-1893). Согласно записи «27 марта 1888 года» в томе 8 сборника «Путешествие в Россию»:

Он был русским переводчиком, который имел дело с У Дачэном (прим. переводчика — 1835—1902, известный ученый династии Цин), во время межевания в 1886 году в Хуэйчуне и занимался бизнесом во Владивостоке. Путешествовал по Европе и Азии и провел несколько лет в Китае. Автор

огромной книги по переводу китайских книг, которые он назвал основными принципами Китая, а также включил в нее древние тексты. Он прочел «Пятикнижие», «Четверокнижие», «Школьные высказывания Конфуция», «Старый сборник Чжуан-цзы и Ле-цзы», «Государственную политику», «Речи царств», «Всеобщее зеркало, управлению помогающее», «Записи о Троецарствии», «Историю дорог», «Документальные исследования Цюэ Ли», «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин», «Изначальное зеркало книгохранилища, Сокровища библиотеки», «Глубочайшее зеркало», «сборник исследовательских статей Гай Юй», «Полное исследование пяти обрядов», «Домашние наставления господина Яня», «Модель наставления Вэньгуна», «Обряды Вэньгун», «Докладные записки известных министров прошлых династий», «Древнюю литературу», «Исследование об изложениях сущности канонов», «Полное собрание книг мудрецов Западной реки Мао». Он очень верил в Конфуция и Мэнцзы и говорил, что Китай был первой страной, открывшей мир, и что он все же смог сохранить старую систему, которая была не так хороша, как в европейских странах.

Этот рассказ — редкий фрагмент русской китаеведческой истории в литературе династии Цин, и стоит объяснить его по пунктам.

(1) Священник из семьи священников, окончил Московский университет в 1868 году со степенью по истории и языку, а в 1875 году поступил на восточный факультет Петербургского университета, где был учеником Ван Сили и Мэн Ди. В 1880 году он окончил университет со степенью магистра китайского языка. В 1881-1882 годах он работал на русского торговца чаем и побывал в Пекине, Тяньцзине, Чжанцзякоу, Ханькоу и Фучжоу. Фраза «несколько лет в Китае» в приведенной выше цитате относится именно к этому. По возвращении в Россию он продолжил свои исследования, изучая древние китайские иероглифы и анализируя их в связи с жизнью людей, и в 1889 году ему была присуждена докторская степень.

(2) По возвращении в Россию он опубликовал «Историю первой Цинь» в 1885 году, которая становилась все более известной, и «Принципы китайской жизни в Петербурге» в 1888 году, текст которой занимает 494 страницы. Он подарил Мяо Юйсуню «огромный том книг по переводу средних школ», что он и имел в виду. Все 16 страниц приложений к книге представляют собой выдержки из древних китайских текстов, поэтому Мяо Юйсунь смог дать подробный список своих «чтений». При этом он явно практиковал так называемый подход «всестороннего

наблюдения» к изучению Китая, который его учитель Ван Сили предложил еще в 1850 году. Позже, в своем эссе «Граф Толстой и «Принципы китайской жизни» «он еще больше развил свое утверждение: «Синологию (которая все еще является расплывчатым понятием) следует рассматривать не как отдельную дисциплину, а как синтез комплексных дисциплин».[129] Акцент на «комплексности» и «синтезе» действительно является одной из характерных черт российской синологии.

(3) Заявление Мяо Юйсуня о том, что Гэ, который «твердо верил в конфуцианство и Мэнцзы, т.е. ортодоксальная школа конфуцианства», «решительно утверждал, что принципы и начала являются основополагающими для Китая», явно соответствует сенсационному заявлению, которое он позже сделал в своей книге «Важность изучения Китая» (Петербург, 1890) -- «Конфуцианская философия является движущей силой всех аспектов китайского прогресса» -- явно перекликается с этим сенсационным заявлением в его более поздней книге «Важность изучения Китая» (Петербург, 1890). В то время еще один студент восточного факультета Петербургского университета был близким соратником Мяо Юйсуня. Согласно статье «20 декабря 13 года, Гуансуй» в 8 томе «Сборника путешествий по Россию»:

Вечером его пригласили посмотреть танцевальный вечер с человеком, который изучал китайский язык в школе. Он рассказывал, что много лет изучал китайскую литературу и переводил китайские книги по науке, такие как «Сущность человеческой природы», «Полное собрание сочинений Чжу Си» и «Обряды Вэньгуна». Студенты также обязаны изучать маньчжурский и монгольский языки. Половина книг на китайском и маньчжурском языках были официальными книгами династий Кан и Цянь, но были и частные издания, такие как «Книга Западной палаты». Среди китайских книг, переведенных на русский язык, — «Древнеписьменный «Шаншу», «Канон сыновей благочестия», «Троесловие» и различные небольшие песни. На его столе лежит копия «Шэн У Цзи» Вэй Юаня, хорошо напечатанная на китайском языке, и копия содержания 167-го тома «Полное собрание книг по четырём разделам».

Кроме того, статья «17-й день первого месяца 14-го года правления Гуансюя» гласит:

Когда он только приехал, он представил четыре или пять страниц своего перевода маньчжурского наброска Тунцзянь, две страницы монгольской литературы, и сказал, что переведет «Шэн У Цзи», и что он хочет позаимствовать «Географическое

описание заморских государств». На первой странице он излагает ученикам учение своего учителя, говоря о важности трех принципов и пяти правил изучения китайского языка и разделяя смысл пяти правил примерно на сто слов. Хотя текст поверхностный, он представляет большой интерес.

Это был Н.Ф. Колесов, студент третьего курса китайского и маньчжурского языков на восточном отделении Петербургского университета. Информация, которую он предоставил Мяо Юйсуню, представляет определенную ценность для понимания того, как на восточном факультете Петербургского университета в конце XIX века велась подготовка по многоязычной и междисциплинарной китаистике. Не случайно работа Вэй Юаня была настолько высоко оценена российским синологическим сообществом, что Колесов «захотел позаимствовать «Географическое описание заморских государств». «Еще в мае 8-ого года правления Сянфэн (1858 года) Ван Маоинь, левый министр военного министерства, просил переиздать «Географическое описание заморских государств», «чтобы все князья и министры имели издание, а восемь знамен клана учили и учили, чтобы знали, что варваров трудно защищать, а не невозможно»[130], такая официальная книга для защиты варваров, которую необходимо прочитать, конечно стоит в центре внимания синологии в России. «В 1889 году, после окончания Петербургского университета, он был направлен в Пекин в качестве переводчика российского посольства. Это был человек, который имел «тайные контакты с князем Цином»[131] во время Ихэтуаньского восстания. Во время своего пребывания в Пекине он посвятил себя изучению норм и правил династии Цин, а позже стал одним из редакторов 400-страничного словаря российской и китайской политики и права. Позже он соредктировал «политико-юридический словарь Китая и России» в более чем 400 страниц. Как и его наставник Мэн Ди, Колесов был писцом и государственным служащим в двух ролях.

Сфера контактов Мяо Юйсуня не ограничивалась студентами и преподавателями Петербургского университета; 13 февраля 14 года Гуансюй встретился также с человеком, который «знал медицину», Бьерске, на самом деле Пэй Сяйсичжи, который был на вечере миссии Чун Хоу. Впечатления от Чжан Дэ И во многом совпадают.

Он прекрасно рисует, знает медицину. Он был путешествовавшим чиновником в Китае, побывал в Шэньси и Ганьсу, Хубэй и Хунань, Цзянсу, Тяньцзине и столице, много писал.

Помимо Петербурга, во время поездки в Ялту на юге России в третий день шестого месяца четырнадцатого года эры Гуансюй

Мяо Юйсунь вступил в контакт с «китаеведом», который сменил профессию на бизнес и поэтому не имел публикаций.

Он был бывшим инструктором в Тунвэнькане и мог говорить по-китайски.

Это был тот же человек, который в 1872 году (одиннадцатый год эры Тунчжи) был принят на работу в качестве «профессора русского и немецкого языков, господина Дитуцзина», согласно «Записям Тунвэньгуаня» Дин Сянляна.

Мяо Юйсунь вернулся в Китай через Сибирь. 18 октября 14-ый год Гуансюй (1870 года), когда он проезжал через Иркутск, его «посетил заместитель директора музея господин Потанин».

Он дважды путешествовал по Китаю: из Гуйхуа, Кобдо в Хами по суше, затем в Синин и Ланьчжоу, а потом в Сунпань в Сычуани; по морю он посетил Шанхай, Чжифу, Тяньцзинь и Пекин. Он путешествовал в течение двух лет с военным офицером, охотником и монгольскими переводчиками, что обошлось ему в 29 000 рублей. Ему вручили экземпляр написанной им книги.

Г. Н. Потанин (1835-1920) был еще одним известным царским исследователем после Пржевальского, который несколько раз приезжал в Китай для географических и этнических исследований. Поскольку «в течение многих лет русские шли через Монголию с высокомерием и провокациями, и это еще не конец истории», «сухопутное» путешествие Потанина в 1876 году (второй год правления Гуансюя) стало позорным опытом: «Когда он прибыл в Лама Урга, его внезапно встретили сотни мужчин, которые стащили его на лошади и отобрали у него шляпу и пистолет».[132] Упоминание Мяо Юйсуня о его «подаренной книге» — это, вероятно, путеводитель, опубликованный в 1880-х годах.

Одновременно с приемом Потанина у Мяо Юйсунь состоялась встреча с «Ядринским» (русское имя: Н. М. Ядринцев). Согласно записке от 19 числа того же месяца:

Конфуцианский ученый Ядринцев посетил этот город, он был археологом, он мог сказать нам, где находится город Хуалинь, и он сказал, что тюрки — это западные тюрки династии Тан, а арабы — это бактрийцы династии Хань, и что русские называют китайцев «луотай», что является фонетическим чередованием слова кидани, а урянхайцев называют самейяцами. Есть труды про сибирян, которые изучены очень подробно.

Этот русский «конфуцианец», в то время главный редактор еженедельника «Восточное обозрение» в Иркутске, был хорошо знаком с «Сибирью» и стал первооткрывателем знаменитой

тюркской «Стелы Кюль-тегин» (1889). Его разговор об «археологии» с Мяо Юйсунь был не более чем общим местом российской синологии.

После Мяо Юйсуня Ван Чжичунь также вступил в прямой контакт с российскими «синологами».

В 1894 году (20-ый год правления Гуансюй) царь Александр III (1881-1894) умер от хронической болезни почек, и на престол вступил Николай II (1894-1917). Последний царь, который много путешествовал, будучи князем, посетил Гуанчжоу в 1891 году, где Ван Чжичунь устраивал банкет от имени губернатора Гуандуна Лю Жуйфэна и встречался с ним три раза, поэтому цинский двор отправил Ван Чжичуня (который к тому времени был переведен на министерский пост в Хубэй) в Россию, чтобы поздравить его. После прибытия в Петербург русские подумали, что «Ван Чжичунь был слишком мал, чтобы нести за это ответственность», поэтому цинский двор отправил Ли Хунчжана в качестве специального посланника, чтобы поздравить его.

Дневник миссии Ван Чжичуня, озаглавленный «Русская миссия», дает подробный отчет о поездке. Четвертый том содержит восемь его «Лирических стихов из русской столицы», которые описывают как пейзаж, так и его душевное состояние, и представляют собой большую ценность как свидетельство его поэзии и истории. Во время своего пребывания в Петербурге Ван Чжичунь встретился с двумя «китайскими синологами». Согласно записи в книге, «12-го числа 2-го месяца 21-го года эры Гуансюй (1895)»:

Вечером я встретился с китайским учителем в России, который сказал: Китайские книги основаны на «Четырех сыновьях благодеяния» и «Пятикнижии», а другие конфуцианские изречения — «Школьные высказывания Конфуция», «Знания Лао-цзы Чжуан-цзы», «Государственная политика», «Речи царств», «Всеобщее зеркало, управлению помогающее», «Модель наставления Вэньгуна», «Полное собрание сочинений Чжу Цзи», «Докладные записки известных министров прошлых династий», «Сборник Исследовательских статей Гай Юй» и «Полное исследование книги мудрецов о пяти обрядах» — на принципах и устоях семьи. Учения Конфуция и Мэнцзы известны и разумны, и не так причудливы, как учения Иисуса.

Ван Чжичунь не говорит, кем был этот «китайский школьный учитель». По его знанию китайских древностей легко вспомнить «Грегорьева», который так красноречиво говорил с Мяо Юйсунем. На самом деле, Грегорьев уже умер двумя годами ранее (1893). Если этот «школьный учитель» был склонен отвергать иезуитизм

и имел право разговаривать с цинскими посланниками, то более уместно было бы сослаться на Ван Сили, который в прошлом обсуждал с Чжи Ганем, что «католицизм нежелателен», и который к этому времени был уже далеко не в самом расцвете сил.

Другим «синологом», с которым Ван Чжичунь был более тесно связан, был любимый ученик Ван Сили, «Бабаев». Согласно статье «16 февраля, Гуансюй 21-ый год» в 4-м томе «Русских миссий».

Приглашение на чаепитие в его доме было очень трогательным. Господин Пак может говорить на всех языках.

Он живет в Пекине более двадцати лет, поэтому хорошо знаком с китайскими делами..... И в той же книге, том 3, говорится: «Бабаев, слово Мао Линь, живет в Пекине более двадцати лет».

Имя «Бабаев» является элегантно переведенным именем П. С. Попова (П. С. Попов), все три слова означают удачу, так же как и его китайское имя «Мао Линь». В 1870 году окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, потом Азиатский департамент отправил его в посольство в Пекине учиться. В 1876 году он представил доклад на Третьем международном конгрессе востоковедов под названием «Набросок истории китайского уголовного права», а в 1877 году его повысили до переводчика первого класса в посольстве, и в следующем году он сопровождал миссию Чун Хоу в Петербург вместе с Пучжи. Ван Чжичуню было уже 52 года (р. 1842), когда он познакомился с Поповым, который прожил в Пекине 24 года.

Этот «китаевед», который «много знал о китайских делах», внешне относился к Ван Чжичуню с «большой любовью и дружбой», но втайне советовал царю не давать ему «драгоценную звезду» (медаль). Это очень занервничало министра в России Сюй Цзинчэна, который 8 февраля 21 года правления Гуансюя отправил цинскому двору телеграмму:

Российский император хотел вручить царскому послу «драгоценную звезду» в знак близости, но Попов сказал, что Китай относится к этому вопросу легкомысленно и только награждает, но не носит ее, поэтому российский император оказался в затруднительном положении. Российский император находится в затруднительном положении. Это вопрос дипломатических отношений — разжигать по незначительному поводу. Я хотел бы узнать, возможно ли, чтобы медаль была принята при встрече с западным государем.

Попов был опытным человеком во внешних делах царской России

в Китае в конце 19 века. Он был генеральным консулом России в Пекине с 1886 года (12-й год правления Гуансюя) по 1902 год (28-й год правления Гуансюя). Пережил Ихэтуаньское восстание в посольстве днем и ночью и опубликовал «двухмесячный отчет об осаде Пекина» в февральском номере «Вестника Европы» февраля 1901 года.

Китайское имя Попова, Мао Линь, часто использовалось в журналистике, например, в 1884 году, когда он опубликовал статью. Его статья «Анна, Франция, китайский вопрос», опубликованная в журнале «Восточное обозрение» в 1884 году, была подписана именем мао линь (Мао Линь). Кстати, первый переводчик в российском посольстве в Пекине, «Берлин», также известный как А. Ф. Попов, был рекомендован в канцелярию премьера в 1863 году российским министром Балучером и служил учителем русского языка в Тунвэньгуане, составил «Дневник союза» для короля Гун умер в Пекине в 1870 году. У двух «Поповых» одна и та же русская фамилия и одно и то же китайское имя, поэтому их легко спутать.

В российских китаеведческих кругах Попов стал оплотом школы Васильева благодаря своему переводу «Монгольских кочевников» Чжан Му (1895) и пересмотру «Китайско-русских стихов» Палладия (опубликованных отдельными томами в 1888 и 1889 годах), а также новому переводу русского текста Мэнцзы (1904). В письме к нему в 1888 году Ван Сили восклицал: «Теперь вы глава нашей семьи, вы в ее центре».[133] Очевидно, что при переходе между двумя поколениями царских «китаеведов» академик Ван Сили передал свою мантию академику-корреспонденту Попову.

8.4 Заключение

Пять записок о миссиях, написанных цинскими чиновниками во времена династий Тун и Гуан: «Записки об экипаже», «Записки о первой миссии в Таиланд», «Описания о четырех причудах», «Сборник путешествий по России» и «Наброски о Руси» — предоставляют различные отчеты о контактах между царскими «синологами» и цинскими посланцами. Из этих интуитивных цинских документов можно понять несколько тенденций в российской синологии во второй половине XIX века.

Во-первых, жизнь царского «синолога», который был также ученым и чиновником, имела глубокие исторические корни. Старшее поколение из российского павильона в Пекине, такие как Ван Сили (XII класс), Кун Ци Тин (XIII класс) и Мэн Ди (XIV класс), выросли в ярко выраженном официальном контексте, от «чиновных учащих» до «китайских специалистов». Поскольку

центр подготовки китаеведов в России был переведен в Петербургский университет и находился под непосредственным наблюдением и контролем царского правительства, новое поколение «китайских» студентов, таких как Пучжи, Бабаев и Хлисов, подчинялось «Главному управлению Министерства иностранных дел по делам Востока» (Азиатский департамент Министерства иностранных дел). Они были единственными, кто последовал примеру Министерства иностранных дел. Зависимость российских китаеведов от российского дипломатического сообщества не ослабевала и во второй половине XIX века, о чем можно судить по их деятельности.

Во-вторых, в русской синологии не было позитивистской педантичности западной синологии; она была очень всеобъемлющей и практичной. Исследования Ван Сили по интеллектуальной, этнической и литературной истории Китая, исследования Кун Ци Тина по астрономии, сельскому хозяйству и военной истории Китая, исследования Мэн Ди по истории землетрясений Китая и Попова по истории криминальной истории Китая — все это были обзоры или обобщения. В то же время и старое, и новое поколения синологов уделяли большое внимание составлению пособий, начиная с «Китайско-русского сборника стихов» под редакцией Палладия и Бабаева и заканчивая «Указателем к книге общественного мнения», завершенным Уилбуром самостоятельно, — все они были написаны с определенной целью. Неудивительно, что, когда цинские послы вступали в контакт с царскими «синологами», они были впечатлены их склонностью к «знанию китайских книг» и «дел».

В-третьих, школа Васильева была мейнстримом российской китаистики в конце XIX века. Неудивительно, что многие «китайские коммуникаторы», работавшие с цинскими послами во времена династий Тун и Гуан, были учениками Ван Сили (например, Пучжи, Бабаев и Георгиевский) и повторными учениками (например, Хлисов). Они принесли во Владивосток традицию обучения китаеведению на восточном факультете Петербургского университета, а цели Восточного института, основанного Пучжи, соответствовали идеям Ван Сили. Конечно, не следует считать, что эта «талантливая» школа поет только одну мелодию. На самом деле, хотя идея «практиковать западный метод» была популярна среди Ван Сили и его ученика Попова, Георгиев был более привержен идее защиты «старой системы» как лучшего решения для Китая. Очевидно, что среди представителей школы Васильева не было единого мнения о том, какая из западных или традиционных культур должна преобладать в Китае. Но это не помешало ему стать главной силой в российской синологии на десятилетия.

Глава 9

Исследование и комментирование «караванного чая»

Торговля чаем в Европу во времена династии Цин делилась на два маршрута: из Гуанчжоу на юге в Западную Европу по морскому пути и из Кяхты на севере в Россию по сухопутному пути. Европейская терминология «чая» также отличалась в зависимости от различий между южным диалектом Мин и северным официальным языком.

Англичане называют чай «ти», французы — «дай», русские — «чай».

Ча и чай два звука похожи, так как они идут на Северном пути.[134]

Основной формой торговли чаем Северного пути является караван, его называют «караванным чаем». На современном европейском чайном рынке российский «караванный чай» был более конкурентоспособным, чем чай из приморских стран. На этот счет Миллер уже указывал в книге «Покорение Сибири и ранняя история русско-китайских сношений, войны и торговли»: «Чай, ввозимый в Россию, значительно превосходит по вкусу и качеству тот, что отправляется в Европу из Гуанчжоу. Первоначальная польза чая, вероятно, одинакова в обоих случаях; но есть предположение, что транспортировка по морю значительно ухудшает ароматический вкус растения». Вэй Юань в своей «Карте морской страны», том 83, также сделал следующее объяснение: «из-за ветра и мороза, испытываемого землей качество чая, меняется, точно так же как и морской корабль через Южно-Китайское море летней жары портит вкус чая».

Уникальность «караванного чая» и его значение в европейской коммерческой конкуренции уже обращали на себя внимание Маркса. Помимо того, что он отметил, что чай, продаваемый русским в Кяхте, был «по большей части превосходным

продуктом, так называемым караванным чаем, который имел хорошую репутацию среди материковых потребителей, в отличие от некачественного продукта, ввозимого по морю». При этом также особо подчеркивалось, что в отношениях с Китаем «русские сами имели эксклюзивный доступ к сухопутной торговле на материке, что стало компенсацией за отсутствие доступа к морской торговле»[135]. Неудивительно, что уже в 1840 году о России говорили: «Одна Кяхта стоит трех губерний».[136] Монополия сухопутной торговли не только сформировала торговое преимущество России во время двух опиумных войн, но и непосредственно повлияла на раздел сфер влияния держав в Китае. Более того, некоторые крупные политические события в китайско-российских отношениях в эпоху династии Цин также могут находить в них экономические мотивы. Например, причина вооруженного вмешательства царского правительства в дела Небесного царства Тайпин была ясно изложена в его консультативном письме Палате по управлению иностранными дел: «Поскольку внутренние раздоры в вашей стране затормозили нашу торговлю в Кяхте на многие годы, наша страна желает быстро положить конец восстанию». («История организации по международным делам», династия Сяньфэн, том 16) С другой стороны, торговля «караванным чаем» также была тесно связана с общей международной ситуацией. Наполеоновские войны 1812 года, например, вызвали потрясения в российской общественной жизни и резкое снижение количества китайского чая, поставляемого в Россию: в 1811 году через Кяхту в Россию было отправлено 46 405 фунтов белого чая, а в 1812 году — только 24 729 фунтов, то есть почти вдвое меньше.[137] Очевидно, не следует недооценивать важность торговли «караванным чаем» через Кяхту.

Фактически, в современную эпоху торговля в Кяхте была, по сути, торговлей чаем, и в период с 1839 по 1845 год на чай приходился 91% всего экспорта Кяхты[138]. Однако долгое время люди не уделяли достаточного внимания «чайному пути», который связывал две империи Китая и России в XVIII и XIX веках. Если говорить, что чай по морю привлекал внимание из-за открытия торговых портов, то «купеческий чай» был обойден вниманием из-за перевалки внутри страны. Из сохранившихся документов династии Цин, будь то официальные документы, или частные записи, не хватает систематических записей о «караванном чае», трудно провести комплексный поиск для всестороннего синтеза. Здесь мы начнем с рассмотрения некоторых важных исторических материалов, чтобы изучить предпосылки возникновения

«караванного чая», процветание и упадок китайских купеческих чайных банд, а также взаимоотношения между «русским розливом чая», российским павильоном и «караванным чаем» и т.д.». Все они, хотя и являются лишь обрывками, необходимы для всестороннего изучения взаимосвязей между российской и китайской торговлей и дипломатией.

9.1 Зарождение чая в России

Русские не были пионерами чайной торговли. Задолго до появления «караванного чая» судоходные страны Западной Европы уже торговали чаем из Южного Китая. Согласно «Дневнику английской миссии морального сравнения» Сюэй Фучжэн, «22 марта 16-го года правления Гуансюй», говорится:

Китайский чай в Европу начал поступать в 40-е годы династии Мин Ваньли, голландская Ост-Индская компания привезла с собой немного этого растения для развлечения. На восьмом году правления Шуньчжи голландцы начали возить чай в Европу на продажу. В последнее десятилетие рынок чая становился все более популярным, и британское правительство начало устанавливать закон о налоге на чай. В то время она была очень ценной, и подарок князьям стоил всего один или два фунта. В течение еще тридцати лет чайный бизнес становился все более процветающим, и британское правительство стало собирать больше налогов на чай. [139]

Подобно вышеупомянутому, «караванный чай» также претерпел трансформацию от подарка к товару в процессе своего формирования, но несколько позже, чем морской чай. Через четыре года после того, как голландцы впервые завезли чай в Европу, то есть в 44-м году по календарю Ваньли (1616 год), казачий вождь Петров впервые попробовал чай при дворе хана в Калмыкии и был поражен этим «листом без имени». К 13-му году правления Чунчжэня (1640 год) русский посланник Василий Старков вернулся из Калмыцкого ханства, привезя царю 200 мешков чая (каждый мешок весил 3 русских фунта, 1 русский фунт 409,51 грамма). Это начало поступления китайского чая в Россию.[140]

В первые годы правления династии Цин русские посланники в Китае продолжали привозить чай обратно в Россию в качестве подарков. На 14-м году правления Канси (1675 год) русский посланник Николай получил четыре коробки чая в качестве «царского подарка» после аудиенции, а также восемь коробок чая, которые его попросили передать царю.[141] Кроме подарочного чая для официальных обменов, чай как коммерческий продукт также начал продаваться в России.

В конце XVII века в Тобольске на рынке было представлено небольшое количество чая. В 1674 году (тринадцатый год правления Канси) в Москве также появились магазины, продававшие чай по розничной цене 30 копеек за фунт, но покупателями были состоятельные люди, и количество импортируемого чая было еще невелико. После заключения «Нерчинского договора» в 1689 году (28-й год правления императора Канси), согласно положениям которого, «впредь, при наличии дорожных билетов для путешественников, им разрешается торговать», приграничная торговля стала все более активной, и количество китайского чая, поступающего в Россию через Нерчинск, также несколько увеличилось. Например, в 1698 году (37-й год правления Канси) русский «купец» Цзя Ло Никитин приобрел китайских товаров на 32 000 рублей, в том числе 5 фунтов чая (каждый фунт весит 16,38 кг) 7 русских фунтов, каждый фунт по цене московского рынка 20-25 рублей. В 1699 году (38-й год правления императора Канси) в Пекин прибыл русский караван во главе с Лангусовым, и с тех пор каждые три года они регулярно приезжали продавать золото, серебро, хлопок, шелк и фарфор, но еще не делали больших продаж чая. Самая крупная торговля в городе согласно русским записям, на 15-м году правления Цяньлуна (1750 год) через Кяхту в Россию было отправлено 7 000 фунтов прессованного чая и 6 000 фунтов байхового чая. В 15-м году эпохи Цзяцин (1810 год) эти два вида чая составили 75 000 фунтов, увеличившись почти в шесть раз.

Процветание Кяхтинского взаимного рынка привлекало все больше и больше русских предпринимателей, так что к моменту подписания «Кяхтинского городского договора» в 1792 году (пятьдесят седьмой год правления Цяньлуна) в России формально образовалось шесть крупных деловых групп: (1) Московская группа — торговля шерстяными тканями, шкурами моржей, каланом и другими русскими товарами; (2) Тульская группа — торговля бараньими шкурами, кошачьими шкурами и мелкими скобяными изделиями; (3) Арзамасская и Волгоградская группы — торговля финскими и песцовыми шкурами; (4) Тобольская группа и (5) Иркутская группа — торговля кожей, норкой, песцовыми шкурами и шубами; (6) Казанская группа — специализация на изделиях из кожи.[142] Эти русские купеческие группы обменивали меха на чай, создавая торговую традицию «прийти с кожей, уйти с чаем» («Шуофан Бэйчэн» том 37), так что «караванный чай» не только по форме торговли, но и по обмену содержимым, сильно отличается от морского чая.

9.2 Логистическая деятельность «чаеоторговцев Западной

группы»

На взаимном рынке Кяхты конкурентами русских купцов были купцы из Шаньси, так называемые «западные чаоторговцы». В «Шуофан бэйчэн», том 37, говорится:

Купцы с материка, которые приезжали в Кяхту для торговли, были все из Шаньси, и торговали из Чжанцзякоу.

Именно они торговали табаком и чаем, атласом и тканью, продуктами питания и отправлялись обменивать их на различные виды шкур и войлока.

Народ Шаньси издавна известен в истории Китая как «хорошие торговцы». Согласно «Северной истории», том 15, «Биография члена императорского двора Чан Шаньваня династии Вэй»: «в восточной части страны принято быть торговцем, но не земледельцем или мукомолом. Этот древний обычай в Хэдуне (прим. переводчика – земли восточного берега реки Хуанхэ) сохранялся вплоть до династии Цин. В «Заметках из хижины Великое в малом», том 23, говорится: «Жители Шаньси были в основном купцами во внешнем мире, учились торговать у других в возрасте десяти лет или около того, и как только они накапливали свой капитал, они начинали возвращаться к женщинам, а позже все равно получали прибыль». В начале династии Цин «восемь купцов», которые занимались продажей шкур и кожи для внутреннего правительства, также были связаны с Шаньси. В цианьлунском «Заметки из уезда Ваньцюань» дается подробный отчет об это:

Восемь купцов, все с правой стороны гор, пришли в Чжанцзякоу со своей торговлей в конце правления династии Мин. Говорят, что Ван Дэнку, Цзинь Лян Ван, Фань Юндоу (доу, «уезд Цзесю» том 9, произведение «Год»), Ван Даю, Лян Цзяпинь, Тянь Шэньлан, Чжай Тан, Хуан Юньфа, Лунсин Ляозуо из этой династии послали людей в порт для торговли, и являлись главами этих восьми семей. После установления династии Дин их вызвали в столицу и устроили банкет во дворце, где им сверху давали еду и одежду. С тех пор они проводят ежегодный сбор кожи и передают его в Департамент внутренних дел.

Купцы Шаньси имели давние торговые традиции и приобрели высокий политический статус в начале правления династии Цин, поэтому коммерческие связи между Гуаньчжоу и Сайвзем долгое время находились в их руках. Торговля «караванным чаем» привлекла большое количество шаньсийских купцов в чайный регион Вуйи. Что касается богатства и манер «западных купцов» в чайном регионе Вуйи, есть конкретный рассказ в «Разных песнопениях с чайного рынка»[143] Чжун Ганя.

В начале правления династии Цин чай, которым управляли западные люди, перевозили из Цзянси в Хэнань и продавали вне таможни. Западные жители были купцами из Шаньси. Каждая семья имела капитал от двух-трехсот тысяч до одного миллиона. Товары беспрерывно ходили туда-сюда. Владелец лавки приветствует первого весеннего готья из устья реки, когда дойдет до места, он передает владельцу плату и получает заказанный чай, а владелец делает все, что он хочет, не спрашивая. После завершения чайной церемонии, он встает и уходит.

Чжанцзякоу — это место, где торговцы чаем на Западе помогают размещать гарнизоны. Весь чай, купленный в провинции Фуцзянь, перевозится сюда, а затем перепродается в «торговый город» (Кяхта) по «торговой улице». Согласно выступлению губернатор Чахара Цинъюня в сентябре 10-го года правления Сяньфэна:

Кроме военных станций, есть три маршрута, которые соединяют Чжанцзякоу и Кяхту — восточный, западный и средний. Восточный маршрут начинается от Уланба, входит через Союз сакских племен Абагаван и Абаханар Бэйцзы и другие кочевые знамена, Хайгунское знамя племени чеченских ханов внешних Саков, проходит через восточную границу Далиганай, входит в племя чеченских ханов Байлор и другие знамена Чечен-хана, достигает до Урга, от Урга в Кяхту, которая также является Восточной дорогой. Западная дорога была разделена на два маршрута от дамб Венгун и Хэлуо в Тумутском знамени, через племя Ноен из Шаламулентушету Ханского знамени, в Саньинское ноянское знамя, один из которых достигал Сидалия Сутай Ховд на западе, а другой — Урга на востоке, откуда Урга достигал Кяхту. Средняя дорога идет от дамбы Синьцзиту в западном рве за Великими пограничными воротами, через большой красный ров, черно-белый Чэнцзы и желтое знамя, в царское знамя на правом фланге, через кочевое стадо Байли Ахайгун и другие знамена племени Чечен-хан в Тушаету, через реку Урга, и наконец в Кяхту.

От Чжанцзякоу до Кяхты, общее расстояние около 4300 миль, земля открытая, людей мало, ветер и еда, и путешествия, и пастьба, три дороги чрезвычайно трудны. Поэтому западные торговцы чаем должны были путешествовать командами, и их организационная форма была примерно следующей.

Цзиньские купцы, перевозящие товары в места за пределами таможни и обратно, опасаясь краж, часто вязли в автомобильной банде, которая также является торговым флотом Тайси. У каждой банды было более сотни автомобилей, которые были

немного похожи на машину дагулу (название дагульского автомобиля), с небольшой разницей в колесах, и один автомобиль мог нести вес около 500 кг, с одной коровой, один человек управляет автомобилями более 10, двигаясь днем, и останавливаясь в полночи, в белой ночи пасти коров, должно искать место с водой и отдыхать там. Фиксированного расстояния нет, поэтому дневная норма составляет от 30 до 40 миль. В каждой повозке было несколько собак, которых привязывали к повозке на время пути, а на ночь повозки делились на два ряда, образуя овальную форму для лагеря. Имперские гвардейцы собирались в палатке, а несколько стражников время от времени патрулировали территорию. Когда они ложатся спать, их заменяют собаки, которых называют сторожевыми.[144]

Чайная группа из Шаньси использовала в качестве жилища повозки с волами, которые обычно называли «комнатой». У Цзябинь, поэт, которого отправили на военную платформу в период Даогуан, однажды написал «Восемь стихотворений о Новом Юэфу на границе»: «Повозки с волами в Чжанцзякоу ездят к торговцам Чату (Кяхта), и они находятся в постоянном контакте в течение многих лет. Они принимают повозки как свои дома и называют их комнатой».

Однако повозки с волами были не единственным средством передвижения, и зимой, когда за пределами столицы трава слабая, верблюды кажутся более подходящими для дальних поездок. В «Записках павильона бамбукового листа» Яо Юаньчжи, том 3, караван верблюдов прибывает в Кяхту из Урга следующим образом:

Русские использовали свои ясновидящие зеркала, чтобы видеть верблюдов и знать, что они везут, и они знали об этом за четыре или пять дней до прибытия купцов.

По этой причине российские коммерческие атташе в Кяхте также фиксировали товары китайских купцов как на верблюдах, так и на телегах. Например, в 1817 году (Цзяцин 22) в город прибыло 2500 верблюдов и 1420 повозок с китайскими товарами, а в 1818 году (Цзяцин 23) — 3450 верблюдов и 1420 повозок. В период правления Даогуана торговля продолжала расти, достигнув 9 670 верблюдов и 2 705 повозок в 1829 году (девятый год эры Даогуана). [145]

Очевидно, что до Опиумной войны количество чая, продаваемого «Западной группой», было уже значительным, согласно «Записи приморской библиотеки», том 81.

Русский чай покупали в северной части Монголии. В 1830 году было закуплено 563440 палочек (фунтов), а в 1832 году — 6

461 000 палочек (фунтов), все это был черный чай, который перевозился сухим путем из Кяхты в Танс (Томск), а затем водным и сухим путем в На-Айро (Нижний Новгород).

Несмотря на растущие масштабы чайного рынка в Кяхте, но с точки зрения способа функционирования, он по-прежнему имеет две основные характеристики — торговля команчами и бартерный обмен на товары. Таким образом, даже в первой половине XIX века, когда бизнес процветал, торговля «караванным чаем» все еще оставалась средневековым ремеслом. Энгельс отмечал: «Русские обладают почти беспримерным мастерством в низших формах торговли, в использовании благоприятных ситуаций и в обманах, которые так тесно связаны с ними».[146] Кяхтинский рынок был местом, где русские купцы применяли это умение. В середине 1850-х годов, согласно российским документам, в «торговом городе» насчитывалось сто китайских торговых домов («магазинов»), «девятью из которых имели магазины, но только тридцать семь из них вели оптовые дела с русскими, остальные были мелкими торговцами».[147] В течение многих лет оптовый бизнес оставлял китайских купцов с бременем безналичных «варварских денежных купюр» и в состоянии крайней пассивности. Во второй год правления Сяньфэна (1852 год) министр Урга сказал:

Денежные купюры, вложенные купцами, теперь исчисляются в серебре и составляют более 80 000 таэлей. Если запрет будет наложен внезапно, варвары не захотят возвращать серебро в соответствии с чеками, опасаясь мучить купцов и сделать их восприимчивыми к неприятностям.

«Тяготы», которые терпели западные чаоторговцы, в конечном итоге превратились в тяготы по мере углубления полуколонизации китайского общества, вынуждая их некоторое время продавать, а не покупать во время Второй опиумной войны. Маркс указывал на эту ситуацию:

«В приграничной торговле Кяхты, по факту или по договору (ссылка на «Кяхтинский пограничный договор»), все это меновая торговля, и серебро в ней лишь мера стоимости. Война 1857-1858 годов заставила китайцев продавать, а не покупать. Таким образом, серебро неожиданно стало средством покупки. Русские, повинувшись договору, превратили французскую пятифранковую монету в грубое серебро, которое они использовали как средство обмена».[148] После Опиумных войн Россия активизировала свою коммерческую экспансию в Китай, и традиционное положение западных чаоторговцев в Кяхте было поставлено под новый удар. Россия добивалась

привилегии самостоятельного сухопутного сообщения, чтобы «русские купцы могли въезжать и выезжать из Китая по суше вплоть до южных провинций, покупать товары и отправлять их обратно в Россию».[149]

Подобно тому, как открытие торговых портов привело к тому, что «тринадцать домов» в Гуандуне потеряли контроль над перевозкой чая, упадок западных чаоторговцев был неотделим от доступа русских к привилегиям сухопутной торговли. По словам великого князя Гуна и других в августе седьмого года правления Тунчжи (1868):

Раньше кяхтинская торговля была процветающей, так как русские не могли торговать внутри страны, а после сухопутной торговли русские покупали чай сами, и не приходилось обменивать его с китайскими купцами за пределами устья, т.к. прибыль была ограблена. Кроме того, дороги были заблокированы, а товаров стало мало, Шаньдун неоднократно подвергался нападениям солдат в Ханькоу, Хубэй и других местах, а его столица была стерта с лица земли. Так как постепенно осваивалась территория Кяхты, она физически истощалась.

В соответствии с «Китайско-русским положением о торговле землей» было установлено в первый год правления Тунчжи (1862), а в восьмой год правления Тунчжи (1869) был установлен еще один «Пересмотр положения о торговле землей», ослабляющий первоначальные ограничения и снижающий размер налогов. Удар по западным торговцам чаем достиг чрезвычайно серьезного уровня к началу правления Гуансюя. Согласно статье Ван Сяньцяня от 26 октября шестого года правления Гуансюя (1880 г.), гласит:

В прошлом в Чжанцзякоу было более ста западных чаоторговцев, а русские купцы в Кяхте занимались бартером, но после того, как русские купцы ушли с транспорта, китайские купцы закрылись, осталось только двадцать или около того. («Дипломатическая история династии Цин», том 24)

Всего за тридцать лет западные чаоторговцы «вышли из бизнеса» из-за «физиологической засухи», и осталась лишь пятая часть купеческих фирм. Этот стремительный спад в торговле, конечно, был вызван в основном тем, что «русские покупали свой чай», но, судя по тому, как династия Цин контролировала «караванный чай», эксплуатация торгового капитала феодалами была действительно не малым подвигом.

9.3 История системы «министерского билета»

Цинское правительство всегда осуществляло строгий контроль над приграничными рынками, так же как и над портовой торговлей. Система «министерского билета», которая была чрезвычайно близка западным торговцам чаем, была официально установлена в четвертом году правления Цзяцина (1799 год). «Шуофан бэйчэн», том 37, гласит:

В четвертом году торговые купцы играли в правила министерских векселей, после того как чахарский генерал-губернатор города Гулль, Доланор с канцелярией выдавать билет. Другими словами, министру не разрешалось выслушивать о том, что он не получил приказного билета и руководил векселем другого приказа как промысла. После расследования он был наказан по правилу безбилета.

Министерские чиновники должны изучить билет торговцев и приказать им вернуться в течение года, чтобы они не оставались на улице и не создавали проблем. Если купец уже прибыл в место, куда он направляется, и желает торговать своими товарами в другом месте, он должен явиться в государственное учреждение этого места и получить аккредитив, сообщив при этом в государственное учреждение того места, куда он направляется. В случае, если купец ведет незаконную торговлю и не имеет министерского билета, ему надевают кангу с надписью о совершённом преступлении и выставляют напоказ на два месяца, а по истечении этого срока подвергают сорокакратной порке и возвращают в родную провинцию, при этом половина его товаров отходит государству.

К первому году эры Тунчжи (1862) было дано разрешение:

Купцам, торгующим в Кяхте, получать чайные билеты от Палаты по делам инородцев, а в дальнейшем — по старому закону. За каждые 300 коробок чая выдавался билет и взималось 50 таэлей серебра. Получение коммерческого билета по-прежнему ограничено одним годом для погашения (Примеры канона династии Цин, том 983).

Видно, что «министерский билет», то есть лицензия на ведение коммерческой торговли, отличается от «дорожного» как пропуска. Ниже приводится краткое объяснение системы «министерского билета» с учетом других соответствующих записей и сочетания вышеупомянутых нормативных актов с внедрением этой системы.

(1) Полномочия по выдаче «министерского билета», также известного как «дворовый», были возложены на Палату по делам инородцев, а подача заявления и процедуры проверки осуществлялись в «Зале Чжанли», офисе магистрата

в Чжанцзякоу. Круг его обязанностей был предельно ясен для чахарского губернатора Цин Юня: «Состоятельные коммерсанты, торгующие товарами в Кяхте и других местах, спрашивают имя и наименование чайного билета, выданного в зале Чжанли, и идут в Палату по делам инродцев за штампованным векселем. В конце прилагается запечатанный билет для проверки и выдачи» («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 15).

(2) После получения «министерского билета» купцы должны были отправиться в Урга, чтобы обменять его на «почтовую марку» для проезда к границе, а затем предъявить билет в торговом городе для проверки, прежде чем завершить все процедуры законной торговли. Об этом прямо говорится в третьем томе «Разных записей павильона бамбукового листа»: «Мои купцы отправились из Чжанцзякоу в Урга, чтобы обменять свои билеты и расплатиться ими там. Те, у кого не было билета или кто использовал дорожный билет, были виновны в том же преступлении, и тот факт, что «половина товара досталась государству», не означает, что вторая половина осталась у первоначального владельца. Согласно делу, которое рассматривал Чжанцзин Бактан из министерства в августе пятого года правления Сяньфэна (1855 г.) в Кяхте, на самом деле «половина товара была конфискована, а половина была вознаграждена тому, кто его взял», т.е. контрабандисту. Другими словами, как только его поймали, вся сумма конфисковывалась.

(3) Срок действия министерского билета составлял один год. Каждый билет законное количество проданного товара, есть два метода преобразования: или в соответствии с расчетом коробки чая, «на каждые триста коробок чая используется один билет». Спецификация упаковки чая Вуйи: «одна коробка чистого чая весит пятьдесят пять фунтов в соответствии со средним весом китайского склада, а упакованная коробка чая весит восемьдесят фунтов» (Восьмой год Сяньфэна, «Китайско-российское соглашение об обсуждении Тачэнского Российского горячего торгового круга»); или рассчитывается на основе верблюдов: «каждый билет — одна штука, где ставка каждого билета составляла двести верблюдов», и в соответствии с практикой перевозок за пределами страны, «каждый верблюд перевозил менее двухсот пятидесяти фунтов чая» («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 51). Те, кто несет чай для небольшого магазина и не может оформить билет, необходимо им составить список доставки для проверки в билете, прикрепленном к большому магазину, который называется «парный билет».

Очевидно, что при системе «министерских билетов» западные торговцы чаем не могли свободно торговать во времени и пространстве. Положение устава «должно быть приказано отозвать в течение года, чтобы избежать их пребывания и ведения дел вне дома», очень четко показывает природу феодального принуждения. Не существует систематического учета количества билетов, которые они выписывали из Чжанцзякоу каждый год. В российских дипломатических архивах имеются следующие данные: в 1850 году (тридцатый год Даогуанского периода) было выдано 268 билетов пяти или шести купеческим фирмам, причем крупные фирмы выдавали до шести и более билетов, а мелкие и средние — четыре, два или один. С 1851 года (первый год правления Сяньфэна) по 1855 год (пятый год правления Сяньфэна) 60 крупных торговых фирм в Чжанцзякоу занимались бизнесом с Кяхтой, выпуская в общей сложности от 400 до 500 билетов в год.[150] Что касается ситуации в период правления Тунчжи, то здесь мы можем привести лишь несколько фрагментов информации, чтобы дать представление о ней. С сентября первого года правления Тунчжи (1862 г.) по март следующего года «купцы Чжанцзякоу и жители городского круга получали билеты для продажи в Кяхте и перевозили их в Кяхту, всего 254 билета» («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 15). Налоговое бремя на этих купцов было очень тяжелым, и они находились в крайне невыгодном положении по сравнению с русскими купцами.

По словам великого князя Гуна в первом месяце седьмого года правления Тунчжи (1868):

Русские купцы, продающие чай обратно в Китай, перестают платить налог, в то время как китайские купцы, продающие чай на экспорт, помимо уплаты налога в Кяхту, платят штрафную норму в размере пятидесяти таэлей за лист. В десятом году периода Сяньфэн, из-за нехватки военного жалованья, доклад разрешил каждому купцу пожертвовать 60 таэлей кассовых денег в кассу столицы Кяхты и внести свой вклад в постоянную военную плату гарнизону в Кяхте. Из-за тяжелого бремени китайские купцы не могли получать большую прибыль, поэтому их средства к существованию становились все более бедными и подавленными. («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 58).

Общая стоимость одного фунта проданного чая составляет «шесть тысяч таэлей серебра» (то есть двадцать таэлей за коробку), и с него необходимо снять три слоя кожи: Обычный налог (в соответствии с четырьмя таэлями за коробку, одна

тысяча двести таэлей налогооблагаемого серебра за одну купюру), правила продажи билетов (пятьдесят таэлей до первых лет правления Гуансюй и тринадцать таэлей Мендинга, тринадцать таэлей напоминаний, всего из семидесяти шести таэлей), плюс процент в 1 лицзин (шестьдесят таэлей), естественно «прибыли мало». Как видно, «постепенный упадок» западных торговцев чаем с конца 1860-х годов был связан с тем, что цинское правительство все больше превращало систему «министерских билетов» в средство рейдерства.

Оказавшись под угрозой «растущей нищеты средств к существованию», купцы Шаньси в свое время перешли с сухопутного на водный транспорт, но так и не смогли отвоевать свои прибыли у русских купцов. В статье Лю Куньи «Ответ китайским купцам, перевозящим чай в Россию, и китайским кораблям, вывозящим товары из страны», написанной «В пятнадцатый день первого месяца седьмого года эры Гуансюй», говорится:

После открытия перевала Цзянхань русские купцы открыли в Ханькоу иностранную фирму, грузили на корабли черный и прессованный чай, перевозили их из Хань в Тяньцзинь, а из Тяньцзиня в Россию. Перевозка длилась долго, поэтому на долю шаньсийских купцов приходилось две трети. Шаньсийские купцы, возившие чай в Сикоу, по-прежнему шли по сухопутному пути, а те, кто ездил в Дункоу, на двенадцатом году правления Тунчжи просили последовать примеру русских купцов, освободив Тяньцзинь от реимпорта половины налога, а перевозя российские чай по суше будет заменен на Китайское торговое судно, отправленное из Хань в Тяньцзинь, и это было одобрено Ли Хунчжаном. Но внутренний налог по-прежнему существовал, и русские купцы снова не платили, за исключением полной половины налога. Получить прибыль по-прежнему было сложно, поэтому ханьцы перевозили в Тяньцзинь только 20%, а остальное перевозили по суше. Таким образом, себестоимость стало выше, чем у русских купцов, а прибыль ниже. Боюсь, что в будущем больше русских купцов будут возить чай, а шаньсийские купцы разорятся. [151]

С одной стороны — российская конкуренция, с другой — шантаж правительства, что в итоге привело к торговому кризису «караванного чая». Ко времени правления Туна и Гуана чаеоторговцы западные относились к «торговой дороге» с опаской.

9.4 Отход «западных купцов» и рост «южного прилавка»

Китайско-российская земельная торговля, поскольку в первый год правления Сяньфэна (1851 г.) подписала «Китайско-

российское торговое соглашение Или-Тарбагатай (прим. переводчика — хребет в Казахстане на границе с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая)», вместе с Кяхтой были открыты два дополнительных места, Или и Тачэн, для открытия трех сделок. Поэтому торговля «караванным чаем» также была разделена на «Западный путь» и «Северный путь».

На Западном пути чаеоторговцев называют «западными купцами», а на взаимном Кяхтинском рынке «северными купцами», хотя это один и тот же народ Шаньси, торговая деятельность сильно отличается друг от друга. В широком смысле, есть три аспекта различия:

(1) Направление деятельности. Западные торговцы всегда покупали чай Чжулан в Цзяньдэ, Аньхой, также известный как чай Цяньлян, в то время как чай, продаваемый северными торговцами, — это чай Фуцзянь Вуйи или чай пека.

(2) Торговые маршруты: «Эта тысяча таэлей Чжулань чая продана эксклюзивными чайными торговцами из Цзяньдэ в Хэнань Шизидян, из Шизидяня в Синьчжоу, округ Цисянь, Шаньси, из Синьчжоу в Гуйхуа, перепродана и отправлена торговцам в западном Синьцзяне и отправлена в Урумчи, Тарбагатай и другие места для продажи». Поэтому он не воспользовался маршрутом Чжанцзякоу и Кяхта.

(3) Цели продаж. «Эта тысяча таэлей Чжулань чая, но западным людям он необходим для ежедневного использования, а русские и иранцы его не покупают».[152]

Очевидно, что западные и северные купцы имели свои собственные сферы деятельности, изначально не связанные друг с другом. Однако такое положение дел было нарушено политическим кризисом в династии Цин в середине 1860-х годов.

На третий год эры Тунчжи (1864 г.) под влиянием движения тайпинов вспыхнули крестьянские восстания в районах Куча и Или, и борьба против династии Цин распространилась на север и юг гор Тяньшань. «Караванный чай» через Западную дорогу был заблокирован, и его пришлось перенаправить на другие пути для продажи. В шестой год Тунчжи (1867 г.), западные купцы Чэн Хуапэнь, Юй Пэньюнь, Кун Гуанжэнь и др. обратились к генералу города Суйюань с ходатайством о разрешении «вести дела по ложной дороге из Кяхту», «дороге, проложенной из Гуйхуа», то есть до Урга, от Урга до Кяхты, от Кяхты выходить на русскую сторону, из России продавать западным купцам». В отчете торжественно говорилось: «Чай из Вуйи, переправляемые торговцами из Чжанцзякоу в Китай,

являются местными продуктами провинции Фуцзянь; товары, продаваемые Чэн Хуапэном и другими, являются местными продуктами Аньхоя, и ни один из них не мешает друг другу». («История подготовки иностранных дел», Династия Тунчжи, тома 51 и 56). В следующем году канцелярия премьер-министра, министерство финансов и Ли Фань Юань послали людей для расследования, подтвердив, что «западные купцы торгуют чаем в местечке Кяхта, и средства к существованию северных купцов беспрепятственно» («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 61). Поэтому канцелярия премьер-министра официально предложила: «Пусть чай Западной дороги будет продан Северной дорогой из района Кяхта, еще после восстановления западной границы, по старым правилам». («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 54)

На десятом году Тунчжи (1871 год) русские вторглись в регион Или и установили десятилетнее колониальное господство. В течение всего периода Илийского кризиса, конечно, Западный путь не мог быть возрожден, и «старые правила были изменены».

В одиннадцатом году Тунчжи (1872) Жун Цюань, исполняющий обязанности генерала Или, писал: «Прошу распорядиться о покупке чая и набрать китайских купцов для сбора в городах, с целью восстановления старых правил, чтобы избежать бремени выполнения русских билетов. Пожалуйста, купите в городе Суйюань обернутые в олово коробки, каждая коробка весит от 60 до 70 кошачьих, 200 коробок чая из красной сливы и 200 коробок прекрасного чая Чжулан. Отправьте их в Кэбудуо и сохраните для дальнейшего использования» («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 88). Тем не менее, после перехода в Кяхту было трудно нанять западных торговцев. Судьба чайного района Цзяндэ также претерпела серьезные изменения. Согласно рапорту № 267 «Ивенлу»:

Цзяндэ был районом производства чая, с зелеными листьями и побегами, где аромат чая был повсюду, так как продавали его от Шаньси до окрестностей города Гуйхуа на севере. В первые годы Тунчжи кантонские купцы перерабатывали его в черный чай, упаковывали и отправляли в Ханькоу. Богатые купцы Фуляна получали большую прибыль. Начиная с четвертого года периода Гуансуй, цена на чай была временно снижена, поэтому повседневная ситуация ухудшилась. В этом году (девятый год Гуансуй) цена стала еще ниже, потеря денег еще больше. Поэтому чайные торговцы, которые едут в Цзяндэ, зарабатывают вдвое меньше, чем раньше, а рынок запустел и почти никому не интересен.

После того, как западные торговцы отвлеклись, их место заняла хунаньская чайная банда, поддерживаемая Цзо Цзунтаном, губернатором Шэньси и Ганьсу. Хунаньский «черный чай Гуанчжуан», также известный как «черный чай Янчжуан», появился во время восстания тайпинов. Согласно тридцать третьему тому «Хроник округа Аньхуа» эпохи Тунчжи:

В период Сяньфэн свирепствовали восстания, победителям связывали ноги, а чай был в застое в течение нескольких лет. Чай производили в Туншане провинции Хунани, сюда съезжались купцы. Люди бежали вниз по течению от Чанша, несколько лет вне реки в Цзянхане, так погибли все стебли чая в Туншане. После этого, Гу Фань отправился в Сянтань, прибыл на территорию Аньхуа, и начал пропагандировать производство черного чая, покупая и продавая на Запад и в другие места, называемые Гуанчжуан.

Название «Гуанчжун» было дано кантонскими купцами, которые положили начало производству черного чая. В чайной промышленности династии Цин переработка черного чая почти всегда была связана с кантонскими купцами, так же как и Цзяндэ, и Аньхуа не был исключением. С растущим процветанием чайной промышленности Хунань начал заниматься пожертвованиями чая на шестом году правления Сяньфэна (1856 г.) Чайные торговцы собирали «янчжуанский черный чай», а купцы чая складывали в ящики, за каждый ящик получали по шесть серебряных монет» («История подготовки иностранных дел», династия Тунчжи, том 5). Есть много людей, которые начали свое состояние с чая. Например, Чжу Цзыгуй, известный хунаньский торговец чаем, поднялся во времена Сианя и Туна. Семнадцатый том «Банкнот скотного двора Цин» содержит историю его состояния:

Чжу Цзыгуй из Сянсяна, который вначале был очень беден, учился в деревенской школе и уехал весной, чтобы зарабатывать на жизнь рубкой леса. В детстве он очень старательно готовил в магазине рис. Он был назначен купцом Лю управляющим магазином и был особенно компетентен. Через несколько лет на зарплату и бонусы, которые он заработал, он открыл собственный магазин, накопил более тысячи золотых и начал бизнес по производству черного чая с огромной годовой прибылью. Поскольку Цзыгуй был уже обеспечен, он взял дополнительные занятия из-за сожаления о том, что пропустил школу в молодости, и год за годом торговал чаем, накопив почти миллион долларов.

Согласно «четвертому году 60-летнего цикла Тунчжи» в течение шести лет (1867). Как уже упоминалось выше, видно, что в день,

когда Чэн Хуапэн изменил свой деловой путь, Чжу Цзыгуй разбогател на чае. Эти два события произошли в один и тот же год, что весьма примечательно. С тех пор чайные торговцы из Сянсян постепенно стали доминировать на рынке чая в Синьцзяне.

В экономической жизни династии Цин товары «Сянцзянь Ханьху» продавались на северо-западе от Чудалуна, существовавшего издавна. Поэтому во время пребывания Цзо Цзунтана на посту губернатора Шэньси и Ганьсу (с октября 8-го года Тунчжи по ноябрь 6-го года Гуансюй) он создал «южный кабинет» и ввел в Синьцзян Сянхун, которого можно назвать новой отраслью на старом пути. Согласно 45 тому «Рукописи Цзо Вэньсян Гуна», «Просьба о приспособлении у отмены Чайного сервиза в Ганьсу» (16 февраля 13-ый год правления Тунчжи) говорится:

У торговцев чаем в провинции Ганьсу было два кабинета на востоке и западе. Все торговцы в восточном кабинете — выходцы из Шаньду, Шэньси; Западный кабинет — это люди хуэй, где большинство торговцев из Шэньси. Во время хаоса многие купцы были вынуждены находиться под угрозой, последовала смерть, и лишь немногие выжили. Купцы из Шэньси бежали и укрылись. После сожжения и разграбления столица была стерта с лица земли. Никого не оставалось, чтобы переменить бизнес, так откуда же взялись уроки?

Чай, экспортируемый из провинции Ганьсу, в основном производился в Хунане, за ним следует Хубэй, а затем Сычуань и Цзянси.

Поскольку в восточном и западном кабинетах не было чайных торговцев, которые могли бы взять на себя эту обязанность, необходимо было немедленно добавить южные кабинеты, чтобы набрать южных чаеоторговцев, чтобы заполнить бизнес в другое время.

После тщательной культивации Цзо Цзунтана «южные чаеоторговцы» полностью заменили статус «торговцев Шэньси», окончательно сформировав ситуацию: «В 70-х годах прошлого (XIX) века китайские власти наложили монополию на торговлю чаем в западных приграничных районах, в последние (XVIII) 70-е годы, и только хунаньским купцам было разрешено торговать чаем».[153] Так были выведены три «гиганта» хунаньских купцов в конце династии Цин. В 9-м томе «Продолжения сочинений Чжанчучжай» Лю Шэнму описан этот инцидент:

Во время периода Гуансюй, провинция Хунань, чтобы переправить черный чай Аньхуа в Россию для продажи, в конце концов стала очень богатой. Среди них наиболее важными фигурами были

Е Хуаньбинь из Сянтаня, Дэхуэй из Министерства чинов, Юй Цзецин из Гуань Цзиньшэна и Чанша Чжу Юйтянь из Гэсюэ. Из них троих Чжу Юйтянь был самым известным.

Чжу Юйтяня, его зовут Чанлин, он был главным купцом «Южного кабинета», основал отделение казённого банка «Цянь И» в Чанша и чайный дом «Цянь И Шэн» в Синьцзяне. Брал билеты для перевозки на северо-запад и перепродавал их в Россию.[154] Так, в 21-м году правления Гуансюя (1895 г.) губернатор Хунани Чэнь Баожэнь «учредил конторы по казенным деньгам, бюро по отливке денег и иностранной валюты во главе с Чжу Гун Чанлинем» («Собрание сочинений Сань Юаньцзин», том 5). Назначить богатого человека руководителем денежного бюро также можно назвать знанием людей и умением брать на себя ответственность.

Когда «Южный кабинет» был в самом разгаре, Сянчэн и Кучэн были параллельны на чайном рынке Синьцзяна, и их популярность была необычайной. Однако в то время, когда Сянхун пользовался большим успехом, за ним уже следовала Иньин, который представлял собой угрозу завоза индийского черного чая в Европу. Как сетовал Хуан Цзунсянь в своей «Поэме воспоминаний в конце года», «Новый чай из Тяньчжу — это японский шелк, где китайцы борются за прибыль». В тринадцатом году правления Гуансюя (1887) Мяо Юйсунь, глава министерства финансов, получил приказ отправиться в Россию для инспекции бизнеса, встретился с чайным торговцем Адиса (Одесса) Леваном Рабиновичем, и был проинформирован, что «англичане на индийский чай берут две трети прибыли китайских купцов, а в России было немало продавцов, употреблявших его для мирного участия, не говоря уже о них» («Сборник путешествий по России», том 8). «(18-й день 5-го месяца 14-го года правления Гуансюя). Русские купцы научились этой технике «гармонизации» против китайского чая у британских купцов.

Чай Южных морей, Индии, Японии, хотя и не такой богатый и обильный, как китайский чай, но британцы изобретательно фальсифицируют его, каждый десятый в смеси из трех или четырех пунктов, отличить его практически невозможно. В частности, фальшивомонетчики смешивают китайский чай с индийским, говоря, что это индийский чай, и все жадничают до его более низкой цены и спешат его купить, думая, что он мало чем отличается от китайского чая. Когда китайский чай смешивали с меньшим количеством индийского чая, его нельзя было отличить. Со временем китайский и индийский чай стали смешивать поровну, с течением времени индийский стал

превосходить китайский, так что это был потенциальный сдвиг.

Вышеописанная ситуация была раскрыта Ван Чжичунем в статье «Изготовление русских трав», том 6, десятый день третьего месяца двадцать первого года правления Гуансюй (1895). В результате «потенциального сдвига» китайского и индийского чая, «иностранный чай» Хунаня стал жертвой «хитрой подделки» иностранных торговцев, и застой был настолько велик, что пришлось искать другой выход.

9.5 Полная история покупки и распространения черного чая У Дачэном в России

Тенденция к упадку чайной промышленности в Хунани в конце правления династии Цин вызвала беспокойство местных правителей и губернаторов. У Дачэн купил и распространил черный чай, перевезенный в Россию для пробной продажи, — это была попыткой спасти дикие волны в недалеком прошлом.

Имя Цинцин, также известный как Ичжай, был родом из уезда У провинции Цзянсу. Письменная печать, изящное золото и камень, богатая коллекция, также официальная и академическая, довольно престижная. Во время его пребывания на посту губернатора Хунани, У Дачэн и Чжан Чжидун, губернаторы Хубэя и Хунани, 27 августа 1894 года совместно подписали петицию:

В последние годы торговцы чая провинций Хубэй и Хунань понесли много потерь. Отчасти причина в том, что цвет чая нехороший, или он влажный, или смешан с грубыми примесями, так что они не могут получить цену. Половина чая продавалась иностранным купцам, которые давили на фунт, отзывали свои предложения, снижали цену, создавали трудности, и не было другого способа продать чай, кроме как иностранным купцам.

На самом деле, чайные торговцы и садовники не хотели, чтобы их подавляли русские купцы. Чжан Чжидун в своем «Повсеместном показе производства чая» (Седьмой день мая 20-го года Гуансюй) раскрыл случай:

В марте этого года Даниров, бизнесмен из Русской чайной компании «Байчан» (известный как к.С. Popoff Bros.) отправился в Янлоудун (в Сяннин, Хубэй) заваривать чай, и когда он прибыл в новое место, его окружили невежественные мальчишки, бросающие камни и причиняющие ему боль, а на сайте Янлоудун..... появилось анонимное сообщение о том, что китайский чайный бизнес всегда был известен как процветающий, но в последнее время приход иностранцев привел к потере денег. («Официальная рукопись Чжан Вэньсяня», том 28).

В ответ на убытки чаоторговцев и растущее недовольство населения губернаторы двух озер решили, что правительство должно взять на себя инициативу по отбору черного чая для отправки в Россию для пробной продажи.

Юн Цзуи отобрал 200 ящиков высококачественного черного чая через перевал Цзянхань, половину из северных и южных провинций, сумел договориться с российским бизнесменом, а затем отправил чай в Хайкоу, Адиса (Одесса) России, для пробной продажи. Российскому министру Сюй Цзинчэну было поручено заботиться о комитете от его имени. Стоимость чая, работы ящиков, разные расходы, экспортные пошлины и т.д., составила 5 472 таэля серебра.

Русский интернет-торговец (далее, как «Шэ») Вэй Луофу, направленный в Россию министром У Дачэном, намеревался приобрести еще несколько ящиков черного чая для отправки в Россию для пробной продажи по суше и воде и поручил купцу присмотреть за ними. Отвечая на разрешение компании электронной коммерции, Юнь Цзуй, который находится на перевале Цзянхань, подчинился. Согласно ответу, первый чай уже был продан. После повторной закупки двух чаев в верхней части черного чая 120 коробок, также для севера и юга каждой провинции по половине, были отправлены для пробной продажи через иностранную компанию SF Express в Россию двумя маршрутами через водный транспорт Московской (Москва) и наземный транспорт Кяхты. Стоимость чая, работы ящиков, разных сборов и экспортных пошлин составила 1 816 таэлей серебра и 5 монет. («Дипломатическая история династии Цин», том 96).

Это говорит о том, что пробная продажа чая была очень небольшой, всего 320 коробок, что было недостаточно для объема двух «чайных билетов». В истории «каравонного чая» это всего лишь капля в море. Однако следует отметить персонал, задействованный в поставке черного чая. Исторические истоки отношений между У Дачэном и русским купцом Шэ Вэй Луофу заслуживают обсуждения.

Русский купец Шэ Вэй Луофу, также переводимый в литературе династии Цин как «Шевилов» или «Шевилев», был М.Г. Щевеловым (Михаил Григорьевич Щевелев). Он был выпускником Института китайского языка в Кяхте в 1863 году (второй год эры Тунчжи).[155] В восьмом томе «Сборника путешествий по России» Мяо Юсуна однажды были записаны его люди и события следующим образом:

Он работал во Владивостоке, в последние годы, когда проводилась

съемка границы в Хуньчуне, он работал переводчиком, путешествовал и учился в Китае. Знал китайский язык и хорошо разбирался в китайских и иностранных делах.

По данным пограничной съемки в Хуньчуне, это произошло на двенадцатом году правления Гуансюя (1886 г.). В то время У Дачэн участвовал в переговорах в качестве главного представителя цинской стороны с титулом «министра Императорского совета Северного океана и левого заместителя императорского секретаря столичного двора». У него было три внесессионных контакта с русским «переводчиком» Щевелевым:

21 апреля он нанес визит российскому члену с «Щевелевым, внешнеторговой компании «Огненное колесо».

16 июня «Баранов (губернатор восточного побережья и генерал по военным делам, главный представитель России) приехал с Мачуниным (чиновник Южно-Уссурийской границы), Домусом Закатовым и Щевелевым и провел весь день в беседе.

29 июня У Дачэн «отправился с послем в дом Щевелева и остался там».[156]

Это согласуется с заявлением Мяо Юйсунь о том, что «Он работал во Владивостоке». Согласно российским источникам, он основал судоходную компанию во Владивостоке в 1880 году и владел судном «Байкал», финансируемым царским правительством за 6 000 рублей в год, которое перевозило пассажиров и почту в Ханькоу, Шанхай и Нагасаки и обратно.[157] В 1876 году он начал совместное предприятие с Токмаковым по созданию чайной компании в Ханькоу, а в начале 1883 года Щевелев разделил свои акции, чтобы вести бизнес самостоятельно, и компания была переименована в «Иностранную компанию Синь Тай». У Дачэн и владелец чайной и судоходной промышленности уже были знакомы друг с другом, позже черный чай, отправленный в Россию для пробной продажи, был «вверен заботам купца». Что касается «иностранной фирмы Шуньфэн», куда он отправил черный чай, это фабрика чая в Ханькоу открыл русский купец Ливитнов в 1863 году (2-ой год Тунчжи). В 1990-х годах фабрика производила 150 000 коробок чая в год и стала оператором по переработке и экспорту черного чая с двух озер.

У Дачэн, будучи губернатором Хунани, приложил немало усилий, чтобы обратиться за помощью к Щевелеву, своему близкому другу, чтобы разблокировать каналы для экспорта черного чая из Хунани, что можно назвать благими намерениями. К 25-му году эпохи Гуансюй (1899) Чжан Чжидун был спокоен за пробную продажу чая и выступал за расширение подражания в своей «Папке для закупки чая для пробной продажи в России»:

Цена консигнационного чая Щевелева составляет всего 1900 таэлей, но теперь он выиграл более 800 таэлей, и проценты особенно высоки. Проверка китайской и внешней торговли на шелк и чайные листья как на массовый, связана с огромной суммой налога. В последнее время рынок чая в течение года был слабым, далеким от того, что было раньше. Если мы приложим все усилия для исправления ситуации, как только мы услышим, что под угрозой окажутся реки, чайный бизнес будет в избытке, что на самом деле является вопросом национальной экономики и средств к существованию людей. Было обнаружено, что российский черный чай, перевозимый в прошлом году, имеет высокую процентную ставку, и в будущем его следует расширять и имитировать. За это выступают чиновники, за этим следуют и бизнесмены. Торговое бюро может построить свои собственные чайные суда, создать свою компанию, установить на российской территории свои собственные склады для продажи и вернуть себе право на прибыль, так что не лишено льгот по налогообложению бизнеса, однако последний раз, когда чай перевозили в Россию, его привезло российское караванное чайное судно. Поскольку русские купцы специализируются на постройке чайных лодок, они тоже получают прибыль от обоих рейсов, они едут быстрее всех и требуют больше всего труда, поэтому не хотят присоединять чай к разделу прибыли. Более того, неизвестно, разрешит ли российский бизнесмен Щевелев продажу снова в будущем. Министр должен изо всех сил стараться общаться с русскими купцами и торговцами кораблями, если он готов послать и продать от его имени, то он должен обсудить это с губернаторами Хубэй и Хунань, чтобы продолжить покупки и транспортные продажи и исследовать коммерческую ситуацию.

Но русские купцы, прикрепленные к русским кораблям, равносильны тому, чтобы броситься в сети слабых и сильных, даже если чашка остаточного пирога, не может спасти ухудшающуюся ситуацию. Более того, русские купцы уже заявили, что не сделают исключения и обречены на провал. По сути, всего лишь с одной попытки план «пробной продажи по суше и воде», который был так ограничен, пошел прахом.

9.6 «Вливание русского чая» — конец «караванного чая»

Конец «караванного чая» был связан с заменой традиционного чайного пути Сибирской железной дорогой. В первый день седьмого месяца двадцать шестого года правления Гуансюя (1900 г.) Ян Жу, левый министр Министерства работ, в статье об изменении закона сказал: «Недавно была построена железная дорога Сидней-Пеле, сухопутный путь был открыт для

торговли, а соседи подверглись насильственному наказанию... С тех пор ситуация в Маньчжурии и Монголии изменилась». («Правдивые записи о всех правителях династии Великая Цин - Дисциплина для госслужащих Всеобщее единение», том 47) Вышеприведенные предсказания полностью подтверждались следующими фактами: «Эта железная дорога железной цепью соединяет Европу и Азию. Он произвел революцию в иммиграции и экономическом развитии Востока и предвещал, что весь баланс сил на Дальнем Востоке будет нарушен в пользу России»[158]. Так называемая аномалия «розлива русского чая» была проявлением «сдвига в пользу России».

Уже в 1980-х годах на северо-западе Китая появилось небольшое количество «розлива русского чая». В 1880 году (Гуанской 6-ой год), в Тачэн, Гучэн и Кобдо и другие места торговли прибыл 41 русский караван, подсчитав ввоз мастерских хлопчатобумажных тканей на 175381 рубль, среднеазиатских тканей на 12140 рублей, чая всего на 11760 рублей.[159] Если сказать, что это русская оккупация Или, вытеснение китайских купцов вызвано временным явлением, то после завершения строительства Сибирской железной дороги торговля «караванным чаем» претерпела коренные изменения.

Что касается северной пути, в апреле 3-ого года правления Сюаньтун (1911 г.) на собрании министерство по делам национальных заявило:

Монгольский бизнес, к чаю как основная часть, министерство случая Сан-Франциско пригласило правила билета чая, для основной части дохода. В последние годы продажи резко упали, менее чем на 3/4 от прежнего объема, что связано с удобной транспортной развязкой Сибирской железной дороги, притоком русского чая, высоким качеством и стоимостью китайского чая, что трудно с ним конкурировать.[160]

На западном направлении с ним также «трудно конкурировать»[161]. Уже 15 сентября шестого года правления Гуанской (1880 г.) Чжан Чжидун сделал щедрое заявление: «Проверьте Чжанцзяоу, Кяхту на всем пути, в прошлом здесь было 28 чаоторговцев, интерес был обильным. Русские купцы процветали с сезона Сяньфэн, но сегодня существуют только три из них. Если бы русские купцы были введены в Си (Ань) и Хань (Чжун), средства к существованию наших людей были бы немыслимы! Что касается китайских купцов, открывших чайные магазины в Сибири, то им было еще труднее сохранить средства к существованию. В 14-год Гуанской (1888г.) в сентябре глава министерства финансов Мяо Юйсунь возвращается в Китай, и проезжая Томск, услышал, что «в китайской чайной лавке

Вань Хэ Синь чайная промышленность в последнее время значительно улучшилась, потому что перевозки русских купцов стали больше и дешевле». В этом городе около тысячи семей, богатых мало, и народ суровый. В прошлом был человек, который задолжал более тысячи золотых и подал в суд на командира, но в итоге не смог рассчитаться. («Дневник путешествия в Россию») Когда он прибыл в Ирку (Иркутск), он не увидел особых улучшений и в китайском бизнесе: «Здесь было более десяти китайских торговцев чаем, большинство из них из Фенчжоу (Шэньси), и физиологически большой пользы нет. Русские люди к востоку от Урала более чем легкомысленно относятся к китайцам». («Письма друзей Ифэна», шестьдесят шестое письмо Мяо Юсюня Му Цюаньсуню) Начиная с 32-го года правления Гуансюя (1906 г.), после подписания «Правил экспорта русского чая при перевозке чая через Или и Тачэн», русские купцы сбрасывали чай, купленный на материке, по пути, так что «озерные торговцы» в Синьцзяне сильно пострадали, а чайная промышленность пришла в упадок. В декабре второго года правления Сюаньтуна (1910 г.) генерал Гуанфу из Или заявил:

В прошлом чай возили из озера Ганьсу различным племенам Монголии и казахам, а также в приграничные районы России, и рынок сбыта по-прежнему был процветающим. На 32-м году правления императора Гуансюя открылась новая глава о возвращении в Китай русскими купцами чая из Или и Тачэн. Кроме того, есть русские купцы, которые переправляли китайский чай и продавали его в Или и Тачэн. Частный чай наводнен, а продажи идут вяло. (Дипломатическая история династии Цин, том 149)

Очевидно, что к кануну Синьхайской революции ситуация с «караванным чаем» полностью изменилась. Под воздействием «розлива русского чая» феодальные «Западная группа» и «Южный кабинет» терпели одно поражение за другим, и, наконец, были на последнем издыхании под «предсмертный звон» династии Цин.

9.7 Российский павильон и торговля «караванным чаем»

Трансформация торговли «караванным чаем» от взаимного рынка к самовывозу, а также процесс упадка чайных групп в Китае с севера на юг были кратко описаны в вышеуказанных разделах. Что касается взаимоотношений между «Русским павильоном» и трафиком «караванного чая», я также хотел бы привести некоторую информацию и немного обсудить ее, чтобы прояснить общую проблему.

Российский павильон в Пекине времен династии Цин, кажется, не имеет ничего общего с «варварскими павильонами» в Гуанчжоу, а «столичная лама» производит гораздо более «благородное» впечатление, чем «Тайпан в Гуандуне». На самом деле, он был не менее важен в преследовании коммерческих интересов. Сами русские признавали: «Российские миссии в Пекине, хотя и не имели прямого отношения к торговле, все же приносили нам большую пользу. Находясь в центре Китая, они могли понять его особенности и потребности его жителей, а также были знакомы с условиями, на которых можно было продавать товары, пригодные для использования в Китае».[162] Такое особое положение российского павильона давно вызывало зависть у западных морских стран. В «Ежемесячном журнале Макао», цитируемый в «Географическом описании заморских государств», том 82, говорится: «У России есть библиотека в Пекине, чтобы Россия могла быть в курсе китайских дел». На самом деле, коллекция «китайских дел» в русской библиотеке была всеобъемлющей и включала в себя большое количество коммерческой информации. Еще в 1731 году (девятый год правления Юнчжэна) российский Тайный совет предписал студентам российского павильона «остаться в Пекине под прикрытием учебы, чтобы ознакомиться с китайской торговлей».[163] По мере роста доли чайной торговли их внимание было сосредоточено на аспекте «караванного чая».

Ламы и студенты в российском павильоне дали систематизированную информацию о торговле «караванным чаем». Лама девятого класса, Бичурин, написал главу о китайской чайной промышленности в своей книге «Подробная история Китайской империи» (опубликованной в 1842 году); ученик тринадцатого класса, Нечаев, составил и перевел «Указ о китайском чае», который был представлен в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России в 1851 году («Записи династии Цин – Дисциплина для госслужащих Всеобщее единение», том 53). Кроме того, они работали над сбором сортов китайского чая и образцов чая. После возвращения в Россию в 1840 году лекарь одиннадцатого класса Кириллов провел успешные эксперименты с домашними чайными растениями и опубликовал результаты в «Северной пчеле» в 1853 году (Дипломатическая история династии Цин, том 23). Когда Ковалевский, опекун 13-го класса, вернулся в Россию в 1850 году, он взял с собой большое количество образцов чая в российское Министерство торговли, похваставшись, что количество чая «самое большое в Европе».[164]

Особенно примечательна разведывательная деятельность российского павильона во время двух Опиумных войн. Русские

ламы в Пекине неоднократно направляли в Азиатский департамент коммерческую разведку, отражающую тенденции китайского чайного рынка.

8 марта 1844 года (24-й год периода Даогуан) Тун Чжэнху, 12-й группа-лама российского павильона, направил в Азиатский отдел письменный отчет о последнем положении чайной промышленности в Китае.

Хотя спрос на чай вырос, цена на него у истоков упала почти наполовину по сравнению с предыдущими годами. Чайные фермеры винили в падении цен на чай изобилие чайных плантаций и нехватку серебра, вызванную массовой закупкой опиума.[165]

25 февраля 1853 года (третий год правления Сяньфэна) тринадцатый пандит лама Палладий написал скрытыми чернилами секретное послание в Департамент Азии, в котором подробно описывались серьезные последствия контроля тайпинской армией низовьев реки Янцзы для торговли «торговым чаем».

По слухам, из Чжанцзякоу, нынешние беспорядки в Китае оказывают все более негативное влияние на объем торговли. Китайские купцы, занимавшиеся торговлей в Кяхте, потеряли два миллиона таэлей (4,31 миллиона серебряных рублей) в результате того, что вооруженные бунтовщики разрушили торговый город Ханькоу и разграбили местные фирмы, где хранились их билеты. На данный момент в Чжанцзякоу прибыла только половина из 200 000 коробок чая, заказанных для «Кяхты»; нет никакой уверенности в том, когда придут остальные часть чайной группы. Есть даже мнение, что из-за беспорядков на юге Китая очень немногие купцы закажут чай из Фуцзяни в этом году, так что в следующем году новый чай не поступит. Маловероятно, что в следующем году (?) появится новый чай. Ужас, вызванный повстанцами в низовьях реки Янцзы, нарушил движение через Фанчэн. В такой хаотичный период купцы из Шэньси, возможно, не решились бы рисковать своим капиталом.[166]

В июне 1857 года (7-й год правления Сяньфэна) Палладий снова вовремя доложил царскому правительству о ситуации в чайном регионе Вуйи:

Толпа продвигалась к Фуцзяни и окружила западную границу провинции. В феврале этого года они вторглись в Фуцзянь и вскоре после этого заняли несколько городов в этом промышленном и торговом районе; они контролировали водный

путь между горой Вуйи и префектурой Фучжоу, а также заняли уезд Чунъань, который примыкает к чайному району Вуйи.[167]

Эти сведения о китайском чайном районе, чайной дороге и чайных купцах не только имели огромное значение для царского правительства при разработке стратегии вторжения в Китай, но и непосредственно способствовали дальновидности и инициативе русских купцов в их торговле с Китаем, обеспечивая им возможность воспользоваться возможностью подавить китайских купцов и захватить огромные прибыли от «караванного чая». Не секрет, как лама Тун Чжэнху из российского павильона неоднократно просил Палату по делам инородцев об учреждении дополнительных торговых постов в Или и Тачене, и как Мэн Ди и Кун Ци, оба из которых были «правительственными студентами», добивались и расширяли русские привилегии в торговле землей в Китае во время своего консульства в Тяньцзине. Очевидно, что в истории русско-китайских отношений при династии Цин экономическая функция русского павильона сосуществовала с его дипломатической функцией.[168]

Исходя из вышеприведенного объяснения, мы можем приблизительно представить этапы эволюции торговли «караванным чаем». В целом, историю «караванного чая» можно разделить на два периода, границей которых стало подписание китайско-русского Положения о сухопутной торговле в первый год правления Тунчжи (1862). Первый период был периодом взаимного рынка на границе, «прийти с кожей, уйти с чаем», инициатива торговли была полностью в руках китайских купцов. Хотя в первый год правления Сяньфэна (1851) добавились два места Или, Тачэн и Россия, с определенными характеристиками, отличающимися от взаимного рынка в Кяхте, но не вызвали фундаментальных изменений в характере торговли «купеческим чаем». Что касается более позднего периода, то это был период сухопутной торговли, русские купцы покупали и перевозили сами, и им не приходилось обмениваться с китайскими купцами за пределами устья. С появлением русских чайных домов и чайных фабрик в Тяньцзине, Ханькоу, Фучжоу и Цзюцзяне, бизнес «западных чаоторговцев» иссяк и сошел на нет. В этот период, хотя и наблюдался подъем «южного кабинета», он лишь отражал рост и упадок самой чайной промышленности в период правления династии Цин, и не спас чайную промышленность от тенденции упадка. Он также попал в ту же безвыходную ситуацию «вялого рынка» под «розлив русского чая».

Кризис торговли «караванным чаем» в годы правления Тун и Гуан, как экономическое проявление кризиса границ и кризиса

правления династии Цин, был не под силу даже губернаторам. Чжан Чжидун и У Дачэн совместно сформулировали план «пробной продажи по суше и воде», который был не более чем кропотливой «утопией» в истории торговли «караванным чаем». Его гибель, несомненно, возвестила будущим поколениям, что без возрождения китайского общества не будет и возрождения китайской чайной индустрии.

Приложение:

Чайный рынок в Кяхте и его коммерческий язык

Чайный рынок в Кяхте — это сезонный рынок. Его характеристики такие же, как сказал генерал Или Ишань: «Кяхта находится в десятках станций от Чжанцзякоу, земля дальняя. Сюда регулярно приезжают купцы и русские бизнесмены, и они возвращаются после того, как закончат свои дела».[169]

Поздняя зима и ранняя весна каждого года являются пиковым сезоном для кяхтинской торговли. «Крупные сделки обычно начинаются в начале февраля и иногда длятся два месяца, иногда месяц или даже две недели, прежде чем они будут успешно закрыты».[170] Если взять в качестве примера чайный рынок 1838 года (восемнадцатый год правления Даогуана), то «торговцы чаем Сибан» с оборотом более 2000 ящиков имели следующие торговые названия: Ван Шоуцзяо, Да Синфа, Лун Цинъюань, Го Фачэн, Цяо. Фачэн, Де Синси, Си Дэча, Мэй Юйкан, Син Юйхао.[171] Владельцы каждой фирмы после продажи вернулись в Чжанцзякоу, оставив только своих людей охранять магазины до открытия рынка в следующем году. Таким образом, постоянный контакт с русскими купцами в Кяхте поддерживали не владельцы товаров, а их товарищи. Такое разделение труда в бизнесе «западных чаоторговцев» сделало необходимым изучение русского языка мужчинами, создав тем самым уникальный деловой язык.

Сам чайный рынок был школой для обучения персонала. Согласно документам династии Цин, «Западная группа» развивалась следующим образом:

Молодых людей, которые близки по возрасту и немного знают письмо и арифметику, отбирают и заставляют работать на персонал. После нескольких лет обучения им выделяют акции по их усмотрению, не платят зарплату, но каждый год выдают деньги на покупку одежды. После трехлетнего урегулирования оставшаяся прибыль будет разделена в соответствии с долями.

В русской школе все владели русским языком, и каждый день в

сумерки они все составляли книгу своими руками, изучая язык и письмо, в то время как ученики сельской школы не были столь прилежны.[172]

Согласно российским источникам, русский язык уже был широко изучен западными людьми, приехавшими в Кяхте в 1820-х годах. В отсутствие какого-либо формального обучения «все мужчины составляли его вручную», и он неизбежно был разнообразным: «почти в каждой лавке был небольшой словарь, скопированный от руки, который купцы сами составляли на так называемом китайско-русском языке».[173] Таким образом, хотя «китайцы говорили о делах по-русски, понять их могли только жители Кяхты. Для тех, кто не привык к этому, это было похоже на разговор на китайском языке»[174]. Видно, что на русском языке говорят те, кто находится на российской стороне границы, но на самом деле это был китаизированный русский, который известен как «диалект торгового города». Он не был правильным с точки зрения порядка слов, склонения или времени. Этот уникальный деловой язык «западной группы» чрезвычайно тесно связан с торговлей между Россией и Китаем, поэтому он привлек внимание и исследования россиян. В 1831 г. «Московский телеграф» опубликовал письмо Кяхты, в котором приводилось 15 примерных предложений. В 1854 г. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили также специальную статью с комментариями. К сожалению, в существующих документах династии Цин нет соответствующих записей.

Из вышесказанного ясно, что внешняя торговля как на суше, так и на море в ночь перед Опиумной войной характеризовалась смешением китайского и иностранных языков, каждый из которых формировал извращенный коммерческий язык. Если английский язык Янцзинбан, распространенный в Гуанчжоу[175], сопровождался морским чаем, то русский язык города Кяхта был производным от «караванного чая». Однако «партнер» не превратился в «западного ученика», поскольку после 1870-х годов «западные чаоторговцы» пришли в упадок и были вынуждены оставить свои чайные дома на севере и отправиться на материк, чтобы сменить свой бизнес на билетные дома.[176]

Глава 10

Российско-американская компания и порт Гуанчжоу

Гуанчжоу, торговый порт феодальной империи времен династии Цин, уже давно подвергался колониальному влиянию и был ареной многих «варварских» споров. Об этом свидетельствует случай, когда в 10-м году эпохи Цзяцин (1805) в Гуанчжоу прибыли русские варварские корабли для торговли.

В традициях «варварской» политики цинского правительства, царская Россия была «сухопутным торговым государством на севере» и по закону имела право торговать в Кяхте, а не в каком-либо прибрежном порту. С момента создания таможни на 24-м году эпохи Канси (1685 год) ни одно русское судно не торговало в Кантоне. Поэтому на десятом году эпохи Цзяцин исключительный визит русских и американских кораблей в Гуандун стал серьезным нарушением старой системы и сразу же вызвал беспокойство цинского двора. Император Цзяцин проявил личный интерес к этому вопросу, и в течение месяца (с 9 декабря 10-ого года по 9 января 11-ого года) Военный секретариат направил три письма-совета губернаторам Гуандуна и Китая, а два письма-совета были направлены в Тайный совет России двором Ли Фана. Когда дело было окончательно завершено, кабинет министров вынес следующие взыскания в отношении причастных к нему офицеров: Бывший начальник Гуандунской таможни Янфэн был отстранен от должности, а его преемник Акедуна, губернатор Гуандуна, У Сюнгуан, и губернатор Гуандуна, Сунь Юйтин, были переданы в министерство для рассмотрения и наказания.

С другой стороны, «варвары» и купцы порта Гуанчжоу также были в той или иной степени вовлечены в инцидент. Британская «Компания» (Ост-Индская компания), впервые остановившаяся в Гуандуне, и глава «варваров» Билл и Лалан — все они были вовлечены в «андеррайтинг» и «растаможку» русских кораблей. Они также обеспечивали «руководство» российскими кораблями. Что касается генеральных купцов компании «Тринадцати берегов», Пань Юду (Тунвэньхан), купцы Лу Гуаньхэн (Гуанлихан) и Ли Янью (Сичэнхан) и др., то они стали орудием обеих сторон в борьбе между правительством и «варварами», еще раз показав искренность и страх «иностранных купцов» старого образца.

Инцидент с приходом русских кораблей в Кантон был случаем, который неоднократно приводился цинскими чиновниками при последующем планировании «варварских дел». Например, в

августе четвертого года эры Даогуань, Жуан Юань, губернатор Гуандуна, Чэнь Чжунфу и начальник таможенной службы Гуандуна тщательно пересказали этот инцидент, чтобы впредь не совершать ошибок при работе с «маленькими западными варварскими кораблями».[177] В период Сяньфэн глава Министерства уголовных дел Хэ Цютао составил книгу «Шуофан Бэйчэн», не забыв включить в «священные учения» «указ» императора Цзяцина о происшествии с русским кораблем.

К сожалению, описание этого яркого торгового инцидента в «варварских делах» династии Цзяцин в документах династии Цин слишком кратко. Даже такие монографии, как «Гуандунский таможенный журнал», не дают четкого представления обо всей истории, и многие эпизоды остаются неясными. Цель данного раздела — дать некоторую интерпретацию имеющейся на данный момент информации и послужить справочником для изучения Российско-американской компании и порта Гуанчжоу.

10.1 Возникновение мехового рынка в Гуанчжоу

Появление пушного рынка в Гуанчжоу в 1880-х годах стало прямым результатом торгового дефицита между западными морскими странами и Китаем.

Маркс сказал: «До 1830 года, когда китайцы часто опережали китайцев во внешней торговле, серебро постоянно экспортировалось в Китай из Индии, Великобритании и Америки.» (Китайская и европейская революции) Согласно У Дунюаню, купцу из Гуанчжоу в 19-м году эпохи Цзяцин (1814), который доложил Цзян Юсинь, губернатору Гуандуна и Гуанси:

Когда купцы-варвары приезжали в Гуандун, они обычно обменивались товарами: продавали шерстяные перья, саржу, хлопок, шкуры, часы и т.д. и обменивали их на шелк, сукно, озерный шелк, чай и фарфор с материка. Если вы не можете найти достаточно, мантисса в иностранной валюте, и каждый раунд рассчитывается с помощью семи центов и двух центов, и для этих двух нет никакой добавки. Часто цена вывозимых товаров выше, чем цена ввозимых, вернуть можно только иностранные деньги, а вывоз серебра из страны невозможен. («Дипломатической истории Цзяцин», том 4).

Так называемый «бартерный обмен товарами» не означал торгового баланса. На самом деле, при «цене экспортируемых товаров, превышающей цену импортируемых товаров», в Гуанчжоу хлынуло большое количество иностранных денег, таких как мексиканские «хуабиен» и «фанмиен». Не только в тринадцати домах была «куча пограничных денег», но и от севера до востока Гуандуна иностранные деньги обращались

во всех штатах и провинциях, причем «Нань, Шао, Лянь и Чжао в основном использовали фанмиен, а Чао, Лэй, Цзя и Цюн — хуабиен».[178]

Например, в 1788 году (пятьдесят третий год правления Цяньлуна) было импортировано 2,72 миллиона таэлей серебра. Чтобы уменьшить платежи серебром, «варвары» в Гуандуне искали замену монетам, чтобы сбалансировать свою торговлю. После долгих поисков этот заменитель был наконец найден на северо-западном побережье Америки в виде ценных мехов, добытых из морских выдр (или «морских драконов») и тюленей (или «морских тигров»).

В 1776 году британский капитан Джеймс Кук (1728-1779) совершил плавание к северо-западному побережью Америки на кораблях «Стедфаст» и «Дискавери». Партия шкур была закуплена задешево у туземцев в Ноткинском заливе, и они прибыли в порт Хуанпу в 1779 году. Каждая шкура продавалась по высокой цене в 120 юаней, что напоминало «варварским купцам» о широких перспективах торговля.

В 1787 году британские корабли «Король Георг» (320 тонн) и «Королева Шарлотта» (200 тонн) под командованием капитанов Поллока и Диксона соответственно пришли в Гуанчжоу с 2500 мехами и продали их за 50 000 юаней. В том же году британский капитан Беркли привел 400-тонный корабль Имперский Орел в Макао, чтобы продать 700 североамериканских мехов с прибылью в 30 000 юаней. Можно сказать, что 1787 год (52-й год правления Цяньлуна) стал годом официального основания мехового рынка в Гуанчжоу.

В 1784 году императрица Китая совершила первый рейс в Гуанчжоу, положив начало эпохе прямой торговли между США и Китаем. В 1887 году бостонские купцы отправили суда «Колумбия» (212 тонн) под командованием Кендрика и «Леди Вашингтон» (90 тонн) под командованием Грея к северо-западному побережью в обмен на меха. К 1789 году весь груз был доставлен в Кантон на судне «Колумбия» для сброса. В 1792 году бостонское торговое судно «Магалетт» прибыло в Гуанчжоу через Гавайи с примерно 1200 шкурами морской выдры, которые также были успешно проданы.

Американские купцы развивали торговлю пушниной в Кантоне, потому что в одном рейсе было «три возможности заработать деньги»: отправить дешевые товары, такие как ножи и войлок, из США на северо-западное побережье в обмен на ценные меха индейцев; затем отправиться в Кантон, чтобы продать шкуры и купить чай; вернуться и продать чай по высокой цене на

американском или европейском рынках.[179] В этом заключался секрет так называемой «меховой лихорадки».

В конце XVIII и начале XIX веков Европа переживала Французскую революцию и Наполеоновские войны, в то время как Соединенные Штаты находились в периоде относительного мира. Благоприятная международная ситуация также привела к резкому росту судоходства на северо-западном побережье США. В результате количество британских и американских судов, направлявшихся к северо-западному побережью в обмен на меха, значительно увеличилось: 35 британских и 15 американских судов в 1785-1794 годах; 9 британских и 50 американских судов в 1795-1804 годах; 3 британских и 40 американских судов в 1805-1814 годах.[180] Кроме того, в конце XVIII века США обнаружили новые запасы меха вдоль побережья Калифорнии на испанских территориях Южной Америки и организовали крупномасштабную охоту на тюленей. В период с 1793 по 1807 год только с острова Массарофф в Кантон было отправлено на продажу 3,5 миллиона тюленьих шкур.[181] Оба эти фактора способствовали монополии американских торговцев на пушном рынке Гуанчжоу. По словам Деннетта, в период с начала XIX века по 1930-е годы общая стоимость всех шкур, импортированных в Гуанчжоу из США, составляла от 15 до 20 миллионов долларов.[182]

Появление мехового рынка в Гуанчжоу не могло не привлечь внимания русских. Как мы все знаем, Россия завоевала богатую мехом Сибирь в XVI веке, затем распространилась на Камчатку, Берингово море и Алеутские острова, наконец, включив в сферу своего влияния «меховое царство» Аляску и став крупнейшим экспортером и пионером торговли мехами с Китаем в современную эпоху. В конце эпохи Канси русские меха наводнили Пекин, и в 1719 году Совет династии Цин издал рекомендательное письмо, информирующее русских о приостановке торговли: «У нас в изобилии имеются меха различных сортов. Кроме того, в Гуандуне, Фуцзяне и других прибрежных районах ежегодно появляются торговые суда из западных стран, приплывающие для торговли. При достаточном количестве различных товаров никто не станет покупать ваши товары.»[183] После открытия Кяхтинского взаимного рынка импорт меха в Китай резко возрос и составил около 70-80 процентов от общей стоимости российского экспорта. В 1784 году (Цяньлун 49), например, из 1,8 млн. рублей российских товаров на меха пришлось 1,17 млн. рублей. Понятно, что продажа мехов уже тогда была спасательным кругом российской торговли с Китаем. Поэтому Россия уделяла пристальное внимание освоению и притоку меховых ресурсов

Северной Америки и активно планировала протиснуться на рынок Гуанчжоу и передать меховой бизнес в руки США. В 1794 году Шерихов, богатый русский купец, специализировавшийся на американских мехах, попросил правительство разрешить ему отправить корабли для «перевозки товаров, полученных в Америке, и некоторых русских товаров».[184] В 1799 году царь Павел I одобрил создание Российско-Американской компании. Эта колониальная компания точно описана в документах династии Цин как «компания на северо-западе Америки на крайнем востоке страны, специализирующаяся на производстве кожаных изделий». («История подготовки к варварским делам», том 79) Одной из неотложных задач, стоявших перед ним после его создания, было использование преимуществ своей «специализации на шкурах и кожах», исключение влияния пушного рынка Гуанчжоу на Кяхту и защита традиционных интересов России в торговле пушниной с Китаем. Однако это была очень тяжелая работа, о чем свидетельствует отчет, написанный Александром Андреевичем Барановым, генеральным директором РАК в 1800 году (пятый год правления Цзяцина): «Большое количество мехов было импортировано в Гуанчжоу после многочисленных переходов из рук в руки, а затем переправлено отсюда в любой другой уголок Китая, что нанесло такой удар по нашей дешевой торговле в Кяхте, что в итоге наша прибыль, вероятно, не сможет покрыть тариф. По словам одного американского торговца, закрытие рынка Кяхты принесло им пользу, повысив цены на меха и шкуры на 20 процентов, так что из этого, как он сказал, можно сделать вывод, что торговля в Гуанчжоу оказала большое влияние на торговлю в Кяхте».[185]

Частые «закрытия Кяхты» в период правления Цяньлуна на самом деле были экономическими санкциями, наложенными цинским правительством на российские власти за нарушение спокойствия на границе. С 1744 по 1792 год рынок «закрывался» десять раз, последний и самый продолжительный из них — на семь лет (1785-1792). Пока русские кожаные изделия продавались на севере, бостонские купцы пробивали себе дорогу в Гуанчжоу. Зимой 1805 года (десятый год эпохи Цзяцин) корабли Российско-американской компании «Надежда» и «Нева» получили приказ «открыть торговлю Гуанчжоу и рассчитывать на торговлю с Японией и другими азиатскими регионами», и прибыли в Гуанчжоу с различными кожаными изделиями для пробной продажи. Случай с «российскими кораблями, прибывающими в Гуанчжоу для торговли», стал шоком для общественности.

10.2 Тайна «патрульных» и «грузовых судов»

Впервые о том, что русские корабли приходят в Кантон для торговли, стало известно из служебной записки Яньфэна, начальника Гуандунской таможни, от 29 октября 10-го года правления Цзяцина, в которой говорилось следующее:

В восьмой день десятого месяца этого года комиссару Макао было доложено: На 17-й день комиссару сообщили, что из Рушэна прибыло еще одно судно одного купца по имени Рязан, перевозящего шкуры и серебро для торговли в Кантоне. По словам иностранных купцов, они узнали, что Рушэн — это Россия, и что звучание языка схоже. Корабли шли из России на восток, потому что они всегда находились за северным входом в столицу, и было трудно проехать сухим путем из этой страны в Кантон, поэтому морской путь в Кантон был дальше, чем сухой путь, но и дешевле. Это был не патрульный корабль, а торговое судно со шкурами и кожей, поэтому я попросил разрешения выгрузить товар.[186]

Здесь стоит отметить два момента: во-первых, два российских корабля не только прибыли в разное время, но и сообщили о разных условиях осмотра: судно Рушэнов, «Надежда», первоначально было заявлено как «патрульное судно», но после того, как Рязанов приказал прибыть кораблю «Нева», доложили, что это торговое судно, попросив у таможни Гуандун разрешения на выгрузку груза. Исторически неточно говорить в общих чертах, что два русских корабля «пробились в Хуанпу»[187]. Во-вторых, контрзаявление о том, что «это был не патрульный корабль», было процитировано Яньфэном непосредственно из «отчета И» и вовсе не является «ложным утверждением»[188]. Очевидно, что тот факт, что «Надежда» отказалась от своего слова, когда постучалась в ворота, является скрытой историей, которая должна быть раскрыта.

Согласно династии Цин, иностранные корабли, прибывающие в Гуандун, можно было разделить на три категории, а именно: дань, грузовые корабли и патрульные корабли (также известные как «военные корабли», т.е. военные суда). За исключением «кораблей дани», к которым относились с особой вежливостью, два других типа кораблей должны были следовать обычаю «торговые суда внутри, а патрульные снаружи»: «Когда военный корабль сопровождал торговое судно в Гуандун, торговый отплывал, а военный корабль стоял одиноко на морской глади причалившись».[189]

Все импортные торговые суда должны были вводиться в порт лоцманами (в правительственном офисе Макао было 14 лоцманских судов), которым выдавалась номерная гербовая табличка, они проходили инспекцию в Главной инспекции

Хуанпу, измерялись и облагались налогом таможенниками. Метод сбора средств следующий:

Гуандунская таможня традиционно делила варварские корабли на один, два или три класса, уменьшала налог на две десятых банкноты по примеру восточных кораблей и взимала налог в соответствии с кораблями. При измерении каждого корабля количество взимаемого серебра увеличивалось или уменьшалось в зависимости от длины и ширины балки: для больших кораблей первого класса взималось от 1 100 таэлей до 2 120 таэлей, а для малых и средних кораблей второго и третьего классов — от 800 таэлей до 400 таэлей. Этот Гуандун В таможенном управлении действует старая система раздельного сбора банкнот с варварских кораблей. Налог на товары делится на мелкий и крупный, исчисляется в цзинях, таэлях и футах и уплачивается в соответствии с правилами. Что касается отгрузочных банкнот, акциза и ввозных банкнот, то все они будут оплачены вне зависимости от класса.[190]

Совершенно ясно, что в соответствии со старой системой таможни провинции Гуандун, как «торговое судно», заходящее в Хуанпу, необходимо платить судовые банкноты, акцизные сборы и правила;

Если оно будет представлено для проверки как «круизное судно», оно будет освобождено от вышеупомянутых налоговых ограничений, но не сможет войти в водный путь Хумэнь. Это два варианта, с которыми «Надежда» сталкивается с лоцманами в Макао. Почему в конце концов он выбрал второе?

Рассмотрим сначала положение русских кораблей. И «Надежда», и «Нева» — трехмачтовые корабли, купленные в Лондоне Русско-Американской Компанией в 1802 году (седьмой год Цзяцина) для организации кругосветного плавания, общей стоимостью 25 000 фунтов стерлингов.[191] Первый имеет 16 артиллерийских позиций, водоизмещение 450 т., экипаж 76 человек, второй — 14 артиллерийских позиций, водоизмещение 370 т. (некоторые говорят, что 350 т.) и экипаж 53 человека.[192] Капитан «Надежды» Рушенов (И. В. Крузенштейн, 1770–1846) и капитан «Невы» Рязанов (Ю. Б. Рязанский, 1773–1839) оба закончившие военно-морскую школу, принадлежали к новому поколению морской унтер-офицерам, подготовленные знаменитой российской императрицей Екатериной II. Имели практический опыт ведения боевых действий на море (участвовали в войне против Швеции) и дальнего плавания (в Северной Америке и Индии) и капитанское звание. У самого Рушенова же был уникальный опыт. Уже в 1798 году (третий год правления Цзяцина) он переправился автостопом из Малакки и пробрался в Гуанчжоу, где прожил

целый год, проверяя условия плавания в Южно-Китайском море и торговую ситуацию на пушном рынке Гуанчжоу.[193] Рушенов уже знаком с различными правилами и положениями таможни провинции Гуандун. Поэтому, как только он оказался в Макао, он мог сделать выбор в пользу царской России по местным условиям того времени.

В путевом листе, составленном самим Рушеновым, указано, что «Надежда» вошла в бухту Танзай в 14 часов 21 ноября 1805 года. Рано утром следующего дня он по приказу отправился в Макао, чтобы подать заявку на досмотр на имя «патрульного судна».[194] Причину этого ясно изложила Се Мэйлинь, бизнес-представитель Российско-американской компании «Надежда», в отчете в канцелярию генерального директора, отправленном из Гуанчжоу 21 декабря того же года:

«Надежда» перевозила меньше груза, всего 412 штук шкур морских выдр и 10 000 штук шкур морских собак, с таким количеством груза она не смогла бы войти в Хуанпу. Сообщается, что транспортные банкноты, различные налоги и обряды уважения к чиновникам династии Цин, наложенные Китаем на торговые суда, значительно превышают всю нашу оплату товаров. Даже если «Надежда» едва доступна, по китайским правилам грузовым судам не разрешается стоять на якоре в Макао более суток, и они должны перебраться в Хуанпу или найти другое место.

Мы должны были выиграть время либо для мелкого ремонта корабля, либо для ожидания «Невы», которая была неучтенной. Чтобы найти достойное оправдание, капитану, господину Крузенштейну, пришлось сообщить китайским властям в Макао, что его корабль является военным судном.[195]

Очевидно, что объявление судна «патрульным кораблем» было целесообразным способом «выиграть время», чтобы осуществить запланированное рандеву двух судов для торговли в Гуанчжоу. Так, как только «Нева» прибыла в Макао 3 декабря с достаточным количеством шкур (только шкур морской выдры 4007 штук), чтобы заплатить налоги за оба корабля, «патрульный корабль», который стоял на стоянке две недели, немедленно выступил против «непатрульного корабля». Новый начальник таможни Акедана прибыл в ноябре десятого года эпохи Цзяцин[196] и «из-за того же случая и во избежание каких-либо несоответствий он также разрешил Рушенову выгрузить груз».[197] Неспособность таможни Гуандуна серьезно расследовать мошеннические декларации российского судна свидетельствует о коррупции. Если бы в то время порт Гуанчжоу не был наполнен законами и недостатками,

вум экспедиционным круизным лайнерам царской России под знаменами сухогрузов было бы нелегко пройти таможню, не раскрыв своих слабых мест!

10.3 «Самостоятельное партнерство для торговли с Кантоном» было ложным предложением

Когда цинский двор был проинформирован о «новаторском инциденте» с русскими кораблями, прибывшими в Кантон для торговли, которая не соответствовала старым правилам, он отправил письмо У Сюнгуану, губернатору двух провинций, в девятый день двенадцатого месяца десятого года эры Цзяцин, задав ряд вопросов. Среди них был и следующий вопрос, касающийся сути происшествия: «Купец-варвар купил товары на этом судне ради собственной выгоды, или это была торговля по приказу короля?»[198]. В результате У Сюнгуан получил ответ, что «купцы сообщили варварам в английской стране, что они прибыли в Кантон для самостоятельной торговли, а не были посланы королем».[199] Это абсолютно ложное заявление, которое намеренно скрывает официальную подоплеку и истинный характер инцидента.

«Российско-американская компания была детищем российского аристократического правительства».[200] Она была официально учреждена в 1799 году (4-год эпохи Цзяцин) с одобрения царя Павла I (1796-1801) и получила грамоту от Тайного совета, предоставлявшую ей монополию на торговлю и месторождения полезных ископаемых «вдоль северо-восточного побережья Америки от 55 градусов северной широты до Берингова пролива и далее, а также на Алеутских, Курильских и других островах в северо-восточном море»[201]. Генеральному управлению компании было приказано переехать из Иркутска (Резиденция Губернаторского Особняка Восточной и Западной Сибири, то есть «город Эрку» в «Зарубежных записях») в Петербург, чтобы укрепить сотрудничество между властью и бизнесом. Благодаря поддержке царского правительства Российско-американская компания имела флот кораблей, склады и крепости в «царстве меха и кожи» Аляски. К началу XIX века она поднялась к власти в Тихом океане как мания величия династии Романовых, торговая, военная и территориальная держава, подобная британской Ост-Индской компании. С момента своего основания до 1818 года компания экспортировала в общей сложности 870 000 шкур морской выдры из Берингова моря за 20 лет.[202] В 1805 году, когда русские корабли прибыли в Гуандун, в Северной Америке уже было 470 русских колонистов.[203] Не вдаваясь в подробности истории и конца Российско-Американской компании, достаточно привести два важных факта, которые

показывают абсурдность вышеупомянутого вымысла.

Во-первых, царь и его важные министры были крупными акционерами компании. Когда компания была основана, ее капитал составлял 724 000 рублей, по 1 000 рублей за акцию, или 724 акции. Согласно реестру акционеров 1802 года, царь Александр I и вдовствующая императрица Мария Федоровна были акционерами компании под названием «Государь, царь и царица». Лорд Акционерами компании были многие, в том числе граф Руманцев, министр торговли, и адмирал Молдавинов, министр военно-морского флота.[204] Как это похоже на прецедент, созданный двести лет назад участием королевы Елизаветы в пиратской компании Дрейка, образцовом событии в колониальной истории! Не случайно российско-американская компания смогла получить от царского правительства кредит в размере 250 000 рублей[205] на оснащение «Надежды» и «Невы» для их плавания через океан. Характер партнерства между правительством и бизнесом настолько очевиден, что слова «самостоятельно торговать с Гуанчжоу» могли быть только преднамеренной ложью, распространенной «Рушеновым» в Гуанчжоу в те времена.

Во-вторых, русские корабли прибыли в Гуандун с важной политической миссией. «Надежда» и «Нева» были первыми из 38 российских кругосветных путешествий (16 из которых были организованы российскими и американскими компаниями) в первой половине XIX века (с 1803 по 1848 год). На эти два российских корабля царское правительство возложило задачу быть передовым отрядом для морской экспансии. В послании Александру I от 8 апреля 1803 года министр коммерции Румянцев заявил, что путешествие «поможет стране детально изучить свои достижения в Северной Америке, открыть кантонский рынок и рассчитывать на торговлю с Японией и другими частями Азии»[206]. В соответствии с этой целью группе астрономов, гидрографов, картографов и ботаников было приказано принять участие в кругосветном путешествии. Два русских корабля отплыли из порта Кронштадта 7 августа того же года, а после прибытия в Гонолулу они разделились, каждый со своей миссией: «Надежда» отвечала за перевозку генерального директора Российско-американской компании Рязанова с миссией в Японию и проникновение в устье реки Амур для проведения незаконной съемки и предоставления информации о вторжении русских на острова Сахалин и северо-восточное побережье Китая. Корабль «Нева» приплыл в Коджар на западном побережье Северной Америки и действовал как сообщник царского колониального лидера Баранова в подавлении индейцев, восстановив колониальный опорный

пункт в Ситке в 1804 году, а затем присоединившись к «Надежде» с грузом шкур и кожи. «Корабль был загружен грузом и присоединился к «Надежде» в попытке «открыть Кантонский рынок» и удовлетворить амбиции русского царизма по расширению торговли вдоль юго-восточного побережья Китая.

Поскольку Российско-американская компания была «формально частным, но по сути правительственным учреждением»[207], неудивительно, что официальные намерения поездки держались в секрете от русских кораблей в Гуандуне. Теперь мы можем вернуться к вопросу о позиции российского Тайного совета в то время.

Из обнародованных российской стороной дипломатических архивов видно, что династия Цин Ли Фаньюань и Тайный совет России обменивались сообщениями о происшествии с русским кораблем, пришедшим в Гуандун. В письме от 28 января 1806 года (девятый день двенадцатого месяца десятого года правления Цзяцина) Совет просил ответить, были ли два русских корабля посланы правительством для торговли или купцы прибыли в Кантон самостоятельно, и указывал, что это противоречит старой русской системе взаимной торговли только в Кяхте. Это письмо было получено Тайным советом 14 марта, но ответа не последовало. Только после того, как 9 марта (20-го числа первого месяца 11-го года эры Цзяцин) пришло второе послание (Приложение — оригинал «отчета И», запрошенного Рушеновым и Юнфеновым для въезда в Дабу для выгрузки груза) Совета с оригинальным «отчетом И» о просьбе въезда для разгрузки груза в порту Дабу, Тайный совет был вынужден ответить 27 мая. Похоже, что время было выбрано не случайно, так как русские корабли уже покинули Кантон и плавали в европейских водах к северу от острова Святой Елены, собираясь вернуться в Россию, но еще не находясь там. Этот ответ представляет собой загадочный и софomorный рассказ о российском корабле. Особенно поразительно, что в нем утверждается, что граф Головкин уполномочил графа Головкина самому объясниться с цинским правительством во время его миссии в Китай по поводу прибытия торговых судов Российско-американской компании в Кантон. Однако не предполагалось, что Головкин прибудет в Кяхту до прибытия русских судов в Гуанчжоу.[208] Таким образом, давно запланированное расширение было случайно окрашено Тайным советом. На самом деле, обычный дипломатический прием царского правительства заключался в том, чтобы сделать свершившийся факт для прихода русских кораблей в Кантон, а затем, чтобы Головкин договорился о

формальной привилегии для торговли по морю. Это было похоже на его практику территориальной экспансии, при которой он «занимал территорию до того, как была проведена демаркация границы» (История подготовки барбарийских дел, 2 апреля 2004 года). В конце концов, планы русских сошли на нет, так как правительство Цин придерживалось своих старых правил и не сдвинулось с места.

10.4 История «Андеррайтинга Лай Ян Ю, купца из Сай Шинг Хонга»

Первоначальный контакт между Российско-американской компанией и Тринадцатую компаниями в Гуандуне проявился в том, что торговец Ли Янь Ю из Сичэнсина взял на себя обязательства по страхованию российского судна.[209] Она является важной частью всей истории и должна быть кратко рассмотрена.

Феодальное управление портом Гуанчжоу династии Цин, включая систему «защиты торговцев», которая была создана на десятом году правления Цяньлуна (1745 год), продолжало использоваться вплоть до периода Цзяцин. «Сфера их деятельности была четко определена. В соответствии с документами Гуандунской таможни, том 25 Когда иностранные варварские корабли приходили в Гуандунскую таможню для уплаты налога на импортируемые товары, купцам иностранных компаний предписывалось уплатить налог, когда варварские корабли возвращались под паруса; а когда иностранные варварские корабли экспортировали товары, купцы иностранных компаний должны были уплатить налог, когда они покупали товары от имени варваров.

Очевидно, что у андеррайтеров было как право принимать иностранные товары, так и обязанность платить налоги и приобретать товары от их имени. Что касается того, кто занимался страхованием, то он не назначался правительством, а выбирался самими варварами из числа купцов. В шестом году периода Цзяцин губернатор двух провинций Цзи Цин заявил, что

Импорт и экспорт товаров варвары всегда выбирали сами, подобно тому, как ведут дела материковые лавочники с купцами. Богатые и надежные иностранные купцы давали варварам больше товаров для продажи, а бедные и нуждающиеся купцы отказывались давать варварам больше товаров.[210]

Несомненно, когда русские корабли приходили в Гуандун, им приходилось искать «богатых и надежных иностранных купцов»,

когда они «выбирали себе торговые дома». Итак, выполнил ли Сичэнхан это требование?

Компания была основана в 1804 году уроженцем Шуньдэ Ли Янь Юем.[211] Когда русские корабли пришли в Гуандун, он занимался бизнесом всего год и был новым купцом среди «Тринадцати домов». По сравнению со знаменитыми Тунвэнь Ханом и Гуанли Ханом, Сичэн Хан не был ни «богатым», ни «надежным», и в истории о том, как такие «бедные купцы» вышли на подкуп русских кораблей, была своя изюминка. В этой истории есть один поворот.

Согласно российской истории, «Нева» прибыла в Хуанпу 8 декабря 1805 года (18 октября 10-го года эры Цзяцин).[212] На следующий день Лутон сел на катер в Гуанчжоу и поселился в «Икане» своего старого знакомого, британского торговца Билла (который был «Маленьким Биллом», то есть Томасом Биллом). Было решено, что русские заплатят комиссию в размере 5% и попросят Билла разгрузить товар от имени страховщиков. Согласно собственному рассказу Лертон, результат визита Билла в «Тринадцать домов» был следующим:

Старейшие купцы боялись иметь с нами дело, не то чтобы они не знали, что Россия соседствует с Китаем и имеет какие-то торговые отношения. Они хорошо знали темперамент своего собственного правительства и ожидали, что русские с большой вероятностью приедут в Кантон впервые. Они знали о темпераменте своего собственного правительства и ожидали, что русские доставят неприятности, когда впервые приедут в Кантон. Билл пытался найти для нас надежных торговцев среди уже состоявшихся коммерсантов, но безуспешно. Никто из них не хотел браться за инновационный бизнес. В итоге ему пришлось отказаться от своих первоначальных планов и использовать свой личный авторитет, чтобы убедить нового торговца Ли Гуаня решиться подписать контракт на два наших корабля.[213]

В соответствии с коммерческой практикой Тринадцати домов, купец имеет имя, отличное от его собственного имени и названия его фирмы, которое также называется «гуань». Так называемый «Новый купец Лай Кун» также известен как «Ли Янь Юй, купец из Си Чэн Хана». Почему Билл убедил его? Оказалось, что британский «варвар» был владельцем процветающей фирмы «Билл Макник» (предшественник Джардин) и сменил своего брата Даниля Билла на посту прусского консула в Гуанчжоу с 1797 года. Он был хорошо известен среди британских «свободных купцов» (т.е. частных торговцев, не принадлежащих к «государственному классу»). Именно по этой причине Ли Янь

Юй осмелился рискнуть по его рекомендации.

В то время именно представитель российско-американской компании «Надежда» г-н Шеммелин вел торговые переговоры с Си Чэн Ханом. Последний докладывал генеральному директору о сделке, включая детали разгрузки, торга и покупки, что может восполнить пробелы в документах династии Цин, таких как «Таможенный журнал Гуандуна».

Во-первых, дата разгрузки. 24 октября 10-го года периода Цзяцин компания Сичэн Хан отправила баржу в Хуанпу для разгрузки шкур и кожи в качестве «страхового торговца». Согласно данным о разгрузочной способности порта Хуанпу при династии Цин, в период правления Цяньлуна «каждый день разгружались четыре баржи по 400 центнеров каждая, так что груз всех барж можно было разгрузить за несколько дней»[214]. Примерно так же было и в период Цзяцин, поэтому прошло три дня, прежде чем Шеммелин и другие смогли разместить шкуры на складе в Сичэн Хане. После погрузки товаров их разбирали и сортировали в течение трех дней подряд вместе с сотрудниками компании.

Во-вторых, цена на шкуры. По словам Шеммелина, в то время меховой рынок в Гуанчжоу в течение многих лет страдал от большого количества импорта меха морской выдры, и цены на товары падали. В 1804 году было импортировано 8 200 штук меха морской выдры по цене 23-24 пиастра (испанская валюта, 27 грамм) за штуку. В 1805 году еще три американских корабля ввезли 14 002 штуки шкур морской выдры, вместе с русским кораблем «Нева» — 4007 штук и «Надежда» — 414 штук, общее количество шкур морской выдры, ввезенных в Гуанчжоу в том году, составило 18 423 штуки. Спрос на шкуры морской выдры был настолько велик, что цена была снижена до 18-16 пиастров за штуку. С помощью Билла Шеммелин согласился продать товар по умеренной цене, приняв следующие цены, установленные купцами, были установлены следующие цены:

Мех морской выдры	полностью	17 пиастров
Хвост морской выдры	один	17 пиастров
Мех речной выдры	каждый	2,5 пиастра
Мех выдры	каждый	4 пиастра
Мех рыжей лисы	каждый	120 пиастров
Мех серой лисы	каждый	60 пиастров
Мех чернобурой лисы	каждый	2 таэля
Мех песка	каждый	1 таэль
Мех голубого песка	каждый	1,5 таэля
Шкура американского медведя	каждый	120 таэлей

Шкура морского котика	каждый	75 таэлей
-----------------------	--------	-----------

Количество шкур, проданных на обоих судах, составило 176 605,25 пиастров для «Невы» и 12 000 пиастров для «Надежды», всего почти 190 000 пиастров.[215]

В-третьих, перепродажа товаров. Шеммелин намеревался покупать меньше чая и больше хлопка. Поэтому он представил Биллу заказ-покупку, в котором говорилось:

Цветочный чай высшего качества	30 000 пиастров
Нанкинская хлопчатобумажная ткань	30 000 пиастров
Тонкий фарфор	5000 пиастров
Фаянс	15 000 пиастров
Жемчужины из ракушек	3000 пиастров

Однако торговец настоял на том, чтобы за чай была уплачена половина покупной цены, поскольку в том году в Гуанчжоу скопилось большое количество чая. В противном случае он не желал иметь дело. Российскому кораблю очень хотелось вернуться в море, поэтому он неохотно согласился. В результате, когда была составлена таможенная декларация, она превратилась в «проданные товары — чай и фарфор».[216]

Из истории андеррайтинга Западной торговой компании видно, что Билл, как брокер, играл очень важную роль «проводника». Далее будет отмечено, как коммерческий директор британской Ост-Индской компании в Гуандуне помогал российским и американским компаниям в решающий момент, когда российские корабли добивались «разрешения».

10.5 «Англо-грузинское пребывание в Гуандуне

В официальных документах династии Цзяцин, связанных с русским кораблем, есть два упоминания о «пребывании англо-грузина в Гуандуне», но его роль ограничивалась одним случаем, а именно тем, что он мог «отправить обратно в Китай от имени русского корабля»[217], если получал приказ сделать это после его отплытия. Но здесь изложено неполностью. На

самом деле, роль этого человека выходила далеко за рамки вышеперечисленного.

Согласно общепринятой терминологии, использовавшейся в Гуанчжоу во времена династии Цин, термин «Управляющий» и термин «Управляющий Гуандуна» — это два разных термина, и их не следует путать. (Первое ясно: «Капитан корабля является управляющим.» («Хроники Макао», «Сборник статей чинов») Что касается второго, то, по словам губернатора двух провинций Цзи Цина, «дела компании были самыми крупными среди англо-грузинских кораблей, и эта страна имела управляющего для ведения торговых дел в Гуандуне.»[218] Очевидно, что «прибывающий управляющий Гуандуна» был не обычным «капитаном корабля», а «управляющим компании», который «прибыл в Гуандун для регулирования торговли» (Хроника Запада и Востока, т. 3), т.е. постоянный агент британской Ост-Индской компании в Гуанчжоу. Хотя в записке У Сюнгуана он не назван, из русских документов известно, что этим человеком был Дуремонд (Друммонд). Его английское имя, Друммонд, было переведено на кантонский язык как «Доровэн». Среди «тринадцати торговцев» был хорошо известен «господин Вэй Доровэн» (т.е. «господин Друммонд»), поэтому его деяния часто встречаются в документах династии Цин как:

1. В июне шестого года периода Цзяцин Пань Чаньяо из компании «Лицюань» написал «управляющему компании Красный Мао» письмо с просьбой о помощи. Друммонд Вэй — был один из объектов, к которым он обратился за помощью.[219]

2. В декабре девятого года эпохи Цзяцин Друммонд вручает королю «Официальный документ» и лично принимается губернатором Гуандуна и Гонконга.[220]

3. На десятом году эпохи Цзяцин Друммонд привозит «рецепт от коровьей оспы» («Описание Южного моря», том 44, «Заметки») на восток Гуандуна. Это ссылка на издание 1804 года «Недавно пересмотренные рецепты от оспы», которое подписано в конце книги как «Британский правительственный чиновник Друммонд прибыл в Гуанчжоу, чтобы заняться почтительными вопросами торговли».[221]

Это показывает, что до того, как русские корабли пришли в Гуандун, Друммонд уже был активной фигурой на внешнем рынке в Гуанчжоу. Он также был старым другом, с которым Крузенштейном познакомился во время своей резиденции в Гуанчжоу в 1798 году.[222] Поэтому вполне понятно, что российская сторона воспользовалась бы своей властью для разрешения ситуации, когда попала в затруднительное

положение «непоездки». Ниже мы увидим, как по замыслу Друммонда вокруг вопроса «освобождения от таможни» развернулась напряженная битва между чиновниками, бизнесменами и «варварами» в порту Гуанчжоу.

В середине января 1806 г., как раз, когда русский корабль наращивал погрузку и готовился к возвращению, На Яньчэн, бывший губернатор Гуандуна и Гуанси, принял решение, что «его не следует выпускать до даты утверждения Чжу», распространялся в виде слухов среди купцов и «варваров». 22-го «защитник купцов» Ли Яньюй официально подтвердил эту новость российской стороне.[223] В мгновение ока порт Хуанпу был охвачен волнениями, и «офицеры батальона находились на кораблях, запрещая китайцам приближаться к ним, и даже покупателей, которые прибывали ежедневно, нигде не было видно»[224]. План Крузенштейна «покинуть Гуанчжоу двадцать пятого числа и отплыть из Хуанпу двадцать седьмого или двадцать восьмого» был на грани исчезновения. Видя приближение катастрофы, британские розничные торговцы были беспомощны, поэтому ему пришлось возлагать надежды на «гуандунского управляющего» и лично посетить Друммонда для принятия контрмер. По указанию последнего Крузенштейн немедленно попросил «защитника» Ли Яньюя подать жалобу в таможенный надзор.[225] На следующий день ему разрешили эвакуировать батальон, а русский корабль сняли с боевого дежурства. Однако, непонятно, когда она будет «выпущена».

Лушентон узнал от купцов, что происходит смена губернатора и что новый губернатор вступит в должность в ближайшие несколько дней. Он воспользовался возможностью и написал письмо протеста на английском языке, чтобы передать его новому губернатору У Сюнгуану. Вместе с Юнфеновым Лушентон снова посетил Друммонда, чтобы проанализировать ситуацию, и пришел к выводу, что губернатор не будет охотно принимать иностранных бизнесменов и что единственный возможный путь — это косвенный, когда купец доставит письмо суперинтенданту таможни для передачи У Сюнгуану. Это была гораздо более сложная задача, которая потребовала от самого Друммонда выхода на первый план. Имея престиж «управляющего» Гуандуна, он пригласил купцов иностранной компании Тринадцать Домов встретиться и обсудить этот вопрос, и решил, что глава британских «варваров», «Лана» или «Робертс», будет тем, кто займется этим вопросом. Было решено, что для более эффективного ведения переговоров будет создан специальный комитет, возглавляемый главой британских «варваров», «Ланом» или Робертсом (который позже сменил Друммонда). Необходимо было привлечь главного

купца Пан Цигуана (который также был членом той же компании Пан Юй Ду), «поскольку он был одним из самых сильных купцов, имел шесть миллионов пиастров и пользовался особым расположением таможенного суперинтенданта».[226] Друммонд лично пригласил Пан Цигуана на встречу в 3 часа дня в «зале варваров». Хотя он согласился на словах, он не сдержал своего обещания. На встрече Друммонд передал содержание русского письма и попросил второго купца, Мао Гуана (Лу Гуанхэн из Гуанли), передать письмо суперинтенданту таможни Акедана. Он был обеспокоен отсутствием генерального купца, но принял письмо неохотно из-за благосклонности «Гуандунского управляющего». К утру следующего дня он указал Друммонду и другим, что письмо было неуважительным и его будет трудно представить от его имени. В то же время он передал Лушентону и Юншенону на подпись свое собственное письмо, которое русские отказались подписать. Наконец, по инициативе Друммонда на месте было составлено новое, лаконичное письмо. Это трехсоставное «письмо к варварам» отражено в документах династии Цин следующим образом.

Эта страна расположена на крайнем севере, и если ветры в это время будут слишком сильными, она будет заблокирована на целый год. Если указ императора будет получен после открытия границы, он будет направлен британским и гвинейским властям для отправки обратно в Китай.[227]

Через шесть дней после того, как письмо было доставлено Маогуаном, новостей все еще не было. Беспокойный Лушентон снова отправился к Друммонду и попросил еще раз обратиться к торговцам с просьбой о скорейшем освобождении. На этот раз были вызваны и общие купцы. Было решено, что на следующий день Пан Цигуань пойдет с купцами просить надзора за таможней. Через несколько дней «сам Акедана приехал в Хуанпу и вызвал купца к себе, но очень тревожно умолял его как можно скорее вернуться в Китай».[228] По словам Лушентона, в то время надзиратель таможни в сопровождении Юншенова поднялся на борт российского корабля для досмотра и через два дня выдал «красную карточку» или разрешение на выход из порта, официально разрешив судну пройти. Это решение «упредить» российские корабли было принято в результате «взаимных консультаций» между У Сюнгуаном, губернатором Гуандуна, Сунь Ютингом и Акеданой, начальником таможни. Они также считали, что правильно справились с этим вопросом, говоря: «Поскольку мы считали, что должны проявить доверие к иноземным варварам, чтобы показать наше сочувствие к ним, и поскольку мы позволили им разгрузить свои товары, мы, похоже, не могли надолго задержать их возвращение, потеряв

тем самым намерение быть мягкими к далеким людям.»[229] Неудивительно, что феодальные бюрократы, на которых была возложена тяжелая ответственность за морскую границу, были настолько скучны и устали, что не знали о тайной деятельности купцов и «варваров», не говоря уже о том, что не могли разглядеть намерения русских кораблей, идущих в Гуандун.

10.6 Связь между российским павильоном в Пекине и инцидентом с российским судном

Еще один аспект инцидента с российским кораблем, который нельзя упускать из виду, — это роль российского павильона в Пекине в китайско-российских переговорах того времени. Согласно У Сюнгуану и другим 27 декабря 10-го года эпохи Цзяцин:

Список всех выгруженных товаров, оригинальный отчет варварского купца и переведенный отчет варваров представляются императору для проверки.

Отсюда ясно, что в Пекине в то время находился не Российский павильон, а Российская академия. В связи с этим возникают два вопроса: во-первых, почему Российской академии не было поручено перевести документы на китайский язык? Во-вторых, кто был «генералом» в российском павильоне? Ниже приводится попытка объяснить это с помощью некоторых исторических фактов.

Русская академия была основана в 1757 году, также известна как «Российская академия совета министров», и располагалась на западной стороне улицы Бэйчжи, за пределами Донхуамэнь.[230] Том 13 «Шуофан Бэйчэн» «Экзамен по изучению русского языка» однажды кратко описал источник его учеников и цель его создания следующим образом:

Офис совета министров создал специальные восемь баннеров для студентов, изучающих русский язык для перевода, также известного как россиеведение.

Было зачислено 24 студента, курс длился пять лет. К восьмому году периода Цзяцин (1803 год) была создана система экзаменов и назначений.

Экзамены проводились по рейтингу российских студентов. Экзамены проводились раз в пять лет, при этом студент, занявший первое место, назначался чиновником восьмого ранга, студент, занявший второе место, — чиновником девятого ранга, а студент, занявший третье место, направлялся в школу для дальнейшего обучения.

Те, кто занял первое место среди чиновников восьмого ранга, назначаются чиновниками седьмого ранга, а те, кто занял первое место среди чиновников седьмого ранга, назначаются офицерами.

Каков был результат этой кропотливой работы? В четвертый год правления Даогуана (1824 г.) в памятной записке великого магистра Тозина говорится:

До двадцать девятого года правления Цяньлуна в столице были русские преподаватели-совместители, изучавшие маньчжурский язык, но после этого они использовали только собственный персонал. Российское общество уже давно достаточно фрагментировано, и нет возможности расследовать события. Пожалуйста, выберите одного из русских, которые все еще изучают маньчжурский язык в Пекине, и сотрудничайте с профессором для коррекции.[231]

Понятно, что «Российская академия совета министров» имела название школы, но не реальность образования. Спустя более полувека после основания школы ее сотрудники все еще не умели самостоятельно переводить, и им приходилось обращаться в Российский павильон, чтобы одолжить сотрудника российской миссии в Пекине для «совместного обучения с целью исправления». Если так было в ранний период Даогуань, то как можно было «взяться за перевод событий» в период Цзяцин?

Это подводит нас ко второму вопросу. Российский павильон, ранее известный как павильон Хуйтун, с седьмого года эпохи Юнчжэн (1729) был официально выделен как резиденция Русской православной миссии в Пекине, так называемый «Южный павильон». Студенты миссии не были священнослужителями, но им было приказано «изучать маньчжурский русский язык в Пекине», и часто они действовали как «студенты-переводчики», переворачивая официальные документы Ли Фань Юаня. В первом месяце десятого года эпохи Цзяцин Управление по военным делам обнаружило карту путешествия, присланную католическим священником Де Тяньци, которая была переведена на западные иероглифы в верхней части карты «русскими, обучавшимися в Пекине, Си Тие Бань и И Вань»[232]. «Оба были учениками Восьми знамени Русской миссии (1794-1807), Степан Рибовцов (1770-1841) и Иван Малышов (1770-1806). Как упоминалось ранее, документы, связанные с происшествием на российском корабле («доклад И» и манифесты на русском и английском языках) предполагается передать в «русское посольство для перевода на китайский язык», как правило, именно они должны были выполнить перевод, что было не под силу студентам Восьми знамени.

Российские архивы показывают, что «Иван», умерший в Пекине в 1806 году, не имел к этому никакого отношения, и что за «перевод на китайский язык» отвечал исключительно «Степан». В 1819 году он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению восточной литературы и истории и опубликовал в Петербурге два тома русского перевода «Правил Рифанской академии» (1828). Его посмертная рукопись содержит доказательства причастности «студентов-переводчиков» к инциденту с русским кораблем.[233]

В то время, когда цинский двор напряженно разбирался с инцидентом с русским кораблем, разве не было бы странным, что Российская академия не могла перевести «русский шрифт» и вместо этого обратилась к Российскому павильону, чтобы найти русских! Этот зловещий знак «варваров», занимающихся «варварским бизнесом», как и глупость развязного «умиротворения варваров» Гуандунской таможни, предвещал трагический конец цинской дипломатии за треть века до Опиумных войн. Трагический конец феодальной дипломатии становился все ближе и ближе.

10.7 Журнал переговоров

Визит русского корабля в Макао продолжался три месяца и двадцать дней, с 30 сентября 1805 года, когда «Надежда» бросила якорь в Макао, по 20 января 1806 года, когда был выпущен последний «указ». Период переговоров можно разделить на три этапа: инспекция (с 30 сентября по 25 ноября), освобождение судна (с 25 ноября по 21 декабря) и завершение дела (с 21 декабря по 20 января), причем этап «освобождения» представляет собой кульминацию инцидента.

Источниками этого журнала, помимо «Указа» в эпоху Цзяцина и мемориалов Янфэна и У Сюнгуана, являются главным образом записи о мореплавании капитанов Лушентона и Юншенова и коммерческие отчеты Шеммелина генеральному директору Российско-американской компании. Записи основаны на лунном календаре, для справки приводятся даты григорианского (первая позиция в скобках) и российского (вторая позиция в скобках) календарей.

Десятый год правления Цзяцина (1805)

30 сентября (11, 20-11, 8)

В 7 часов вечера «Лушентон», или «Надежда», прибыл на океанскую сторону Макао.

Первый день октября (11, 21-11, 9)

В 14:00 «Надежда» вошла в Танцзи для постановки на якорь.

2-й день октября (11, 22-11, 10)

Утром того же дня Лушентон отправился в офис правительства Макао, чтобы подать заявку на досмотр на «патрульное судно».

8 октября (11, 28-11, 16)

Гуандунский таможенный надзор Янфэн получает сообщение от комиссара таможенного управления Макао о прибытии одного из кораблей компании «Лушентон» в Макао.

13 октября (12, 3-11, 21)

Корабль Вэй Пен Чжи, «Нева», причаливает в Макао.

15 октября (12, 5-11, 23)

«Нева» вышла из Макао в Хуанпу в сопровождении Лушентона и других. «Надежда» стоит в Танцзи.

17 октября (12, 7-11, 25)

Гуандунский таможенный надзор получает сообщение от таможенных комиссаров Макао о прибытии груза «Хуэй Пэн Пэн» со шкурами и серебром.

18 октября (12, 8-11, 26)

В 2 часа ночи «Нева» прибыла в Хуанпу.

19 октября (12, 9-11, 27)

Лушентон прибывает в Гуанчжоу на лодке и останавливается в «общезитии для иностранцев» британского торговца Билла, чтобы составить план разгрузки груза.

21 октября (12, 11-11, 29)

Коммерческий представитель российско-американской компании на борту «Надежды» Шеммелин получает информацию от Лушентона в Хуанпу и поздно вечером прибывает в Гуанчжоу с манифестом.

24 октября (12, 14-12, 2)

Си Чэнхан отправляет баржу в Хуанпу в качестве «гаранта» для перевозки шкур и кожи.

27 октября (12, 17-12, 5)

Коммерческий представитель российско-американской компании «Нева» Коробкин прибывает в Гуанчжоу и совместно с Шеммелином выгружает груз в 11 часов вечера.

28 октября (12.18-12.6)

В 10:00 утра Янфэн, суперинтендант Гуандунской таможни, посетил Хуанпу, чтобы осмотреть «Неву».

29 октября (12, 19-12, 7)

Яньфэн сообщил, что русские корабли приходят в Кантон для торговли, и попросил разрешения на это.

Начало 2 ноября (12, 22-12, 10)

Два капитана российского судна совместно представляют «отчет И» в таможенный контроль провинции Гуандун, заявляя, что «Надежда» является грузовым, а не патрульным судном, и просят переместить его в Хуанпу.

5 ноября (12, 25-12, 13)

Новый Гуандунский таможенный надзор Акедана утверждает «Надежду» в качестве грузового судна и выгружает ее груз в Хуанпу.

В тот же день британский торговец Билл передает Шеммелину условие сделки, согласно которым половина покупной цены должна приходиться на чай.

7 ноября (12, 27-12, 15)

Две партии шкур от российской и американской компаний продаются на условиях, оговоренных купцами.

23 ноября (1, 11-12, 30)

Российские корабли активизировали погрузку возвращаемых грузов.

25 ноября (1, 14-1, 2)

Шеммелин просит датское торговое судно, возвращающееся в Европу из Гуанчжоу, привезти коммерческий отчет в Главное управление Российско-Американской компании.

3 декабря (1, 22-1, 10)

Российская сторона проинформирована о приостановке плавания «страховым торговцем» Ли Янь Юем.

6 декабря (1, 25-1, 13)

Первая встреча между британскими и российскими купцами и торговцами.

7 декабря (1, 26-1, 14)

Российская сторона подготовила отдельный «отчет» и попросила купца Лу Гуанхэна передать его начальнику Гуандунской таможни.

9 декабря (1, 28-1, 16)

Управление по военным делам направляет письмо У Сюнгуану, губернатору Гуандуна и Гуанси, с запросом о торговле русских кораблей в Гуандуне.

В тот же день Законодательный совет направляет в Тайный совет России консультативное письмо относительно российских кораблей, обвиняя их в нарушении старой системы.

13 декабря (2, 1-1, 20)

Вторая встреча между британскими и российскими купцами и торговцами.

14 декабря (2, 2-1, 21)

Генеральный купец Пань Юду (занимавший пост генерального купца в 60-м году правления Цяньлуна и умерший в первом году правления Даогуана) возглавляет группу из 13 купцов, которые умоляют начальника Гуандунской таможни выдать русским кораблям «красные карточки».

15 декабря (2, 3-1, 22)

Военное министерство направляет приказ У Сюнгуану, губернатору Гуандуна и Гуанси, о недопущении пребывания российских кораблей в Гуандуне.

В тот же день совет министров направил распоряжение о передаче бывшего начальника Гуандунской таможни Яньфэна на рассмотрение в министерство, а губернатора Гуандуна Сунь Юйтина — в министерство для проведения расследования.

17 декабря (2, 5-1, 24)

Акедана, Гуандунский таможенный надзор, отправился в Хуанпу, чтобы досмотреть российские корабли.

18 декабря (2, 6-1, 25)

У Сюнгуан, губернатор Гуандуна и Гуанси, дает разрешение русским кораблям отплыть обратно в Китай.

19 декабря (2, 7-1, 26)

У Сюнгуан приказывает освободить таможню и дает разрешение русским кораблям отплыть обратно.

21 декабря (2, 9-1, 28)

«Надежда» и «Нева» плывут из Хуанпу в Европу через Индийский океан из Южно-Китайского моря.

27 декабря (2, 15-2, 3)

У Сюнгуан и другие сообщают о русских кораблях, прибывающих в Гуандун для торговли, и просят министерство разобраться с ними.

В тот же день он также сообщил, что российским судам следует запретить торговать в будущем, чтобы соблюсти старую систему.

Одиннадцатый год правления Цзяцина (1806)

Четвертый день первого месяца (2,21-2,9)

Главная военная прокуратура вызвала бывшего начальника Гуандунской таможни Яньфэна для выяснения обстоятельств, при которых российским судам было позволено разгружать грузы без разрешения.

9-й день первого месяца (2, 26-2, 14)

Управление по военным делам направило приказ наместнику Лянгуна У Сюнгуану, губернатору Гуандуна и Гуанси и т.д.: если в Гуандун придут еще какие-либо русские корабли, следует строго-настрого приказать сбивать цены и не позволять торговать без разрешения.

20-й день первого месяца (3, 9-2, 25)

Совет министров получил указание императора: Яньфэн был отправлен в отставку, а У Сюнгуан, Сунь Юйтин и Акедана были назначены на заседание Министерства иностранных дел.

В тот же день Совет направил второе послание Тайному совету России по поводу инцидента с российским кораблем, в котором повторил, что следует соблюдать старую систему. Если бы они снова пришли торговать с Россией, Кяхтинский рынок был бы закрыт под санкции.

10.8 Заключение

Посещение Гуандуна российско-американскими кораблями «Надежда» и «Нева» для «пробной торговли» было организованной пробной кампанией царского правительства по «открытию рынка Гуанчжоу». Это была организованная пробная кампания царского правительства по «открытию рынка Гуанчжоу». Это давно запланированное расширение можно проследить как минимум до 1725 года (третий год правления Юнчжэна). В то время царский полномочный министр Савва, направленный в

Китай, получил следующее указание: «Необходимо исследовать город Гуанчжоу, так как из всех городов Китая именно в нем России легче всего вести торговлю».[234] Очевидно, что попытка распространить свою власть вдоль юго-восточного побережья Китая с целью захвата Гуанчжоу не была импровизированной прихотью Петра I (1682-1725) в его последние годы жизни, а была связана с превращением царской России из государства, не имеющего выхода к морю, в морскую империю в XVIII веке и определялась изменением политики от системы территориальных посягательств к системе глобальной агрессии.[235]

Год прибытия русских кораблей был временем Наполеоновских войн, менее чем через два года после создания франко-русского союза (Тильзитский мирный договор от 7 июля 1807 года). Тот факт, что царское правительство, уже охваченное путаницей «войны и мира», все еще думало об отправке кораблей в кругосветное путешествие через Гуанчжоу, показывает, что, хотя его планы мирового господства были сосредоточены на Европе, его планы экспансии на восток не были оставлены без внимания ни на минуту.

Российско-британские отношения в 1805-1806 годах создали благоприятную ситуацию для прибытия в Кантон: царское правительство еще не присоединилось к «Континентальной системе», и оно, и Великобритания были союзниками в Третьем европейском антифранцузском союзе, а капитаны русских кораблей имели личные связи с «управляющим» в Гуандуне. Таким образом, российско-американская компания смогла использовать коммерческий авторитет британской Ост-Индской компании в Гуанчжоу для неоднократного воздействия на купцов Тринадцати Домов и, при непосредственном «руководстве» британских купцов, смогла преодолеть маршрут от пункта «осмотра и разгрузки» до пункта «разгрузки».

Перед лицом совместных действий двух колониальных компаний причудливые «Тринадцать домов» оказались во власти других. Слабость гуанчжоуских купцов коренилась в их собственном феодализме, и их упадок был неизбежен. Очевидно, что «упадок системы публичных домов на самом деле указывает на несоответствие между уровнем китайской экономики с ее низким уровнем «внутренней» промышленности и накопления капитала и уровнем быстро развивающейся британской экономики в эпоху, обычно называемую «промышленной революцией». «Диспропорция между уровнем китайской экономики, которая находилась на низком уровне «внутренней» промышленности и накопления капитала, и уровнем быстро развивающейся британской экономики в эпоху того, что принято

называть «промышленной революцией».[236] После Опиумной войны купеческая система в Гуанчжоу пришла в упадок и была окончательно упразднена Нанкинским договором в его пятом пункте.

Упорство цинского правительства в настаивании на «Старого закона» привело к открытому сдерживанию царской России в порту Гуанчжоу. Это не устранило его попытки расширяться, но заставило его изменить свою деятельность с отправки русских судов на «отправку иностранных судов в Кантон с товарами для торговли» («Географическое описание заморских государств», том 83, в разделе «Готовый сборник зарубежных ситуаций. 2 мая 1812 года (Цзяцин 17) Российско-американская компания и Американская пушная компания (основанная в 1808 году богатым нью-йоркским купцом Эстером) подписали в Петербурге торговое соглашение, пятая часть которого обязывала последнюю перевозить русские меха на каждом судне, приходящем в Гуандун, и поручать своим агентам продавать и выкупать парусные товары в Гуанчжоу.[237] С появлением этой так называемой «инсинуационной торговли» («Вся история подготовки варварских дел», Синью, 28 августа года Даогуана) русские товары продолжали наводнять южнокитайский рынок и без русских кораблей. С этого момента отношения между царской Россией и портом Гуанчжоу династии Цин вступили в новый и деликатный период «явного запрета и неявного общения».

Глава 11

«Четыре удивительных рассказа» Пояснение к Петербургской летописи

В 1712 году (51 год правления Канси) Петр I перенес столицу России из Москвы во вновь построенный Санкт-Петербург. «Перенеся столицу, Петр заявил о своем намерении использовать Запад для влияния на Восток и соседние страны».[238] С тех пор Петербург стал дистанционным центром экспансии на восток сменяющих друг друга царей.

В литературе династии Цин встречается множество переводов русской столицы Петербурга: «На квадратной карте написано Петроград, на китайской карте написано Санпитесбург, в «изучении карты мира» — Санпитербурск, в одной — Петербург, в другой — это Санпетербург. (Ду Цзунъюй: «Транслитерация разных имен Инь Хуаня», том 2) Эти различные переводы постепенно стали унифицированными в период Гуансюй. Книга «Четыре удивительных рассказа», написанная Чжан Дэи сто лет назад, уже использовала современный перевод слова «Петербург».

«Четыре удивительных рассказа» гораздо ценнее, чем аналогичные произведения в современных русских заметках. Автор Чжан Дэи, персонажи которого находятся в начале, инкрустирован желтым флагом ханьской армии. Окончил английский класс в Тунвэньгуане в Пекине, его научное имя — Деминг, и ему присвоен девятый ранг чиновника. На пятом году правления Тунчжи (1866 г.) он был награжден цинским двором диндаем шестого ранга, вместе с Бинь Чунем совершил поездку в Европу и впервые посетил Россию. На седьмом году правления Тунчжи (1868 г.) он в качестве атташе Чжи Ганя посетил одиннадцать стран Европы и США и во второй раз отправился в Россию. На втором году правления Гуансюя (1876 г.) Чжан Дэи был отправлен в Лондон в качестве переводчика третьего класса Го Цюнтао, министром в Англии. На четвертом году правления Гуансюя (1878 г.) Чун Хоу отправился в Россию для ведения переговоров в Или в сопровождении Чжан Дэи, посланного переводчиком второго класса в посольстве. Считая с восьмого декабря четвертого года правления Гуансюй до шестого числа первого месяца шестого года, Чжан Дэи прожил в Петербурге 13 месяцев. В томах с 11 по 15 «Четыре удивительных рассказа» записано то, что мы видели и слышали в этот период.

Чжан Дэи трижды посещал Россию до и после. Он хорошо знал английский язык, обладал дипломатическим опытом и не был столь высокомерен, как ученики Восьмого знамени, поэтому он был в состоянии исследовать иностранные ландшафты и записывать все, что слышал. Широта и глубина его наблюдений несравнима с теми, что были в его предыдущих книгах «Записки экипажа» и «Записки о первой миссии на Западе». В своем труде он не только приводит некоторые конкретные эпизоды дипломатической деятельности миссии Чун Хоу, но и дает представление о социальной жизни Петербурга 1870-х годов. Именно в «Четырех удивительных рассказах» Чжан Дэи взгляд династии Цин на Россию нашел свое наиболее конкретное и яркое выражение. Таким образом, хотя это всего лишь случайный и личный рассказ, он все же является культурно

значимым.

11.1 Изменения в резиденции миссии Чун Хоу

Миссия была создана по «особому распоряжению» Гуансюя. Кроме него самого, в ней было два советника, четыре переводчика, четыре атташе, два переводчика-стажера, два министра и три военных чиновника, всего 18 человек. Резиденция миссии в Петербурге менялась три раза.

В восьмой день двенадцатого месяца четвертого года правления Гуансюя Чун Хоу и его партия прибыли в Петербург поездом из Берлина. Они остановились в следующем жилье: «Когда мы пришли на улицу Михайлова, мы вошли в отель Дуров. Здание имеет четыре этажа и тысячу комнат. Здание из железных балок и камня, но построено не очень хорошо». Отель «Дуров» на улице Михайлова был одним из самых роскошных зданий в Петербурге в те дни. Согласно статистике 1881 года, 19% домов в Петербурге были одноэтажными, 42% — двухэтажными, 39% — трех-четырёхэтажными, а выше пяти этажей строить не разрешалось, чтобы не превышать высоту Зимнего дворца царя, которая составляла 11 саженей (около 23½ метров).[239] Утверждение Чжан Дэи о том, что «высота зданий в российской столице варьировалась от пяти до шести или семи этажей», явно является ошибкой, вероятно, из-за того, что декоративные здания также считались этажами. Таким образом, хотя «Дуров» был высотой всего в четыре этажа, он все равно был «большим магазином». Миссия прожила в этой временной квартире девятнадцать дней (с восьмого по двадцать шестое число), в основном для того, чтобы подготовиться к представлению Государственных документов и начать процесс аренды новой квартиры, прежде чем приступить к этапу переговоров по Или.

С 27 декабря Чун Хоу и другие переехали в официальную резиденцию миссии: «название здания - Английская набережная», «здание номер 68, двухэтажное, с 29 комнатами», с арендной платой в 6 000 рублей за шесть месяцев, плюс 1 000 на отделку и ремонт, и с собственными занавесками и палатками, что представляло собой весьма впечатляющее зрелище. Так называемая «Английская набережная», которую Чжан Дэи ошибочно перевел как «Английская дамба», на самом деле была «Англо-германской набережной» на юге Невы (Местное название — Английская Набережная, которая после Октябрьской революции была переименована в «Набережную Красного Флота»). Здания в этом районе были построены в основном по образцу итальянских). Большинство зданий в этом районе имитируют архитектурный стиль Флоренции эпохи итальянского Возрождения, и квартира № 68, которую арендует Чун Хоу,

относится к этой категории. Он располагался к западу от Эрмитажа и имел ряд близлежащих резиденций, таких как: «№ 54 на этой улице, особняк князя Кочубея»; «№ 48 на этой улице, дом князей Долгоруких» и др. Одним словом, новые апартаменты миссии располагались в благородном районе Петербург. Именно в обстановке шика и гламура Чун Хоу осуществил свою унижительную дипломатию. После вручения верительных грамот царю Александру II 28 числа, Чун Хоу был занят политическими и деловыми делами до начала марта следующего года, когда он начал «переговоры» со своим переговорщиком Буцером по вопросу Или. На момент проведения первых десяти переговоров резиденция миссии все еще находилась по адресу Англо-Германский пролив, 68. С 22 мая истек срок первоначальной аренды, и миссия переехала в № 64, вторые ворота Восточной пустыни, двухэтажное здание на 31 комнату с годовой арендной платой 6 300 рублей. Переговоры с 11 по 31 число между Чун Хоу и Буцером, и даже поездка в Ривайю на Черном море для составления соглашения — все это произошло после переезда в здание 64. После подписания договора Чун Хоу покинул Петербург 26 августа и вернулся в Китай, а его пост занял первый советник миссии Шао Юйлянь, квартира которого осталась без изменений.

Персонал цинской миссии нанимался на месте и состоял из «четырёхколёсной повозки с двумя лошадьми, носильщика, двух платных подметальщиков и последователя». У них была уникальная привычка «выпрашивать» вознаграждение. В день, когда Чун Хоу вручил свои верительные грамоты, «после возвращения из дворца извозчики, привратники и военные чиновники пришли просить вознаграждения, и им дали по 100 рублей. Это был единственный обычай в России!

11.2 Ветер цареубийства

В годы Чун Хоу посетил в Россию, в Петербурге продолжали происходить случаи убийства царя. В 1879 году Народная партия, отколовшаяся от Партии земли и свободы, была популистской террористической группой, которая рассматривала убийство царя как революцию. Многочисленные сцены расправы над песком, в которых члены партии, поодиночке или группами, рискуют быть повешенными, поистине захватывают дух.

Статья «Четвертый день третьего месяца пятого года правления Гуансюя (1879)» в 12 томе «Четырёх удивительных рассказов» гласит:

Недавно россияне создали новую партию, намереваясь изменить государственное управление. В столице России существует

Великий губернатор, который руководит патрулированием уезда Тунчэн и защищает кланов и дворян Фуджи. Месяц назад российский император получил анонимную записку со словами: «Если вы не убьете, то убьют вас». Вчера днем нынешний Великий губернатор Дай Лунтан ехал в машине по Большому саду слева от дворца, когда с противоположной стороны внезапно подъехала машина и открыла огонь из огнестрельного оружия.

В статье говорится, что двадцать третьего числа того же месяца наемный убийца, переодетый в форму чиновника, совершил покушение на жизнь человека.

В начале дня прозвучало три пушечных выстрела. Мне сообщили, что российский император совершает предварительный визит в правую часть дворца и что два полицейских были посланы тайно охранять его. По дороге он встретил человека в официальной одежде, лет тридцати, который вошел и поклонился без шляпы, на что российский император ответил, придерживая шляпу правой рукой, видя, что тот выглядит подозрительно.

Убийца находился в «императорском саду» среди бела дня, согласно «началу шестого месяца», в девятом часу. Александр II, который был настолько могущественным, фактически превратился в хищную птицу. В статье «Високосный пятый день третьего месяца» также говорится:

За несколько дней до этого российский император нашел во дворце анонимную записку, в которой говорилось: «Ты не должен совершать последнее убийство накануне, ибо, хотя ты и уедешь в другую страну, ты не будешь удовлетворен; и не только ты убьешь себя, но и другие высокопоставленные лица, находящиеся у власти, будут убиты».

Как видно из приведенной выше цитаты, в течение одного месяца популисты трижды оспаривали голову царя, и неудивительно, что ситуация в Петербурге была нестабильной в то время, когда сантименты были в порядке вещей. Человек лет тридцати, который выстрелил из пистолета в Императорском саду, был известный революционер-популист А.К. Соловьев, который был арестован и повешен в январе. С августа 1878 года по декабрь 1879 года Петербургский военный суд казнил 19 цареубийц.

Репрессии Александра II против цареубийственной культуры не могли не затронуть простых граждан. По словам Чжан Дэи, «констебли на улицах и офицеры этого офиса постоянно посещали их, арестовывали и сажали в тюрьму всех, кто говорил о государственных делах или чей вид был подозрительным».

Царь, который все еще находился в состоянии шока, даже сам организовал сеть арестов по всему городу.

Он приказал всем семьям в городе нанять людей для охраны ворот и попросить их приходить и уходить в любое время дня и ночи, и каждый день докладывать властям. В случае беды они должны были трубить в рог и собирать толпу на помощь патрулю. Тот, кто не наймет охранника, будет оштрафован на 500 рублей в первый раз; если он не наймет его снова, то будет оштрафован на 1 000; если он не наймет его даже в третий раз, то будет заключен в тюрьму на полмесяца.

Отсюда ясно, что в Петербурге было установлено всеобъемлющее полицейское правление. Ситуация, свидетелем которой стал Чжан Дэи, в дальнейшем становилась все более напряженной. Согласно официальным данным, в 1881 году (седьмой год правления Гуансюя) соотношение полицейских и жителей Петербурга составляло 1 к 531; к 1900 году (двадцать шестой год правления Гуансюя) оно выросло до 1 к 298.[240] Другими словами, за двадцать лет число констеблей в столице почти удвоилось.[241] Эти факты полностью подтверждают утверждение Ленина:

«Царская диктатура — это полицейская диктатура». (Для сельской бедноты).

11.3 Тайные дела Эрмитажа и служебный скандал

Поскольку резиденция миссии Чун Хоу находилась в дворянском районе Петербурга, а сам Чжан Дэи имел пристрастие к «удивительным рассказам», было неизбежно, что тайные дела дворца и служебные скандалы поздней династии Романовых будут «записаны здесь».

Неудивительно, что Чжан Дэи был так удивлен, узнав, что у этого деспотичного тирана хватило ума преследовать женщин, трех «сестер» Петербурга, в то время, когда партия общественного мнения активизировала свой заговор с целью убийства Александра II. Инцидент произошел недалеко от резиденции миссии Чун Хоу.

В доме № 48 на улице жил князь Долгорукий, у которого было три дочери. Старшая и вторая дочери когда-то были любимцами российского императора и были выданы замуж за других. Третья дочь уже была любовницей российского императора. В доме было двое ворот, одни из которых охранялись констеблем, но только когда император приходил, чтобы открыть их. Императрица России находится в Италии, оправляясь от болезни, и в последнее время, возможно, из-за

этого стала более болезненной.

Семья Долгоруких упоминается в тексте как Долгоругие. Князь В.А. Долгоруков (1804-1868) был главой царской «Третьей палаты» и начальником петербургской жандармерии с 1856 года, входил в ближайшее окружение Александра II. Открытая тайна о том, что дочь любовницей своего господина, была настолько хорошо известна в Петербурге, что Чжан Дэи смог «услышать» об этом и записать в своем дневнике 25 ноября 1879 года. 24 декабря он писал: «Императрица России очень больна и находится в критическом состоянии. Он послал за ней карету из Франции, и она приехала в начале дня». Императрица умерла вскоре после возвращения в Петербург. Александр II, который был уже в зрелом возрасте (родился в 1818 году) и имел много детей (пять сыновей и одну дочь), женился на третьей дочери князя, Долгорукой. Медовый месяц царя, однако, был тесно связан с его смертью: 1 марта 1881 года (13 марта по григорианскому календарю) Александр II был заколот ножом.

Эрмитаж, с его роскошным внешним видом и грязным внутренним убранством, действительно являл собой разительный контраст. Чжан Дэи также «рассказал» о другом «удивительном случае» в Эрмитаже:

Говорят, что Борис Луанчай, главный охранник дворца, одолжил бывшему батальонному офицеру Урасову 5 000 рублей, которые должны были быть полностью возвращены 31 мая по российскому календарю. В тот день Борис пришел в дом Ву, сел и попросил служанку спуститься вниз и принести лимонад, чтобы попить. Когда служанка ушла, Борис достал острый нож и ударил Урасова, но он был ранен. Когда подоспела горничная, она также была зарезана. Позже он вскрыл шкаф с деньгами и украл все без ведома всех. На следующий день кто-то узнал о краже и сообщил в полицию.

Если это верно в отношении внутреннего двора, то как насчет внешнего? Скандалы в чиновничьем аппарате Петербурга также изобиловали. Возьмем, к примеру, только один из этих офисов.

В России существует официальная канцелярия, называемая Сеньориальной канцелярией, в которой есть три главных чиновника, управляющих сеньориальными титулами и названиями титулов, принадлежащих каждому из них. Три месяца назад выяснили, сумма убытка 500 тысяч рублей. Один из них сбежал, а другой покончил с собой, но его имя неизвестно. Один из них, бывший министр кабинета министров, заявил, что сошел с ума, и был помещен в больницу для лечения, но он не действует уже 100 дней. Позже ему было приказано вернуться в родной

город, а огромная сумма денег, которую он потерял, осталась без присмотра.

Удивительно, что такое крупное дело о растрате не было до конца раскрыто. Из этого видно, что чиновники защищают друг друга в правительственных учреждениях.

Одним словом, могущественная клика, возглавляемая Александром II, ознаменовала новый этап коррупции в династии Романовых. Под их кнутом «налоги в российской столице были так велики, что ничего не оставалось необложенным», и не было никаких правил, поэтому они делали все, что хотели. Согласно сообщению «25 сентября 5-го года правления Гуансюя», на днях русский обокрал винный магазин.

На днях один русский украл из ресторана готовую курицу, был пойман чиновником и признался, что был голоден и ничего не мог поделаться. Он был приговорен к тринадцати месяцам тюремного заключения.

Странное дело: гражданин, укравший курицу, потому что был голоден, был приговорен к 13 месяцам тюрьмы, а кабинетному министру, задолжавшему 500 000 рублей, было приказано вернуться в родной город. Было ясно, какие интересы защищали царские законы.

11.4 Православные обряды и обычаи

В середине XIX века, с установлением царской гегемонии в Европе, Петербург стал новым «городом Бога» православного мира. Из рассказа Чжан Дэи о православных ритуалах становится ясно, что русская церковь имела ярко выраженный официальный характер и сильно отличалась от западной.

Русская религия — старокатолицизм. Эта религия несколько отличается от католической и христианской религий других стран, поэтому ее называют Старой Церковью, или Восточной Церковью, так как она возникла на Востоке (в Греции). Во всех странах королем является Папа Римский. У священника длинная борода, он носит рясу с широкими рукавами, похожую на желтую корону Среднего царства. Во-вторых, православные церкви, как государственная церковь, отличались большими суммами денег, которые они получали из «официального» кошелька.

Общее число церквей в России составляло более 29 000, с 500 высокими и величественными церквями и 70 000 священников. Общее число священников составляло 70 000 человек. Снаружи церквей было пятьсот пятьдесят человек, внутри — 480 мужчин и 70 женщин. Во время правления бывших российских

императоров Петра I и Кассарина II из государственной казны выплачивались огромные суммы денег. В последнее время, за исключением церквей в южных городах Пекина (Москве и Петербурге) и в крупных городах, которые все еще находятся в соответствии с предыдущей главой, остальные были спасены и возвращены государству.

Русские православные церкви были пустой тратой денег, примером чему служит «Исааки собор» (или «Исаакиевский собор»), который посетил Чжан Дэи. Собор, который первоначально выполнял двойную функцию — палаты совета и молитвенного дома, назывался «собор» и не был обычной церковью, «стоил 23 миллиона рублей, имел высоту 47 футов, окружность 100 футов и два лазуритовых столба на фасаде стоимостью 4 000 рублей». Число мужчин и женщин в монастыре, а не число монахов и монахинь — вот что подразумевается под «живущими вне монастыря». Петербург был «святой» российской столицей, с многочисленным духовенством. Соотношение духовенства и жителей города составляло 1 к 413 в 1869 году (восьмой год правления императора Тунчжи), выросло до 1 к 371 в 1881 году (седьмой год правления Гуансюя) и достигло 1 к 283 в 1890 году (шестнадцатый год правления Гуансюя).[242] В социальной сфере они отвечали за рождение, браки и похороны людей и были всепроникающими. Неудивительно, что в произведениях Чжан Дэи весь Петербург пронизан религиозной атмосферой. В качестве доказательства приводятся два примера.

Каждый раз, когда строится здание, устанавливают деревянный шест с крестом на нем в надежде, что Бог защитит строителя от риска падения.

Другим примером может служить следующее.

В российской столице у входа в магазины висит множество портретов Владыки Небес. Статуи нарисованы на шелке, позолочены со всех сторон медью и доведены до блеска, а боковые стороны либо медные, либо деревянные, все шириной два-три дюйма. Крупные достигают двух футов в длину и полутора футов в ширину; мелкие — одного фута в длину и восьми-девяти дюймов в ширину. Мужчины, женщины и дети, посвятившие себя поклонению Будде, должны пройти без своих корон и сделать крест пальцами на левом и правом плече и на груди. В углу каждого дома также висит, как и в китайских семьях, поклонявшихся порядку богов, лампа с вечным топливом днем и ночью.

Подробный рассказ Чжан Дэи является ценным источником информации для понимания религиозизации российской

общественной жизни в XIX веке. Что касается его сравнения «повешения статуи Бога» с «поклонением Владыке Неба» и суевериями «русской столицы» и «китайской земли», то оно несколько натянуто. То же самое ищут в суеверии о «русской столице» и «Срединном царстве», что несовместимо.

11.5 Групповой образ рабочих

Во время пребывания в Петербурге круг общения Чжан Дэи в основном ограничивался высшими классами, и он был очень сильно удален от рабочего класса из низов. В этом отношении его наблюдения неизбежно носят отрывочный характер, но, тем не менее, они являются интуитивной записью.

(1) Извозчик. «Правила для транспортных средств в российской столице несколько отличаются от правил в Англии и Франции. Всю ночь на рынках стояли очереди, а когда они хотели спать, то садились в свои повозки и ложились спать с лошадью. Неважно зимой или летом, они все носили длинную одежду. Были простые извозчики, которым всего 14 или 15 лет, но были и много богатых с толстыми лицами и бородами. (Том 14) Также: «Российские императорские особы из-за высокого воротника и низкого ободка своих шляп сбривали волосы на два дюйма. Цвет одежды имперских чиновников был во многом таким же, как у англичан и французов. Остальные, хотя и летом, все еще носили длинные пальто на войлочной подкладке с большими воротниками и узкими рукавами, и только у них был свободный доступ к бархатным шляпам и кожаным сапогам». (Том 13)

(2) Каменщик. «Русские каменщики работали овальными лопатами, окруженными кругом из жести. Один из-за мягкости земли, другой из-за того, что Россия не производит железа, все из Великобритании и США, поэтому медь дешевая, а железо дорогое. (том 13)

(3) Снегоуборщик. «Фундаменты российских зданий развиты немного больше, чем в Англии, и внутри много дворов. В зимние месяцы, когда снег убирали каждый день, правительство нанимало большую снегоуборочную машину на одной лошади и двух людей с лопатами, чтобы возить его к реке за городом. Этот снегоград был похож на грубое дерево, по форме напоминали ведро, но были длинными и квадратными, а его высота превышала семь футов». (Том 11).

(4) Разнорабочие: «Многие домохозяйства в России нанимают разнорабочих для мытья полов, вытирания пыли в доме, черпания воды, зажигания ламп, переноски зарплаты и чистки лестниц. Зимой и летом все они носили большие красные суконные толстовки и персиково-красные суконные

однорукавки, без шапок на голове и в кожаных сапогах. Когда было очень холодно, они выходили на улицу и надевали кожаную одежду». (Том 13).

(5) Продавцы меда: «На улицах и в переулках стояли продавцы меда с толстыми лотками из ивового дерева, с вогнутой серединой и деревянной доской сверху, с медовыми блоками сверху и медовой водой снизу, с деревянной ложкой, за несколько медных таэлей. Вкус очень сладкий». (Том 13) «Увидев кого-то или отдыхая, становится на колени на одну ногу и кладет тарелку на колено». (Том 12).

(6) Продавцы фруктов: «На рынке есть те, кто продает апельсины и яблоки на прямоугольных деревянных лотках. Большинство работников в каждой из этих категорий заняты в сфере услуг. Значительное число этих людей составляли крестьяне, приехавшие в город после отмены крепостного права в 1861 году (одиннадцатый год правления Сяньфэна). Согласно опросу, проведенному в 1900 году, из 1,4 миллиона жителей Петербурга 710 000 крестьян были выходцами из 53 губерний.[243] Они не имели специальных навыков и вынуждены были зарабатывать на жизнь ручным трудом или мелким бизнесом, живя в унижении и деградации.

11.6 Казаки

Чжан Дэи наблюдал за скачками казаков в Петербурге и встретил двух других «вождей лошадей». В результате он включил в свой рассказ таких отличительных, «храбрых и хороших всадников».

В литературе династии Цин редко можно встретить такой подробный рассказ о казаках, как в «Четырех удивительных рассказах». Как упоминалось ранее, казаки, как военная колониальная сила, были авангардом экспансии России на восток и составляли основную часть так называемых «ракшасов». Очень важно понять его происхождение и эволюцию. Следующие отрывки скопированы и слегка аннотированы для пользы знания.

На юге, юго-востоке и юго-западе страны, вблизи Турции, Черного моря и татар, жил другой вид храбрых и хороших всадников, обычно называемых казахами (казаками), желто-черного цвета, которые больше походили на монголов и уйгуров. Эти люди были выбраны из восьми провинций, каждая из которых имела определенное количество мужчин, и были обучены, чтобы в случае необходимости их обучать. В центре — две основные провинции: кубанец, специализирующийся на одной команде, — императорская гвардия для экспедиции; и

Траккер, специализирующийся на одной команде, — императорская гвардия в мирное время. Они были не похожи на монгольских китайцев или американских негров, а являлись своего рода скитальцами, и государство не взимал с них налог. Было три класса: первый — для молодых солдат, которые учились с десяти до двадцати лет; второй — для мужчин, которые служили в армии двадцать пять лет, и им разрешалось вернуться к себе домой до сорока двух лет; третий — для тех, кто был вне лагеря пять лет и ждали перевода, и их отстраняли от армии только до сорока семи лет, и они освобождались от всего. Когда они находились в лагере, им выдавали военную одежду и снаряжение, а также платили за питание и провизию; когда они выезжали из лагеря, им платили лишь небольшую зарплату. Государство не собирало налогов с кочевников южной границы, казахов (донских казаков), и ежегодно выдавало сиротам и вдовам беженцев премию. Казахи (казаки) насчитывали восемьсот пятнадцать тысяч человек и 129 000 солдат. В районе Черного моря, например, было 125 000 человек и 18 000 солдат. Со стороны Кавказа было 150 000 человек и 8 000 солдат. Тунхасак (казаки реки Дон) насчитывал 440 000 человек и 66 000 солдат. Ерахасак (уральские казаки) насчитывал 60 000 человек и 10 000 солдат. Оренбургские казаки насчитывали 60 000 человек и 10 000 солдат. Сибирские казаки насчитывали 50 000 человек и 9 000 солдат.

Важность казаков как источника царских войск видна из этого рассказа. Однако следует пересмотреть, что казаки 1870-х годов, после трех столетий дифференциации и реорганизации, уже не могли считаться «кочевниками». Как отмечал Ленин в своей статье «Русская революция и гражданская война»: «Что касается казачества, то оно представляло собой сословие зажиточных, мелких и средних землевладельцев (средние землевладельцы имели около 50 акров земли) в пограничных областях России, сохранивших особенно много средневековых черт быта, хозяйства и обычаев. Здесь мы видим социальные основы русского ванди (богатого крестьянина французского типа)».[244]

11.7 Театры и артисты эстрады

Театральная жизнь Петербурга в 1870-х годах была сосредоточена в четырех крупных театрах.

В российской столице было четыре театра, самый большой из которых назывался «Балисай» и специализировался на франкоязычном и итальянском театре; «Малинский» — на русском театре; «Александр» — на немецком и русском театре; «Михайлов» — на немецком и французском театре.

Так называемый «Балисай», или «Большой Театр», был королевским театром со специальной королевской ложей на верхнем этаже. «Театр был очень большой, в том же стиле, что и английский, и французский, за исключением того, что в середине первого этажа есть большая открытая комната, в передней части которой стоят более тридцати красных кресел, расположенных в три ряда, а в задней части здания находится витрина с зеркалами, великолепная и аккуратная. Слева и справа расположены пятнадцать небольших бочек, каждая из которых рассчитана на шесть человек. Весь внутренний двор может вместить более 5 000 человек. Чжан Дэи видел здесь балет, но не запомнил название спектакля. Только шестнадцать лет спустя, в 1895 году, когда Ван Чжичунь был с миссией в России, он впервые перевел «Лебединое озеро» как «Хун Чи» и прокомментировал. «Пьеса представляет мальчика, полюбившего девушку-гусыню, а птицы-демоны ревнуют ее, с ослепительным звуком и светом, и отменной волей». («Русские наброски», том 3).

«Малинский», или Мариинский Театр, нынешний Театр оперы и балета имени Кирова. «Он расположен напротив Большого театра, снаружи немного теснее, но внутри очень просторный, с большой декорацией перед сценой, залом первого класса на верхнем этаже, с местом для шести человек в каждом, и креслами сзади, чтобы люди могли отдохнуть. Хотя зал, в котором он проходит, небольшой, он также украшен и обставлен великолепно и аккуратно». Правильно говорить, что театр «большой с точки зрения бассейна перед сценой», так как в нем в общей сложности 1600 мест, включая места у бассейна и пять купе.[245] Опера, которую Чжан Дэи пришел посмотреть здесь, была «Иван Сусанин», знаменитая опера, написанная Глинкой.

«Александр», или Александринский Театр, в настоящее время является театром имени Пушкина. Улица Нева — это процветающий торговый район. Знаменитый чайный магазин «Золотой дракон» находился в доме № 5 по Невской улице. Самой продаваемой пьесой того времени была «Гроза» Островского, которая была сыграна 96 раз до 1881 года.[246]

«Михайлов», или Михайловский Театр, был «небольшим зданием, но французская опера все равно была очень привлекательной».

Во время своего 13-месячного пребывания в Петербурге Чжан Дэи посетил в общей сложности 14 спектаклей, из которых восемь были представлены в «Большом театре» и по два в каждом из трех других домов. Бывая в театрах и выходя из них, он также обращал внимание на некоторые дурные привычки в театральной жизни Петербурга.

Во-первых, зарабатывание денег на ложах: «Каждую весну каждый театр будет спрашивать богатых и влиятельных людей каждой страны и самой страны, не хотят ли они снять комнату, и если да, то они будут платить более тысячи долларов в год, которые будут выплачены в течение 14 дней. Если вы не можете посетить спектакль в определенный день, вы можете отправить письмо рано утром, и владелец парка перепродает билеты и разделит три четверти стоимости спектакля с арендатором. Всякий раз, когда в театре появляется известный актер или новая пьеса, цена на билеты повышается в тот же день. В этом году, кроме походов в театр, были люди, которые получали прибыль. Так принято только в России и Пекине. (том 14)

Во-вторых, спекуляция на билетах: «По данным зарубежных театров, те, кто хочет пойти в театр, должны покупать билеты заранее или, когда пораньше. А в России есть пакет для покупки билетов, цена чуть дороже, каждый раз новый и разный спектакль, знаменитые роли, свои люди особенно выгодны.» (том 14).

Что касается жизни артистов, Чжан Дэи описывает только положение артистов балета, и, хотя текст краток, он уже охватывает такие важные аспекты, как их происхождение, учеба и ценность работы. Ниже приводится его текст:

Правительство построило все театры в России, и правительство ими руководило. Все балерины — бедные девочки, которые попадают в театр в возрасте четырех или пяти лет, где им дают еду и одежду. Если они будут успешно учиться, их примут, и стоимость их работы будет оплачена государством, но если они захотят покинуть театр, то они могут сделать это только в конце года. (Том 11)

Эта «старая история» из Петербурга показывает, что, несмотря на славу русского балетного искусства в 1870-х годах (Чайковский завершил музыкальную композицию «Лебединого озера» в 1876 году), балетные «бедные девочки» еще не были свободны от подневольной «актрисы».[247] Они были просто группой «лебедей» под «официальной властью»!

В целом, хотя описание Петербурга в «Четырех удивительных рассказах» ограничивается поздними годами царствования Александра II, оно все же имеет важное документальное значение. Это эпоха политического кризиса, когда «мрачные тучи окутывают город, и город хочет быть разрушенным», а Россия является воплощением России. Поэтому упомянутая Чжан Дэи «дива» весьма поучительна для понимания «загадочной России» (изречение русского поэта Некрасова в XIX веке).

Глава 12

Врачебная практика и научная деятельность «Цинь Хуаня» российского павильона

Давно известно, что иезуиты, попавшие в Китай во времена династии Цин и занимавшиеся врачебной практикой при дворе, такие как Фань Цзисюнь и Ло Хуайчжун, были записаны в «Священной исповеди». Что касается связи между русскими врачами в Пекине и династией Цин и их врачебной практикой, то литература слишком отрывочна, чтобы ее можно было легко исследовать. Этот раздел — лишь один из результатов моего личного исследования истории российско-китайских культурных отношений. Он предназначен для сбора и редактирования недостающих фрагментов. В книге Хэ Цютао «Шуофан бэйчэн», том 40, «Русская библиотека», есть поразительный рассказ:

Ван Шоутун из Гаю сказал: когда-то И Хуэй познакомился со студентом из российского казенного училища благодаря сыну Чжана бэйлэ (прим. переводчика – бэйлэ употр. в титулах маньчжуров и монголов, состоящих в родстве с царствующим домом цинской династии). Имя ученика никому не было известно в стране, но поскольку он был хорошим врачом, его прозвали «Цинь Хуань». Он знал китайский язык, и всякий раз, и каждый раз когда приходил ко двору, чтобы получить аудиенцию, он держал именную табличку с надписью «Цинь Хуань».

Вышеизложенная информация была раскрыта в «дневнике Го Сунтао» в 7-й день 11-го месяца 8-го года эпохи Сяньфэн (прим. переводчика – «всеобщее изобилие» — девиз правления императора династии Цин, собственное имя Ичжу (1851 – 1861)), о чем рассказывается более подробно. Ван Шоутун (1804-1852), известный как Цзижу и Цзылань, был сыном Ван Иньчжи, профессора филологии династии Цин, жизнь которого подробно описана в «Шести листах клана Ван из Гаю, сборнике мемориальных записей» в шестом томе «Деяния покойного Цзыланя». В 1829 году И Хуэй познакомился с «Цинь Хуанем» и посетил Российский павильон («Южный павильон» на Западной улице моста Юхэ), где услышал и увидел то, что

не было записано Хэ Цютао (прим. переводчика — 1824—1862, китайский чиновник и ученый):

Он сказал, что белое золото, производимое в России, ничем не отличается от китайского серебра. Когда его спросили, как их определить, он ответил: «Квадратный дюйм серебра весит пять таэлей, квадратный дюйм золота весит шестнадцать таэлей, а квадратный дюйм белого золота весит двадцать один таэль. Также добавил, что в его стране говорят о золоте и камне, но чтобы использовать их для изготовления инструментов и лечения болезней, необходимо указать их месторождения и какова природа определенного вида руды.

В прежние времена здесь были две статуи, которые висели на стенах российского павильона, покрытые стеклом, одна из которых была статуей Небесного Владыки (прим. переводчика – бог, особенно в канонах римско-католической церкви), а другая — Владыки России (прим. переводчика – царь, государь), а на них был западный стиль одежды.

Здесь стоит отметить два момента, во-первых, литургические вопросы. Сопоставление двух фигур Господа и Царя в российском павильоне объясняется тем, что православная церковь является государственной, а царь почитается как «Верховный патриарх».[248] Во-вторых, вопрос о почетном звании. Цинь Хуань был известным врачом царства Цинь в период Весны и Осени. Классическая фраза «больной до смерти» взята из его врачебных случаев. Нет необходимости приводить статью «Десять лет Чэнгуну» из 26-го тома «Историческая хроника истинного значения Цзо-чжуань», где приводится полный перечень его дел. Можно предположить, что человек, которого И Хуэй представил Ван Шоутуну и который был известен как «Цинь Хуань», не был обычным «русским официальным студентом». При династии Цинь в число «официальных учеников» российского павильона входил весь светский персонал, кроме лам (прим. переводчика – духовный последователь ламаизма, формы позднего тибетского буддизма, например, Далай-лама).[249] Одним из тех, кто мог бы претендовать на звание «опытного врача», был врач, работавший в российском миссионерском обществе в Пекине. После установления его конкретной личности вопрос «незнания его имени в другой стране» разрешается легче.

Он был внуком князя Жунцинь, который получил титул Бэйлэ в период Цзяцин. Его резиденция находилась на улице Тайпин, на берегу озера Тайпин. Это был аристократический «арт-салон» в столице накануне Опиумной войны. Пара много пела вместе. Согласно «Сборнику о тереме в небе» Тайцина, «в седьмой

день седьмого месяца восьмого месяца муж умер», поэтому ясно, что связь И Хуэй с «Цинь Хуанем» могла быть только до кануна семнадцатого года эры Даогуан (1838). С 1821 года (первый год эпохи Даогуан) до года смерти И в Российском музее работала команда врачей, состоявшая из двух смен по одному врачу в каждой, а именно: П. Войцеховский (1793-1850) в десятой смене (1821-1830) и Б. Е. Кириллов (1801 — 1864) в одиннадцатой смене (1830-1840). Оба были «прекрасными врачами», но кто был «Цинь Хуанем»? На девятом году эры Даогуан Войцеховский получил благодарственную табличку за излечение брата князя Ли от золотухи, на которой было написано «Чудесная техника Чан-сана». Кажется маловероятным, что два имени были бы популярны среди клана, учитывая горепрепутацию как «Чан-сан». По поведению Кириллова логичнее было бы назвать его «Цинь Хуань». Он окончил Петербургскую хирургическую школу и занимался медицинской практикой до того, как попал в Китай, и прибыл в Пекин в возрасте 29 лет с миссией одиннадцатого класса. За несколько лет этот молодой врач из Русского павильона вылечил многих членов семьи Цин. Только на пятнадцатом году эры Даогуан он получил две благодарственные таблички: одну от генерала города, Сиэня, с надписью «Благотворительствовать в отдаленных странах», а другую от Мяньсю из Гушаня, с надписью «Опыт в Китае и за рубежом» (обе таблички имеют надпись «Господин». Неудивительно, что Ван Шоутун вздыхал, что не знает своего имени в другой стране)[250]. Кроме того, он также вылечил мать И Цзи, члена подразделения Гуанцзи. Это произвело бы более глубокое впечатление на И Хуэя, который также принадлежал к поколению «И». Вероятно, именно на основании этих случаев «Цзычжан Бэйлэ получил имя Цинь Хуань из-за своих медицинских знаний». Мы также нашли подтверждение этому в книге И Хуэя «Собрание сочинений приюта Мин», том 8, «Книга о бегущей воде». В декабре 1834 года, когда его младенец сын Цайтун умер от оспы, и И Хуэй написал восемь стихотворений «О плаче по сыну», второе из которых гласит: «В 9-месяце он заболел сливовой оспой, а в 12-ом месяце по лунному календарю скончался, и все его тело до кончика волос посинели». И еще одно стихотворение:

Этой весной Пань Вэн умер. Его четвертого сына насильно привили от оспы в 9-месяце, но он не выжил. Он был очень заблужден, чтобы сказать, что у его сына не было оспы. Когда он заболел в начале месяца, И использовал печь для настойки из трав, приложил противоядие к ранкам и перевязал их, опасаясь, что может увидеть рецидивы. В середине месяца он сильно заболел, и его лечил русский врач по имени Порфирий, который

лечил его рафинированным маслом и ванной из душистых трав, но он умер через семь дней.

В приведенной выше цитате слово «Порфирий» является переводом русского имени Кириллов Порфирий, что, несомненно, верно. Термин «цинский врач» является синонимом термина «знаменитый врач». Следовательно, именно Ван Шоутун, а не И Хуэй, не знал об имени «в другой стране». В начале династии Цин, говоря об обесцвечивании «оспой», Кириллов смог применить лекарство, чтобы продлить пациенту «жизнь на семь дней», неудивительно, что он прославился.

Хотя Кириллов был западным врачом, он высоко ценил эффективность китайской травяной медицины. За десять лет пребывания в столице он собрал более ста образцов лекарственных растений, шесть из которых были неизвестны европейской науке, обогатив западные знания о классификации растений, и сумел ввести в Россию виды чая. 1 мая 1837 года он написал своему другу Баснину (богатому сибирскому купцу) из Пекина: «5 000 слов Лао-цзы для меня ценнее 5 000 золотых монет.»[251] Неудивительно, что известный православный священник Ан Вэнь Гун (Аввакум), который был в Пекине вместе с Кирилловым, сказал следующее: «Кириллов так высоко ценил философа Лао-цзы, что, кажется, считал, что тот превзошел не только Пифагора и Платона, но даже Канта и Шеллинга».[252] Этот синологический интерес к даосизму также легко резонирует с И Хуэем, который называл себя «первозданным даосом».

Кроме того, Кириллов хорошо разбирался в китайском императорском этикете. В период Даогуан в столице была мода использовать слова «Цинь Хуань» в имени человека, пришедшего поздравить его с прибытием к императорскому двору. Завидно, что имя Ханлин напечатано на красной бумаге». (Ян Цзинцин, «Различные песнопения из Столичных ворот») Что касается орхидей, которые он посадил в русском павильоне, и бутылок с табаком, которые он коллекционировал, то они также были созданы по образцу изысканных интересов пекинской знати.

Из разговоров И Хуэя с Кирилловым становится ясно, что врачи Российского павильона при династии Цин были ближе к аристократическому обществу Пекина, чем другие, поскольку они были искусны в медицине, говорили на мандаринском языке, разбирались в священном писании и знали моду. Этот характерный «китаец» не был редкостью после Кириллова, как в случае с «Мин Чаном» (двенадцатый класс врачей, сопровождавших Татаринова) и «Сай Шаном» (тринадцатый класс врачей, сопровождавших Базилевского). Помимо своей

профессии, они также играли активную роль в российской дипломатии в отношениях с Китаем в середине XIX века. Понятно, что у иностранного мужчины «Цинь Хуаня» в российском павильоне были свои уникальные функции.

Глава 13

«Троесловие» в России

Перевод и распространение «Троесловия» сыграл интересную роль в истории русско-китайского текста. Мяо Юйсунь, глава Министерства по делам домашнего хозяйства, который был направлен в Россию в 1887 году (13-ый год правления Гуансюй), кратко писал об этом: «Китайские книги, переведенные на русский язык, включают древнеписьменный «Шуцзин», «Канон сыновней почтительности», «Троесловие» и различные песни». (Записи о путешествии по Руси, том 8) Когда речь заходит о распространении «Троесловия» в Европе, люди часто ссылаются на английский перевод, опубликованный в 1835 году (пятнадцатый год периода Даогуан) американским миссионером Пи Чживэнэем, который редактировал «Китайскую серию» в Гуанчжоу. На самом деле, русские уже были женаты на «Троесловии» примерно за сто лет до этого.

13.1 Ранние переводы

В 1727 году (пятый год эры Юнчжэн), после подписания Кяхтинского договора, царское правительство отправило «русских детей-учеников» (на самом деле взрослых) в Пекин для начального обучения китайскому языку в Российском павильоне, используя «Троесловие» в качестве учебного текста. «Троесловие» — эта познавательная книга, ставшая достоянием общественности от династии Южной Сун до династии Цин, состоит всего из 1 134 знаков и 378 предложений, два из которых рифмованные, что делает ее чрезвычайно легкой для чтения. В частности, для иностранцев эта брошюра, включающая «тонкости жизни небесных существ, чудеса географии и ландшафта, объединение императоров и королей, а также происхождение трудов ста школ мысли», является

вводной книгой по истории, культуре и моральным обычаям Китая. Именно поэтому первые студенты Русского музея предпринимали неоднократные попытки перевода. Первым русским переводчиком «Троесловия» был второй ученик, Розосин (умер в 1761г.), рукопись которого сейчас хранится в Отделе рукописей перевода Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде. Он руководил китайской школой в Петербурге с 1741 по 1751 год, и, основываясь на собственном опыте «обучения искусству» в русской школе, он использовал «Троесловие» в качестве учебника и официально представил ее русской интеллигенции через свои лекции и ученичество.[253]

В 1779 году (44-й год правления Цяньлуна) Императорская Российская академия наук в Петербурге опубликовала публичное издание «Троесловие» и «Собрание знаменитых мудрецов». Переводчик Леонидов (1716-1786) первоначально был учеником третьего класса Русского павильона. После возвращения в Россию он служил государственным служащим низкого уровня в департаменте Азии Министерства иностранных дел. Русский перевод был опубликован в то время, когда императрица Екатерина II разыгрывала в России «просвещенное и шутливое лицемерие» (Маркс, История польского вопроса), а «Троесловие» содержало набор китайской феодальной этики и моральных учений, которые хорошо вписывались в политический климат так называемого «просвещенного самодержавия». В результате официальный российский рупор, газета «Санкт-Петербургские ведомости», в следующем году опубликовала книжное обозрение, в котором рекомендовала этот «поэтический афоризм» российской публике.[254]

13.2 Перевод Бичурина и его влияние

Второй русский перевод «Троесловия» появился в 1820-х годах. Переводчиком был отец Бичурин (1777-1853), которого считают «отцом русского китаеведения». В дополнение к предисловию и комментариям новый перевод был напечатан оригинальными китайскими иероглифами и опубликован в 1829 году типографией Гентца в Петербурге. Бичурин, который был руководителем девятого класса русского павильона и прожил в Пекине тринадцать лет, хорошо знал интеллектуальные возможности и социальное влияние «Троесловия» и назвал ее «энциклопедией XII века». Всего через несколько месяцев после выхода нового перевода были опубликованы четыре рецензии, которые произвели настоящий фурор.

Первый, опубликованный в «Северной пчеле» 21 декабря 1829 года, рекомендовал, в частности, следующие стихи из «Троесловия»: «Шелкопряд выплевывает шелк, пчела делает

мед; если человек не учится, он уступает вещам»; «Учись в раннем возрасте, действуй в юном возрасте, к императору — сверху, к народу — снизу».

Вторая рецензия на книгу, в «Московском телеграфе», № 24, 1829, комментирует идейное содержание «Троесловие»: «Восточная философия, конечно, древняя в европейском уме, но величественная простота ее поразительна». В ней также воспроизводятся, предложение за предложением, такие поучения, как «Порядок молодых, старых и друзей; уважение к королю и верность министру».

В третьей рецензии на книгу, опубликованной в журнале «Афина», № 1, 1830 год, отмечается, что «Троесловие» раскрывает «добродетель и ум китайцев», и приводятся некоторые конфуцианские моральные нормы, изложенные в переводе Бичурина.

Наиболее яркой является четвертая рецензия, опубликованная в специальном выпуске знаменитой «Литературной газеты» под Новый год 1830 года. В статье много места уделено тому, чтобы представить историю трех миграций матери Мэн-цзы и поломки ткацкого станка ее сыном российским читателям в оригинальном виде. В конце 1820-х годов в российских педагогических кругах горячо обсуждалась взаимосвязь между окружающей средой и воспитанием, причем центральным вопросом был вопрос о том, может ли окружающая среда быть единственным фактором в воспитании детей.[255] В книжном обзоре «Литературной газеты», посвященном рассказу матери Мэн-цзы, можно найти исторический пример этого противоречия.

Понятно, что перевод Бичуриным «Троесловия» вызвал такой восторженный отклик в России. Она была опубликована в то время, когда феодальная диктатура была усилена после поражения декабристов и когда Пушкин взывал к «России пробудиться ото сна». Все четыре газетных обзора, приведенные выше, в явном или неявном виде показывают свои собственные тенденции: одни подчеркивают порядок правителя и его подданных, другие исследуют отношения между человеком и окружающей средой. Эта культурная трансплантация классических трех символов, когда каждый использует свой собственный подход, действительно представляет собой интригующее явление.

С появлением нового перевода Бичурина, влияние «Троесловие» постепенно расширялось. В 1830-х и 1850-х годах «Троесловие» было включено в учебные планы восточных факультетов

Казанского и Петербургского университетов в качестве элементарного материала для чтения. В 1832 году в китайском павильоне в Кяхте, основанный русский торговец, и в 1839 году двенадцатый класс русской миссии в Пекине, который проходил обучение в Казани перед въездом в Китай, в качестве учебного текста также использовалось «Троесловие». Эта маленькая книга традиционного китайского обучения оставила в России более глубокие следы своей истории, чем в любой другой стране Западной Европы.

Глава 14

Сборник старых историй о поступлении «Сна в красном тереме» в Россию

Собирание и изучение «Сна в красном тереме» в России было отправлено на финишную прямую Русским павильоном в Пекине. В частности, ученики XI класса (1830-1840), XII класса (1840-1850) и XIII класса (1850-1858) принимали более непосредственное участие в распространении «Сна в Красном тереме» в России. Это собрание исторических сведений из коллекций, критики и преподавания, с некоторыми ссылками и предположениями, с целью изучения русско-китайского текстового взаимодействия.

14.1 Происхождение книги Лецзана

Весной 1962 года синологи Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР обнаружили в своей коллекции экземпляр «Истории камня», 80 книг (пятая и шестая отсутствуют), подшитых к четвертому и пятому сборникам императорских стихов императора Цяньлуна, в 35 линейных томах, завернутых в уголки. Коллекционный номер «В-107». Экземпляр имеет около 300 комментариев, включая комментарий в виде брови, небольшой двустрочный комментарий под основным текстом и комментарий в виде клипа рядом с основным текстом. Оригинал представляет собой копию комментария Ли Янь Чжэя, который был изучен и истолкован многими учеными и не вызывает сомнений.[256] В середине 1980-х годов китайские и советские

ученые сотрудничали в деле фотокопирования этой копии в 1986 году в шести томах в соответствии с соглашением, достигнутым между двумя странами. Она была опубликована Китайским книгоиздательством.

Первооткрыватель текста Лецзан, Ли Фуцин (Ривкин), в своей «Неслыханной рукописи снов в Красном тереме», написанной в соавторстве с Менщиковым, приводит следующие два варианта происхождения этого толстого комментария:

Он был привезен из Китая Павлом Куллианцевым, который отправился в Китай в 1830 году в качестве ученика 11-го класса Русской миссии и покинул Пекин в 1832 году из-за болезни.

На обороте первой страницы выцветшая надпись чернилами «Паша Куллианцев» и два плохо написанных китайских иероглифа «Хун», очевидно, «китайская фамилия» Куллианцева.[257]

Вышеуказанное мнение двух авторов оставалось неизменным до 1986 года, когда была опубликована фотокопия сборника.[258] На наш взгляд, именование учеников в Русском павильоне в Пекине и тот факт, что в те времена российской стороной нанимались частные учителя, говорят о том, что к слову «Хун» на первой странице кодекса не следует относиться легкомысленно, поскольку оно может содержать более сложные исторические обстоятельства. В истории русской миссии одиннадцатый класс, к которому принадлежал Куллианцев, имел наиболее частые контакты с высшими классами Пекина: «Что касается контактов с китайцами, то ни одна миссия ни до ни после не была так заметна как эта. Нередко дом посещали видные чиновники и высокопоставленные лица». Это, конечно, было связано с тем, что лидер класса, монах Вэй Жуомин, был человеком влиятельным и властным (как, например, Великий ученый Тозин).[259] В 1833 году (тринадцатый год эпохи Даогуан) Радиренский вернулся в Россию с более чем сотней китайских книг, которые он собирался передать в дар Азиатскому музею (основанному в 1818 году).[260] В этом же контексте неудивительно, что сопровождавший его Куллианцев стал обладателем копии «Истории камня». Что трудно понять, так это значение двух иероглифов «Хун» на кодексе. Как это было принято в династии Цин, ученики русских календарных классов действительно брали китайские имена для облегчения регистрации в Императорской академии, например, «Миньчан» (Татаринов), «Берлин» (Попов), «Хуанмин» (Грабовицкий) и т.д. Однако прецедента альтернативной китайской фамилии нет; что касается «Кун Ци» и «Мэн Ди», то они являются китайскими переводами гармоничных имен, в отличие от отдельных фамилий. Даже с точки зрения транслитерированных символов

ни религиозное имя Павел Ку, ни русская фамилия Куллианцев не имеют ни одного слога, соответствующего слову «Хун». Разумно предположить, что эта «китайская фамилия» имеет другое происхождение. В столице бесчисленное множество людей, так кто же такой «Хун»? В Московской государственной библиотеке имени Ленина, отдел тетрадей, № 273, № 2892, имеется список учителей, нанятых миссией частным образом с месячным жалованьем, составленный в русском павильоне священником того же класса, что и Куллианцев (умер в Пекине в 1840 году), в котором есть примечательная запись: «Христианин Иосиф Хун (Иосиф Хун)», нанятый с 1832 года для преподавания исключительно китайского языка, покинул свой пост в октябре».[261] Если предположить, что этот человек был тем, кто обработал или передал «комментарий Чжи» к «Истории камня», то «два «огромных» плохо написанных китайских иероглифа» на первой странице рукописи могут рассматривать как отметку, сделанную Ку для объяснения истории Лецзана. Идея, представленная в вышеприведенном предположении, возможно, не лишена оснований.

Конечно, предстоит еще многое узнать о деталях передачи текста Лецзана. Вышеизложенное является лишь косвенным доказательством. Однако несомненно, что Русский павильон послужил проводником для распространения «Сна в красном тереме».

14.2 Комментарии Ван Шушэна на «Сон в красной тереме»

Первый публичный комментатор «Сна в красной тереме» в российской синологии, Ван Шушэн, также был студентом Российского павильона. Его имя также переводится как «Ван Сили» или «Василий», знаменитый академик Васильев.

Как синолог, получивший современное западное воспитание и знакомый с китайской культурой, Ван Шушэн в своей рецензии на «Сон в красной тереме» полностью отверг такие стереотипы, как «цвет, пустота, фантазии и непристойность», и сосредоточился на социальной психологии и художественных достижениях.

В 1857 году (седьмой год правления Сяньфэна) Ван Шушэн опубликовал «Заметки из восточной коллекции Санкт-Петербургского университета» в 22 томе «Русского вестника», разделив китайскую художественную литературу на четыре основных жанра и прокомментировав реалистическую школу: ««Золотой лотос» признан шедевром реалистической фантастики, но «Сон в красном тереме», несомненно, превосходит его, поскольку в нем проза используется для написания затяжных сюжетов и

изображения захватывающих сюжетов. В Европе действительно нет другого романа, который мог бы с ним соперничать».[262]

Во время преподавания на восточном факультете Петербургского университета Ван Шушэн также подготовил лекцию «Источники для истории китайской литературы». В главе о различных продолжениях «Сна в красном тереме» он выражает свое мнение без педантизма: «Разнообразие романов, названных в честь «Сна в красном тереме», свидетельствует о разнообразии впечатлений, которые оригинал произвел на китайцев; его читали как странную, клеветническую или непристойную книгу, а тонкие описания семейной жизни, красота и изящество письма были проигнорированы. На самом деле, поскольку «Сон в красном тереме» настолько прекрасен и неподвластен времени, неизбежно появление множества сиквелов. Эти продолжения, хотя и далеки от оригинала, но также рассказывают о жизни китайского народа и его сердца, и мы не считаем, что они лишены достоинств».[263]

В 1880 году (шестой год эпохи Гуансуй) в Петербурге была опубликована знаменитая книга Ван Шушэна «История китайской литературы». Пожилой синолог, который, имея за плечами десятилетия опыта, хорошо понимал социальную ценность «Сна в красном тереме», рекомендовал его российской публике: «Если вы хотите узнать о жизни китайского высшего общества, которое до сих пор было изолировано от нас, то новости могут прийти только из художественной литературы, и именно эта книга была выбрана соответствующим образом».[264]

В российской синологии конца XIX века Ван Шушэн был известен не только своими рецензиями на «Сон в красном тереме», но и коллекционированием различных его изданий. Он собрал все: от книг Чэн А и Чэн Б до книг «Цветок винограда» и «Культивирование ароматов». Он также собрал шесть продолжений «Сна в красном тереме», а именно «Дополнение сна в красном тереме», «Продолжение сна в красном тереме», «После сна в красном тереме», «Толкование сна в красном тереме», «Дополнительный сон в красном тереме» и «Возрождение сна в красном тереме».[265] Очевидно, что Ван Шушэн определенно не господин Дун Хун, одержимый «красным». Он хорошо понимал связь между литературой и общественной жизнью, поэтому ему удалось наблюдать за реальностью из мира грез и найти в «Саду Роскошных зрелищ» воплощение императорских дворов династии Цин.

14.3 Интерес консула Куна к «красноведению»

Как и Ван Шушэн, Скачков, который был известен под именем

«консул Кун» во времена династий Тун и Гуан, принадлежал к старшему поколению синологов, которых выпускал Русский павильон. Он был увлеченным, если не сказать восторженным, коллекционером такого популярного романа, как «Истории сна в красном тереме». Помимо сбора оригиналов, Консул Кун не жалел средств на поиск адаптаций, таких как пьеса «Сон в красном тереме», и это лишь некоторые из них. Неудивительно, что цинские посланники, посетившие квартиру Куна в Петербурге, были поражены количеством книг, которыми он владел: «Его дом был полон поэзии и книг, а его стены были увешаны картинами, все они были куплены в Китае за большие деньги». (Чжан Дэи: «Удивительные записи о мореходстве», том 3)

Что касается его интереса к «красноведению», то Кун, похоже, был более философским в своем подходе. Его посмертные рукописи находятся в Рукописном отделе Государственной библиотеки имени Ленина в Москве, № 273. Среди них — перевод «Сна в красном тереме» Куна, № 2875, который содержит отрывок всего разговора между Ши Сяньюнем и Цуй Люй о «двойном эфире инь и ян».[266] Хорошо известно, что этот разговор между Ши и Цуй Люй содержится в отрывке «Разрывая веер за улыбку в тысячу золотых, за то, чтобы единорог устроил засаду на две звезды с белыми головами», и подстроен Цао Сюэцинем, чтобы намекнуть на будущий брак Сяньюня и Баоюя. Речь идет не об «инь и ян», а о том, как скрыть «единорога». Однако, благодаря изобретательности консула Куна, беседа под кустом роз в саду роскошных зрелищ превращается в платоновский философский диалог. Является ли это случаем превращения железа в золото или золота в железо, пусть судит тот, кто разбирается.

Разница в литературных оценках между консулом Конфуцием и Ван Шушэном напоминает знаменитый отрывок, в котором Лу Сюнь рассуждает о том, как смысл «Сна в красном тереме» меняется в зависимости от видения читателя: «Писец видит Книгу перемен, даос — распутство, гений — затаянность, революционер — полноту, а сплетник — тайные дела дворца.....».[267] Какая замечательная цитата.

14.4 Избранные произведения из «Сна в красном тереме» в Петербургском университете

Петербургский университет был основан в 1819 году (24-год Цзяцин), а восточный факультет был официально открыт только 27 августа 1855 года (5-год Сяньфэн). В начале создания кафедры Ван Шушэн был «патриархом», а затем долгое время возглавлял китайскую и маньчжурскую кафедры, обучая и

стажируя, тщательно выращивая команду для изучения китаеведения. Именно по его инициативе «Сон в красном тереме» был официально включен в программу преподавания восточного факультета в рамках подготовки по китаеведению.

В начале 1866 года (пятый год эры Тунчжи), после возвращения в Россию с консульского поста в Тачэне, Кун Цитин был назначен господином Ваном преподавателем практического курса китайского языка на Восточном факультете. Он назначил «Сон в красном тереме» и «Золотую вазу» в качестве учебных материалов по разговорному китайскому языку, чтобы развить разговорные навыки студентов.[268]

В 1902 году (28-год Гуансюй) старший ученик Ван Шушэна, Попов, вернулся из российского посольства в Пекине и был принят на работу преподавателем китайского языка на восточный факультет, где в качестве обязательного учебника по-прежнему использовался «Сон в красном тереме». Он выбрал книги со второй по четвертую в качестве образцового китайского текста для своих студентов, чтобы они могли использовать его при изучении китайского языка.[269]

Приведенные выше примеры показывают, что после прибытия в Россию «Сон в красном тереме» был высоко оценен не только по сюжету, но и по литературной и языковой ценности. В Китае «Сон в красном тереме» был выбран в качестве учебника китайского языка после движения «Четвертого мая», тогда как в середине XIX века восточный факультет Петербургского университета уже был «первопроходцем».

Глава 15

«Российский инцидент» в Тяньцзинской резне

После Опиумной войны западные миссионерские начинания, распространившиеся с побережья Китая на материк, имели совсем другую предысторию, чем иезуиты, проникшие в Китай во времена династий Мин и Цин. Как рассказывает

Хуан Цзунсянь, «В последнее время последователи Иисуса Христа были заняты распространением Ветхого и Нового Заветов. Они отправляют штабеля Библий через свой торговый флот и подкрепляют свое святое Евангелие артиллерийскими обстрелами.» («Поэзия Китайской Народной Республики», том 6) Таким образом, бойкот иностранных товаров и запрет иностранных религий стал общим призывом императорского двора.

После Второй опиумной войны цинский двор был вынужден подписать Тяньцзиньский договор с Великобританией, Францией, США и Россией, приняв решение ослабить запрет на иностранные религии. Тринадцатая статья китайско-французского Тяньцзиньского договора гласила, что «все предыдущие явные положения, написанные или начертанные, запрещающие католицизм, где бы они ни находились, должны быть прощены». Император Сяньфэн даже издал указ для всей страны о прохождении миссионерских орденов. Получив «зеленый свет», западные державы проявили беспринципность и высокомерие, посеяв семена «гражданско-религиозных разногласий», которые в итоге стали причиной Тяньцзиньского инцидента в 1870 году (девятый год эры Тунчжи).

Виновником этого случая был французский консул Фэн Дайе (согласно записке Цзэн Гофана, «консул был причиной резкой перемены»). В тот же день, когда было подожжено «здание Ванхай» (недавно построенная «церковь Богоматери Победы» рядом с французским консульством), еще трое русских погибли в храме Якван от рук толпы, составив таким образом «российский инцидент» в Тяньцзиньской резне.

«Российский инцидент был уникальным эпизодом в Тяньцзиньской резне: погибшие были торговцами, а не священниками; дело было непредумышленным убийством, а не убийством из мести; и это был случай не небрежного исполнения закона китайской стороной, а российской, «умолявшей об отсрочке исполнения приговора». Весь переговорный процесс был сосредоточен не на возмещении ущерба, а на реальных интересах российской торговли с Китаем.

15.1 Происхождение «российского инцидента»

Происхождение «российского инцидента» описано в официальных документах династии Цин следующим образом:

Поздним вечером 23-го дня 5-го месяца 9-го года эры Тунчжи Тянь Эр и другие услышали, что французы сражаются против чиновников, и были разгневаны. Тянь Эр и Дуань Да были вооружены арбузным ножом, а Чжан Гошун и Сян У – ножом и

длинноствольным оружием, которыми пользовались полковые инструкторы, и бросились на помощь. Когда они прибыли к храму Якван на востоке реки, они встретили двух русских мужчин и женщину, каждый на паланкине, которые были окружены людьми. Их окружила толпа людей, и Тянь Эр принял их за сотрудников правоохранительных органов, поэтому он подошел, выхватил женщину из креплений и порезал ей спину арбузным ножом. Затем мужчина-иностранец подошел к женщине сзади и обнял ее. Затем Тянь Эр ударил женщину ножом по левому ребру. Дуань Да также ударил иностранца-мужчину арбузным ножом и ранил его в правую часть бедра и в глаз, после чего иностранец-мужчина отпустил женщину и упал на землю. Другой иностранец сидел на плечевых яслях, которые были разбиты толпой. Иностранец прикрылся рукой, но Чжан Гошун порезал ему тыльную сторону правой руки. Сян У также использовал свое оружие, чтобы проткнуть левую ногу иностранца, и тот упал на землю. Оба иностранца, мужчина и женщина, были смертельно ранены. Тянь Эр и Сян У вернулись первыми. Дуань Да и Чжан Гошун вместе с остальными бросили тела иностранцев и ножи убийц в реку и отправились домой. Они были арестованы один за другим после того, как их посетили официальные лица. Согласно признаниям, четырех преступников, Сян У был безработным, Чжан Гуошунь — домашним работником, Дуань Да продавал арбузы, а Тянь Эр был рыборотковцем. Все они ничего не знали о русских и их делах.[270] Убитый русский был не православным священнослужителем, а торговцем чаем из «Иностранной компании Сабоши (также пишется как «Ши» или «Шы») в Тяньцзине, т.е. «Иностранной компании Шуньфэн». Двое мужчин и одна женщина — это «купец Б. Попов и его жена» и «купец Басов».[271] Это дело было полностью результатом «непредумышленного убийства», что не то же самое, что «сожжение Ван Хай Лу», антииностраный религиозный инцидент.

15.2 Стратегия консула Куна по «замедлению» принятия решения

После убийства российский консул в Тяньцзине Кун Ци сначала осмотрел тело и похоронил его, а затем вмешался. 27 мая поверенный в делах российского легата Бузе подал ноту протеста в канцелярию премьера, требуя, чтобы «виновные, убившие русских, были наказаны». 10 июня генерал-губернатор Чжили Цзэн Гофань получил приказ отправиться из Баодина в Тяньцзинь для рассмотрения дела и вынес следующие постановления по делу русских: во-первых, комиссар договорился с русским консулом Кун Ци о предоставлении пенсии в размере

5 000 таэлей за каждого раненого (в сентябре эта сумма была изменена на 10 000 таэлей за каждого); во-вторых, четыре человека, включая Тянь Эра, должны были быть казнены, чтобы оплатить жизнь русских. В третий день восьмого месяца Ли Хунчжан сменил Цзэн Гофаня на посту губернатора, и для скорейшего урегулирования русского дела он сохранил первоначальное предложение о выплате компенсации и смерти. В третий день августа Ли Хунчжан сменил Цзэн Гофаня и, стремясь как можно скорее урегулировать российское дело, по-прежнему придерживался первоначального предложения как о выплате компенсации, так и о пожизненной оплате.[272] Однако, к его удивлению, консул Кун попросил отсрочить казнь для четырех преступников, убивших русских, включая Тянь Эра. Причину этого объясняет Ли Хунчжан:

В то время я узнал правду о русских, и я не хотел больше убивать людей, потому что хотел получить деньги, поэтому я был замешан в деле о французской церкви, и я завидовал русским купцам в Тяньцзине, поэтому я пытался затянуть дело под предлогом, что признания не соответствуют действительности. В то время только что назначенный посол этой страны в столице г-н Умагари только что прибыл в Тяньцзинь и сообщил министру торговли и коммерции г-ну Чэн Лину, что он направил ему послание, в котором говорилось, что наказание по этому делу должно быть назначено в обязательном порядке по настоящим виновным, а не по количеству людей. Я немедленно поручил правительству провинции Тяньцзинь подготовить подробное заявление о четырех преступниках для российского консула, чтобы он знал, что преступники были настоящими виновниками, и попросил Ма Цзянью передать консулу, что в Китае есть свои правила рассмотрения дел об убийствах, и что этот офис должен только следовать приказам и исполнять закон, в который страна не должна вмешиваться. Консул пришел ко мне в резиденцию и сказал, что преступники не сказали, где они убили русских, кто их убил или ранил. Китайцы должны быть наказаны китайскими чиновниками в соответствии с законом, но я надеюсь, что факты будут подробно изучены, чтобы их можно было доказать. Он также сказал, что хотя в России были убиты трое мужчин и три женщины, не имеет значения, сколько им заплатили и как быстро с ними расправились.[273]

Сам консул пришел к Ли Хунчжану 27 октября. Гуманный вкус российской стороны был по сути «деловым», и Ли Хунчжан хорошо это знал: «Я заметил, что консул был полон официальных разговоров, но он работал на все стороны. Консул не спешил умолять о смягчении приговора, но и не хотел быстро возобновлять дело, так что, похоже, утверждение Ма Шоу

(губернатора Тяньцзиня Ма Шэну) о том, что он просил смягчить приговор с конца, не лишено оснований.[274] Русские купцы в Тяньцзине не хотели убивать больше, чем нужно, и на местах существовал контроль. Российские коммерческие интересы в Тяньцзине действительно были важнее трех жизней. Без этой «сдержанности», как консул Кун мог быть готов «работать со всеми сторонами»? Очевидно, что стратегия «замедления» была хорошо продумана, и ее отправной точкой было обеспечение позиций русских купцов в Тяньцзиньском чайном порту.

15.3 Русские купцы и Тяньцзиньский чайный порт

В конце XIX века Тяньцзинь был известным чайным портом для транзита «караванного чая». Возникновение патриаршества, в феврале того же года российский консул в Тяньцзине был возведен в ранг генерального консула: «В 13-й день февраля 9-го года правления Тунчжи из России пришла дипломатическая нота, в которой говорилось, что предыдущий консул в Тяньцзине стал генеральным консулом, курирующим всех остальных российских консулов, а Скачков, бывший консул Тяньцзиня, теперь назначен на эту должность».[275] С Тяньцзином в качестве главного торгового порта ситуация складывалась таким образом, что российская торговля с Китаем контролировалась полностью. Кун Ци, которому было поручено это важное задание, действовал осторожно в переговорах по российскому делу, учитывая общую ситуацию. Ниже приводится краткий исторический очерк о роли Тяньцзиньского порта в русско-китайской торговле и о положении в этой торговле Шуньфэнского иностранного банка.

Во-первых, с момента подписания китайско-российских правил сухопутной торговли в первый год правления Тунчжи (1862), русские купцы отправились вглубь материка для покупки чая и взяли Тяньцзинь в качестве базы для передачи «караванного чая», что полностью решило многочисленные трудности с доставкой. Согласно фильму Ван Сяньцяня:

Русские покупали в Китае чай, который на шанхайских кораблях доставлялся к французской границе и выгружался Британией в Россию. Из-за больших расстояний и высоких налогов, наложенных Великобританией и Францией, страна перешла на высадку десанта из Тяньцзиня в Тунчжоу и транспортировку чая в Чжанцзякоу и Кяхту. (Согласно первоначальным правилам торговых отношений, русские купцы, перевозящие чай из Ханькоу в Тяньцзинь для передачи в Кяхту, должны были платить половину налога в Тяньцзине в дополнение к экспортному налогу в Ханькоу, что было известно как «основной налог» и «подналог». На восьмом году эры Тунчжи (1869 г.)

были пересмотрены правила сухопутной торговли, и в десятом пункте было указано, что «русские купцы, покупающие товары в других портах и возвращающиеся в Китай через Тяньцзинь, не остаются там для их продажи, и если они полностью уплатили налог в других портах, то у них есть счет, подтверждающий это, так что во избежание повторного взимания налога он больше не будет уплачиваться. В период с 1870 по 1875 год из Тяньцзиня в Россию ежегодно отправлялось в среднем 14 995 276 фунтов чая.[276] С точки зрения интересов чайной индустрии, российской стороне было разумно попытаться избежать причастности к делу Французской церкви, ухудшив тем самым свое положение в Тяньцзине.

Во-вторых, иностранный банк «Шуньфэн» был предметом российского дела, и трое россиян, которые были несправедливо убиты, все работали в нем. В торговле «караванным чаем» в годы правления Туна и Гуана иностранная фирма «Шуньфэн» была известной компанией. Она была основана владельцем кирпичной чайной фабрики «Шуньфэн» в Ханькоу Литвиновым и располагалась на западном берегу реки Саньцзи в Тяньцзине. Эта иностранная фирма, известная под названием «Сабоши», была бухгалтером и складом для распространения ханьковского кирпичного чая, имела мощный капитал и филиалы по всему Чжанцзякоу, Или, Цзюцзян и Фучжоу. Если бы он стал мишенью из-за «русского дела», вся торговая сеть сухопутной торговли должна была серьезно нарушиться, что принесло бы огромные экономические потери русским чаоторговцам. При таком соотношении выгод и потерь неудивительно, что российская сторона не желала «возобновлять вражду для русских купцов в Цзиньчэне».

Как оказалось, жест консула Куна «не заботиться о сумме компенсации или скорости принятия решения» не только заслужил похвалу Ли Хунчжана как «все еще порядочный», но и имел немедленный социальный эффект в пользу российской стороны. В декабре, «когда жители уезда Цзинь услышали об отсрочке казни четырех преступников, они так обрадовались, что прислали совместное прошение об «освобождении от наказания»: 145 джентльменов и 115 лавочников. («Рукописи Ли Вэньчжуна», том 18) Заявление правительства гласило:

«Господа и купцы не были злы на русских и не знали друг друга, но поскольку они услышали, что некоторые иностранцы сражаются против чиновников, они рассердились и пошли защищать их, в результате чего по ошибке были ранены и убиты трое русских мужчин и женщин. Причиной гибели и ранения трех человек стала ошибка. Это далеко от тех, кто

затаил личную обиду и заранее готовит нападения и убийства. Оглядываясь назад, я чувствую угрызения совести и сожаление. Хотя преступление было заслуженным, оно было оправданным. Бизнесмены и джентльмены города поставили на карту очень многое и не могут позволить себе молчать. В связи с этим я хотел бы обратиться к Вам с призывом проявить внимание к проступкам людей и просить Вас обратиться к Вашему Превосходительству, государственному министру иностранных дел Китая, с просьбой сообщить об этом государственному министру России и просить Вас проявить милосердие вне закона, освободив их от наказания.[277]

Примечательно, что владелец русского дела также был в сговоре с купцами, и что «сапосский иноземный купец Сиддхартха» отправил официальный отчет русскому министру.[278] Таким образом, в сознании дворянства, купцов и жителей Тяньцзиня Россия производила совершенно иное впечатление, чем Франция, и не только получила эффект «освобождения от Закона», но даже приобрела репутацию «благосклонной за пределами Франции».

15.4 Российский инцидент и царская дипломатия

«Российский инцидент» длился один год и четыре месяца, с мая девятого года Тунчжи (1870) до его завершения в сентябре десятого года. Это было время серьезной вооруженной агрессии России против Илийского региона Китая. Как говорится в официальных документах династии Цин: «Эта страна пытается воспользоваться ситуацией в Или, но она также пытается посягнуть на нее в различных местах.[279] Если сравнить сабельные выпады России в Синьцзяне с ее действиями в Тяньцзиньском деле, то можно увидеть, что политика России в отношении Китая в 1970-х годах отличалась подходом «гражданского и военного огня», несмотря на ее цель пожирать «жирное мясо». Князь Гун, возглавлявший в то время канцелярию премьера, уже оценил женственный характер царской дипломатии, сравнив ее с дипломатией Великобритании и Франции.

Британцы были самыми сильными среди стран с точки зрения финансовой мощи, и их акцент был сделан на торговле; Франция была самой жесткой по темпераменту, и их акцент был сделан на миссионерской работе; Россия была мягкой и коварной, и постоянно уделяла внимание границам. Трое находились в противостоянии, а остальные — в согласии друг с другом, всегда с целью получения прибыли.[280]

В ходе переговоров по российскому делу генеральный консул в

Тяньцзине Кун Ци не только понял, но и применил на практике дипломатическую стратегию «быть мягким и жестким». Этот «китайский генерал», выходец из 13-го класса Русского павильона, уже был известен как ветеран во время своего консульства в Тачене (1859-1862). Бабуков, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа России, сказал о Куне: «Он действовал осторожно и продуманно, он взвешивал и продумывал каждый шаг».[281] На момент рассмотрения дела в Тяньцзине консул Кун уже проработал на своем посту три года (он вступил в должность в 1867 году и покинул ее в 1879 году) и был знаком с делом в Тяньцзине, поэтому он смог справиться с насущными проблемами (пожизненное возмещение ущерба) с помощью дальновидности (экономические интересы) и «притормозить» принятие решения. «Русское дело» было решено таким образом, чтобы разрешить «вражду» и упрочить положение русских купцов в чайном порту Тяньцзиня, способствуя тем самым развитию торговли «караванным чаем».

В течение пяти лет стоимость чая, поставляемого из Тяньцзиня в Россию, удвоилась. Дипломатическая тактика консула Конфуция явно приносила свои плоды в деловом плане.

«Российский инцидент» в деле Тяньцзиня, хотя и был лишь эпизодом, дал повод для сравнения российской и французской дипломатии. С практической точки зрения, «мягкость» тона российского консула была на ступень выше «жесткости» французского консула Фэна Дайе. Само событие и его последствия еще раз подтвердили утверждение Энгельса о том, что «где бы русская дипломатия ни встретилась с британской или французской дипломатией, русская дипломатия всегда одерживает верх». (Энгельс: «Успехи России на Дальнем Востоке»).

Глава 16

Шведская хроника династии Цин и шведская торговля в Гуанчжоу

16.1 Введение

На Швецию не приходится значительной доли счетов западных судоходных стран при династии Цин. Частота и разнообразие отношений Китая и Швеции с Китаем совсем не сопоставимы с отношениями Голландии, Португалии, Великобритании и Америки. Однако во время торговых войн XVIII и XIX веков торговля шведской Ост-Индской компании с Китаем была

уникальна тем, что не сопровождалась политикой канонерок и колониальной экспансии, создавая впечатление «варварства» иного рода.

Начало китайско-шведским отношениям было положено после распада Шведской империи, которая в конце XVII века была одним из самых могущественных государств Европы, некогда доминировавшим на Балтийском море. Его территория, включавшая помимо Финляндии и трех северных немецких княжеств, была главным препятствием для внешней экспансии царской России. «Северная война», начавшаяся в 1700 году (39-й год правления императора Канси), продолжалась 21 год и закончилась победой России. Как сказал Маркс: «Война со Швецией, продолжавшаяся двадцать один год, заняла почти всю военную карьеру Петра Великого. Независимо от того, рассматриваем ли мы цель войны, ее окончание или продолжительность, мы по праву можем назвать ее «войной Петра Великого». Вся его карьера была направлена на завоевание Балтийского побережья».[282] В 1721 году (60-й год эры Канси) Швеция заключила Ништадский мир с Россией, потеряв большие участки земли и все острова в Финском и Рижском заливах. С этого момента роль балтийского гегемона стала играть царская Россия.

«Через десять лет после окончания Северной войны, в 1731 году Швеция основала Ост-Индскую компанию, а в 1732 году (десятый год эпохи Юнчжэн) ее торговые суда впервые прибыли в порт Хуанпу в Гуанчжоу, открыв период прямой торговли между Китаем и Швейцарией. Для китайцев, живущих в Восточной Азии, шведы из Северной Европы были такими же странными, как и пришельцы, и существовали различные переводы слова «Швеция», такие как «Суйитан», «Сифейесике», «Суйигу» или «Суйлан» или же «Жуйдинь».[283] В порту Гуанчжоу Швеция была также известна как «Синее знамя», так как на государственном флаге, вывешенном на торговых судах был изображен крест на поле светло-голубого цвета. В официальных документах слово Швеция сокращалось как «Жуй».

История китайско-шведских отношений в период правления династии Цин является неотъемлемой частью истории китайско-шведских отношений, которая, похоже, не была серьезно рассмотрена китайскими учеными. Имеющаяся информация, как в официальных документах, так и в частных записях, довольно отрывочна и нуждается в поиске и сопоставлении. Эта статья представляет собой хронологический отчет о том, что нам удалось найти, с кратким обзором бизнеса Шведской

Ост-Индской компании в Гуанчжоу. Цель — открытие, а не детализация.

16.2 Хроника Швеции в истории династии Цин

Расположенная на берегу Балтийского моря, Швеция вступила в прямую торговлю с Китаем только в XVIII веке, что делало ее довольно незнакомой морской страной для китайцев династии Цин. Гуанчжоу, как ворота китайско-шведской морской торговли, был так же близок к воде, как и к ветру, и играл уникальную роль в распространении шведского послания. Жители Гуанчжоу были, пожалуй, первыми китайскими друзьями шведов и первыми познакомили материк со шведскими обычаями. В апрельском номере за 1838 год первая газета на китайском языке, издававшаяся в Гуанчжоу в 1833 году (тринадцатый год эпохи Даогуан), «Исследователь Восточного и Западного океана», дала исчерпывающий отчет китайской общественности примерно в 2 000 слов. Перечислив географию, население и производство, он также дает объективную оценку состояния Швеции в те времена.

В настоящее время страна находится в состоянии мира; она имеет 138 000 человек в трех армиях, 31 корабль всех размеров и 342 небольших судна. Ежегодные расходы на послов государства составляют более восьми миллионов юаней. Общая стоимость продукции составляет более восьмидесяти восьми миллионов юаней в год. На борту находилось 17 000 моряков. Из этого видно, что страна была очень процветающей в сфере транспортировки товаров и торговли. Хотя люди были бедны, они были счастливы и почтительны, и они отступили. Они также вернулись в православную церковь и служили Иисусу с преданностью и искренностью.

Жители Гуанчжоу накануне Опиумной войны создали историческую карту для своих шведских друзей, проделавших долгий путь, чтобы быть «приятными и вежливыми» — замечательная инициатива.

В эпоху, когда пресса еще не была развита, большинство хроник Швеции было опубликовано в различных изданиях. Ниже приводится хронологический обзор истории Швеции, включая официальные книги, записки послов и отчеты эмиссаров. Ниже приводится хронологический обзор того, как китайцы познакомились со Швецией с начала и до конца правления династии Цин.

1. Книга о чужих землях (И-Юй-Лу)

Автор, Тулличен (1667-1740), был маньчжуром, уроженцем

Желтого знамени, по фамилии Аяндзюлов. В пятьдесят первом году эры Канси (1712) ему и Иньцану было приказано отправиться в долину реки Волги через Сибирь, чтобы нанести визит цинскому двору находившихся там турок и ханов. Этот визит длился три года и охватил почти 40 000 миль. В соответствии с указанием императора Канси о том, что «средства к существованию народа и географическое положение в России также должны быть приняты во внимание», Тулличен написал книгу под названием «Иностранные земли», которая была опубликована на маньчжурском и китайском языках в первый год эры Юнчжэн (1723).[284]

Год миссии Тулличена совпал с тлеющей «Северной войной», когда шведских солдат и офицеров, захваченных в плен в битве при Порте в 1709 году, массово ссылали в Сибирь. Их судьба отражена в книге «И Юй Лу». Истоки русско-шведской войны описаны Тулличеном следующим образом: «Нынешнему русскому королю, которого зовут Петр Великий, сорок один год, служил двадцать восемь лет, а название города, в котором он жил — Москва. Царь Сифиеск'о, т.е. Швеция, не допустил этого, и город стал врагом на пятнадцать лет. Короля Сифиеск'о звали Каруллаш (Карл XII), ему было 33 года, он жил в городе Съёкольн (Стокгольм). В первой битве он разбил войска оросов и взял их в плен. Когда он снова сражался, его победил русский хан». Лагерь шведских военнопленных, в котором путешествовал Тулличен, был «местом с лесами и хижинами на берегу реки, где проживало более 5 000 семей из Руси и Западного Свирепого (в маньчжурском тексте «более 50 семей»)». На берегу реки местные чиновники попросили Тулличена и его партию «поклониться и предложить вина» пленному шведскому генералу Мартину Калфелю, который находился в изгнании в Илимю. Когда они проходили через Цюмин, их встретили шведские военнопленные, «несколько из которых пришли на лодки, чтобы развлечь себя музыкой и песнями, и были вознаграждены серебряными деньгами и мясом».[285]

Первое сообщение о войне на Севере в «Записках иностранца» несет новую информацию о международной жизни раннего цинского общества и представляет собой большую документальную ценность. Однако встреча цинских послов со шведскими военнопленными в Сибири в период правления Канси была, в конце концов, драматической договоренностью русской стороны о демонстрации своих военных достижений, а не формальным началом китайско-шведских отношений.

2. «Исследование всех главных разделов Хуан Цин»

В двенадцатый год Цяньлун (1747) по высочайшему повелению было опубликовано триста томов сборника книг Зала героев (прим. переводчика — один из тронных залов императорского дворца). Согласно стилю официальной книги, Швеция включена в «Четыре края света», которые содержатся в томе 298. Помимо описания моря, названий гор, верований и родословной короля, подробно описывается знаменитый порт Гетеборг: «Место, где встречаются жители страны, называется Итенбали, более чем в семистах милях от резиденции короля. Страна со всех сторон окружена большим болотом и тысячей гектаров воды. Жители страны могли передвигаться туда и обратно только на лодках, а Итенбали был местом, где эти лодки стояли на причалах». Это также самая ранняя запись о торговле Швеции с Китаем: «Рынок начался в десятом году эпохи Юнчжэн (1732) и с тех пор продолжался из года в год». Отрывки, касающиеся сезонного характера торговли и структуры товаров, будут проанализированы в следующем разделе, вместе со шведской торговлей в Гуанчжоу, а здесь они опущены.

3. «Карта дани императорской династии Цин»

В XVIII в еке династия Цин официально рассматривала все западные торговые страны как «государства-трибунары», и Швеция не была исключением. Именно по этой причине в «Карта дани императорской династии Цин» содержится особый рассказ о шведах. Книга была составлена в 1748 году, дополнена в 1763 году и опубликована в 1771 году в девяти томах. Первый том содержит раздел «Швеция» с двумя изображениями мужчин и женщин и кратким описанием (первое предложение «Швеция также является голландской страной» является анекдотической ошибкой — прим. автора), дающим портрет шведских купцов, которые «торговали в Гуандуне» в период Цяньлун. (1) Ритуалы: «снимают шляпы в качестве ритуала, аналогичного ритуалу голландцев». (2) Мужская одежда: «короткая одежда и кожаная обувь, часто с ротанговой плетью для защиты своего тела». (3) Женская одежда: «У варварских женщин квадратные воротники и обнаженная грудь, с юбками, подогнутыми рукавами и свободными руками, и кожаная обувь с квадратными деревянными сабо внизу». (4) Увлечения: «любят хранить нюхательный табак в золотой шкатулке и курить его по временам». Две фигуры в руках смотрителя тщательно прорисованы и воспроизводят яркий образ шведских купцов эпохи Ост-Индской компании.

Шведы в «Карте дани императорской династии Цин» похожи на гостей, попавших в мир более 200 лет назад. Шведский канал еще не был открыт, и путешествие из Северной Европы

в Восточную Азию было долгим и трудным. В период с 1731 по 1749 год плавание из «Гетеборга» в Гуанчжоу и обратно занимало в среднем 698 дней. На корабле был высокий уровень смертности: в среднем 12% пассажиров умирали от цинги и других болезней за одно плавание. Действительно, удивительно, что шведские женщины отважились отправиться в путешествие и провести дни и ночи на борту корабля скромного тоннажа посреди бурных морей. Следует также мимоходом отметить, что в начале правления династии Цин «варварским женщинам» не разрешалось входить в порт Гуанчжоу, а позднее, хотя и с некоторым послаблением, они все еще облагались налогом на каждого человека. В налоговых декларациях Гуандунской таможни до Опиумной войны фигурировал термин «жены». Неудивительно, что в «Чжучжицы о Хуанпу» говорится: «Когда я измерял товары в трюме, в этом году жены были обложены большим налогом. Точная сумма налога, уплачиваемого шведской «женой», из исторических источников неизвестна.

4. «Морские записи»

Автор, Се Цингао, родом в области Цяньин в Гуанчжоу (сейчас называется Мэйчжоу) родился на 30-м году правления Цяньлуна (1765 г.), а в возрасте 18 лет отправился в плавание на морском корабле, в возрасте 31 года слеп на оба глаза и поселился в Макао навсегда. «Морские записи» написан односельчанин Ян Пинънань, диктован Се Цингао о новостях за границей за 14 лет. Его след остановился в Англии и Португалии, остальные сведения о его путешествиях по Европе основаны на анекдотических свидетельствах. Хотя шведская хроника не является рассказом очевидца, именно этот фрагмент считается первым в своем роде в частных записях династии Цин: «Суйи — это древняя страна, то есть Швеция, расположена на западе и к северу от Англии. Она немного похожа на западные страны, с теми же обычаями и продуктами, что и в Англии и Уэльсе, но с более простым и щедрым населением. Корабли идут из Нидерландов примерно за десять дней, а из Англии и Уэльса — за шесть-семь дней. Когда они приходили в Гуандун для торговли, их корабли использовали синее знамя с белыми (желтыми) крестами.

5. «Заметки об экипаже»

Автор, Бин Чунь, служил в китайской армии под флагом Чжэнбай. Весной пятого года правления Тунчжи (1866 г.) генеральный инспектор таможен господин Гердер вернулся в Британию в отпуск на шесть месяцев, предложив канцелярии премьеру отправить с ним офицера, чтобы «ознакомиться с обычаями

и людьми страны, что представляется весьма удобным» («История подготовки варварских дел», том 39). Великий князь Гун присвоил ему звание третьего ранга, он получил звание заместителя генерального секретаря администрации и возглавил своего сына Гуан Ина и учеников из музея Тунвэнь, Фэн И, Дэ Мина и Янь Хуэй, чтобы сформировать туристическую группу для сопровождения Гердера в Европу. Делегация покинула столицу 21-го числа первого месяца 5-го года эры Тунчжи и посетила Англию, Швецию, Германию, Нидерланды, Бельгию, Францию, Россию и т.д. Бин Чунь написал «Заметки о ремеслах западных стран», сопровождаемые двумя томами стихов, а именно «Наброски о путешествии по приморским государствам» и «Наброски о небесной выси», которые были опубликованы в 8-м году эры Тунчжи (1869).

Бин Чунь и его партия путешествовали по Европе менее четырех месяцев, посетив Швецию с 24 мая по 2 июня. В Стокгольме, первой миссии династии Цин в Европе в современное время, они были приняты королем Швеции, кронпринцессой и братом короля, а также нанесли визит вдовствующей императрице. Стихи, написанные Бин Чунем по этому случаю, в основном носили непринужденный характер и не отличались содержательностью, например, «Книга о короле Швеции», в котором говорится: «В мире редко можно встретить такой великолепный дворец с прекрасными, но уединенными садами повсюду. Жители окрестных земель, насчитывающих 50 000 ли, с радостью приезжают в гости, и во время моего обратного путешествия в Китай это будет воспето в воздухе». Это семистрочное стихотворение «Веер для супруги короля Швеции», в котором также описывается природный ландшафт Северной Европы: «Близость к Северному полюсу приносит полярный день, что заставляет путешественников чувствовать себя в бессонном городе. Если одно из открытий — это путешествие к далекому Млечному Пути, то волшебный плот действительно доставил нас в отдаленное место для короткого пребывания». Фраза «открывать глаза» в стихотворении является честным описанием душевного состояния Бин Чуня и его партии, когда они впервые покинули страну.

б. «Удивительный рассказ о мореплавании»

Автор, Чжан Дэи, был выпускником английского класса Тунвэньгуана и сопровождал миссию Бин Чунь в Европу в качестве переводчика. Книга представляет собой личный отчет о его опыте за границей, опубликованный в девяти томах в 1870 году.

Будучи молодым переводчиком, Чжан Дэи был внимательным

наблюдателем и тщательным репортером, и его рассказ о шведских обычаях и людях имеет гораздо большую документальную ценность, чем его «Записки об экипаже». Король Швеции, как он пишет, является четкой и достойной фигурой: «У короля изящная внешность, густые брови, высокий нос, голубые глаза и черная борода. Одежда на нем того же цвета, что и на простых людях. Он говорит по-английски и по-французски, общается приветливо и скромно. Когда министры приходят к королю, не раздаются громких криков «да здравствует император», не приветствуются поклоны. Они просто снимают шляпы и стоят с опущенными руками». В Тайкунгуне, где жила вдовствующая императрица, Чжан Дэи был удивлен и восхищен остатками распространения китайского стиля на запад: «Вдруг я увидел китайский дом, как будто вернулся в родной город, и поспешил посмотреть на него. В главном помещении было три комнаты, а интерьер дома был украшен веерами в китайском стиле. Четыре стены увешаны скорописными колоннами и баннерами с пейзажами и цветами, а на витрине выставлено множество китайской утвари, например, коралловые топперы, ножи из рыбьей кожи и синие фарфоровые чашки для вина — все они были доставлены из Гуандуна. Дом называется «Чина», что в переводе с руянского означает «Китай». Этот китайский дом и его обстановка сохранились до наших дней в Королевском парке на окраине Стокгольма. Он является свидетельством культурного обмена между Китаем и Швецией во времена династии Цин и олицетворяет «китайскую лихорадку», которая когда-то царилла при европейских дворах.

7. «Записи о первой миссии на Западе»

После миссии Бин Чуня в Швецию отправился Чжи Гань. Он и Сантьягу были выбраны Главным управлением и получили ранг второго класса в качестве министров иностранных дел и китайской дипломатии, и во главе шести студентов из Тунвэньгуана сопровождали бывшего американского министра в Китае Пу Аньчэна в его миссии в различные страны. Он выехал за границу в феврале 1868 года и вернулся в Пекин в октябре 1869 года, посетив 11 стран Европы и США. Он также написал четырехтомный отчет о своей первой поездке в Таиланд, который был опубликован в третьем году Гуансюй (1877 году).

Его поездка в Швецию была опубликована в третьем томе книги, который охватывает период с 22 августа по 5 сентября восьмого года эры Тунчжи (1869). После прибытия в Стокгольм делегация остановилась в отеле «Риблерк». «26 сентября миссия встретилась со швейцарским монархом Карлом XV и вручила

ему верительную грамоту. Самым важным инспекционным мероприятием этой поездки было посещение завода по производству оружия на юге Швеции, и Чжи Гань уделил особое внимание «новому методу своей страны»: «Для изготовления латунных оружейных труб медные пластины прокатываются в круглые листы, а затем помещаются в станок, где верхние и нижние отверстия должны быть выровнены. Под этим станком находится другой станок, который может ударять сверху, создавая внешнюю форму, а также некоторые отверстия. Затем устанавливается колпачок для белого пороха и делается горлышко патрона, чтобы можно было изготовить пулю. Считается, что это новый способ изготовления оружия в этой стране».

8. Говор путешественника по морю

Автор — Ван Чжи, известный как Цзышицзы. В 10-месяц 10-года Тунчжи (1871) он отправился из Юньнани в Бирму (Мьянма), в 12-месяце переправился через море в Индию, побывал в Англии и путешествовал по Европе, а в мае следующего года вернулся в Цюнчжоу, Хайнань. Книга сначала называлась «Разговор» и была опубликована в 9-месяце 11-года 1872 года, но после выхода в свет была переименована в «Говор путешественника по морю» в шесть томах. Шведская хроника находится в четвертом томе.

Во время своего визита в Швецию, который совпал с лунным Новым годом в год жэньшэнь, Ван Чжи написал в своей гостевой квартире стихотворение под названием «Глядя на луну в новогоднюю ночь в Швеции и вспоминая в интерьере», выражающее чувства странника, тоскующего по родине, без особого смысла. Поражает его исторический комментарий: «Со стороны Швеции было очень глупо уступать Финляндию России. Хотя земля и товары Финляндии не стоят многого, она могла помочь Швеции противостоять соседям на востоке; хотя могущественные соседи жаждали бы заполучить Швецию, шведы могли спать спокойно с Финляндией в качестве барьера. Кроме того, [с Финляндией в составе своей территории] Швеция была окружена огромными океанами, и шведы никогда не беспокоились о том, что их лишат земли. Теперь же на смену национальному барьеру пришли горы. Учитывая возможную участь стать жертвой в схватках между могущественными государствами, шведы должны быть постоянно бдительными. Даже если этой ситуации удастся избежать, гражданские распри тоже вызывают беспокойство». Этот отрывок особенно заслуживает нашего внимания, потому что он показывает беспокойство простого китайца за судьбу Швеции после

«Великой Северной войны».

9. «Сборник традиций действующей династии»

Ван Чжичунь, уроженец Хунани, родился в 22-ом году Даогуан (1842 году) и служил губернатором провинции Гуандун и главным секретарем Сычуани, а также губернатором Шаньси и Гуанси. Обычно изучать дела и собирать факты о дипломатических переговорах между США и Китаем, книга была написана в пятый год правления Гуансюй (1879), пересмотрена и опубликована в семнадцатый год правления Гуансюй (1891). Книга разделена на двадцать томов в хронологическом стиле.

Четвертый том книги посвящен десятому году правления Юнчжэна (1732 год), и в статье «Торговля в Швеции» рассказывается о географическом положении, товарах и условиях жизни людей, которые в основном являются старыми новостями. И только о состоянии человека в Швеции дается конкретный комментарий, выходящий за рамки предыдущих: «Среди простых людей нет воровства и грабежей. Ученые любят читать и посвящают себя совершенствованию своих навыков. Они изучают природу золота, камня, травы и деревьев, а также исследуют астрономические явления. Швеция является источником календарной системы в западных странах». В книге также записаны события двадцать седьмого года периода Даогуан (1847 г.), и в статье «Во втором месяце весны Швеция и Норвегия заключили торговый договор» процесс заключения договора зафиксирован следующим образом: «В то время торговые договоры для Франции, Америки и других крупных стран могли быть основаны на условиях, оговоренных в «Общих правилах», подписанных с Великобританией, но Швеция была маленькой страной, поэтому полностью следовать подписанному соглашению было невозможно. Поэтому Швеция попросила заключить отдельный торговый договор. Циин был генерал-губернатором провинций Гуандун и Гуанси, но фактически он отвечал за следующие договоренности, связанные с пятью договорными портами, и занимался иностранными делами. Поэтому, получив разрешение Его Величества, он подписал договор из 33 статей со шведским министром К.Ф. Лижевальхом». Этот вопрос также можно найти в «Сборник традиций действующей династии», том 15, «Государство Швеция».

10. «Записи о путешествии по Норвегии и Швеции»

Хун Сюнь, уроженец города Юйяо, провинция Чжэцзян. Зимой 1887 года он отправился из Шанхая в Европу на немецком торговом судне и вернулся в Китай в июне 15 года. Он вернулся

домой в июне пятнадцатого года своей жизни. Четыре месяца он провел в Швеции и Норвегии, с конца мая по конец сентября четырнадцатого года своей жизни.

По глубине и широте исследования ни одна публичная или частная работа о Швеции династии Цин не может сравниться с «Путешествием по Швеции и Норвегии» Хун Сюня. Она содержит богатый фактический материал и статистические данные, гораздо больше, чем травелог с высоты птичьего полета. Хун Сюнь очень комплиментарно отзывается о шведских национальных обычаях и людях конца XIX века. Он говорит: «В этой стране есть почетные обычаи. Нет такого гражданина, который не любил бы читать. Они бережливы и трудолюбивы. По моим приблизительным наблюдениям: Жители центральной части страны в основном занимаются горным делом, и их навыки поразительны; северяне живут охотой, а южане — земледелием. Норвежцы зарабатывают на жизнь рыболовством, и они хороши в морских путешествиях. Они морально положительны, честны и искренни. Они ценят дружбу и отличаются исключительным гостеприимством». Обязательное и профессиональное образование в Швеции также оставило глубокое впечатление на Хун Сюня: «Дети обычных людей могут ходить в школу, и им не нужно учиться у репетиторов дома. У маленьких девочек также есть свои школы, где их обучают женщины-учителя. Как правило, они изучают английский, французский и немецкий языки и литературу. Иногда они также изучают арифметику или естественные науки, такие как физика и химия. Даже для портних или ткачих есть место, где они могут учиться. Образование в этой стране тщательно контролируется. Независимо от того, насколько велика или мала школа, находится ли она в городе или в деревне, она будет проверена правительственными уполномоченными. В каждой школе ведется учет учеников: их возраст, имена и класс, в котором они учатся. Информация об успеваемости, отношении к учебе, ежедневных занятиях, о том, какие книги они прочитали, какое содержание выучили, — все это тщательно проверяется и записывается каждые семь дней, а затем ежегодно оформляется в книгу. Когда приедут члены комиссии по образованию, школьные учителя достанут ее и покажут им».

В столице Швеции, Хун Сюнь посетил керамическую фабрику и своими глазами увидел, как расцвело искусство изготовления керамики, импортированной из Китая: метод изготовления вала, приклеивание основания на его конце, обмотка вокруг вала в течение нескольких недель или использование гончарного круга, чтобы вращать его ножной pedalью, и чистка основания

железным листом пальцами, без использования машины. Говорят, что все методы изготовления гончарной глины были скопированы из Китая.

Хун Сюнь также поведал малоизвестный исторический факт: «Я видел надписи музея железных изделий в Фалунь, есть люди из провинции Фуцзянь, которые верят в свою религию (лютеранство) и пришли к ней в 54-м году эпохи Цяньлун. Эта религия должна быть самой ранней». Это позволяет предположить, что китайцы уже присутствовали в Швеции за 77 лет до визита миссии Бин Чуня.

Несмотря на то, что книга является частной, она информативна и богата по содержанию, и говорит о том, о чем еще никто не говорил, она заслуживает своего места как фундаментальный документ китайско-шведских отношений в период правления династии Цин.

11. «Записи о путешествии в Швецию»

Кан Ювэй, уроженец Наньхая, провинция Гуандун. После провала реформы Ста дней он отправился в Европу и совершил путешествие в Швецию в седьмой месяц по лунному календарю летом 1904 года (второй раз он посетил Швецию в 1906 году) и написал путевой очерк, в котором подробно описал свои впечатления от шведских королевских дворцов и палаццо:

Дворец представляет собой четырехэтажное каменное здание прямоугольной формы, обращенное к озеру со стороны острова. Дворец окружен палатами и залами, такими же, как в Италии, Австрии и Германии, которые я не буду описывать. Трон находится в центре, на пяти ступенях, с несколькими прямыми рядами слева и справа, где сидят благородные министры, более десяти футов в длину, одетые в черный бархат с цветочным рисунком и с покрывалом из сокровищ на троне. Перед залом есть окно и крыльцо, все с балконом, а слева и справа — статуя предка короля, его отца, и гравюра с изображением заслуженного министра. Зал глубиной четыре фута и шириной два фута, очень маленький, но его величие меньше, чем в Китае. За парадным зданием и в одной из комнат, где живет принц, повсюду развешаны многочисленные олени рога, на которые охотился принц. Здесь же находится прекрасная бархатная картина стоимостью полмиллиона долларов, которая ткалась в течение 70 лет, одна в Париже, другая в заливе, а третья в этом зале. Здесь же находится меч, подаренный королем Персии, сделанный из драгоценных камней и очень ценный.

12-го числа мы проехали на машине десятки миль до дворца Чжоубо, где остров и горы яркие, море красивое, а лодка

пришвартована перед дворцом. Зеленая и голубая рябь была прямо перед длинным мостом, а сосновый лес давил на холмы и затенял их, и зелени не было предела. Дворец построен из белого камня, глубиной шесть или семь футов, с 13 окнами на средних трех уровнях и по семь окон на каждом из двух левых и правых уровней. Перед дворцом находится Зал праздников, а сзади — Библиотека со статуями бывшего короля Людовика XV и Чарльза XI и XII с супругой, которые превосходили Петра Русского и господствовали на море. Портреты короля и русских все еще существуют, но они очень плохо написаны. Здесь же находится портрет короля Персии Фридриха. Здесь же находится портрет нынешнего короля в возрасте 28 лет. Одежда древней императрицы очень похожа на костюм современных китайских женщин, все картины были написаны шведами на Шелковом пути от коридора через Столовую до Зала живописи Королевы и Зала сна занавесы и стены желтые, синие и красные, все одного цвета, но каждая комната отличается. Спальня имеет белую крышу и синие панели, а фарфоровые лампы сделаны из цветов из Китая. Есть китайская фарфоровая печь высотой более десяти футов, вся в фигурках, очень ценная. Весь желтый атлас соткан шведами и очень похож на китайский. За дворцом есть сад, очень большой, с душистой травой и красными цветами, и каменными статуями в ряд, за благоухающими травами, где растут бесконечные зеленые деревья. За пределами дворца есть чайная, где можно передохнуть и перекусить. Дворец — это место, которое не встречается больше нигде в мире.

12. «Черновик истории династии Цин – Записи о дипломатических отношениях»

В дополнение к вышеупомянутым, также имеется шведская хроника «Черновик истории династии Цин – Записи о дипломатических отношениях», которая была написана после окончания династии Цин. Раздел «Учительское дело» раскрывает новую тенденцию в китайско-шведских отношениях в конце династии Цин и воспроизводится здесь:

В 5-месяце 18-го года (Гуансуй) два шведских миссионера, Мэй Баошань и Ле Чуандао, были избиты до смерти, когда они отправились проповедовать в Сунбу в уезде Мачэн. Когда шведский генеральный консул в Шанхае Карл Бок узнал об этом, он отправился к Чжан Чжидуну и попросил четыре вещи: первая — разобраться с преступниками, вторая — выплатить им компенсацию, третья — вступить в должность губернатора уезда Мачэн и четвертая — основать церковь в Сунбу. В то время виновный был схвачен, и Чжан Чжидун согласился разобраться

с преступником и предложить ему пенсию, но не позволил ему присоединиться к губернатору Мачэна. Он сказал, что магистрат уезда Мачэн изо всех сил пытался остановить заключенного заранее, но что после этого ему объявят импичмент за то, что он поймал преступника, и что народ был возмущен открытием церкви в Сунбу, поэтому он нашел место в Усюэ, Ханькоу, чтобы построить церковь вместо нее. Бок также отказал в этом. После долгого времени было решено повесить двух заключенных и выдать каждому из двух священников по 15 000 долларов и по 15 000 долларов за утраченное имущество, а также вернуть миссию через 20 месяцев.

Два шведских священника принадлежали к лютеранской церкви, и в 1890 году (16-й год эпохи Гуансюй) они основали в Учан «Путь к обществу дао» и отправились проповедовать в соседние города и деревни, что привело к разногласиям между народом и церковью и к кровопролитию. В среднем и нижнем течении реки Янцзы такие печальные события, как дело церкви Мачэн, были лишь незначительным эпизодом в волне антииностранных религий.

16.3 Суй Хун в Гуанчжоу во времена династии Цин

1. Название и местонахождение

Штаб-квартира Шведской Ост-Индской компании находилась в Гетеборге на юге Швеции. Его торговый дом в Гуанчжоу, Суй Хун, также известный как Сюй Хэхун, располагался на улице Хун XIII, рядом с британским Лун Шунь Хун и австрийским Ма Инь Хун.[286] Шведские торговые суда, которые ежегодно курсировали между Гуанчжоу и Гетеборгом, имели четко выраженную сезонную структуру торговой деятельности. «Весной и летом каждого года шведские купцы приезжали в Гуанчжоу с черным свинцом, грубым бархатом, иностранным вином и кишмишем, въезжали через Хумэнь, покупали чай и фарфор, а в начале зимы возвращались домой. («Общая документальная экспертиза династии Цин», том 298)

Тринадцать рядов расположены на западе Гуанчжоу, лицом к Жемчужной реке, и стоят бок о бок с «варварами», с запада на восток: датский, испанский, французский и голландский павильоны в таком порядке. Жуй Хун расположен в центре города, через реку от знаменитого храма Хайчжан в Гуанчжоу. Почти все сохранившиеся экспортные картины, изображающие сцены с «импортного рынка» включают Жуй Хун, что свидетельствует о том, что он произвел неизгладимое впечатление.

В 1820 году Жуй Хун вышел из торговли в Гуанчжоу, и место было сдан в аренду другим иностранным купцам, просто сохраняя

название. В 1822 году тринадцать домов были уничтожены во время пожара в районе Сигуань в Гуанчжоу, впоследствии они были восстановлены, один павильон носил старое название «Шуй Хун», но без шведских купцов.

2. Внешний и внутренний вид Шуй Хун

Здание представляет собой не двор с большой крышей, а сине-желтый флаг с крестом перед дверью, указывающий на национальность дома. В произведениях цинских поэтов тринадцать иностранных домов были полны экзотики, а Ле Цзюнь, поэт из Цзянси, путешествовавший в Гуанчжоу в конце XVIII века, писал в «Поэзия о Линьнани»: «В восточной части Гуанчжоу находится тринадцать иностранных фирм, их богатство можно измерить в круглодонном ведре. Внешние перила выкрашены в розовый или белый цвет, а перед зданием высоко развеваются флаги компании. С помощью телескопа, висящего у окна, вы увидите вдали океан». Современный поэт из Хунани, Чжан Цзюэ, также писал в своей поэме «Фаньсин»: «На морском рынке Гуанчжоу у моря стоят тринадцать хонгов, расположенных, как крылья дикого гуся, и сгруппированных, как соты, окруженные множеством пчел. Перед Жемчужной рекой раскинулось огромное водное пространство, где каждый день свободно парят корабли с парчовыми парусами и причудливыми тросами».

Жуй Хун — двухэтажное, двухподъездное здание, выходящее на юг. В первой половине сторожка и крыша первого дома имеют летящие карнизы и арки, украшенные глазурованной плиткой, в стиле китайской жилой архитектуры. Во второй половине два внутренних дворика соединены со зданием в западном стиле, которое представляет собой сочетание Востока и Запада. У главного входа на вывеске написано «Жуй Хун» — это название, написанное на местном диалекте Гуанчжоу.

Китайские слуги, нанятые Жуй Хуном, известные как «Хун Динь», были ответственны за такие мелкие работы, как присмотр за дверью и ношение воды.

3. Жуй Хун и «инцидент Хун Жэньхуэй»

«Инцидент Хун Жэньхуэй» был известным инцидентом в XVIII веке во время китайско-западной торговли. Хун Жэньхуэй или Хунжэнь, также известный как Флинт, был купцом Британской Ост-Индской компании, который много лет торговал в Гуандуне и свободно владел китайским языком. Пытаясь открыть новые торговые порты в Китае, Хун Жэньхуэй на 20-м году правления Цяньлуна (1755) привел корабль в Динхай в Чжэцзяне, утверждая, что у него есть лицензия Гуандунской таможни, и

купил там шелк и чай без разрешения. В последующие годы другие иностранцы также отправились торговать в Нинбо, в результате чего торговля в порту Гуанчжоу на некоторое время сократилась. На двадцать четвертом году правления Цяньлуна Хун Жэньхуэй приплыл в Тяньцзинь, чтобы пожаловаться на свои неудачные попытки торговать в Чжэцзяне, но после отказа был вынужден вернуться в Гуанчжоу. Он был вынужден вернуться в Гуанчжоу, получив отказ. Цинский суд был возмущен его нарушениями за эти годы, и он был отправлен в Макао на три года по обвинению в «сговоре с недобросовестными людьми с материка, осуществлении платежей от их имени и попытке нарушить правила создания отдельного морского порта».

Участие Гуанчжоу Жуй Хун в «инциденте Хун Жэньхуэй» было четко зафиксировано в официальных книгах династии Цин. Во второй день восьмого месяца двадцать четвертого года правления Цяньлуна (1759 год) по просьбе иностранных бизнесменов в Гуанчжоу губернатор двух провинций Ли Шияо принял в общей сложности 21 главу пяти западных стран, в порядке «один за другим»: «англо-германской, французской, германской, датской и шведской». В ответ на обвинения Хун Жэньхуэй, Ли Шияо и другие официальные лица пояснили, что они исправят недобросовестную работу Гуандунской таможни, и повторили, что в Гуанчжоу будет разрешена только одна торговля, причем решительным тоном: «Район Нинбо запрещен для посещения, и бесполезно высылать их, если они туда поедут. В результате «все купцы поклонились в знак благодарности и разошлись» («Ежедекадное издание исторических источников», № 5).

4. Правила по предотвращению въезда иностранцев и изменение условий торговли в Жуй Хуне

После инцидента с Хун Жэньхуэй цинские власти ввели в действие Положение о недопущении иностранцев, чтобы усилить управление портом Гуанчжоу, предложенное Ли Шияо, губернатором двух провинций, включающее пять пунктов: (1) проживание иностранцев в провинции на зимний период должно быть запрещено навсегда; (2) прибытие иностранцев в Гуандун должно контролироваться и проверяться купцами-резидентами; (3) заимствование капитала иностранцев и наем китайских слуг должны быть запрещены навсегда; (4) наем иностранцев для передачи информации должен быть запрещен навсегда; (5) использование судов иностранцев для стоянки должно распределяться по усмотрению. («Правдивые записи Цин Гао-цзуна», том 708)

В соответствии с вышеуказанными правилами, начиная с 1760

года, Жуй Хун столкнулся с новой торговой средой в Гуанчжоу, что наиболее важно в следующих двух аспектах.

Во-первых, «В будущем, когда варварские купцы придут в Гуандун, купцам следует приказать продать товары, которые они привезли с собой, приказать им купить товары и вернуться в страну со своими кораблями согласно графику. Поскольку иностранные товары какое-то время было трудно продать, а достать оригиналы невозможно, те, кто должен был остаться в восточном Гуандуне, им также следует приказать отправиться в Макао и передать товары купцам, чтобы они продали от их имени, вернуть деньги и убедиться, что они вернутся в свои страны со своими иностранными кораблями в следующем году».

Во-вторых, «в будущем варварам не будет позволено жить ни в одном доме, который не является открытым домом иностранцев, и варварам будет позволено жить в домах существующих купцов в Гуандуне, а если домов не хватит, купцам будет предписано арендовать собственные дома и выделена охрана для их безопасности. Варвары не должны брать с собой более пяти человек, и им не разрешается приносить в провинцию какое-либо оружие».

5. Преференциальное отношение цинского правительства к Жуй Хуну в отношении квот на экспорт шелка

Гуанчжоу был традиционным портом для экспорта шелка. колебания цен на шелк-сырец в Гуанчжоу в XVIII веке были следующими:

Цены на шелк-сырец в Гуанчжоу(1702—1799)[287]

Год	Цена за загрузку (таэль)	Показатель	Средняя цена (таэль)
-----	--------------------------	------------	----------------------

1702	132	100	
1703	140	106 +	
1704	100	76+	
1722	150	113+	
1723	142—144	100.8	143
1724	155	117+	
1731	155—159	118+	157
1750	175	131.8	
1755	190—195	145.4+	192.5
1757	225—250	180+	238
1763	245	185+	
1765	269	203.7+	
1770	300	227+	
1775	275—277.5	209+	276
1783	275	207+	
1784	310	234+	
1792	312	236+	
1793	255	193+	
1799	270	204+	

В начале династии Цин в Гуанчжоу экспортировали значительное количество шелка, включая шелк-сырец и атлас. Согласно отчету Ли Шияо от 24-го года правления Цяньлуна (1759 г.):

Иностранные корабли, которые приходили в Гуандун для продажи товаров на экспорт, в значительной степени ориентировались на шелк, и каждый год они закупали шелка и атласа на сумму от 200 000 до 320 000 фунтов. Согласно статистике, стоимость шелка, купленного за год, составляла 700 000, 800 000 или миллион таэлей. По крайней мере, за год они покупали до 300 000 таэлей.

«После инцидента с Хун Жэньхуэй цинские власти на 25-м году правления Цяньлуна запретили вывоз шелковых товаров за границу, чтобы «отбить у иностранцев желание» быть снисходительными и заставить их осознать предупреждение цзюнь». Два года спустя запрет был немного смягчен, и каждому судну было разрешено экспортировать 8 000 катти шелка-сырца. Запрет был снят на двадцать девятом году правления Цяньлуна, но ограничения на количество и сорт шелка все еще оставались.

В дополнение к 8 000 катти, разрешенных правилами, каждому кораблю было разрешено взять с собой еще 2 000 катти грубого

шелка. Нить шелкопряда и атласа, как обычно, была под запретом.

В период шелкового эмбарго единственным, кто пользовался преференциями, был Жуй Хун. Это было подробно зафиксировано в томе 298 «Документальный генеральный экзамен династии Цин».

В двадцать седьмом году эпохи Цяньлун был издан специальный указ, разрешающий покупку шелковых цзиней. В 10-месяце того же года купцу Швеции был подан хлопок, что, хотя в других иностранных государствах, есть нить шелка-сырца, но нет ткацкого ремесла. Страну, которая не может ткать сама, если только разрешить ей привезти шелковый цзинь, все равно не стоит брать. Теперь, когда Швеции уже два или три года не хватает шелка, я хотел бы попросить разрешения привезти 2000 фунтов шелка. Губернатор двух провинций Су Чань сообщил об этом от его имени и попросил, чтобы в будущем каждому шелковому килограмму было разрешено привозить только 800 килограммов шелка и атласа, чтобы не было дополнительных запросов. Сейчас правительство умоляет привезти 2000 фунтов шелка, больше нет, я ценю сострадательное понимание императора к далеким варварам, разрешено привезти. Бок удовлетворил просьбу.

Это означает, что, в то время как другим иностранным купцам разрешалось перевозить только шелк-сырец, кораблям Шведской Ост-Индской компании в виде исключения разрешалось привозить шелк, благодаря подвигам торговцев хлопком, что освободило компанию от экономических санкций, вызванных инцидентом Хун Жэньхуэй. Кораблям Шведской Ост-Индской компании в порядке исключения было предоставлено особое обращение в виде «разрешения на перевозку шелка», что освободило их от экономических санкций, наложенных «делом Хун Жэньхуэй», и дало им преимущество в виде иного отношения к торговле в Гуанчжоу XVIII века.

б. Социально-экономические преимущества бизнеса в Гуанчжоу

Историю китайско-шведской торговли в период правления династии Цин можно разделить на два периода: первый — с десятого года эры Юнчжэн (1732) по двадцать седьмой год эры Даогуан (1847) и второй — с двадцать седьмого года эры Даогуан (1847) по Синьхайскую революцию (1911).

В течение первых 115 лет шведская Ост-Индская компания долгое время контролировала бизнес в Гуанчжоу. Основанная в 1731 году, компания получила от шведского правительства хартию на право торговли в странах к востоку от мыса Доброй

Надежды сроком на 15 лет, которая впоследствии трижды продлевалась на 20 лет каждый раз до ее роспуска в 1813 году (18-год Цзяцин). Поэтому можно сказать, что история торговли Шведской Ост-Индской компании с Китаем является основополагающей частью периода торговли в Гуанчжоу.

От прибытия первого шведского торгового судна «Король Фредерик» в 1732 году до роспуска Шведской Ост-Индской компании в 1813 году он просуществовал 81 год, что вполне соответствует китайскому празднику «период процветания Цяньлун». Шведские торговые суда, прибывшие в Гуандун, насчитывали 35 судов и совершили 132 рейса. Товары, приобретенные компанией из Гуанчжоу, в основном состояли из шелка, чая и фарфора, которые были высококлассными потребительскими товарами в европейском обществе XVIII века и приносили большую экономическую выгоду.

По мнению современных шведских историков, коммерция швейцарского банка в Гуанчжоу во времена династии Цин ускорила модернизацию шведского общества, что принесло значительные социально-экономические выгоды: «Возникновение богатой и самосознательной буржуазии неаристократического происхождения в Швеции в XVIII веке было связано с торговлей с Китаем, хотя в какой степени, еще предстоит выяснить. Нет необходимости говорить о том, что очень важным фактором было то, что торговля с Китаем привела к буму экспорта шведского железа, которое производилось на множестве заводов, разбросанных по сельской местности. Более того, импорт из Китая помог сформировать образ жизни и модели потребления шведского высшего класса, а также оказал влияние на развивающийся городской средний класс. Фарфор, шелк, китайская мебель и ремесленные изделия стали символами образа жизни с хорошим вкусом».[288] Я уверен, что благодаря совместным усилиям китайских и шведских историков роль в истории торговли в Жуй Хуне в Гуанчжоу будет прояснена еще больше.

16.4 Заключение

Краткий обзор шведских хроник династии Цин и коммерческой деятельности швейцарских компаний в Гуанчжоу показывает, что китайско-шведские отношения, сформировавшиеся в середине XVIII века, по историческим условиям явно отличались от отношений других западных стран, а по стилю торговли — от отношений британских, французских и голландских Ост-Индских компаний.

До начала Опиумных войн западные страны, торгующие с

Китаем, присутствовали в портах Гуанчжоу в разных обличьях. По словам Ли Хунбиня, губернатора Гуандуна, «у них были разные привычки: Мюнхен, Гонконг, Лусон, Голландия и т.д. не были послушными, но они были менее упрямыми; а британцы и голландцы были самыми непокорными».[289] Что касается Швеции, то она начала торговать с Китаем только после поражения в Северной войне, и ее Ост-Индская компания не могла «превратиться из торговой державы в военную и территориальную» так же, как и британская Ост-Индская компания.[290] Поэтому в течение всего периода гуанчжоуской торговли между швейцарцами и Китаем «не было никаких разногласий, потому что их страна не была сильной, и поэтому народ был в основном послушным, как следствие сложившейся ситуации».[291]

Хотя «страна находилась в центре северо-западного моря и до границы с Гуанчжоу добиралась по морю, а это расстояние более 60 000 миль, только через столетие или два сезонного обмена три основных продукта китайской материальной цивилизации — шелк, чай и фарфор — наконец-то попали в шведские дома сверху вниз. После многих лет подражания и поглощения (в основном керамики и шелковых тканей) «импортные» продукты эпохи Ост-Индской компании в той или иной степени стали предметами повседневной необходимости современных шведов.

Китайцы, посетившие Швецию после пяти торговых портов, такие как Чжан Дэи, Ван Чжи и Хун Сюнь, еще не имели полного представления о Швеции, но они, в меру своих возможностей, выражали беспокойство за судьбу северной страны, находящейся под угрозой со стороны своего могущественного соседа (царской России), и хвалили ее «хорошие национальные обычаи». Очевидно, что в их представлении Швеция была цивилизованной страной на Балтийском море, хотя и небольшой, и дружественной страной, которая «ценила своих соотечественников и была особенно гостеприимной».

Глава 17

Голландский павильон в Гуанчжоу времен династии Цин

Начало XVII века также стало началом китайско-голландских отношений. Зимой 1601 года, на двадцать девятом году правления династии Мин, голландский флот под командованием Ивана Нека прибыл в Гуандун с просьбой о торговле, но, хотя он и не имел успеха, оставил в Линьнани имя «рыжеволосых варваров»[292]. В 1602 году была основана голландская Ост-Индская компания (ОИК), которая получила от парламента право торговать от мыса Доброй Надежды на восток до Магелланова пролива, а «рыжеволосые корабли» стали все чаще появляться в Южно-Китайском море. В результате жители Гуанчжоу в начале правления династии Цин были не чужды голландским кораблям и иностранным купцам. Известный поэт Цюй Дацзун (1630-1696) написал в длинной песне в пять строк «Башня на морском побережье»: «От Хайкоу до Хумэна, по водам разбросаны суда иностранцев. Рыжеволосые — голландцы, чернозубые — вьетнамцы».[293] Он также посетил голландские корабли, чтобы увидеть обычаи «красноволосых», оставив для потомков следующую визуальную запись:

Голландское судно прибыло в Гуанчжоу, и я смог подняться на его борт для экскурсии. Здесь несколько палуб, поэтому я спустился вниз по канатам. На корабле есть резервуары с водой и грядки с овощами. Для мутной воды в резервуарах используются квасцы, чтобы сделать ее снова чистой. Воду наливают в котелок и кипятят, прежде чем пить. Спят они на так называемой мягкой кровати, которая застелена белой войлочной тканью. Все носят мягкие перчатки и снимают их во время еды. В пищу употребляют хлеб на пару и говядину, которую жарят и запекают в масле сладкого эвкалипта, готовые к подаче, когда цвет становится золотистым. Едят они ножом, который может сгибаться и вытягиваться, как змея. Крутятся и мощно поворачиваясь слева направо, он также похож на древний меч из рыбьих кишок. Время от времени они играют на музыкальном инструменте с латунными струнами. Хлопая в ладоши, пожимая плечами, они танцуют лицом к лицу, чтобы развлечь гостей. Кажется, что они очень вежливые люди.[294]

В данной работе, можно сказать, нарисована схема питания, быта и нравов голландских пиратов в начале династии Цин.

В «варварской» системе управления династии Цин Голландия была одним из «трибутарных государств Юэ Дао» и неизбежно должны были ассоциироваться с Гуанчжоу. На 12-м году правления Шуньчжи (1655 год) первая миссия, отправленная голландско-индийским губернатором в Пекин через Гуанчжоу, не достигла своей цели — прямой торговли — и добилась лишь

скромных успехов: «Они могут приезжать в Китай раз в восемь лет, имея не более ста сотрудников, и только двадцати из них разрешается приехать в нашу столицу. Привезенные ими товары должны торговаться на голландской фабрике, а не продаваться частным образом на море в Гуандуне». На 24-м году правления императора Канси (1685 год) в Гуандуне был создан таможенный пост, и цинский двор согласился с тем, что «период взимания дани с Нидерландов первоначально был запланирован раз в восемь лет, но теперь король попросил, чтобы это происходило раз в пять лет в знак признания благосклонности императора». (Лян Тинсян: «Кантонская даосская дань уважения Королевству», том 3) «Период дани» был только сокращен, и регулярные торговые отношения не были установлены».[295] Только в 1727 году (пятый год правления Юнчжэна) голландцам было разрешено основать торговый пост в Гуанчжоу. С XVII до начала XVIII века голландская Ост-Индская компания в основном базировалась в Батавии для торговли китайским чаем между Европой и Азией. 5 декабря 1728 года компания отправила корабль прямо из своей страны в Гуанчжоу, чтобы купить чай и другие товары. Корабль был загружен на 300 000 гульденов серебра и прибыл обратно в Голландию 13 июля 1730 года с чаем, шелком и фарфором, получив чистую прибыль, более чем вдвое превышающую вложенные средства. С 1731 по 1735 год в Гуанчжоу торговали еще одиннадцать голландских кораблей. С 1739 года (четвертый год правления Цяньлуна) китайский чай стал самым ценным товаром, поставляемым с Востока в Европу голландскими кораблями».[296]

Голландский павильон в Гуанчжоу во времена династии Цин был торговым домом, специализировавшимся на продаже чая, шелка, фарфора и других экспортных товаров, в отличие от русского павильона в Пекине, который также служил миссионерским и учебным центром.[297] На зарубежных рынках Гуанчжоу голландский павильон был также известен как «Хун правосудия», и его деловые цели были ясны.[298] Однако, будучи единственным голландским институтом в Китае в начале династии Цин, он не мог не вмешиваться в иностранные дела и культурные обмены и играл уникальную роль. В этой статье мы возьмем это в фокус нашего обсуждения, и мы кратко рассмотрим рассказы в истории династии Цин, особенно в поэзии, в надежде расширить наш кругозор и получить более полное понимание положения Голландского павильона в китайско-голландских отношениях.

17.1 Голландский павильон в поэзии династии Цин

В династии Мин и Цин существовали различные переводы названия «Голландия»: Голландия, Аландия, Нидерланды и так далее. (Ду Цзунъюй: «Транслитерация разных имен Ин Хуаня», том 3) Только на пятьдесят девятом году правления Цяньлуна (1794 год) название было стандартизировано указом о том, что «страна Пэньголландия должна быть переписана как страна Нидерланды или Голландия» («Теория Гунго кантонского дао»).

Во время своего путешествия по Гуандуну поэт Лэцзюнь, выпускник Линьчуань в провинции Цзянси, написал поэму под названием «Поэзия о Линьнани», в которой есть глава под названием «Шисань Хун», в которой он пишет о «Голландии» следующее:

В восточной части Гуанчжоу находится тринадцать иностранных фирм, их богатство можно измерить в круглодонном ведре. Внешние перила выкрашены в розовый или белый цвет, а перед зданием высоко развеваются флаги компании, с помощью телескопа, висящего у окна, вы видите вдали океан.

Голландцы, филиппинцы или британцы, у всех глубокие глаза и нескладные носы.

Одеты в иностранную одежду из тканого твида, демонстрируя непревзойденную экзотику и своеобразие, они приезжают сюда каждый год, когда морские приливы и отливы текут в определенном направлении.[299]

Шисань Хун, также известен как «Тринадцать варваров», расположены на западе Гуанчжоу, обращены к Жемчужной реке и стоят бок о бок. Так называемые «белые знамена перед зданием» представляли собой баннер перед каждым зданием с указанием их национальной принадлежности. Голландский павильон, расположенный рядом с английским, имеет красно-бело-синий флаг. Оно принадлежало Цай Чжаофу из Ифэна, годовая арендная плата составляла около 600 таэлей. В 1783 году купец, известный как «Чжаогуань», продал свою собственность, чтобы покрыть долги из-за задолженности по зарплате,[300] и Голландский павильон сменил владельца, но сохранил право аренды до 1822 года, когда помещение иностранного офиса было уничтожено пожаром.

Голландский павильон, давно существующий в Гуанчжоу, был хорошо известен уже в период Цяньлун, его услугами пользовались литературные деятели и поэты. Чжан Цзюйюе, уроженец Сянтана, провинция Хунань, который в свое время был губернатором Шисина и Хайяна в Гуандуне, в 1770 году написал длинную и редкую песню в семь строк и семьдесят восемь строк, в центре которой — Голландский павильон,

подробно рассказывая об иностранцах и их делах в Гуанчжоу в те дни.[301]

Последний абзац — сентиментальный, не несущий практически ничего нового, поэтому нет необходимости его цитировать. Я буду записывать только описания по существу и добавлять некоторые пояснения для справки, насколько я это понимаю.

На морском рынке Гуанчжоу у моря стоят тринадцать хонгов, расположенных, как крылья дикого гуся, и сгруппированных, как соты, окруженные множеством пчел.

Перед Жемчужной рекой раскинулось огромное водное пространство,

где каждый день свободно парят корабли с парчовыми парусами и причудливыми тросами.

Моллюски движутся к сказочному острову с кораллами, похожими на ветви,

Акулы выплескивают водяной шелк, словно с ликованием рисуя на бескрайнем белом океане.

Высокие здания здесь стали прообразом для Макао,

в чудесных домах живут иностранные торговцы, которых вы никогда не увидите.

Высокие здания и привлекающие внимание дома бывают разных форм,

экзотические розы никогда не бывают однотонными, прекрасные, как цветочное дерево.

Красные агаты нанизаны на нить, а золотые листья — парные, зеленая глазурованная плитка наклонно спускается вниз, в той или иной степени касаясь окон.

В воздухе развеваются разноцветные знамена из ткани лено, вымощенные яшмой балюстрады упираются в небо на многие мили.

В пейзаже «морского рынка» преобладает зеленый цвет, о чем свидетельствуют такие слова, как «зеленые глазурованные плитки» и «балюстрады, вымощенные яшмой», которые реалистично изображены. Есть еще три текста, которые можно использовать для сравнения.

1. В наборе из шести стихотворений Юань Мэй под названием «Прощание с Сянцином» («Любэ Сянтина»), третье из них шести гласит:

Если вы поедете в далекий город Вуян,
вы увидите храмы и цветочные поля на берегу моря.
На острове Шамиан музыка и песни звучат эхом всю ночь,
сияющие голубовато-зеленым цветом высокие иностранные
здания.

2. В стихотворении Шэнь Муциня «Восхождение на здание, где живут западные люди» мы читаем эти четыре строки:

Здание такое высокое, что вот-вот коснется облаков,
над розовато-белыми стенами возвышаются коньки крыш,
украшенные узорами.

Перила выкрашены в ярко-зеленый цвет,
ворота охраняет латунный замок, который работает лучше
любого оружия.

3. Лидоу в своей книге «Записи о баржах Янчжоу», том 12, предлагает объяснение этому: «Вероятно, потому что западные люди любят зелень, в районе тринадцати хонгов Гуанчжоу есть Битанг [Зеленый зал]. Он был построен с учетом концепции дизайна, согласно которой широкое здание с комнатами может блокировать прямой солнечный свет и пропускать лунный свет». В поэтическом произведении Чжан Цзююэ «Иностранные фирмы» больше информации о Нидерландах можно найти в следующих строках:

Мы приветствовали неизвестного судовладельца,
и узнали через переводчика, что он из Хэгуо [Голландии].
Он носил усы и имел глубоко посаженные глаза, как у большого орла,
он был одет броско, словно демонстрируя свое богатство другим
людям.

Говоря о ценах, он понимает диалект у-юэ,
при общении с гостями он непременно ведет себя на манер
ханьцев и танов.

На серебряной монете, которую он преподносит, изображена
голова иностранного короля,

на стеклянном зеркале в его доме изображена красивая женщина в шикарном платье.

В ограде заперты телята и луцюань,

На ступенях лестницы разложены суофу и туони.

Если продукты, сделанные из туони и суофу, нужно считать в общем количестве,

Диноу и чинан можно считать безгранично, так как их очень много.

Часы в форме лотоса отбивают время восхода и захода солнца, часы, украшенные драгоценностями, движением стрелок отмечают полночь и полдень.

Среди красивых нефритовых украшений беспорядочно разбросана мазь сухэ,

то, что выливается из бутылочки, — это желтый или фиолетовый лосьон, похожий на виноградный сок.

Музыка воды может имитировать щебетание маленького феникса,

аккордеон издает звук красного попугая.

Есть также мужчины, прыгающие вместе рука об руку,

демонстрируя свои обтягивающие хлопчатобумажные рубашки и сдерживающие узкие брюки.

Мужчины с короткими мечами в груди родом из Италии,

те, у кого в рукавах спрятаны пистолеты, — из Франции.

Черный раб, наблюдающий за дверью, держит в руке мушкет,

рыжеволосый иностранец полирует кривой кинжал хорошей марки.

В этом рассказе о «хозяине корабля» и «Хэ Го», и «Хун Мао» относятся к Нидерландам. В поэму включены как древние, так и современные ссылки, например, Сухэ и Дюшен, которые были благовониями и травами из Южно-Китайского моря в династиях Тан и Сун, а не западными товарами, импортированными в начале правления династии Цин. Так называемые «шаги комитета и горбуны» — это голландский плюш, который импортировался в больших количествах в те годы, и его можно сопоставить с «Бамбуковой лирикой с моря» Чжан Юйнаня. Шестнадцатая песня в «Голландской коллекции» и ее оригинальная нота гласили: «Шерстяная ткань неизменно

изысканна, чей окрашенный цвет излучает драгоценный свет. Погруженные на торговые корабли и отплывшие в Линьхай, в тринадцати хонгах они были проданы в чистом виде. (Примечание: шерстяные ткани, сотканные в этой стране, очень хорошо продаются, особенно в Гуандуне)». Кроме того, часы с цветком лотоса, часы Байбао, стеклянное зеркало, орган и так далее — все это были новинки, уникальные для комнаты У-ро в Бань-хане, поэтому неудивительно, что Чжан Цзюйюэ пришлось торжественно перечислять их в подробностях.

Ниже приводится последняя часть стихотворения Чжана:

Услышав, что рыжеволосые иностранцы прибыли в Хуанпу,
грузополучатели и перевозчики с надеждой бегут с посланием.
Деревянные весла взлетают на сороконожку скоростной лодки,
несколько полян с грузом в связках покрывают лодку, словно
холм какого-то масштаба.

Вызывая друг друга по имени, они едва слышат ответ,

Кто-то счастлив, а кто-то зол, кто может предсказать, кто
взлетит высоко!

Морские купцы и купцы из Хонга веселы,

с банкетами и музыкой, они соревнуются, кто больше поставит
чаш и бутылок на стол.

На каком корабле больше пожара,

в каком месте больше странных страусов и какой олень Будды
веселее?

Рассеянный среди обычных домохозяйств и известный путешествующим
бизнесменам,

Ко-хонг среди фирм — самый крупный маклер.

Поверхностное послушание прикрывает их тайные хищения,

они завоевывают как отечественных, так и иностранных купцов,
далеко не всегда благосклонных.

Хучжоуский шелк и гуандунская парча разных цветов и узоров,
чай из Вэньчжоу и керамика из Раопина, все по последней моде.

Время от времени они надевают свои маскарадные костюмы,
чтобы посетить высокопоставленного чиновника,

планируя крупную сделку, в ходе которой договариваются о
невозможном.

Поэма рассказывает о прибытии красношерстного корабля в порт Хуанпу, о том, как корабль был загружен, разгружен и продан, а также о покупке товаров для обратного плавания под контролем страхового агента государственного банка (влиятельного человека).

Описания рынка, владельцев и купцов более конкретны, чем в официальных текстах того же периода, и являются бесценными. Однако из-за классического поэтического стиля и метража детализация изложения все же несколько меньше, чем в прозаических записках.[302] Нижеследующие «Записки о путешествии по Южному Китаю» Цзэн Цижун, ученым из Цзясяна, Шаньдун, 13 мая 1782 года, представляют собой окончательный отчет о голландском павильоне в Гуанчжоу в эпоху Цинской династии:

Направляющие ворота (Примечание: Гуйдэ Мэнь, т.е. направляющие ворота — одни из восьми новых ворот, открытых в ходе расширения городской стены Гуанчжоу на седьмом году правления Хунъю династии Мин. Сегодня это место, находится на пересечении улиц Цефань и Дадэ, и сохранилась надпись: «Выйдя из Путеводных ворот, я посетил тринадцать хонгов в сопровождении переводчика по фамилии Сюй. Дома здесь построены у воды, с розовыми стенами и зелеными заборами, восьмиугольной или шестиугольной формы. Некоторые из них квадратные, некоторые круглые, а некоторые спиральные, что действительно невероятно. Перед домами находятся склоны. Двери открываются сбоку, напоминая ворота древнего города, обнесенного стеной. С белой резьбой и множеством драпировок их дома выглядят великолепно. Перед домами патрулируют стражники с фоланчжи [мушкетами]. У этих иностранных слуг глубоко посаженные глазницы, зеленые зрачки, мерцающие глаза и курчавые волосы. Они похожи на желтую лошадь с выступающим носом. Большинство иностранцев одеты в твидовую одежду, а на поясе у них висят острые кинжалы, которые, кажется, излучают холодный свет, способный осветить крошечные волосы на теле человека. Если бы человек не попросил разрешения войти внутрь, он не осмелился бы войти. На окнах висят вышитые занавески, решетки которых сделаны из тигельной стали, выглядят эффектно, но достаточно прочны, чтобы не пустить посторонних. Двери обильно расшиты занавесками, а окна сделаны из железа. Внутренняя отделка покрыта большими глазурованными плитками. Когда в помещении проходит много людей, возникает резонирующий звук, подобный эху в долине. Пол покрыт чужеземным ковром, алого цвета и чистый, как валун, о который бьются волны в реке. На него не хочется ступить, опасаясь, что обувь может

занести пыль. Маленький столик имеет форму луны или полумесяца, на нем разложено множество фруктов и цветов. Человек с белой кожей и зелеными глазами — известный бизнесмен, одетый в черную бархатную триконовую шляпу, похожую на шапку монаха. Он был одет в плотно облегающий синий твид с большими золотыми пуговицами, похожими на нитки золотых бус. Его шейный платок был смешанного цвета, плотно обернутый вокруг шеи аккуратным образом. Он носил кожаные туфли. В руке у него была алая трость. Говорят, что в этой трости спрятан острый кинжал. Переводчик сказал мне, что этот вид трости самый дорогой. Хозяин дома жестом показал, что он обходится без этикета и мы должны обращаться друг к другу только как гость и хозяин, на что я поклонился, сложив руки перед грудью. Хозяин вручил мне золотую коробку с табаком, запах которого был резким и невыносимым для меня, однако он держал ее в обеих руках перед своим носом и усиленно нюхал, не издавая ни единого чиха. Вскоре после этого подали еду. Посуда тоже была сделана из южанского фарфора, но с великолепными узорами и цветами, сильно отличающимися от тех, что используют в обычных домах. Каждая посуда вмещает десять литров пищи, по вместимости превосходящая те, которыми пользуемся мы. Мясо на стол подавали целым, не разрезая на мелкие кусочки, а голову и когти удаляли. Палочками не пользовались, только вилками из железа. Основным блюдом были пшеничные продукты, перемежаемые маленькими кусочками жареного мяса, которое посыпали укропом, молотым перцем и порошком чили. Вино подавалось в белых бокалах, каждый из которых был кристально чистым, с небольшим отверстием и прямой средней частью. Вкус был ароматным и освежающим. Я выпил сразу три бокала. Хозяин был очень доволен, он сделал жест, показывая на бокал с вином и трижды касаясь губ, и переводчик сказал мне, что это означает «я завидую вам, что вы можете так много пить. После этого отправился прогуляться по коридору, чтобы увидеть все чудеса. Там были музыкальные колокола, и когда наступало время, все тона звучали вместе, без ошибок в звучании и времени. Было тысячемильное зеркало, с помощью которого можно было видеть далеко и высоко, а за две-три мили видеть глаза человека. Здесь также есть полная карта океанов, цветок бедуина, сиреневая лоза, птица акация, пятицветный попугай, перевернутая птица, мангуст, коротконогая собака и т.д. Хрустальные лампы подвешены к карнизам, и когда налетает ветер, жемчужины и осколки сотрясают воздух и звенят друг о друга. Когда ездил на Жемчужную реку и обратно, видел их издали поздно вечером. Это также наблюдалось в столице в 1781 году. На двери висел флаг, окрашенный в цвет

киновари и сделанный из виллообразных нитей, который также является голландским.

В интерьере музея чувствуется экзотика. Широкий выбор экзотических предметов и домашних животных привлекает внимание. Некоторые из этих западных продуктов будут рассмотрены в третьем разделе данной статьи, здесь же они будут опущены. Следует особо отметить, что так называемый «суперкарго» на самом деле является голландским павильоном Суперкарго. Согласно голландским архивам, суперкарго в 1782 году, то есть на сорок седьмом году правления Цяньлуна, именно С. Хейлигендорп[303] занимал должность управляющего, «белолицый, голубоглазый человек», который развлекал Цзэн Цижу в павильоне и хвалил его за умение пить. Поскольку «самый дорогой», то это должен быть именно этот человек.

Преыдущие управляющие голландских павильонов в Гуанчжоу гораздо менее выдающиеся, чем управляющие британских павильонов в Гуандуне. Однако есть один человек, который вошел в историю благодаря своему участию в дипломатических делах с Китаем, и это уникальная личность, которая заслуживает особого раздела.

17.2 Фань Браам и китайско-голландские отношения

В литературе династии Цин известно лишь несколько имен голландского павильона Тайпань в Гуанчжоу. Только в литературе о династии Цин известно лишь несколько членов голландского павильона в Гуанчжоу, которые известны своими работами и трудами, но в китайско-голландских отношениях выделяется только Фань Браам Хоукгест, который служил второй срок с 1791 по пятьдесят девятый год эпохи Цяньлун.

А. Э. Фань Браам Хоукгест (1739-1801) родился 1 ноября 1739 года в Утрехте, Нидерланды, и в 1759 году стал голландским морским офицером, он отправился в Макао и Гуанчжоу, чтобы в течение восьми лет вести торговые дела с грузовыми судами Ост-Индской компании, затем вернулся в Нидерланды и вести хутор, жил как аристократ в деревне до 1773 года. В 1774 году он был натурализован в США и стал моряком с двойным гражданством. Затем он вернулся на Восток, останавливался в Малакке и Батавии, а затем прибыл в Гуанчжоу 8 июля 1790 года (Цяньлун 55) для работы в Голландском павильоне.[304]

Что касается личных качеств, Фань Браам обладал характером первопроходца: «Он был человеком с большим интересом, живым, осторожным, мудрым, легко приспосабливающимся, напыщенным и самовосхваляющим, но обладающим большими способностями и жаждущим новых знаний».[305]

Самым значительным достижением его пребывания на Тайпане стало планирование и участие в голландской миссии при цинском дворе. Эта миссия, последовавшая за британской миссией Маккартни в 1793 году, была встречена императором Цяньлуном с той же вежливостью и стала еще одним важным событием в отношениях между Китаем и Западом в конце XVIII века.

Проницательный «рыжий», который воспользовался возможностью, Фань предложил голландскому и индийскому губернаторам Батавии отправить посланника на празднование 60-летия правления Цяньлуна, когда узнал от миссии Маккартни, что в Пекине будет празднование. Это предложение было принято, и была сформирована голландская миссия с Де Шенгом (или Иссаком Титсингом, 1745-1812) в качестве главного посла и Фань Браамом в качестве его заместителя. Миссия была организована. Основные пункты маршрута миссии следующие:

15 августа 1794-года Судно «Сиам» отправилось из Батавии в Гуанчжоу через Макао.

13 октября Делегацию принял губернатор Гуанчжоу и Кантона Чан Лин в храме Морское знамя, где он осмотрел дипломатические документы.

22 ноября Делегация из 27 человек отправилась из Гуанчжоу в Пекин.

9 января 1795- года Делегация прибывает в Пекин.

12 января Делегация встретилась с императором Цяньлуном, трижды поклонилась и посетила императорский банкет в Пурпурном павильоне.

31 января Делегация посетила гору Ваньшоу.

8 февраля Голландская делегация покидает императора Цяньлуна в Юаньминъюане и получает «специальный указ».

9 мая Голландская делегация вернулась в Гуанчжоу.

О встрече между Чан Линем, губернатором провинций Гуандун и Гуанси, и голландской миссией в храме Хайчжуань, «Сборник поэзии Юньшаньтан» Ван Вэньхао, том 1, «Восемь стихотворений Чанмуань Чжифу и голландских национальных посланников в храм Хайчжуань», которые являются подробными описаниями, которые могут восполнить недостаток литературы династии Цин.

Дипломатическая деятельность миссии Дэшэнь осуществлялась в соответствии с системой «дани» цинского двора. Они несли

поздравительные подарки, в основном западные экзотические изделия, а также некоторые известные товары из Южно-Китайского моря.

В столицу прибыла пара из восьми музыкальных колокольчиков, четыре пары золотых часов различных видов, пара маленьких инкрустированных золотых шкатулок, четыре пары инкрустированных ленточных пластин, сто восемь коралловых бус, сто восемь янтарных бус, два зеркала, пара духовых ружей, тридцать каттей золотых и серебряных нитей, сорок каттей янтаря, десять выпусков различных цветочных войлока, десять выпусков различных перьевых атласов, десять выпусков различных твидов, десять западных тканей, два ковра, пара больших стеклянных зеркал, пара настенных зеркал из цветочного стекла и четыре пары стеклянных подвесных светильников, сто фунтов птичьего гнезда, пятьсот фунтов сандалового дерева, сто фунтов кардамона, двести пятьдесят фунтов гвоздики, тридцать бутылок сандалового масла и тридцать бутылок гвоздичного масла. (Трибуна провинции Гуандун)

Ответные подарки цинского двора делились на две категории: «в качестве награды» (в соответствии с правилами награждения Канси) и «с дополнительной наградой», как подробно описано в докладе Военного совета от первого и двадцать седьмого дня декабря пятьдесят девятого года эры Цяньлун.[306] В качестве «заместителя посла Дабань» Фань был вознагражден на горе Ваньшоушань и в Юаньминъюань.

Голландской миссии в Пекине не удалось добиться ожидаемого прогресса в области торговли. Цинский двор, все еще рассматривая поздравления как «траур», дал голландскому королю следующий королевский указ (первый месяц 60-го года правления Цяньлуна):

По случаю 60-го Национального дня Царства Небесного голландская Ост-Индская компания, которая находилась слишком далеко, чтобы сообщить об этом королю, пришла в суд от имени короля, чтобы он мог почувствовать искренность обучения. Поэтому мы относимся ко всем им с глубочайшим уважением. Все послы, прибывшие с данью уважения, были приняты внимательно и вежливо, а министрам было поручено привести их ко двору и дать им банкет. Помимо дополнительных подарков послам и дополнительных наград различным чиновникам и солдатам, был издан отдельный указ, чтобы сообщить им о дополнительных наградах, а в связи с возвращением послов был издан специальный указ о предоставлении королю тех же подарков, что и раньше, с дополнительными подарками из цветного атласа, рокайля и

других интересных предметов. Король должен принять это и быть более лояльным, чтобы он мог защитить свою страну и всегда быть в моем расположении. Это большая честь для меня! Это особый указ.[307]

Слова «внимательный и вежливый» не были слишком комплиментарными для Фань Браама, который прожил в Китае тринадцать лет. В то же время в этом высказывании неявно присутствует сравнение с высокомерной миссией Маккартни.

По окончании голландской миссии Фань Браам оставил свой пост в голландском павильоне в Гуандуне и 3 декабря 1795 года отплыл в Америку на судне «Леди Луиза», поселившись в Филадельфии, где занимался садоводством и одновременно писал книгу о своей миссии на французском языке. Эта книга под названием «Записи о визитах посланников голландской Ост-Индской компании к императору Китая в 1794-1795 годах» была опубликована в Филадельфии в 1797 году. Фань подарил этот шедевр, описывающий его поездку в Пекин, Джорджу Вашингтону, чтобы выразить уважение американцы голландского происхождения к президенту США. В 1798 году он уехал из США в Англию, а в 1800 году, после года, проведенного в Германии, вернулся на родину, чтобы дожить свой век, и умер 8 июля 1801 года в Амстердаме.[308]

В истории отношений между Востоком и Западом в XVIII веке работа Фаня и «Хроника визита британского посла к Цяньлуну»[309] Стэнтона являются жемчужинами дипломатических отчетов о миссии в Китай. Это два самых важных дипломатических отчета китайской дипломатической миссии в Китае, и оба они основаны на непосредственном наблюдении слабости империи Цин в эпоху Цяньлуна, и оба выступают против расцвета «Небесной империи».

Современный французский ученый Перефитт сравнил обстоятельства британской и голландской миссий и указал на изменение Фань Браамом китайских концепций:

Две миссии, две неудачи: первая не смогла сохранить достоинство, вторая была унижена. Фань Браам (или Фань Балань) подводит итоги своего путешествия гораздо более трезво, чем в начале: «Этот народ ведет образ жизни, полностью изолированный от мира. Они могут отказаться от всех искусственных потребностей, от которых мы бы страдали, если бы не могли их удовлетворить. Как вы думаете, проснутся ли китайцы от технических манипуляций, которые каждый год приходят из Европы? Все эти сокровища воспринимаются ими как излишества.[310]

Фань Балань был заместителем посла последней голландской миссии в Китае и последнего голландского посольства в Гуанчжоу. Голландская Ост-Индская компания находилась в упадке во время государственного переворота 1795 года, когда Вильгельм V, правитель Объединенных провинций, бежал в Англию, и в 1796 году Голландская Ост-Индская компания была реорганизована, а два года спустя весь «публичный дворец» был расформирован. В 1796 году голландская Ост-Индская компания была реорганизована, а два года спустя вся «общественная галерея» была распущена.

17.3 Голландский павильон и культурный обмен между Востоком и Западом

«Торговый лайнер» в Гуанчжоу в период правления династии Цин представлял собой экономический обмен между разнородными народами и имел уникальный характер межкультурной торговли. Голландский павильон, как известный «рыжеволосый» торговый дом, не был безучастен к продвижению культурного обмена между Востоком и Западом, хотя нельзя сказать, что он играл значительную роль.

Хотя «китайская лихорадка», охватившая Европу в XVIII веке, была многоканальным и многоуровневым явлением, несомненно, что голландский павильон в Гуанчжоу послужил катализатором. Нет необходимости вдаваться в подробности распространения культуры чаепития, только с точки зрения построения садового искусства, но нетрудно увидеть роль Голландского павильона как посредника в создании садового искусства. Современный голландский король Виллем пишет:

Первый сад был построен в Нидерландах в 1760 году, но этот так называемый «китайско-английский сад» сочетает в себе китайские и английские садовые традиции, с головокружительным количеством поворотов: мост, пещера, китайский храм, павильон, подвесной мост и даже руины готического здания. Самым ярким из таких садов в Нидерландах, где встречаются Восток и Запад, несомненно, является «Китайский сад» в Баарне, построенный в 1790 году Р. Шеренбергом, коммерческим служащим голландской Ост-Индской компании. В этом ныне не существующем саду в рокарии и прудах стоят два китайских павильона, окрашенных в красный, фиолетовый и белый цвета, названные соответственно Пекинский павильон и Кантонский павильон. Два павильона были предварительно заказаны в Гуанчжоу, а затем отправлены в Нидерланды на торговых судах Ост-Индской компании.

Эти два павильона были заранее заказаны в Гуанчжоу, а затем

отправлены в Нидерланды на торговых судах Ост-Индской компании.[311]

Что касается того, как голландский павильон в Гуанчжоу привнес западные виды в Китай, нет необходимости обсуждать множество различных видов «дани» и товаров, достаточно привести несколько из них в качестве примера для справки.

1. Хронографы и часы

В эпоху Цяньлуна карманные хронографы (часы) были для китайцев крайне редкой западной диковинкой. Неудивительно, что в стихотворении Чжан Цзюйюе они названы «сотней драгоценных часов», а упомянутый выше Цзэн Цижун однажды в голландском павильоне поднес «маленькие самозаводящиеся часы к уху, как червяк, клевавший древесину», чтобы можно было услышать их звук. Подарок, преподнесенный императору Цяньлуну Фань Баланем, включал «четыре пары золотых часов разных видов, чтобы возвестить о радости момента», что является похожим предметом. В конце эпохи Цяньлун Чжан Вэньань, ученый из Сычуани, написал шесть стихотворений в летний день в Гуанчжоу: Механические шестеренки непрерывно вращаются, аккуратно разделяя день, красочные орнаменты могут сравниться с вышитыми поясами девиц, об этом и говорить не приходится.

Что может сравниться с хаогуаньян, производимыми рыжеволосыми иностранцами?

Это французская марка с изображением затененных цветов под лучом полумесяца.

Он также добавил примечание внизу предложения: «Иностранные часы бывают двух типов: голландские и французские. Голландские часы в основном имеют золотые корпуса, а французские — серебряные. В серебряных часах дороже те, которые больше и плоские». В то время этот тип иностранных часов был доступен только знатным семьям.[312] Согласно сорок пятому эпизоду «Сна в красном тереме», это был Цзя Баюй, дворянин Да Гуань Юань, который мог «вытащить из груди золотые часы размером с грецкий орех». Если экстраполировать фразу «голландские с множеством золотых раковин», то в И Хун Юань дворца Цзя были и голландские фирменные товары.

2. Бинокль

Миллископ (телескоп), или бинокль, является важным элементом оборудования в голландском павильоне. Он был завезен в Китай в конце правления династии Мин, а его конструкция и исполнение были описаны литераторами в начале правления

династии Цин. В книге Ли Юя «Двенадцать этажей», написанной на пятнадцатом году правления Шуньчжи (1658), брак между ученым Цю Цзи и миссом Чжань описывается в терминах бинокля.

Это зеркало изготовлено из нескольких трубок разного размера и толщины. В два конца труб встроены так называемые бинокли, с помощью которых можно видеть далеко, и нет ничего, что нельзя было бы упустить. Хотя слово «тысяча миль» является преувеличением, возможно, невозможно увидеть от У до Юэ или от Цинь до Чу, но если попытаться увидеть в пределах тысячи или ста миль, то это не покажется ложным. Но если вы попытаетесь сделать это за тысячу миль, вы не найдете в этом ничего ложного, а если вы посмотрите на людей и вещи с расстояния в тысячу шагов, вы не только не найдете их вдали, но и найдете их более четкими, чем если бы вы смотрели на них с другого конца комнаты. Это действительно сокровище.

Это сокровище, конечно же, не осталось незамеченным ни одним из посетителей голландского павильона, отсюда и стихотворение Лэ Цюна: «Зеркало, висящее в окне здания, смотрит на океан». Цзэн Цижун также писал: «С биноклем можно смотреть вдаль с высокого места, а за две-три мили можно увидеть глаза людей».

В Гуанчжоу в эпоху Цянь-цзя единственными людьми, которые могли пользоваться ясновидящим зеркалом и петь о нем, были богатые купцы и видные чиновники. Пан Юду, главный торговец Тринадцати домов, хорошо сказал об этом в двенадцатой песне «Западных разных песнопений»:

«На десяти тысячах гектаров земли стоят дворцы из глазурованной плитки и просторные дома с роскошным убранством,

которые я ясно вижу с расстояния в тысячи миль, хотя это иллюзия.

Когда дым поднимается от луны в туманной ночи, я не могу не задаться вопросом,

точно ли в Лунном дворце живут люди?»

Он также добавил примечание: «Самое большое зеркало — один фут в ширину и один фут в длину, рядом с ним находится маленькое зеркало, чтобы видеть лунный свет, размером около нескольких футов, по форме напоминающее шар, с яркой и тщательной окружностью и светом рыбьей чешуи. Внутри есть темные тени, как горы и реки, светящиеся назад, так что не видно всего, а только луну на востоке, западе, севере и юге. Если долго смотреть на него, то в глаза попадает горячий

воздух. Ночью, когда ночь тихая, некоторые люди используют большое зеркало, чтобы увидеть поднимающийся от луны дым, похожий на дым от приготовления пищи.[313]

Другой — Жуань Юань, губернатор Гуандуна и Гуанси, который в 25-ом году Цзянцин (1820 году) в Гуанчжоу написал «Песню о разглядывании луны в телескоп», которую он описывал и вздыхал одновременно:

Внутри концентрической сферы Вселенной находится Земля,
вращающаяся быстро и плотно, как водоворот силы.

Инь и Ян сменяют друг друга, как лед и вода,

все изменения зависят от солнца, которое находится так близко от нас.

Есть также небесное тело — Луна,

которая зависит от солнечного света, чтобы казаться вогнутой или выпуклой.

Лунный дворец или Нефритовый кролик — это всего лишь легенда,

что же там есть? Мы догадываемся, что это не так.

Я думаю, что это похоже на землю,

с темными горами и светлой водой на поверхности.

По морю плавают корабли,

люди живут в горах.

Лунный день равен пятнадцати дням на земле,

лунное затмение в моих глазах — это их солнечное затмение.

Если они посмотрят на Землю с Луны,

они увидят, что от земли исходит такой же лунный свет.

Я не такой болтун в астрономии, как Цзоу Янь,

Я могу использовать большой телескоп, чтобы исследовать ее тайны.

Я могу различать оттенки лунного света,

а ярко-красное солнце я могу смело изучать.

Оно не такое маленькое, как то, которое мы обычно видим,

плоские лунные земли похожи на океанские волны, а выступающие места — на острова.

Там, где светлое и темное разделяются, текут пузырьки света и тени,
по форме напоминающие большие и маленькие жемчужины.
Жители Луны тоже должны быть умными,
наблюдая за Солнцем и пятью планетами.
Среди них есть выдающаяся личность, хорошо сведущая в астрономии,
державший в руках телескоп, чтобы взглянуть на нашу планету — звезду с лицом Луны.
Мы наблюдаем друг за другом тайно, но не можем встретиться лично,
оба погружены в прекрасный лунный свет.
Если их телескоп более совершенен,
Ву Ган должен быть в состоянии ясно видеть мое лицо.
Разделенные двумя континентами,
кто из нас сможет доплыть до конца волн?
Си Хэ вел солнечную колесницу по небу, высвечивая силуэты двух «лун».
отличая большую от маленькой, обе сделаны из стекла.
Видно с расстояния 400 000 ли,
яркая луна забирает больше осеннего цвета под моим прибором.[314]
Жуань Юань использует «пятифутовый бинокль», чтобы выразить свой «небесный вопрос». В его поэме западная материальная цивилизация вдохновляет на новое понимание мифа о китайской луне, и дао таким образом трансформируется, что действительно интригует. «Бинокль» вывел цинских китайцев в новое царство не только в плане видения, но и в плане духа. Подобное проникновение западного образования на Восток настолько специфично и тонко, что его еще предстоит проанализировать более точно.

3. Короткие собаки

«Короткий пес», или мопс, которого Цзэн Цижу увидел во время посещения Голландского павильона, был домашним животным иностранцев. Она также записана в «Записках о слушании дождя» даоса Цинляна.

Я видел несколько пар иностранных собак в тринадцати домах Гуандуна, по форме напоминающих гигантские баклажаны, ничем не отличающихся от обычных собак при рождении, окрашенных в черный, белый и коричневый цвета, виляющих хвостами и кивающих головой, обученных, каждая пара стоит от двадцати до тридцати долларов.[315]

В начале 14-го года периода Даогуан (1834 г.) на улицах Гуанчжоу было вывешено объявление о вознаграждении иностранцу, ищущему иностранную собаку, что заставило людей задохнуться от удивления:

В десятый день первого месяца этого года одна иностранная собака была потеряна из павильона «Жуй Хун» и одна из голландского павильона, и до сих пор не найдены. У одной из них длинные уши и длинный хвост, на груди коричневая звездочка, цвет «душистые чернила». Другая — небольшая собака с коротко обрезанными ушами, коротким хвостом и коричневатобелым телом. Большую собаку зовут «Ровер», а маленькую — «Буп». Мы хотели бы проинформировать вас об этом. Если какой-либо «добрый человек» узнает об их местонахождении (возможно, они «потерялись») и сообщит об этом, то он будет вознагражден двумя серебряными долларами за большую собаку и одним — за маленькую. Даже если их украдут (что невероятно!), если вернут в Жуй Хун № 2, вознаграждение с все равно будет выплачено, и никто не будет привлечен к ответственности. Этот пост — правда, и я не отступлюсь от своего слова.[316]

Приведенные выше цитаты неизбежно являются «короткими» и «длинными», но из-за различий между китайской и западной культурами и их ценностями они не могут быть бессмысленными, даже если они банальны. Попробуйте сравнить «Прозу о гончей собаке» Фу Сюаня в четвертом и шестом томах «Записи Цюаньцзиня», и вы сможете получить небольшое представление.

4. Снежный горошек

Отношения между голландским павильоном и снежным горошком также являются хорошей историей, которую стоит вспомнить.

В период Цзяцин династии Цин Лю Шисинь, уроженец Янчуна, Гуандун, в своей книге «Гуандунские стружки», том 1, писал:

Снежные горошины или голландские бобы, изначально являющиеся иностранным видом, никогда не встречались в Гуандуне. В пятидесятом году эпохи Цяньлун корабль привез

семена фасоли в тринадцать рядов и раздал их туземцам, которые посеяли их в сентябре, примерно во время Праздника хризантем, когда ростки были высотой от двух до трех футов, с зелеными листьями и белыми цветами, и в первый месяц произвели горошки, которые были сладкими и хрустящими. Вначале только старый питомник в Сигуане смог научиться выращивать их, и каждый год в конце августа они выносили семена в маленьких корзинках на улицу, и люди соревновались, кто купит их. Вначале они были очень дорогими, но теперь их можно приобрести по всему Линхаю. В прошлом я просил милостыню за свой дом и разбил сад в пол-акра, чтобы обеспечить свою семью. Как говорится в стихотворении: «Новый сорт снежного гороха прибыл из-за границы. Его сажают на девяти фестивалях и покупают в Тринадцати линиях. Его смешивают с фасолью Центральных равнин и обжигают, чтобы добавить иностранный аромат. Он благоухает как утренние цветы, и это первый вкус Синьшаня». Семена горошек происходят из Нидерландов, отсюда и название.

Введение и распространение голландских бобов в Фуцзяни, Гуандуне и Тайване было хорошо документировано г-ном Ян Баолинем.[317] Здесь я лишь добавлю несколько слов к процитированному выше историческому тексту, основанному на голландских источниках, чтобы еще больше прояснить этот вопрос. Голландских кораблей, прибывших в Гуандун на пятидесятом году правления Цяньлуна (1785 год), было четыре, два из них прибыли прямо из Амстердама, «Вуршотен» и «Поллюкс», один из которых, должно быть, и был «голландским кораблем», привезшим снежные горошки.[318] Кроме того, первым сотрудником голландского павильона в Гуанчжоу в этом году был П. Кинциус, который работал там с 1759 года (Цяньлун 24) и был старым «рыжим» на внешнем рынке Гуанчжоу, знакомым со всеми людьми и местами, и который, вероятно, «раздавал туземцам снежные горошки для посадки». В результате «Сигуань» стал «первым местом на западе» снежного гороха.

17.4 Заключение

Тринадцать «варварских гостиниц» и тринадцать компаний были известными торговыми партнерами в Гуанчжоу во времена династии Цин. Обе они достойны глубокого изучения в истории отношений между Востоком и Западом и могут быть изучены только в сочетании друг с другом. К сожалению, похоже, что мало кто еще не обратился к первой теме.[319] В изучении последнего также не было достигнуто значительного прогресса. В результате взаимодействие между «варварскими

гостиницами» и компаниями, к сожалению, остается неясным.

Культурные обмены между Китаем и Западом в эпоху Цин осуществлялись не только по религиозному каналу церкви, но и по светскому каналу «варварских гостиниц». Само собой разумеется, что купеческие дома не были домами культуры, и нет необходимости подробно обсуждать их культурную функцию. Однако торговля между Китаем и Западом была, в конце концов, «кросс-культурной» торговлей, и поэтому исследователи, конечно, должны «подчеркивать коммерцию», но не «преуменьшать значение литературы». Любой пристрастный подход к пониманию не способствует всеобъемлющему взгляду. На самом деле, в человеческой цивилизации в целом экономическая и культурная сферы всегда были взаимосвязаны, и между ними нет непреодолимого разрыва, так как же можно «провести черту в песке»?

История голландского музея в Гуанчжоу иллюстрируется в этой статье рядом материалов из поэзии династии Цин, которые в некоторых деталях восполняют недостаток документации. Гуандун был самой ранней страной, имевшей выход к морю, поэтому естественно, что в поэзии и письменности Линьнань было больше отражений иностранной атмосферы и стиля. Литераторы, приехавшие в Гуандун из других провинций, также чувствовали, что «поэзия Линьнань изменилась с тех пор, как они прошли через нее, и подозревали, что язык островов и стран, по которым они путешествовали, совершенно отдельный» (Вэй Юань), и часто не могли не принять иностранцев и иностранные дела в качестве своих тем. В результате их поэзия о путешествиях в Гуандун представляет собой кладезь иностранного исторического материала, который можно исследовать. Если приложить усилия, чтобы разобраться в них и уловить наследие между строк, то можно углубить свое понимание проблемы «варварских гостиниц».

Глава 18

Интерпретация поэмы Ван Вэньгао, данника голландского государства

Визит голландской миссии в Китай в 1794-1795 годах стал еще одним важным событием в отношениях между Китаем и Западом, последовавшим за британской миссией Макартни.[320] В последние годы история британской миссии в Китае привлекает широкое внимание, но опыт голландской миссии в Китае, к сожалению, почти забыт.

В системе «варварских дел» династии Цин Нидерланды, как и Великобритания, были одним из «государств-притонов Юэ Дао». Прежде чем отправиться в столицу, голландская миссия должна была пройти ряд заграничных мероприятий в офисе губернатора в Гуанчжоу, включая рассмотрение анкет, оглашение указов, организацию банкетов и так далее. Поэтому изучение голландской «дани» следует начать с порта Гуанчжоу. К сожалению, трудно найти подробности этих церемониальных процедур в официальных документах династии Цин. Эти детали, безусловно, отсутствуют в «Записях Дунхуа» и «Правдивых записях о всех правителях династии Великая Цин», они также отсутствуют в «Записях о Гуаньчжи» и «Теории Гуандунского дао и Гунго» Лян Тинсяна. В этом отношении удачно, что современная линьнаньская поэзия оставила нам несколько находок, позволяющих искать в поэзии исторические ошибки, так же как мы ищем в дикой природе ритуальные ошибки, и улавливать детали приема голландской миссии в храме Хай Чжуань в Гуанчжоу в конце эпохи Цяньлун правителем двух провинций Чан Лином и роль тринадцати торговых домов в Гуандуне.

18.1 Ван Вэньгао и его «Сборник стихов Юншаньтан»

Ван Вэньгао был уроженцем города Жэнхэ, провинция Чжэцзян. Он отправился в Гуандун в пятьдесят седьмом году правления Цяньлуна (1792) и написал о местных обычаях Линьнань, иностранцах и иностранных делах. Его стихи были собраны в третий год правления Цзяцин (1798) и стали известны как «Сборник стихов Юншаньтан». В 1830 году в Чжэцзянском книжном бюро была издана книга в семи томах, содержащая 605 стихотворений.[321] Согласно предисловию в начале книги в третьем году периода Цзяцин, она гласит:

Я не бездарный, опираюсь на пережитки предков, немного знаю о простейших вещах. В 49-й год 60-летнего цикла (Пятьдесят седьмой год Цяньлуна, 1792 г.) в путешествии по югу Пяти хребтов встречается много простых слов, но я не знаю, что такое поэзия. В 55-й год 60-летнего цикла (третий год Цяньлуна, 1798 г.) зимой, когда собирался уезжать, он проверил свой чемодан чтобы найти бумаги, и сказал, что их там около семи, и что это достаточно. Книга была утеряна в Лунтане, но был

найден после Цзя Инь (59-год Цяньлуна, 1794) и хранится в Юншаньтане.

В первом томе этого сборника есть две надписи, повествующие об опыте голландской миссии в Гуанчжоу, обе были записаны очевидцами автора, а именно: «Генерал-губернатор Чан Муань отвел голландского данника в храм Хайчжуань для получения императорского указа» и «Послал Ван Сяньюя наблюдать за сопровождением Чжао Цзаотина голландского данника в столицу». Первая из них — группа из восьми стихотворений в семь строк, которые являются предметом данного эссе и воспроизводятся ниже:

(1) Вдали и вблизи величие императора остается неизменным,
и теперь это величие можно увидеть с близкого расстояния.

Волны океана мирно поблескивают пурпуром,
и часто облака рядом с солнцем окрашиваются в красный цвет.

(2) Высокие и низкие горы проплыли мимо, проплыв около 100
000 миль,

цветение сливы в Южном Китае возвещает о приходе ранней
весны,

облака наблюдаются для гадания каждый год.

и наконец-то пришел указ императора,

те, кто приходит поздравить, получают новое толкование.

(3) Голландский корабль с данью причалил к Хумэну,

в зданиях над водой залива теперь оживленно.

Мемориал «Золотой лист» был вручен перед тем, как принести
дань,

а ожидающие чиновники сортируют свои официальные мундиры
и шляпы.

(4) Статуи драконов и цветы, которыми усыпан храм Хайчжуан,
а кипарисы и деревья доро затеняли реку Цинцзян.

Поклонялись и ощущали величие императора издалика,

слава распространилась по морским государствам всего за один
день.

(5) На двери висит множество разноцветных стеклянных ламп,
шерстяные ковры на полу отражают красные флаги.

Сегодня Цзефу передает указ императора,
он говорит мягко, пока играет прекрасная музыка.

(6) Красные кисточки шляпы чиновника, украшенной кораллом
на макушке и павлиньим пером, развеваются,

а мундир чиновника с изображением питона и журавля
демонстрирует больше благородства, чем у других.

Только что прозвенел рассветный колокол, и церемониальные
флаги уже установлены,

словно в ожидании утренней встречи с императором у Золотых
ворот.

(7) Проехав по песку в карете до столицы,
и император назначил за это особую награду.

С тех пор морская страна была привязана к китайскому
императору,

и целостность территории страны не будет разрушена.

(8) Сквозь цветы слышна музыка, исполняемая нефритовой
флейтой и золотой трубой,

а под цветочными деревьями устроен пир с красивыми
ширмами.

Министры выражают почтение императору,

а дым от печи плывет в павильон девяти драконов.[322]

Эти восемь стихотворений в стиле «гунцзи» отражают ученый
взгляд на «варварские дела» в конце периода Цяньлун.
Хотя тон стихов основан на дани, выплачиваемой морскими
государствами, и они полны таких слов, как «императорский
престиж», «приход династии» и «подношение дани», неправильно
интерпретируя параллельные отношения между Китаем и
внешним миром как клановые отношения, они все же содержат
ряд содержательных описаний, которые могут заполнить
пробел в литературе династии Цин. Следующее стихотворение
основано на названии и строках поэмы. Далее название
поэмы и стихи разделены на пункты: дань, корабль-трибуна,
стол дани, прием императорского указа, дача банкета и
отъезд, и интерпретированы в свете записей как Китая, так
и Нидерландов, чтобы как справка при изучении истории
китайско-голландских отношений и истории порта Гуанчжоу.

18.2 Жизнь «голландского посланника с данью» Дэ Шэна

Голландскую миссию в Китае возглавляли первый и второй послы. Заместитель посла, Фань Браам (1739- 1801), также был первым сотрудником голландского павильона в Гуанчжоу и официально назывался «заместитель посла Дабань» при династии Цин, о нем уже записан в другой статье, здесь опущен.

Он был первым послом в посольстве Нидерландов в Гуанчжоу. Первоначально он носил имя Исаак Титсингх (1745-1812) и происходил из выдающейся амстердамской семьи, принадлежавшей к высшему среднему классу, который занимал почти все важные административные должности в Нидерландах в XVIII веке. С 1766 года (тридцать первый год правления) он работал на Ост-Индскую компанию и жил в Батавии. Затем он был назначен в голландский торговый дом в Японии (Деджима). В 1779 и 1784 годах он совершил две поездки в военный штаб в Эдо. Затем он был переведен в Бенгалию, где в течение семи лет (1785-1792 гг.) служил голландским генеральным торговцем в Чинсуле. После ухода с этого поста он стал тайным советником генерал-губернатора Батавии и стал ведущей фигурой в колониальном истеблишменте Голландской Ост-Индии.[323]

Будучи образованным голландским коммерческим офицером, Дэ Шэн интересовался развивающимися восточными исследованиями. Он был одним из основателей Восточного общества Калькутты, собирал литературу и документы эпохи раннего Эдо, в том числе «Историю Великой Японии» под патронажем феодала Токугавы Мицзукуни, разыскивал иезуитские словари китайского и латинского языков. Он также нанял двух китайских клерков из Фуцзяни. Такой культурный опыт позволяет предположить, что Дэ Шэн был опытным «востоковедом» и что его назначение голландско-индийскими властями в Батавии главным посланником в Китай было серьезным поиском, а не случайным выбором.

Голландская колониальная империя в конце XVIII века была разрушена Французской революцией. В Батавии накануне визита Дэ Шэна в Китай повсюду вид упадка. Миссия Маккартни, которая проехала через этот регион в апреле 1793 года, обнаружила следующее.

В районе Батавии, находившемся под прямым голландским управлением, проживало около 50 000 яванских семей, что, при среднем количестве шесть человек в семье, составляло около 300 000 местных жителей. В городе Батавия, включая его пригороды, насчитывалось около 8 000 домов. Китайские дома маленькие и тесные. Голландские дома просторны, чисты и построены для тропического климата, с высокими и

большими окнами и дверями, мраморными полами, которые часто охлаждаются водой. Но тот факт, что большинство этих домов пустуют и не заняты, свидетельствует о сокращении голландского присутствия на этой земле. Кроме того, большое количество кораблей Голландской Ост-Индской компании простаивало у причалов либо потому, что на них не было груза, либо потому, что они были необитаемы.[324]

Голландская Ост-Индская компания находилась на грани распада в день миссии Дэ Шэна в Пекин, и так называемый «перевод в честь святых», то есть «60-летия Великого императора Неба», был лишь своевременным предложением. Настоящим мотивом было стремление получить новые права и преимущества для голландско-индийской компании в ее торговле с Китаем. После неудачной попытки Дэ Шэна спасти положение, он покинул Батавию и в декабре 1796 года прибыл в Лондон, чтобы пожить на досуге. Затем он переехал в Париж, где консультировался с группой востоковедов по вопросам Китая и Японии. Например, он был близким другом французского ученого Дэ Цзина, который стал инициатором идеи о том, что «Фусан — это Мексика». Он умер в Париже 9 февраля 1812 года в возрасте 66 лет после продолжительной болезни.

18.3 «Голландские корабли» и «Карта торговца кораблями»

«Голландский корабль с данью причалил к Хумену, и в зданиях над водой залива теперь оживленно живут люди». На самом деле, именно через залив Макао он вошел в Хумен. В эпоху императора Канси и императора Цяньлуна голландские корабли много раз входили и выходили из порта Хуанпу в Кантоне, что давно известно людям. Известные поэты и ученые Цюй Дацзюнь и Чжао И поднимались на борт голландских кораблей и записывали свои интуитивные впечатления. В 18-м томе «Новой гуандунской хроники» Цюй Дацзюня говорится: «Корабль имеет несколько слоев, которые связаны веревками от верхнего слоя до нижнего. Там есть колодцы со сладкой водой и грядки с овощами. Когда вода в резервуаре становится грязной, ее фильтруют песком, чтобы она снова стала чистой, и пьют ее из подвешенного горшка». Расстилают парчу и натягивают белый войлок, чтобы спать, это называется мягкая постель. Чжао И, занимавший пост префекта Кантона в середине периода Цяньлун, любил говорить о его «своеобразных парусах». «Корабли западных людей имеют по десятку парусов, которые могут превратить поперечный и встречный ветер в попутный». Однажды он «поднялся по трапу, чтобы взглянуть» на Хумен, и написал длинное стихотворение «Корабль западных людей» о своих впечатлениях в различных категориях: (1) Длина

и вместимость: ««Высота корабля около 1000 футов, и он пересекает прилив, как гора. Один его груз составляет около тысячи полан (в оригинале: один полан — это 300 катти на иностранном языке), так что его огромность неизмерима». (2) Кабина и оборудование: «Кабина разделена на несколько слоев, и все они закрыты панелями. В ее проемах размещены ружья и пушки, а на чердаке хранятся товары. В ней содержится родниковая вода примерно в 100 сосудах, а риса около 100 000 литров. С помощью веревки люди заходят в каюту и выходят из нее. (3) Навигационная и парусная мачта: «Рулевой смотрит на компас и указывает направление по звуку паруса. Парус высотой в три мачты, когда он расправлен, и имеет творческий дизайн. Парус похож на облако, свисающее с неба, и достаточно огромен, чтобы заслонить солнце. Корабль проплывает тысячи миль в одно мгновение, летя по воде быстро и безудержно. Сила не нужна для маневрирования судна, достаточно положиться на ветер».[325]

Поэтические рассказы о голландских кораблях, прибывших в Гуандун во времена династии Цин, согласуются с аналогично датированными японскими историческими источниками. Художник конца сёгуната Токугава Хаяси Дзухэй (1738-1793) включил следующий отрывок в свою картину Арантабан (Лодка Аранда):

Длина лодки составляет более 140 футов, ширина — 38 футов, высота — 35 футов. Длина мачты составляет более 140 футов, а длина флагштока — более 30 футов. Имеется 18 парусов. Есть также 36 пушек с каменными пулями, и их дым имеет длину более 30 футов. На корабле находятся сотни людей.[326]

В те времена «голландские даннические корабли», захваченные Дэ Шэном, также были «красношерстными кораблями» или «арантабанами», и имели схожую форму и очертания. В «Поэзии Юншаньтана» Ван Вэньгао, том 3, есть стихотворение «Иностранное судно», в котором есть следующая строка: «Существуют корабли различной вместимости, самый большой из которых может перевозить 300 000 катти. Для повышения прочности железо заливается битумной нефтью, а для сборки удлиненных вертикально торчащих гвоздей используется сила (специя). Затем гвозди закалывают змеиной пастой и щелочной водой. Зловещие пороги вращаются с помощью магнитов». В другом стихе говорится: «По стечению обстоятельств корабль Кароба подошел к югу Нанлина, и четыреста парусов были расправлены и пустили огромные волны». Слово «кароба» — это перевод малайского слова «кокос», которое относится к Батавии. Очевидно, что иностранное судно, о котором

говорит Ван Вэньгао, — это голландское судно. Согласно голландским записям, корабль назывался «Сиам» и отплыл из Батавии 15 августа 1794 года, прибыв в Хумен месяц спустя. Первоначально судно принадлежало Торговой палате Дельта, города в западной части Нидерландов, а после возвращения было переподчинено Норвегии.[327]

В официальных документах династии Цин капитан голландского даннического судна «Сиам» именуется «корабельным купцом Каши» (Лян Тинсян: «Кантонская даосская дань уважения Королевству», том 3). Название «Каши» — это гуанчжоуский перевод имени капитана, Газ. Корабль был освобожден от уплаты налогов на судно и купленные им товары до его отправки в Китай, и 13 февраля 1795 года начальник Гуандунской таможни издал приказ «иностранным купцам Цай Шивэню и Пань Чжисяну и т.д.». Согласно письму от 20 марта 1796 года посла Дэ Шэна голландским и индийским властям в Батавии, Сиам был освобожден от уплаты 8 670 таэлей серебра.[328]

Миссия «Голландской дани» сильно отличалась от миссии «Льва» британской миссии Макартни. Последний с самого начала был кораблем для посланника и его свиты, тогда как «Сиам» был лишь деловым «красношерстным кораблем» и не перевозил посла или его заместителя обратно на корабль. Фань Браам отправился в Америку на судне «Леди Луиза» в Гуанчжоу 3 декабря 1795 года, а Дэ Шэнь отправился в Англию на ост-индском торговом судне «Чиренчестер» в Гуанчжоу 25 марта 1796 года, каждый своим путем. Окончание голландской миссии в Китае с разделением трибутария и посла и отделением посла от заместителя посла было неожиданным для поэта Ван Вэньгао, который надеялся, что «отныне сердце подсолнуха будет следовать за северной вышкой [императорского] дворца».[329]

18.4 Люди и места в переводе «Таблицы золотого листа»

«Таблица дани», известная как «Таблица золотого листа», первоначально была составлена голландско-индийскими властями в Батавии как государственный документ, известный как «Таблица реплики». Перевод на китайский язык выполнен почерком китаец (судя по транслитерации, из Фуцзяни) и подписан как «Карабар Тукунай Чу Коцзяо Шу». Полный текст выглядит следующим образом:

Господин Болиан, король Голландии, назначил господина Баго Босалиранзилора, который также отвечал за местные дела в Нию и компании и т.д., включая такие места, как Нилумаолу, Во Лидинг, Бриггиниан, Си Лили и т.д., поклониться и доложить: Ваше Величество управляет страной с добродетелью и будет

иметь благословение всей страны. Ваше Величество также использует доброжелательность, чтобы сочувствовать народу, и будет жить безграничной жизнью в будущем. Со времен правления вашего предка императора Канси наши города вели торговлю в восточной части Гуандуна и пользовались благосклонностью вашего величества. И люди из дальних и ближних стран приезжали покоряться. В следующем году будет день рождения страны, когда вся страна будет праздновать, а народ будет радоваться жизни. Я никогда не видел такого процветания, как сегодня, установленного нашим императором, с тех пор как история может быть проверена. Моя страна находится далеко и всегда была благословлена Вашим Величеством, как я смею не отдать дань уважения, узнав эту новость. Поэтому я хотел бы послать Юсонга Дишэна в качестве посланника для выражения почтения и одновременно поздравить с тем, что наследный принц взойдет на престол в следующем году, празднуя мир и процветание во всем мире и удачу, длящуюся тысячи лет. Если посланник, которого я отправил, скуп в этикете и законах, я прошу вас о терпимости. Я также умоляю Вас позволить посланнику вернуться сразу после празднования, и я буду очень восхищен этим. Я умоляю Ваше Величество о милости и понимании. Я пишу этот мемориал, чтобы просить о решении Вашего Величества. 30 июня 59-го года правления императора Цяньлуна, 26 июля по голландскому календарю.

Голландская «Таблица золотого листа» сопровождается «Дополнительным письмом», т.е. «Письмом генерал-губернатору двух провинций», написанным тем же лицом и в тот же месяц и год, что и таблица. Далее следует стенограмма:

Господин Болинъ, король Голландии, назначил господина Баго Босалиранзилора, ведавшего местными делами в Нию и компании и т.д., включая такие места, как Нилумаолу, Во Лидинг, Бриггиниан, Си Лили и т.д., для поклона и доклада: Ваше превосходительство, мы приплыли в места под вашей юрисдикцией для ведения бизнеса более ста лет назад и получили милость и сострадание от вашей страны. Благодаря милости вашего императора, и нет ни одной страны, которая не пришла бы покориться. В следующем году будет 60-я годовщина правления императора, и вся страна будет праздновать Национальный день рождения. Вся страна живет в мире и празднует. Страна никогда не была такой процветающей, как сейчас, если оглянуться на прошлое и настоящее. Хотя сам Болиан находится далеко, узнав новости, я отправил посланника Юсуна Дэ Шэна, который работает как Си Лили, чтобы он занимался делами компании, и «Фань

Балань Бан» Ву Нан Хоу И, как заместителя посланника, чтобы поздравить с национальным днем рождения и отпраздновать восхождение кронпринца на трон в следующем году. Люди наслаждаются миром и процветанием и удачей, длящейся тысячи лет. Если посланник скуп в этикете, подскажите ему этикет и закон, чтобы он не совершал ошибок. В случае непредвиденной ситуации посланник, которого я отправил, будет заменен заместителем посланника. Когда придет мое судно, пожалуйста, позаботьтесь о нем и поблагодарите. Когда я стою перед бумагой и начинаю писать это письмо, мои мысли разлетаются во все стороны. Я молюсь о вашем ясном понимании и не буду вдаваться в подробности.

(1) «Король Голландии Болинь», имя «Уильям» произносится как «Виллем» на южном диалекте Фуцзянь, имея в виду принца Оранского.

(2) «государь Баго» относится к бизнес-менеджеру Батавии.

(3) «Ню» означает Мыс Доброй Надежды (Мыс Доброй Надежды), что является переводным названием, сочетающим в себе звучание и значение. Произношение слова «ню» на хоккиенском диалекте похоже на Good (хорошо). Остальные четыре топонима соответственно восстановлены: Нилу Маолу (Нидербург), Во Лидинг (Орлеан), Бориш Нянь (Фрайкен), Шимейли (Зигбург).

(4) «Си Лили», в которой Дэ Шэнь служил тайным советником, на Яве был удостоен звания Эдель-ээр, поэтому у него есть этот уникальный перевод.

(5) «Фань Браам Бан» Ву Нан Хоу И — это еще один перевод заместителя посланника «Фань Балань»: «Бан» (Ван), «Ву Нан» (Браам) и «Хоу И» (Хукгест). Что касается «Гуан Бан Голландии», то это относится к его положению в то время: руководитель класса Голландского павильона Гуанчжоу.

(6) «Мое судно» относится к кораблю «Сиам», использовавшемуся миссией.

В «таблице» и «книге», присланных голландским посланником, неоднократно упоминался вопрос «этикета». В следующем разделе будет рассказано о том, как губернатор Гуандуна и Гуанси «руководил этикетом» голландских посланников, тем самым прокладывая путь Пекину.

18.5 Чанлин и «Получение указа в Морском дворце»

Чанлин, губернатор Гуандуна и Гуанси, принявших голландскую миссию, был одним из наиболее опытных морских чиновников

конца эпохи Цяньлун. Современники Чжаоляна описывали его как «известного и компетентного чиновника в двух провинциях Гуандун» и писали о его семье, достижениях и характере следующее:

Он был потомком императора Цзинцзу И, членом Императорской академии и получил должность губернатора в министерстве Цао, интеллигентным человеком и был известен своей честностью и порядочностью, когда служил в Фэнцзи. Когда он правил У, ему удалось поймать насильников и запретить расточительность, и он старался встречаться с людьми частным образом на рынке.

Однажды я остановился у Гуна в запретном центре и спросил его о его личных действиях. Он сказал: «Таможня в У лжива, поэтому я хочу, чтобы они знали о моих частных действиях, чтобы предупредить общественность». Меня убедили его слова.

Он был светлым, бородатым и изящным в речи, и он сидел и говорил целыми днями, заставляя людей забыть о своей усталости. Однако он был щедрым человеком и построил тысячи частных домов, прилегающих к улицам. Когда Шу Цяньша в своей квартире попытался дать ему совет, он сказал: «Я долгое время был на иностранной службе и знаю, что построил слишком много домов, но в будущем людям в этом переулке будет достаточно знать, что здесь есть имя Чанчжифу». Он также умел сопротивляться советам. (Продолжение «Разных записей павильона Сяотин», том 3, статья о министре Му Ане).

Этот умный, элегантный и экстравагантный губернатор двух провинций не успел занять свой пост, как Нидерланды вступили в «дань». Официальный прием, который он устроил для голландской миссии, состоялся в 20-й день девятого месяца пятьдесят девятого года правления Цяньлуна (13 октября 1794 года), утром, отсюда фраза Ван Вэньгао: «Этим утром двор получит ясный указ» и «первое движение рассветного колокола откроет битву бессмертных». Что касается места проведения церемонии в буддийском храме, а не в правительственном офисе, то оно следует прецеденту приема миссии Маккартни. В связи с этим Чанлин сообщил Дэ Шэну, что в официальной резиденции не принято принимать иностранных гостей, и что лорд Маккартни вернулся из Пекина в декабре предыдущего года и встречался в том же месте.[330] Почему храм стал гостеприимным отелем?

Храм Хайчжуань расположен на южном берегу Жемчужной реки в Гуанчжоу, через реку от тринадцати рядов Взаимного рынка Хуа Ян, и был одним из самых известных храмов Линьнань во времена династии Цин. Согласно «Общим записям по Гуандуну»

Жуань Юаня:

Храм Хайчжуань в провинции Хэнань также входит в состав сада Фучан в Вансонлине. Место бывшего храма Цяньцю, построенного во времена династии Южная Хань, было заброшено под жилые помещения. Монах Гуанмоу нанял Го Лунъюэ и немного подправил его, назвав «Хай Чжуань». Монах Юэ, теперь уже построил буддийский храм, павильон священных писаний и настоятелей в произвольном порядке. В одиннадцатом году эпохи Канси клан Пин построил Храм Небесного Короля, а его ворота были возведены правителем Лю Бинцюанем. Есть орхидея Орлиный коготь, старое растение в Гоюане. Земля изменилась, но орхидея все еще процветает, и она покрыта павильоном. Там есть Павильон Сутры, который очень великолепен. В храме драконы и слоны торжественно облачены в доспехи в различных храмах. (Хуан Фуойи: «Городское место Гуанчжоу», том 6).

22 сентября, на третий день после беседы, Чанлин написал специальное письмо императору Цяньлуну с просьбой отдать особый приказ о сложившейся ситуации:

Министр немедленно прикажет, чтобы посланник (Дэ) Шэнь с данью вошел. Посланник сначала поклонился трижды и девять раз Северной Сторожевой Башне и сказал: «Царь Вилинхуалан в Насо давно восхищается благосклонностью Великого Императора и предан ему. Но из-за большого расстояния между нами и Небом я с опозданием получал письма во время торжеств. Будучи иностранцем, он не знаком с системой Небесного Царства, поэтому он не осмелился взять на себя смелость. Король попросил четырех человек, включая Нхат Ханха, которые занимались делами государства, шпионить за окрестностями Батавии и сообщать королю, когда в королевстве будут проходить торжества, а также без промедления готовить дань и отправлять чиновников в Гуандун. В этом году Дэ Бо и остальные узнали, что в следующем году исполняется 60 лет со дня рождения императора, поэтому, если они вернутся в свою страну и подготовят подношение, им придется преодолеть более 100 000 миль от родной страны. Поэтому, с одной стороны, мы сообщили королю, а с другой стороны, выполнили приказ короля о подготовке дани от имени короля и отправили главу дани, то есть посланника дани, прибыть в Гуандун из Паттачая, и обратились к нам за разрешением прибыть в столицу, чтобы выразить почтение от его имени. Мы очень уважительно отнеслись к его словам, поэтому нас попросили следовать обычной практике: сначала объявить указ, дать банкет и урегулировать дань должным образом. Если он

получит разрешение на посещение императорского дворца, то ему должны разрешить либо покинуть Гуандун в октябре этого года и прибыть в столицу в декабре этого года, чтобы выразить свое почтение иностранцам. Или ему могут разрешить остаться в Гуандуне на короткое время, ожидая его прибытия в столицу до дня рождения в следующем году. Или чтобы за них платили дань, чтобы их можно было отправить в столицу. (Лян Тинсян, «Приметы Гуандуна», том 3)

Встреча в храме Хай Чжуань имела решающее значение для вступления голландской миссии в Пекин из Гуандуна. Из вышеупомянутого отчета можно сказать, что обе стороны достигли желаемой цели. Дэ Шэнь смог обосновать вопрос о «представлении таблицы», добившись понимания местных губернаторов и устранив все сомнения относительно таблицы «золотого листа». Чанлинь добился успеха в «Руководящем этикете», а голландские посланники послушно «три раза преклонили колени и девять раз поклонились северу» («Отчеты о встрече посланников Голландской Ост-Индской компании с китайским императором с 1794 по 1795 год» Фань Браама, заместителя посланника, сопровождаются «Изображением встречи в храме Хайчжуан», в котором также описывается процесс торжественная церемония голландского посланника) поддерживая авторитет «Небесной династии». Таким образом, его «уважительная просьба» наконец получила положительный ответ от указа, что позволило Дэ Шэну и его группе вовремя добраться до суда.

18.6 «Фестиваль под цветами» и купец У

После того как голландская миссия получила императорский указ в «Храме моря», Чанлинь «дал пир», но сам не присутствовал на банкете. В стихотворении Ван Вэньгао пир описывается как «Юй Сяо Цзинь отгородился цветами слушал, а под цветами на прекрасной ширме проходил банкет» — прекрасная сцена, которая сильно отличается от чистого мира Брахмы. Место проведения банкета четко задокументировано: «После встречи с послом был дан банкет в саду купца У, который находился по соседству. Здесь же останавливался Маккартни во время своего пребывания в Гуанчжоу».[331] Об этом павильоне в садовом стиле писали англичане:

Здание имеет несколько внутренних дворов, оно очень просторное и удобное. Некоторые номера обставлены в английском стиле, со стеклянными окнами и каминами. Хотя Гуанчжоу находится недалеко от тропиков, погода сейчас приближается к зимнему солнцестоянию, и англичанам особенно приятно иметь в доме небольшой огонь. Здание

окружено большим садом с прудами и цветочными клумбами. С одной стороны здания находится храм (иностранцы называли храм Хай Чжуань «храмом Хэнань»), а с другой стороны — высокая платформа. С платформы открывается вид на весь город Гуанчжоу, а также на реки и вёсны за его пределами.[332] Сад Хэнань, который посетили голландская и британская дипломатические миссии, был домом семьи У, купцов из Тринадцати домов. За прошедшие годы она развилась и включает в себя: (1) Виллу Наньси. Она располагалась в саду Аньхай Маньсун, недалеко от нынешней улицы Сися. Внутри находился дом Бао Лун. Владелец, У Бинъюн, был уроженцем Наньхая и был также известен как Дунпин. Он был данником и служил в Хунаньском Юэ Чан Ли Роуд. Он написал «Поэтические заметки Юань Юнь Мо Мяо Шань Фан». (2) Павильон пруда Цин Хуэй. В саду Аньхай Мансон. Владелец, У Пинху, был уроженцем Наньхая. Он был членом семьи У, также торговцем из Тринадцати домов. Позже это место принадлежало У Чуньяо. (3) Слуховая башня. Владелец, У Юаньхуа, был уроженцем Наньхая и был известен как Чуньфан. Он был членом семьи У. Он был хорошим художником и имел богатую коллекцию картин, каллиграфии и цзиньши. Он был автором «Рукописи дома Яньхуэй». (4) Юэ Ятан в Анхае. Он расположен перед прудом, небольшим холмом и прудом перед прудом. Внутри есть пруды, холмы и каменные мосты, а масштаб очень велик. Владелец был искусным резчиком книг и вырезал серии книг «Наследие Линьнань» и «Зал Юэя», благодаря чему «Зал Юэя» прославился на весь мир. У Чуньяо, ранее известный как Юаньвэй, был владельцем сада и был известен как Цзы Юань. Он был мастером тринадцати домов, выпускником Императорской академии и получил титул государственного министра.[333]

Неудивительно, что сад семьи У с его красивыми павильонами, водой и скалами, а также богатой культурной атмосферой смог принять императорский банкет. В годы правления Цзя и Дао район вокруг храма Вань Сунюань и Хай Чжуань стал официально считаться местом для посещения иностранцами, что не лишено исторических корней.

18.7 Отъезд голландской миссии в столицу

Вскоре после получения императорского указа и банкета из Пекина пришел императорский указ.

Хорошо, что Чан Линь и другие отправили посланника из Нидерландов, чтобы отдать дань уважения и попросить приехать в столицу, чтобы отдать дань уважения. В столицу был направлен посланник короля с поздравлениями по случаю 60-летия императора. Ему следует разрешить приехать в

столицу, чтобы увидеть короля, чтобы его восхищение было удовлетворено. Правительство должно направить послание послам, чтобы сообщить им, что они должны быть сопровождены в столицу за один или два дня до запечатывания печати 20 декабря, чтобы они могли быть приглашены на банкет с монгольскими князьями и иностранными послами. Также необходимо сообщить провинциям, расположенным по пути следования, что губернаторы и правители пришлют своих чиновников, которые позаботятся о них, как обычно, чтобы они могли прибыть в столицу в назначенный срок. Кроме того, поскольку голландцы не смогли понять формы, присланные западниками в столице, было предложено, чтобы Чан Линь и другие западники, живущие на материке, которые знают голландскую письменность и могут говорить по-китайски, послали одного или двух человек в столицу по своему усмотрению, чтобы можно было перевести их. Это была большая честь. («Теория Гуандунского дао Гунго», том 3).

28 октября пятьдесят девятого года Цяньлун (20 ноября 1794 года) голландскую миссию провожали губернатор двух провинций Чан Линь и другие официальные лица в храме Хайчжуан. 30 октября (22 ноября) голландская делегация отправилась из Гуанчжоу по воде на 30 кораблях. Голландская делегация состояла из 27 человек, включая посла и заместителя посла, а также переводчика Сяо Дэ Цзина, врача Бреттмана, швейцарского часовщика Петипельбе, двух малайских слуг и 11 охранников.[334]

С китайской стороны было пять сопровождающих офицеров, включая Ван Шицзи, генерала Мин Шана, Чжао Хунвэня, Чжан Юнчэна и начальника опыта.[335]

Ван Шицзи и Чжао Хунвэнь были друзьями Ван Вэньгао, и поэт гордился тем, что они взялись за это важное дело. Поэт гордился тем, что им доверили такое важное дело, и в честь этого события написал стихотворение «Отправка посланника дани из Нидерландов в столицу» («Сборник стихов Юньшаньтан», том 1).

Встреча императора с подношениями должна быть организована, и флаги сияют у реки Цюцзян.

Поднимитесь на гору Шаоши и послушайте прекрасную музыку в павильоне,

а для посланников приготовлены цветы сливы, присланные почтальоном.

Посланник с данью был хорошо устроен и развлечен,

теперь становится ясно, что императором восхищаются и уважают в других странах.

Климат становится теплее, и наступает время поздравлений,

Чтобы соответствовать сезону весны, в первую очередь следует насладиться прекрасными пейзажами дворцового сада.

18.8 Заключение

Во времена династии Цин Гуанчжоу находился в авангарде китайско-западной торговли и культурного обмена. Как местные поэты из Линьнаня, так и поэты из других провинций, приехавшие в Гуандун, в разной степени проявляли интерес к делам иностранцев и западным диковинкам. К XVIII веку в поэзии Линьнаня можно даже найти «иностранную» тему. Хотя она еще не отражает открытость мышления, но демонстрирует более широкое видение прошлого и в какой-то степени свежесть времени.

Сборник стихов Ван Вэньгао из «Сборника стихов Юншаньтан», который он описывает как «о семи из тех, кто говорит о тоске». Стихотворение голландского посла, которое проиллюстрировано в этом эссе, действительно раскрывает чувства великого ученого по отношению к «иностранной». «Такие стихи, как «Я пришел поздравить святых» и «Я знаю, что все люди равняются на своих родных», несут на себе отпечаток системы «дани». Однако его рассказов о получении императорского указа, банкете и отъезде голландской миссии достаточно, чтобы представить факты и наглядно показать опыт голландской миссии в Гуанчжоу.

Удивительно, что неофициальный храм Хай Чжуань и сад семьи У были связаны с голландским притоком, устроенным генерал-губернатором Гуандуна Чан Линем. Весьма интригующе наблюдать за тем, как официальные дела управлялись народом. Для периода Цяньлуна, когда феодальная система была в самом разгаре, это была не милость правительства к буддийским и чжурчжэньским дверям, а бремя, от которого нельзя было уклоняться.

Глава 19

Западный взгляд на купцов Гуанчжоу в эпоху династии Цин

На 24-м году правления императора Канси (1685 год) с созданием таможенного поста в Гуандуне была открыта новая эра торговли между Китаем и Западом. Порт Гуанчжоу получил название «Тринадцать торговых домов», следуя практике династии Мин.[336] Тринадцать торговых домов назначались правительством и отвечали за иностранные дела, их также называли «государственными купцами» или «иностранными купцами». Если говорится, что «Гуандун раньше всех получил выход к морю и первым испытал иностранное влияние» (Чжан Тао: «Разные заметки Цзиньмэнь»), то купцы Гуанчжоу, которые были непосредственно вовлечены в китайский и иностранный рынки, были в авангарде встречи китайской и западной культур. В какой степени они воспринимали различия между западной и китайской культурой, и какой тип западного мировоззрения у них сформировался — это вопрос, который нелегко исследовать, но его стоит изучить.

Большинство сохранившихся исторических документов Тринадцати компаний носят коммерческий характер, включая «отчеты» купцов чиновникам, «оракулы» чиновников купцам и «книги» купцов иностранным торговцам. В то время как можно понять состояние межкультурной торговли, трудно составить непосредственное представление о межкультурной коммуникации. Другими словами, образ западного мира в сознании купцов Гуанчжоу нужно было проследить по-другому. К счастью, Пан Юду, главный купец тринадцати торговых домов во времена династии Цянь, написал двадцать «Западных песнопений», выражающих его собственные «бамбуковые ветви» взгляды на иностранцев, иностранные обычаи и иностранные дела, что позволило будущим поколениям использовать этот уникальный исторический образец для комментариев о западном мировоззрении купцов Гуанчжоу во времена династии Цин.

19.1 Положение Пань Юду во внешних делах Цяньцзя

Пань Юду, или Пань Чжисян, родился в Панью, провинция Гуандун, в семье торговцев.[337] Его отец, Ци, был известен как Вэньянь, и основал Тунвэньхань. Он был одним из основателей «Тринадцати домов».

У Пань Ци много опытов. В молодости он покинул Фуцзянь и приехал в Гуандун, чтобы заняться бизнесом. Он был известен как «Пань Цигуань I», известный торговец на внешнем рынке Гуанчжоу. В декабре 1787 года Пань Ци умер, и его сын взял на себя управление бизнесом отца. В 20-м году правления

Цзяцина (1815 г.) фирма была переименована в Тун Фу Хан и оставалась в первых рядах среди тринадцати домов. Его положение и репутация во внешних делах периода Цяньцзя были прокомментированы Цзян Юсинь, губернатором двух провинций, следующим образом: «Его семья была зажиточной, он был самым искусным в иностранных делах, ему доверяли варвары и материковые купцы. («Дипломатическая история Цзяцина», том 4) Это официальное заявление уже подводит итог богатству, способностям и авторитету Пань Цигуаня II.

С момента вступления в должность главы администрации в 1788 году до его смерти в 1820 году карьера Пань Юду в «иностранных делах» длилась четверть века (он отошел от коммерции и жил дома с 1807 по 1815 год). В трехсторонних отношениях между правительством, купцами и варварами он умело лавировал, смог преодолеть многие трудности и спасти семью Пань от разорения в рискованном мире бизнеса. Как главному купцу Тринадцати домов, Пань Юду пришлось столкнуться со многими сложными проблемами в дополнение к тяжелому бремени жертвований, особенно в урегулировании долгов купцов и разрешении споров по поводу незаконной торговли иностранных кораблей. Первый случай — трагический случай с Ши Чжунхэ, купцом на 60-м году правления Цяньлуна (1795 год), который просрочил выплату более 598 000 таэлей серебра, что привело к смерти его семьи и заставило купцов разделить долг.[338] Последний случай произошел с американскими кораблями «Надежда» и «Нева», которые пришли в Гуанчжоу в 1805 году, продавая кожаные изделия вопреки правилам.[339] После посредничества и координации Пань Юду, и, конечно, его уговоров и подкупов, вышеупомянутое фиаско было наконец-то прекращено. Видно, что «самый искусный в иностранных делах» не был ложной похвалой.

Среди всех купцов тринадцати домов в Гуандуне в период Цянь-цзя Пань Юду также отличался своим конфуцианством. Согласно рассказу Чжан Вэйпина:

Он десятилетиями управлял иностранными делами. В свободное время любил читать историю и особенно любил поэзию. На юге реки есть сад, называемый «Южная вилла», квадратный пруд площадью несколько акров, через него перекинут мост. Там десятки водяных сосен, а две сосны пересекаются и растут, поэтому он назвал свой зал «Исун», а резиденцию «Цзи Ши Шань», а хижину рядом с ней — «крошечная лодочка». («Краткая история поэтов правящей династии»).

Помимо личной любви к истории и поэзии, Пань Юду также посвятил себя возрождению литературного движения, взяв на

себя инициативу пожертвовать свое общественное имущество в июле 1811 года для создания Академии Вэньлань в Сяцьюфу, Сигуань, Гуанчжоу, «как места, где ученые могут встречаться для занятий литературой».[340]

В эlegantной «Южной вилле» Пань Юду принимал многих иностранных купцов, пил с ними чай и занимался садоводством, рассказывая о последних событиях на Западе. Русский капитан «Невы» Ли Сянский посетил Наньшу в 1806 году и в сопровождении Пана осмотрел пять священных скрижалей предков Паркинстона.[341] Американский купец Тилден из Бостона также был на приеме у Пан Юду в 1815 году и увидел в его коллекции «одни из лучших карт мира и морских карт того времени», «с китайскими названиями стран, больших городов и морских портов, помеченными рядом с английскими названиями для его собственного использования».[342] Интервью даже включало «обсуждение наполеоновских войн».

Такой конфуцианский купец, как Пань Юду, был человеком дальновидным и образованным, намного превосходящим своих сверстников. Поэтическая форма, в которой он выражал свое понимание иностранных настроений, хотя и отрывочная и даже содержащая некоторые интересные «неправильные интерпретации», в конце концов, является наследием ранних культурных обменов между Востоком и Западом, и нет причин для будущих поколений игнорировать ее.

19.2 Тематика и стиль «Западных песнопений»

20 стихотворений в «Западных песнопениях», каждое из которых состоит из четырех строф по семь строк, сопровождаются примечанием разной степени подробности. Стихи опубликованы в сборнике «Поэзия Фань Ю Пана» под редакцией Пан И Цзэна и корректурой Пан Фэйшэна, в ноябре 1894 года. Редакторы назвали поэму «Посмертная рукопись зала Исун», потому что «его зал назывался Исун». Полный текст поэмы и примечания к ней прилагаются в конце данного текста и пронумерованы для удобства цитирования.

Дата оригинального стихотворения не была подписана. А вот из последнего стихотворения «Двадцать лет победы над Японией и дискуссия о солдатах» и его примечания: Если исходить из предложения «Внешние войны не прекращались двадцать лет», это должно относиться к «наполеоновским войнам», потрясшим Европу.

Согласно китайскому летоисчислению, двадцать лет должно было пройти с момента объявления Францией войны Великобритании и Нидерландам в 1793 году, в 1812 году, в год вторжения

Наполеона в Россию. Поэтому «Западные песнопения» могут быть приписаны Пань Юду в семнадцатом году правления Цзяцина. В то время он «отошел от дел» и жил в уединении в Наньшу, поэтому у него было много времени, чтобы «пить и сплетничать».

Согласно «Книге бесед и искусств» Чжан Вэйпина, «Жунгу был хорош в поэзии. Она была написана в родном тоне, а флейтист опирался на флейту» («Полное собрание сочинений господина Чжан Наньшаня», том 30). Этот элегантный стиль пения и гармонии с флейтой напоминает древний стиль династии Тан, где «новые тростниковые трубы рыдают, а древние бамбуковые ветви мрачны»[343]. Кажется, что композиция Пан Юду, от содержания до формы, от звука до музыки, почти полностью создана по образцу стиля «бамбуковой ветви». Если его отнести к категории заморской бамбуковой лирики династии Цин, то это не будет искажением.

Эту группу «разных песнопений» Пань Юду, с разнообразными темами, но не хаосом, можно в целом разделить на шесть категорий.

Первая категория, коммерческие обычаи, всего два.

Вторая, религиозные убеждения, всего два.

Третья, обычаи жизни, всего девять.

Четвертая, брачные и похоронные обряды, всего три песни.

Пятая, наука и техника, всего три.

Шестая, «Иностранные войны», одна песня.

Из этих двадцати стихотворений двенадцать, или 60 процентов, относятся к категориям «Жизнь и обычаи» и «Свадебные и похоронные обряды», поэтому ясно, что Пань Юду сосредоточился на заморских обычаях и традициях. Примечания к каждому стихотворению призваны объяснить названия и значения слов, а также конкретизировать западное мировоззрение автора. Поэтому комментарии к «Западным песнопениям» должны представлять собой сочетание поэзии и примечаний.

19.3 Китайские и западные различия и культурные искажения

«Западные песнопения» — это собрание песен и вздохов, восхваляющих и комментирующих западную цивилизацию начала XIX века. Чувство субъективности, которое она демонстрирует, отражает как различия между Востоком и Западом, так и культурные искажения, довольно интригующий феномен «Гэ И».

Как феодальный купец с большим количеством наложниц смотрит на брачную жизнь современных западных людей? Третье из «Разных песнопений» гласит:

«Брак заключается между женой и супругом, и они должны вместе поднять брови.

Брак — это не выбор свахи, а признание небес и запада».

Примечанием к поэме является конкретное описание брачных обычаев иностранцев.

Варвары не берут наложниц в жены, а те, кто берут, виновны в нарушении закона. Варвары имеют очень близкие отношения со своими супругами, как молодыми, так и пожилыми. Мужчина и женщина сами выбирают себе супруга, но их родители об этом не слышат. В день бракосочетания пара держатся за руки в Зале Бога и произносит клятву.

По мнению Пан Юду, очевидные культурные различия между моногамией и полигамией, между автономией брака и выбором родителей имеют узнаваемый аспект: «Словно зная, мы держимся за руки и вместе поднимаем брови». Не странно ли, что обычаи «варваров» также кажутся запятанными китайскими обычаями? Как мы все знаем, хотя «поднять брови» — это красивая история в истории китайского брака, которую рассказывают уже сто поколений, в конце концов, это выражение эвфемистической зависимости жены от авторитета мужа и не подразумевает морального равновесия между супругами. Другими словами, история Лян Хуна и Мэн Гуана рассказывает о «гармонии», а не о «равенстве», и ее этическая ориентация склоняется в пользу мужчины. Поэтому фраза «словно зная» на самом деле является «неправильным толкованием», о котором Пань Юду не знал. Как купец, он был подвластен и подчинен «управляющему» британской Ост-Индской компании, в то время как как купец-конфуцианец все еще был культурно выше «варваров». Такое состояние души показывает, что, несмотря на то, что Пан Юду находился на переднем крае китайско-западной торговли, он придерживался старых представлений о «системе дани» и был далек от преодоления психологического барьера культурного трансфера между Китаем и Западом.

Современный западный стиль ведения дуэли противоречит конфуцианской этике — быть мягким, уважительным и бережливым. Для Пань Юду это был неслыханный и невероятно странный обычай. Седьмое стихотворение в сборнике «Разные песнопения» гласит:

Рискуйте своей жизнью, чтобы выиграть или проиграть, так как эти два гнева являются причиной большого бедствия.

С противоположной стороны будет произведен выстрел, и великая вражда будет преодолена.

Далее в примечании поясняется:

У варваров была глубокая и тяжелая обида, поэтому они договорились и пригласили на встречу своих родственников и друзей. Каждый из них держал копье, вставлял железную пулю и вставал напротив друг друга. Когда они увидели людей, которые кричали, все открыли огонь из ружей. Мертвым не придется платить за это. Если они не погибнут, то их обиды будут улажены, и они больше никогда не будут сражаться, чтобы показать, что они храбрые и не трусливые.

Западная «дуэль», которая развилась из рыцарской цивилизации в Средние века, полностью отличается от древнекитайской «дуэли генералов» на поле боя и современных клановых боев. Хотя Пан Юду смутно видел справедливость такого способа улаживания обид и воспринимал культурный подтекст «дуэли» как «демонстрацию храбрости, но не робости», он все же называл ее «игрой с жизнью» и «легкомыслием», прямолинейно рассматривая рыцарство как антитезу джентльменским манерам.

Пан Юду, которого в цинском самодержавии называли «купцом иностранной фирмы Му Энь»[344], был так же далек от демократии, как и от равенства. Когда он пишет об отношениях между правителем и народом, упрощенные ритуалы Запада неизбежно заставляют его вздыхать в недоверии. Десятое стихотворение в сборнике «Разные песнопения» является примером тому:

Король Жунь отчитывает народ Ци, снимает шляпу и призывает тысячу лет весны.

Не было никаких формальностей и поклонов, но он держал их руки и говорил, что он близок к ним.

Примечаний немного, но смысл ясен:

Иностранные короли ездят в свои туры только в одиночку и не пользуются услугами военных сопровождающих. В зарубежных странах шляпу снимают в знак уважения. Варвары не выражали почтения.

Простота «Жунь Вана», хотя и не была обыденной, освежающе отличалась от бюрократизма «Небесного царства» с его тремя прострациями и девятью поклонами. Тот факт, что Пан Юду

с таким энтузиазмом говорит об этом, возможно, не лишен некоторого подтекста.

Двенадцатое стихотворение из сборника «Разные песнопения» рассказывает о том, как современные технологии вдохновили воображение торговца, и какие чудеса он увидел через свое «тысячеличное зеркало».

Зеркало — это мираж в тысячу миль.

Посреди ночи поднимается дым.

В записке говорится:

Самое большое зеркало шириной в один фут и длиной в десять футов, рядом с ним находится маленькое зеркало для наблюдения за лунным светом, размером в несколько десятков футов, имеющее форму сферы, с яркой и прозрачной окружностью и светом рыбьей чешуи. Внутри есть темные тени, как горы и реки, светящиеся назад, которые нельзя увидеть одним глазом, а только на востоке, западе, севере и юге от Луны. Если долго смотреть на него, то в глаза попадает горячий воздух. Когда ночь тихая, кто-то использует большое зеркало, чтобы увидеть поднимающийся от луны дым, похожий на дым от приготовления пищи.

Луна — это очень естественная мысль для Пан Юду, поэта, который любил смотреть на историю и поэзию, и это клише. Однако если сравнить его душевное состояние с состоянием его современников, которые также «смотрелись в зеркало в тысяче миль иллюзий», то это далеко не так. В 1820 году Жуань Юань (1764-1849), губернатор двух провинций, написал в Гуанчжоу песню о наблюдении за луной в телескоп, выражающую совершенно другие чувства.

Есть еще один шар, называемый луной, и его тень состоит из дневного света.

Луна называется луной, а ее тень — дневным светом.

Я думаю, что это тоже земля, и что темное — это гора, а светлое — вода.

Весла должны двигаться в море, а люди — в тысяче гор.[345]

Приведенный выше комментарий к западному песнопению является личным наблюдением в историческом контексте, а не строго культурным анализом, но, надеюсь, не тем, который был бы суров по отношению к его предшественникам. На самом деле, даже в наше время китайцам, осмелившимся выйти на

мировой уровень, было нелегко развеять свое «неправильное толкование» западной культуры.

19.4 Исторические особенности западного мировоззрения Пань Юду

В истории тринадцати домов в Гуандуне Пань Цигуан II является представительной фигурой, обладающей проницательностью и активностью. Его биографическая группа стихов «Западные песнопения» не является интуитивным изложением его собственного опыта, но содержит большое количество анекдотических свидетельств «варваров». Естественно, существует разница в степени знания западной цивилизации в различных описанных строфах. В некоторых случаях воспевание заморских пейзажей даже превращается в распространение иностранных диковинок. Об этом свидетельствует идеалистическая тенденция его стихотворения об отношениях между богатыми и бедными в зарубежных странах (№ 9).

В период Цянь-Цзя преимущество Гуанчжоу заключалось в том, что он был единственным портом для торговли, здесь было много купцов и споров по «делам варваров». По словам Ли Хунбина, губернатора Гуандуна в начале периода Даогуан, западные торговые страны имели «разные привычки: миланцы, гонконгцы, лусонцы и голландцы не приручены, но они менее трудны; только англичане самые непокорные»[346]. Именно благодаря долгому общению с британскими купцами Пань Юду сформировал свое западное мировоззрение. Однако для тех, кто официально считался «непокорным» и неприрученным, «Западные песнопения» восхваляют их коммерческую надежность: «Верность и доверие — первые препятствия для дружбы», «Я знаю, что обещание тяжело, как гора» (первая песня) и т.д. Это показывает, что, будучи государственным купцом при переходе от системы дани к системе договоров, несмотря на свою несовместимость со свободной торговлей, в своей практике «управления иностранными делами», т.е. вмешательства в мировой рынок, Пань Юду ощущал современное чувство «опоры на обещание», т.е. важность контрактов, в соответствии с китайским «древним чистым стилем». Вебер был «озадачен репутацией китайских купцов, которые вели дела с иностранцами, думая, что это объясняется их монополией на внешнюю торговлю и надежным положением. Далее он рассуждает, что если честность купцов была искренней, то на нее должна была повлиять иностранная культура.»[347] Вебер однажды «был озадачен прекрасной репутацией китайских купцов, ведущих дела с иностранцами, думая, что это может быть связано с тем,

что купцы монополизировали внешнюю торговлю и имели устойчивое положение. Далее он рассуждал, что если честность торговцев была истинной, то на нее также должны были влиять чужие культуры». Торговец ценит «праведность» и уходит своими корнями в традиции конфуцианских бизнесменов. Теорию «влияния» Вебера можно опровергнуть.

Эпоха создания «Западных песнопений» еще не была сознательной эпохой для китайцев, чтобы «видеть мир открытыми глазами». В стихах и заметках Пан Юду часто раскрывается превосходство основной культуры. Склонность мышления «с помощью Ся Ши» не может не привести к «неправильному чтению» предметной культуры. В истории были прецеденты, то есть буддисты династии Восточная Цзинь использовали иностранные письмена, чтобы соответствовать «Гэ И» внутренних писаний: «Это первая смесь двух разных мыслей нашего народа и других народов».[348] С точки зрения сравнительных исследований, уникальная концепция, выраженная в западном песнопении, является «смещением» двух разнородных культур начала XIX века. Текст, который Пань Юду оставил будущим поколениям, достоин тщательной интерпретации исследователями истории культурных обменов между Востоком и Западом.

История «Тринадцати домов» в Гуандуне имеет как экономический, так и культурный аспекты. Первое уже давно привлекает внимание, а второе еще только предстоит увидеть в свете времени. В этой статье используются «Западные песнопения», чтобы прокомментировать западные взгляды на торговцев в Гуанчжоу во времена династии Цин. Чтобы выявить культурный менталитет поколения гигантских бизнесменов, бренд китайско-западного обмена, направленный на продвижение «более материальному» и «более духовному»[349] изучению порта Гуанчжоу, чтобы удовлетворить более глубокие запросы современной историографии.

Приложение: Западные песнопения

(1) Лояльность — это первое, за что приходится платить, а тысячи долларов — это непомерно дорого. (Взаимный рынок китайцев и варваров, и ни одно соглашение не было нарушено, даже если бы были тысячи и тысячи людей. Название соглашения — «экстравагантно скупой»). Я знаю, что обещание тяжело, как гора, и что чистому ветру прошлого завидуют сто варваров.

(2) Приходит гость и пьет вино своими руками (вино делается из винограда, а не из чая). Холодная ночь — это холодная ночь, и холодное вино выливается в огонь (варвары пьют холодное вино

и зимой, и летом), я не знаю, на сколько высоки снежинки за дверью.

(3) У варваров в будуаре только одна жена (у варваров нет наложниц, и нарушение закона является преступлением), но они все равно знают, что влюблены друг в друга (варвары очень близки друг к другу, как молодые, так и старые). Брак выбирается без сватовства (мужчина и женщина сами выбирают себе брак, без ведома их родителей), и они вместе исповедуются в западной части Царства Будды (в день бракосочетания пара соединяет руки в зале Бога и дает клятву).

(4) Редко можно услышать о паре, которая установила полную дружбу в жизни и смерти. (Траурные одежды варваров имеют тот же цвет. (Варвары ценят дружбу и в конце жизни делятся своим богатством с друзьями).

(5) Золотая лоза обвивает серебряный горшок (варвары курят водопроводные трубки и наполняют их водой в серебряных горшках высотой около двух футов. Трубки размером с чашу, а ротанговые трубки, украшенные золотом, имеют длину более десяти футов. Трубки наполнены сахаром и табачными листьями и обжигаются древесным углем), никто не знает, что это табак. (Табачные листья производятся на Лусоне, а варвары называют «Табак»).

(6) Белая ткань, обернутая вокруг головы, — это Мору (Мору — название страны. (Все люди обматывают голову белой тканью), а черную плоть их тел называют рабами-призраками. (Рабы-призраки покупают вино из своих карманов за то, что получают в свои годы).

(7) Рискуйте своей жизнью, чтобы выиграть или проиграть, так как эти два гнева являются причиной большого бедствия. (Варвары договариваются о дате, когда пригласить своих родственников и друзей на встречу с ними. Каждый из них вооружен птичьим копьем и железной пулей, и они стояли друг напротив друга. Умерший не должен платить за свою смерть, он будет освобожден. (Если он умрет, его обида будет немедленно разрешена, и он больше никогда не будет сражаться, чтобы показать, что он храбрый и не слабый).

(8) Монах также известен как король (великий монах Макао широко известен как «король-монах»), а женщины заполняют двери, чтобы посетить вышеупомянутого (женщины в Макао каждый день посещают храм великого монаха и встают на колени, чтобы попросить о покаянии). (В Португалии и других странах в день поста едят только рыбу и крабов, но не крупный

рогатый скот и овец. Период поста называется «Риа-Пиай», «Риа» означает финик, а «Пиай» означает рыба).

(9) Больные и бедные были самыми жалостливыми, и сострадательным людям давали более миллиона долларов в год, чтобы ни один нищий не страдал от голода на пути (зарубежные страны собирали более миллиона долларов в год и раздавали их бедным, чтобы ни один нищий не страдал от голода на пути).

(10) Король Жунь (чужеземный король ездил только один и не использовал солдат, которые служили ему) снял свою шляпу, чтобы призвать тысячу лет весны (чужеземный король снял свою шляпу в знак уважения). Между варварами нет пространств (варвары не соблюдают расстояние), люди держатся за руки и здороваются друг с другом.

(11) Пересечение тяжелых преград одним копьем и одним мечом (и люди выходят и всегда защищаются одним ружьем и одним мечом), плавание за тысячи миль без возврата, а если есть излишек, отдать замужней женщине, а в пятидесятилетнем возрасте пятна на бороде (Варвары, отправляясь в далекие торговые путешествия, не женились до тех пор, пока не становились богатыми, но было много браков в возрасте пятидесяти лет)

(12) Тысяча гектаров стекла и широкая нефритовая комната, и тысяча миль зеркал, чтобы смотреться в иллюзию (Самое большое зеркало — один фут шириной и один фут длиной, и рядом с ним маленькое зеркало, чтобы смотреть на луну; оно имеет форму круглого шара, с яркой и тщательной окружностью, со светом рыбьей чешуи и темной тенью внутри).

(13) Время для еды и питья фиксировано (Варвары едят и живут по таблице часов), и люди умеют беречь свое тело. (Говорят, что солнце примерно на две четверти медленнее перед летним солнцестоянием и примерно на две четверти быстрее перед зимним солнцестоянием. Солнце естественным образом совпадает с солнцем через десять дней после зимнего солнцестояния каждый год. Проверка была проведена. (Именно поэтому большинство часов, которыми пользовались варвары, не совпадали с солнечными и кю, и назывались «народными точками», т.е. они тоже были пунктуальными).

(14) Братство и дружба — самые глубокие из всех, и они идут вместе, держась за руки при входе и выходе (Братья варвары очень привязаны друг к другу).

(15) Красные лампы и белые свечи бродят по Жемчужной реке (свечи горят белым воском), а десять тысяч подвесок мани

охраняют морской столб (храм морского столба и варвары находятся через реку друг от друга). (Варвары передвигаются каждый день после наступления сумерек, чтобы унести с собой энергию крови. Кролики проходят тысячу шагов каждый день после наступления сумерек, чтобы унести с собой энергию крови).

(16) Крест открыт в Крестовых воротах (в Макао есть Крестовые ворота в устье моря, а в Западной церкви есть большой храм, где поклоняются «Кресту» и называют его Богом Неба). В колокол звонят каждый день, чтобы молиться о ветре (варвары звонят в колокол каждый день, чтобы молиться о ветре, в надежде, что корабль поплывет).

(17) Ночью используются паруса со стофутковым гиком, а в океане — все тяготы торговли и миграции. Когда ребенку четыре или пять лет, он сопровождает отца и брата через океан, но тот смеется и показывает на Лао Вань Шань на юге неба (Лао Вань Шань находится на океане за Хумэнем).

(18) В трехлетнем календаре нет промежуточных месяцев (отсутствие промежуточных месяцев распространено среди варваров). История гласит, что на Новый год и во время больших встреч все чашки и тарелки разбиваются ради забавы, но в последнее время эта тенденция немного ослабла.

(19) Искусство астрологии было передано нам через трубку, и ветер закрепил Млечный Путь и наполнил Луну. (Ночью, используя иностранный звездочет, я увидел звезду в форме киу, длиной три фута, с отверстием через голову и хвост).

(20) Двадцать лет войны и двадцать лет войны. Воды моря не поднимаются до того дня, когда они преобразуются, но Нефритовые ворота прибывают весной и теряют свой уровень.

Глава 20

История китайских рабочих в Наньяне в современное время

20.1 Исторические предпосылки торговли «кули» (обманом и насилием завербованный для полурабского труда в чужой

стране)

В конце XIX века мировой капитализм начал переходить от эпохи «свободы» к эпохе империализма. В то же время, грабеж экономических ресурсов Юго-Восточной Азии западными колонизаторами также расширялся и углублялся соответственно.

В 1870 году голландское правительство, по настоянию промышленной буржуазии, заменило систему принудительной обработки земли, действовавшую в течение сорока лет и принесшую 900 миллионов гульденов, на «закон о сахарной промышленности» и «закон о земельной промышленности», что способствовало ввозу в Индонезию огромного капитала. Это открыло возможность для ввоза огромного количества капитала в Индонезию. В результате на «домашних островах» (Ява и Мадуро) и особенно на «внешних территориях» возникли большие плантации.

Со своей стороны, Малайзия с ее богатыми экономическими ресурсами уже давно была центром внимания Великобритании. По мере усиления конкуренции между капиталистическими странами, положение Малайзии в британской экономической системе становилось все более важным. В 1863 году британское правительство сделало колонии в проливах (Сингапур, Пенанг и Малакка), находившиеся под властью генерал-губернатора Бенгалии, зависимыми от короны, а в 1895 году заставило Перак, Серембан, Негери Сембилан и Паханг образовать Малайскую федерацию. Политический контроль был средством экономического грабежа, и эти меры одновременно отражали необходимость крупномасштабных набегов и предвещали приход еще более крупных набегов.

Однако как в Индонезии, так и в Малайзии владельцы плантаций и шахт столкнулись с проблемой нехватки рабочей силы.[350] Это было обусловлено следующими причинами: во-первых, в Индонезии процесс присвоения пахотных земель на «внешних территориях» был не таким быстрым, как на «домашних островах», поэтому местные крестьяне еще не разорились до такой степени, чтобы продавать свою рабочую силу. Они «предпочитали полуголодную жизнь фермеров и охотников порабощающим условиям работы на европейских шахтах и плантациях». Что касается «родных островов», то, несмотря на наличие большого избытка населения на Яве, голландские владельцы плантаций противились миграции яванских рабочих на другие острова, поскольку опасались более высоких местных зарплат на Яве.[351] Поэтому плантаторы Суматры прибегли к импорту китайских рабочих. Во-вторых, в Малайзии «долгое время малайские крестьяне практически

не использовались британскими колонизаторами для работы на оловянных рудниках и плантациях. До Второй мировой войны британские колонизаторы импортировали китайцев и индийцев для выполнения этой работы. Это говорит о том, что в этот период малайские крестьяне все еще были привязаны к земле. Также имел значение тот факт, что население Малайзии было малочисленным и проживало в районах, удаленных от оловянных рудников и плантаций».[352]

Не случайно голландские и британские колонизаторы использовали Китай в качестве источника рабочей силы. После Опиумных войн сочетание сельского хозяйства и кустарной промышленности становилось все более свободным в сельском Китае, а принудительное отделение сельскохозяйственного труда от средств производства становилось все более выраженным. Это привело к появлению группы разорившихся крестьян, которые составляли основной резерв рабочей силы для других отраслей производства.[353] Как сказал Энгельс: «Война с Китаем нанесла смертельный удар старому Китаю. Закрывать страну было уже невозможно, требовалось прокладывать железные дороги, использовать паровые машины и электричество, создавать крупные промышленные предприятия, т.е. для целей военной обороны. Старая мелкотоварная экономическая система, в которой крестьяне сами производили необходимые промышленные товары, все больше разрушалась, и все старые социальные институты, которые позволяли содержать относительно плотное население, рухнули. Миллионам людей будет нечего делать, и они будут вынуждены эмигрировать».[354] Конечно, это лишь общая причина, по которой китайцы уезжают на заработки за границу, и она может включать, но не может заменить анализ того, почему «кули» были разграблены, обмануты и проданы за границу. Здесь следует отметить, что феодальный режим династии Цин под гнетом западных капиталистических стран стал настолько слабым, что трудно было сохранить в целостности даже рабочую силу, которая была необходима для феодальной системы. Запреты издавались, но они были неэффективны; даже когда протесты были заявлены, они были просто вариантами мольбы о пощаде, и на практике «народа» по-прежнему заставляли «подвергаться порке, клеймению и насилию, а также проходить необходимую подготовку для системы наемного труда».[355]

Китай был объектом трудового грабежа голландских и британских колонизаторов по уже упомянутым причинам. Специфический способ, которым осуществлялся процесс грабежа, заключался в прямом наследовании этими колонизаторами презренных традиций своих предшественников. Уже в XVII веке

«голландцы, чтобы получить рабов для использования на Яве, практиковали систему пиратства на Целебесе. Он также подготовил для этой цели группу похитителей людей. Вор, или торговец, был главным агентом в этой профессии; коренные князья были главными торговцами. Украденных молодых людей держали в секретных тюрьмах на Целебесе, пока они не были готовы к отправке на невольничьих кораблях».[356] В 1662 году была создана Африканская компания для вывоза чернокожих людей для продажи в качестве рабов. Для того чтобы систематически забирать чернокожих в рабство, Великобритания создала стационарные посты в Гамбии и на Золотом Берегу». К XIX веку на юго-восточном побережье Китая «кули» стали использоваться в качестве замены прежних черных, при этом «глава кули» стала воплощением «похитителя людей», а «свинарник» схож по своей природе с «устоявшейся караульной заставой». Хотя персонажи и декорации изменились, режиссеры — все те же два ветерана торговли людьми.[357] Как и двести лет назад, эта «традиционная пьеса», повторенная в Китае в XIX веке, «вписана в летопись человечества словами крови и огня».[358]

После краткого анализа исторических предпосылок торговли «кули» необходимо рассмотреть значение термина «кули» и его псевдонимов. В китайской литературе есть много упоминаний об этом, некоторые из них перечислены ниже. Согласно примечанию во двадцать втором томе переработанных «Записей уезда Хыонгшон» за пятый год эпохи Гуанской (1879):

После заключения мира запрет на курение был ослаблен, а австралийские варвары не могли патентовать свою продукцию и постепенно беднели. В то же время китайцы были куплены такими странами, как Перу и Куба, для службы в их странах, и их называли «кули».

Согласно книге, написанной Ли Чжунцзюэ в 1887 году, «Записи о Пейзаже Сингапура» гласит:

В последние двадцать лет западники набирали рабочих для мелиоративной промышленности, и стоимость домашней прислуги стала настолько дорогой, что тех, кто продает людей за границу, называют «кули». Они установили павильоны в Макао и открыто торговали ими. Прибрежные жители были либо обмануты, либо ограблены, и как только они попадали на корабли, они были подобны дельфинам.

В «Обращении пиратов Гуандуна с просьбой об изменении правил» Го Сунтао говорится:

Британские и французские страны отвоевывали острова Южных

морей, а коварные люди таким образом продавали людей ради наживы. Они не были строго наказаны и накапливались в течение долгого времени, становясь, таким образом, необузданными. Люди, которых купили, не знали языка, но думали, что они наемные слуги. Как только они покидали страну, их больше не находили. Поголовье исчислялось десятками, а нижняя часть склада была закрыта, что известно как «торговля свиньями или кули».[359]

Первоначальное значение слова «кули» можно увидеть в словах «как только они попадали на корабли, они были подобны дельфинам» и «поголовье исчислялось десятками, а нижняя часть склада была закрыта». Кроме того, есть еще четыре псевдонима.

(1) «Новые гости»: различие между старыми и новыми китайцами первоначально использовалось для различения порядка, в котором заморские китайцы покидали страну, но в конце XIX века этот термин приобрел конкретное содержание и стал синонимом «кули». Об этом свидетельствует песня Хакка: «Просыпайся рано и смывай холодную воду, но не раньше, чем через три года будет полно новых гостей».

(2) «Зеленый одинокий гость»: говорят, что «после заключения договора между свинопасом и вербовщиком, заранее выплачивалось некоторое количество зарплаты, а работников собирали в трактире и выдавали им зеленые билеты, отсюда и название «Зеленый одинокий гость».[360]

(3) «Работник по найму».

(4) «Тяжелый труд»: в литературах Чаочжоу это называется «Кули»[361]. (Линь Да Чуань: Хань Цзян Цзи, том 8, «Песня обрыва») и цзиньцзянская народная песня «Гули», оба перевода хинди слова «Гули» (или Кули). Это объясняется тем, что выходцы из индийской провинции Матала первыми начали работать в Малайзии и одновременно импортировали заимствованное слово.[362] Позже, в Индии, Индонезии, Малайзии, Австралии, Африке и Америке, подневольных работников стали называть «каторжными».[363]

Из этих пяти различных терминов данная статья выбирает «кули» как имя собственное не только потому, что оно более примитивное, яркое и привычное для китайцев, но, прежде всего, потому, что оно раскрывает антигуманитарный характер торговли «кули».

20.2 Учреждения и деятельность в сфере торговли кули

В начале XIX века торговля кули находилась в зачаточном

состоянии, и полноценные институты еще не были созданы. Позже, с быстрым развитием экономического грабежа колониалистов, необходимость пополнения и расширения рабочей силы на плантациях и рудниках стала постоянной необходимостью, что потребовало создания постоянных учреждений, которые бы взяли на себя задачу по найму большого количества рабочих, и в этом контексте возникли «свинарники», которые распространились из-за границы на родину.

В порядке исторического развития ниже приводится описание зарубежного рынка «кули».

Сингапур является крупнейшим центром торговли «кули» в Юго-Восточной Азии. Большинство «кули», купленных в Китае, были высажены здесь, а затем перевезены в другие места.[364] В результате он также стал основой для «свинарников». Например, в Луан Синь, Ван Юань Лун, Чэнь Ли и Си Дэ Синь продавали «кули». Большинство этих «свинарников» контролировалось лидерами частной партии. Они «все делали ради наживы, а не ради гуманности». Они были очень деспотичны по отношению к новым клиентам. Новички часто сбежали в гостевые дома, поэтому их все больше и больше запугивали; в гостевых домах окна были плотно закрыты, а двери охраняли члены партии трех звезд (общества трех точек).[365] В то время самыми известными «главами кули» в Сингапуре были члены частной партии Лян Ябао и Май Цзюнь. Май Цзюнь был лидером Ассоциации Йи Хинг, филиала Общества трех точек.[366] «Всякий раз, когда судно прибывало в Синг Синг, он посылал сампан за копилками и следил, чтобы они не сбежали, и брал с каждого из них 3 или 4 доллара за защиту. Если бы они не попросили их защитить их, никто бы не осмелился купить кули, которых они продавали, или они бы сбежали».[367] Другим оплотом торговли «кули» в Юго-Восточной Азии был Пенанг. Китайские купцы, занимавшиеся этой торговлей, нанимали суда, чтобы отправиться в Макао или Сямынь в апреле или мае каждого года, когда юго-западный муссон Индийского океана был в самом разгаре, и поручали агентам похищать невежественных жителей. За каждого нового клиента агентам платили один юань. Во время шторма новоприбывших загоняли на парусники и прибывали к днищу лодок.[368] Самая влиятельная «главой кули» на Пенанге, Чэнь Дэ, «был также президентом Ассоциации Та Бо, и все вновь прибывшие обрабатывались им до завершения передачи дел».[369]

Если некоторые из лидеров Частной партии были менеджерами по торговле «кули», то британские колониалисты были

теми, кто стоял за кулисами. На первый взгляд, они не управляли «свинарником»[370] напрямую просто потому, что так было лучше скрыть свое лицемерие. В действительности британские колонизаторы вмешивались во внутренние дела Китая дипломатическими средствами. Британский консул в Гуанчжоу, например, вмешался в работу офиса губернатора, чтобы заставить его снять запрет на продажу «кули» на улице Чаохуйцзя.[371] Британский консул в Шанью, с другой стороны, приукрасил «систему кредитных заказов» в своей записке, пытаясь обмануть Чжан Чжидуна в предоставлении более удобных условий для торговли «кули». Оригинальная записка гласит следующее:

Я боюсь, что ваш губернатор не знает деталей кредитного законопроекта, поэтому я хотел бы объяснить их. Если есть люди, которые хотят пересечь океан, но у них нет денег, чтобы заплатить, им следует выдать коносамент в кредит, чтобы облегчить их путешествие. Если вы хотите поехать в Сингапур или Пенанг, то сначала вам следует обратиться в лицензированный гостевой дом. Если у него есть друг или родственник, его должен выкупить друг или родственник, который оплатит проезд, а если у него нет друга или родственника, его может выкупить любой человек, но только если он готов это сделать. Глава клиента принесет деньги в канцелярию секретаря по делам защиты китайского народа, где он внесет в реестр свое имя, место происхождения и возраст. После выкупа глава клиента должен быть доставлен в офис секретаря по защите китайского гражданского населения и внести его имя и возраст в реестр. После достижения соглашения секретарь по защите китайских государственных служащих объяснит условия найма, чтобы те, кто их слышит, поняли их, а затем контракт будет подписан и скреплен личной печатью.[372]

Здесь необходимо обсудить два момента: во-первых, судьбу «кули» после их прибытия в Сингапур. В своей книге «Сингапурские обычаи» Ли Джунцзюэ, основываясь на собственных наблюдениях в «Записи о Пейзаже Сингапура», описывает ситуацию следующим образом:

Когда китайцы прибыли в Сингапур для работы в Южно-Китайском море, они сначала устроились в гостевой дом. «Гостевые дома» содержались недобросовестными торговцами, т.е. свинарниками. Если бы клиент был вынужден спешно покинуть страну, ничего не теряя, его не пришлось бы похищать и попадать в ловушку. Чиновники и дворяне в Лейквуде неоднократно пытались выяснить источник проблемы, но

британские чиновники держались за него, поэтому им это не удалось.

Теперь я хотел бы привести цитату из письма Се Юй Ти, уроженца уезда Хайян (Чаоань), в сингапурский Департамент защиты китайцев, чтобы понять реальную ситуацию «ловушки без необходимости быть похищенным».

В докладе содержится просьба о благоприятном расследовании похищения его младшего брата: младший брат Юй Ти, ранее известный как Юй Жуо, приехал в Сингапур в ноябре 1889 года и остановился у родственников в Шуйлан Тоу, поскольку не нашел себе места для проживания. Я попросил своих друзей и родственников посетить различные места, но мне удалось выяснить, что 20 февраля этого года два брата, Се Тунцин и Тунжу, из той же деревни, заманили его в семейную галерею Чэнли, изменили его имя на Се Дэнке и продали его для работы в качестве слуги в Сенне.[373]

Второй вопрос — это функция Управления китайской гвардии. Из отчетов подчиненных Чжан Чжидуна об их визитах к китайцам в Южно-Китайском море легко понять негвардейский характер сингапурского управления китайской гвардии:

Он не был зарегистрирован в китайском консульстве, и между ними не было никаких контактов.[374]

Для того чтобы привести пример того, как китайский новоприбывший в Сингапур был лишен личной свободы под «защитой» британских колониальных властей и порочности торговцев «кули», я привожу цитату из петиции Чуан Ту Кана, чтобы люди прислушались к ней «Голос жалобы поросенка».

Я из уезда Цзиньцзян, провинция Цюаньчжоу, провинция Фуцзянь. И меня обидели, потому что я сел на корабль в Сямыне в конце сентября этого года и уехал за границу на заработки. Когда я прибыл в Лаканг в начале октября, меня встретили два или три бандита, которые сделали вид, что спрашивают о своих друзьях и родственниках. Воспользовавшись ситуацией, бандит стал задавать вопросы, притворяясь вежливым и выступая в роли гида. Затем его привели в гостиницу Луань Синь в Цзянгуаньма и поместили в отдельную комнату. Бандиты отвезли его в посольство Великобритании. Чем больше он оставался, тем чаще бандит водил его в британский офис, где сладкими словами учил его исповеди, на которую Кан отвечал непринужденно. Когда британский офицер спросил Кана, согласен ли он работать, Кан ответил отрицательно. Британский офицер немедленно приказал трактирщику привести его обратно, но бандита посадили в тюрьму отдельно и жестоко

избили, сказав, что если он признает свою готовность, то будет жить, а если нет, то умрет. Бандитов жестоко избивали, говоря, что если они согласятся, то будут жить, а если нет, то умрут. Они также использовали сильную западную воду, чтобы промочить их кожу, и боль была невыносимой. Как простой человек, Кан был подвергнут множеству пыток, но он утверждал, что хочет, поэтому его посадили на корабль и отправили в отдаленное место работать чернорабочим.[375]

В случае с Чуан Ту Канам видно, что при определении личности «кули» британское колониальное правительство спрашивало только, «желает ли человек», независимо от скрытого нежелания. Рынок «кули» в Сингапуре был «двойным актом», в котором «кули» были похищены «торговцами» и одобрены «Департаментом защиты». Очевидно, что заявление Чжан Чжидуна о том, что он «потерял цель защиты», было недоразумением, поскольку «Департамент защиты» должен был только «коснуться верхушки» жертвенной жертвы, тем самым легализовав торговлю «кули». Важно отметить, что до середины XX века, когда призрак колониализма был еще свеж, все еще находились те, кто повторял клише британского консула в Шаньтоу: «Все китайские рабочие должны быть вызваны в протекторат при высадке в любом торговом порту Малайи, а сумма долга, которую они понесли, отдавая деньги в долг реке, должна быть взята ими на себя и зарегистрирована, и этот шаг и другие формальности призваны предотвратить их попадание в руки лидеров частных партий». Цель этих и других формальностей заключалась в том, чтобы предотвратить их обман со стороны водоносов, назначенных лидерами частных партий, или эксплуатацию со стороны их работодателей».[376] Но ложь, написанная чернилами, не могла скрыть факты, написанные кровью: «кули» уже знали, что «Департамент китайской опеки» не был спасителем, а британские колонизаторы показали себя не просто убийцами в белых перчатках.

Суматра полагалась на малайскую перевалку кули, в которых она нуждалась до 1864-1888 гг.[377] Доклад Чжан Чжидуна в октябре тринадцатого года династии Гуансюй (Гуансюй Дунлу).

Китайские рабочие также насчитывали более десяти тысяч человек. Сначала их привезли из Шаньтоу в Сингапур и Пенанг, где они были проверены британскими чиновниками на предмет добровольного трудоустройства и заключили контракты на работу в Японии на китайском языке.

Эта история показывает, что торговля кули на Суматре в то время не имела независимости. Что касается так

называемых «добровольных слуг», которые были «проверены британскими чиновниками», то на самом деле они были «Чуан Ту Кан». Например, в начале 1877 года в Сингапуре «большое количество рабочих было согнано вооруженными людьми на парусные суда для перевозки на Суматру и далее, и рабочие подвергались очень жестокому угнетению».[378] Китайский контракт также упоминается в отчете Комиссии по труду Колонии проливов за 1890 год для табачного района Суматры, в котором говорится, что «кули», переводимым на Суматру, должны были заплатить «тридцать долларов авансом во время подписания контракта в Колонии проливов, из которых девятнадцать долларов и пятьдесят центов должны быть вычтены для возмещения дорожных расходов и затрат. Оставшиеся десять долларов и пятьдесят центов должны были быть выплачены наличными». Поскольку за вербовку «кули» в колонию Ла-Манш и штаты Тупело не выплачивался аванс, это положение действовало как приманка, позволяя колонизаторам использовать «завлечение» в качестве дополнения к «принуждению».[379] Таким образом, это положение действовало как приманка, позволяя колонизаторам использовать «соблазнение» в качестве дополнения к «принуждению».

Однако, хотя эта непрямая торговля обеспечивала Суматру источником рабочей силы, она также обходилась местным работодателям дороже. В то время «свиноголовый, завербованный из Чаошана в колонии Проливов, заплатил бы всего четырнадцать-шестнадцать долларов за рабочего, в то время как цена, которую платил работодатель за передачу в Судунгири и Борнео, составляла бы от восьмидесяти до девяноста долларов, выгода от которых доставалась бы свиноголовому».[380] Чтобы облегчить бремя нанимателей и избавить эксплуататоров от промежуточной эксплуатации, голландское правительство в 1888 году направило в Шаньтоу офицера для составления устава кабалы вместе с Ляо Вэйцзе, уполномоченным по иностранным делам династии Цин. С тех пор «кули» отправлялись прямо в Иржи, без необходимости проходить через Сингапур.[381]

Как только была открыта прямая торговля, голландские агентства по трудоустройству начали работать с размахом. ««Компания Хершейс в Нидерландах (создана: Ассоциация плантаторов Дели) является генеральным агентством по закупке кули в Восточной Индии. Всем табачным садам предприятия поручено заниматься этим вопросом. В Гонконге, Сямэне, Шаньтоу и т. д. есть филиалы в различные места».[382] «Хершейс» каждый год отправляла людей в Шаньтоу, Бэйхай, Гуан и Чжао для вербовки рабочих. Набрав достаточное количество рабочих, они были доставлены в Пангасинан на

кораблях голландской компании».[383] Голландское колониальное правительство предоставило вербовщикам особый режим, когда кули прибыли: «При ввозе кули не только не нужно было платить полный налог на посадку в размере 150 гульденов, но им также была предоставлена особая привилегия — оплата за полцены, и они были освобождены от обычных формальностей, таких как получение паспорта.[384]

После высадки «кули» держали как пленных. Согласно «Записям Дунхуа династии Гуансуй», в феврале 1908 года Ян Шици писал: «После въезда в страну китайские рабочие были связаны японцами, их кормили грубой пищей и размещали в соломенных хижинах. Так называемая «солома» была «новой хижинкой для гостей». «Новые бараки» в Бекри Тонкоу (Танджун Бунлам) — пример жалкой жизни «кули»: как только они попадали во двор, их останавливали вооруженные до зубов яванские солдаты с бечевкой и группами отводили к ряду деревянных домов, окруженных проволочной сеткой, — «новым общежитиям», построенным по образцу голландских тюрем. Здесь «кули» регистрируют, снимают отпечатки пальцев, осматривают и вакцинируют. Что касается «грубой» пищи, которую они ели, то это был «коричневый рис, смешанный с бесчисленными зернами мякины, гнилые ростки бобов, воняющие маслом, и соленая рыба, опаленная огнем». Это были пять-семь дней «концлагерной» жизни, которые «кули» должны были провести до прибытия на место.[385] «Если китайские рабочие были физически слабыми и неквалифицированными, или если они были квалифицированными, но не хотели работать, чулочная компания должна была отправить их обратно к месту происхождения на корабле без какого-либо принуждения. Однако это привело бы к большим потерям для банка, поэтому, когда находили таких неквалифицированных людей, большинство из них продавали в качестве садовников для выращивания перца. Те, кто возвращался сразу, возвращались редко».[386] Это именно тот трюк, за который цинские чиновники когда-то вежливо отчитали хорошие иностранные компании: «В последнее время правительство неоднократно меняло правила с намерением проявить сочувствие, но пользы пока не добилось, а заморские рабочие все еще продолжают подавать апелляции».[387]

От борьбы за прямую вербовку до централизованного контроля за ввозом «кули», легко увидеть, как голландское колониальное правительство служило интересам владельцев шахт и плантаций, выступая в качестве политического слуги в пиратском бизнесе, чтобы заслужить аплодисменты голландской буржуазии.

Ситуация на зарубежном рынке «кули» была кратко описана выше. Теперь давайте обратимся к формированию внутреннего рынка «кули» и к тому, как торговцы вписывались в ряды своих зарубежных коллег.

До Опиумной войны кули экспортировали из прибрежных районов Гуандун и Фуцзянь.[388] Однако в то время колониалисты действовали только путем набегов и грабежей, чтобы удовлетворить острую потребность в рабочей силе. Об этом свидетельствуют следующие исторические источники. 30 июня 10-го года правления Сяньфэна (1860 г.) Цзи Линь представил, что

Варвары в восточной части Гуандуна уже давно заманивают бандитов с материка и похищают людей под предлогом «покупки кули». С тех пор как варвары вошли в город на седьмом году правления Сяньфэна (1857 год), эта тенденция стала еще более распространенной. Однако в то время павильоны еще не были установлены, поэтому их заманивали обманом, ловили на баржах, а затем уплывали, как только их количество было достигнуто. По оценкам, было похищено не менее десяти тысяч человек.[389]

И «Записи Ханьцзян» (Записи реки Хань) Линь Дачуаня, том 8, «Песнь о сбитых скалах».

Во втором месяце правления Сяньфэн (1858 г.), появились десятки иностранных кораблей, там кто-то покупал хороших людей, чтобы пересечь океан, называется «кули». Сначала они покупали их на ровном месте, потом заманивали, потом забирали. Береговая линия была еще более углубленной. Прибрежные жители, будь то носильщики, нищие или те, кто просил подвезти их к морю, также были уведены. У меня есть песня: «Вернись! Вернись! Не жадничай больше пепла, перед тобой воры, зови друг друга, чтобы вернуться, жена говорит, что нет риса, а сын голоден. Если вор не уйдет в течение месяца, на набережной больше не будет детей.[390]

Очевидно, что «копилка» появилась в Китае только в 1857 году. Однако к 1876 году только в Шаньтоу насчитывалось от двадцати до тридцати свинарников (см. следующую цитату). Можно предположить, что именно в эти два десятилетия формировался и развивался внутренний рынок кули. Несомненно, это результат колониализма. В конце 1940-х годов в Народе был обнаружен огромный оловянный рудник, в 1950-х годах его начали эксплуатировать, в 1960-х годах в этом районе работала компания с капиталом в 5 миллионов рупий «Оловянная руда Белитун» (известная китайцам как «Моши Цзянпи»), а в 1970-х годах были созданы «Табачная компания Чжили»

(1870), «Яванская табачная компания Чжили» (1875), «Табачная компания Алинсбург» (1877) были созданы для выращивания табака. Все это сразу же сузило рынок малайских кули, и именно в это время в стране были созданы «копилки» для обеспечения постоянного притока рабочей силы.[391] В то время основными внутренними рынками сбыта кули были Шаньтоу, Сямынь и Хайкоу, а Гонконг и Макао использовались как перевалочные пункты для экспорта кули.

Ниже приводится рассказ о торговле «кули» в Шаньтоу. «Согласно свидетельствам очевидцев, во второй год правления Гуансюя (1876 год) в Шаньтоу уже было от 20 до 30 пансионатов, владельцы которых регулярно получали сообщения от сингапурских и Пенангских торговцев и были информированы о недавней торговле каторгой в портах Проливов, поэтому они следовали этим сообщениям и платили некоторую сумму денег главе пансиона, чтобы набрать каторжников в деревнях Гуандуна для переезда на юг и нанять для них лодки для перевозки в колонии Проливов. Стоимость проезда должна была быть возмещена работодателям рабочих по прибытии в пункт назначения.[392] О том, что Кэ Тоу ходили в «различные деревни, чтобы набрать рабочих для миграции на юг», можно судить по представлению Хуан Улуна и У Тяня из поселка Юши, Сунь Сюду, уезд Хайян (Чаоань), губернатору двух провинций в правительство Сингапура для выяснения подробностей.

Хуан Шуньсяо, житель деревни Гечжоу, рассказал, что один иностранный торговец нанял рабочих для посадки тростника в Пенанге, и каждый рабочий стоил семь долларов в месяц. В то время более ста человек отправились на эту службу, и было неизвестно, будут ли они в безопасности в течение нескольких месяцев. По сообщениям, после прибытия в порт рабочие подвергались издевательствам и голодали, но им повезло, и они спаслись от смерти в других местах.[393]

«Впечатления от торговли «кули» неизгладимы, поэтому описание ее можно найти в народных песнях Чаочжоу. Одна из этих песен, «Паника», ярко передает переживания работников Чао Чжоу, отправляющихся за границу, их жизнь на месте и их ностальгию по своим семьям. Ниже приводится его текст.

Я отправился в Шаньтоу, чтобы посетить клиента. Когда руководитель заказчика увидел его, он спросил его, желает ли он счастливого пути. Я прошел весь путь до Селат Коу (Selat по-малайски, первоначально «Проливы», китайцы используют его для обозначения Сингапура), но ничего не произошло. Боги земли существуют для того, чтобы обеспечить мир и безопасность. Когда идет дождь, я прошу, чтобы меня облили,

а когда поднимается солнце, я прошу, чтобы меня обнажили. День и ночь, когда мы строим фермы, день и ночь, когда мы это делаем, петух кукарекает в пять часов, и мы идем в баню. Море — это преграда, поэтому я не могу заставить свою жену приехать в Таншань, чтобы договориться! Письмо и два юаня серебра, в котором Гуй говорит, чтобы она усердно работала и не беспокоилась об этом; ее сын должен содержать ее и научить работать в поле и кормить кули.[394]

Вышеупомянутая статья и народная песня отражают два типа похищения «кули» в Чаошане с разных точек зрения: в первом случае голова клиента уходит вглубь деревни, а во втором — поросенка бросают в сеть. Описание «письма за два юаня серебром» напоминает о крови и слезах ранней истории заморских рабочих.

Помимо Чаошаня, торговля людьми процветала и в других штатах и уездах Гуандуна. Согласно «Записи Чжао Дунь Хуа в эпоху Гуаньсю» Чжан Чжидуна в первом месяце тринадцатого года династии Гуансюй (1887):

Согласно отчетам, из различных штатов и округов, случаев похищения почти не было. Причина этого в том, что прибрежные районы Гуандуна, Гонконга и Макао — это все иностранные границы, а законы там не такие хорошие, как должны быть, поэтому скрывающиеся от правосудия возвращаются на корабли, и корабли кишат ими. Кроме того, цена продажи в зарубежные страны была выше, чем на материке.

Не более одного из ста человек смогли отпраздновать свое возвращение, продав свое население. Именно поэтому от этого бедствия страдает больше людей, чем в других провинциях. Когда человек был похищен, его семья была в панике, его родители могли умереть, а семья могла быть разлучена. Тех, кто уезжает за границу, подвергают каторжным работам, заманивают в чужие края и оставляют умирать, не имея возможности подать апелляцию и собрать свои кости.

Упомянутая в статье «цена продажи в зарубежные страны» была основана на рыночной цене сингапурского «Санкиста», который состоял из четырех категорий: «те, кто поехал в Дели выращивать табак, по 120-130 долларов; те, кто поехал в Пенанг выращивать тростник и бар по 60-70 долларов; те, кто поехал в Джохор заготавливать дрова, стоили по 50-60 долларов; те, кто поехал в Сингор заготавливать мед, стоили примерно по 30-40 долларов».[395]

Большое количество «кули» удалось получить путем похищения, но не исключительно. «Разнообразие источников кули уже было

описано,[396] но они не понимали, что дунзи также являются частью кули, хотя и незначительной частью. Ниже приводится выдержка из официального письма Чжан Чжидуна от 15 мая 1889 года, в котором он писал в Восточное провинциальное управление о подготовке к отправке заключенных на работу в зарубежные страны (Полное собрание сочинений Чжан Вэньсяня, том 95, № 10).

(Префект Шуньдэ Цзуо сообщил, что) в моем уезде было 102 заключенных..... Я обсудил это с охранниками моего уезда и другими чиновниками и сказал, что если заключенным разрешат работать в Сингапуре, они не останутся без средств к существованию. (Указания Чжан Чжидуна) Заключенному должно быть разрешено вернуться в Сингапур через десять лет и освободить его от ареста.

(Указания Чжан Чжидуна) должны быть утверждены немедленно..... и с особой тщательностью, чтобы иностранцы не знали, что это китайские преступники, и чтобы малейший их след привел к оправданию..... Шуньдэ мог бы сделать это, а другие штаты и уезды могут наблюдать за ситуацией и следовать этому примеру.

В целом, рынок «кули» в Юго-Восточной Азии сначала возник в Малайзии, а затем постепенно распространился на Суматру. Голландское колониальное правительство в ходе этого подлого дела действовало откровенно, в то время как британское колониальное правительство проявило больше хитрости. Это различие отражало разные характеры голландской и британской колониальных империй: первая была известна своей «порочностью»[397], вторая — своей «гладкостью».[398] Что касается появления определенных «свиных» торговых сообщников в лице китайских частных партий в Юго-Восточной Азии, то понять это несложно. Поэтому частная партия, это частная тайная группа, связующим звеном которой являются религиозные суеверия. Хотя они стремились помогать друг другу в социальной жизни и вели борьбу против угнетения, они были слепо деструктивны и легко поддавались манипулированию и эксплуатации со стороны реакционных сил.[399] Это усугублялось тем, что частная партия Юго-Восточной Азии долгое время находилась в окружении колониальной системы, и чувство эксплуатации продолжало размывать ее первоначальную природу и углублять присущие ей слабости. В результате из нее вышли определенные лидеры торговли «кули», которыми манипулировали и использовали голландские и британские колонизаторы, чтобы стать силой, направленной против общества.

Внутренний рынок «кули» был подчинен зарубежному рынку «кули». Его возникновение в 1850-1870-х годах зависело от усиления экономического грабежа Юго-Восточной Азии колонизаторами, но также было связано с кризисом политического правления внутри страны. Этот период совпал с подъемом первого революционного движения в современной истории Китая, когда конфликт между классами землевладельцев и крестьян перерос в огромную вспышку — революцию тайпинов.[400] От пережитого сильного потрясения феодальное правительство династии Цин осознало важность того, чтобы позволить разорившимся крестьянам уехать за границу.

Именно с этой целью Цинское феодальное правительство признало, что, разрешив разорившимся крестьянам работать за границей, оно могло «облегчить внутренние распри и расширить источники средств к существованию»,[401] и именно с этой целью оно предприняло «защитные меры» против заморских китайцев.[402] «Торговля « кули» использовалась как средство смягчения социальных кризисов, и именно с помощью такого трусливого и бесстыдного поступка загнивающий феодальный режим демонстрировал уникальное искусство управления «Небесным царством».

20.3 Условия жизни «кули» китайских рабочих

Районы, где концентрировались «пороссячи» китайские рабочие, были широко известны как «порты кули». В Юго-Восточной Азии известными районами «порты кули» являются Дели, Бонга и Белитун на Суматре и Пенанг и Перак в Малайзии.

Причина введения района Суматры в первую очередь заключается в том, что «тайские и западные страны первыми создали порты на островах Южных морей, причем Хэлан был первым. Число китайцев, приехавших туда на заработки, с годами увеличилось в несколько раз. Иностранные чиновники были самыми агрессивными в своей экспроприации, а помещики — самыми жестокими.[403]

1. Дели

Дели, расположенный в глубине Медана, — это регион выращивания табака на северо-востоке Суматры, где в 1863 году голландцы основали капиталистическую табачную плантацию. С тех пор «кули» из Китая в большом количестве стали использоваться для рабского труда. 26 сентября 1902 года (28-ой год правления Гуансюй) китайские купцы в Южном Китае подали прошение министру коммерции и торговли об учреждении консульства («Дипломатические истории династии Цинь», том 166).

Китайские купцы заключили четкий договор на три года о погашении своей стоимости за счет процентов, которые они получали от выращивания табака. На табачной плантации Дели их обманывали, они работали по графику, в дождь или в дождь, а последних наказывали розгами. Им платили всего четыре юаня в месяц за еду и четыре юаня в месяц за табак. Поскольку голландцам не разрешалось входить в сад, а китайским рабочим — покидать его, все товары и деньги отправлял и получал бригадир. Поэтому, если бы вы купили десять долларов серебра, то получили бы только пять или шесть долларов. В то время, когда сигареты созревали, проводились азартные игры, чтобы опустошить деньги.

Куртизанок можно отправить в сад, чтобы они заблудились. Затем у них появляется соблазн воспользоваться ситуацией, и их вербуют на следующий год. Если задолженность не будет погашена, то есть полтора доллара, то их все равно заставят работать еще год, чтобы удвоить сумму погашения, и пощады не будет. Сумма долга перед каждым покупателем составляла всего 36 юаней, независимо от стоимости тела покупателя; если стоимость тела покупателя была равна процентам за сигареты, задолженность вычиталась в течение одного года, а после трех лет работы задолженность погашалась независимо от того, была задолженность или нет. Работники сада, однако, не были столь послушны, как западники, которые были хозяевами сада, а бригадир сада и Цзянь Пи Дан, который отвечал за сад, также были готовы пойти им навстречу и были соучастниками мошенничества, практикуя вычеты с суровым сердцем. Рабочие, свесив головы в отчаянии, рыдали и глотали голоса. Кто может жаловаться на свои обиды, если они не могут выйти из ворот тигров? Кто знает страдания тех, кто не может говорить на языке варваров?

Эта история охватывает широкий круг вопросов. Помимо борьбы «кули», которая оставлена для последующего всестороннего анализа, к приведенному материалу добавляются следующие четыре вопроса.

Во-первых, условия труда «кули» и содержание их работы. Их работа проводилась под строгим контролем. Организацией табачных плантаций руководили главный инспектор (генеральный менеджер) и главный инженер (заместитель менеджера), которые были голландцами.[404] В самом низу находились бригадиры и мастера, которые были китайцами. Бригадиры имели право бить и ругать «кули», а тех, кто сопротивлялся, отводить в «гуанду» (кабинет управляющего) и даже доставлять к властям. В табачных садах работников называли «шаньба».

После того, как бригадир измерил плотины, по жребию разделили плотины, чтобы определить их количество. Около 20 тысяч букетов могут быть посажены квалификационными рабочими, 17-18 тысяч букетов — работниками среднего класса, и 15-16 тысяч букетов – новыми работниками. После установки плотин их переворачивали и делили на холмы площадью около 100 квадратных футов каждый, при этом каждый рабочий получал около 30 или 40 холмов. После этого холмы закладывали, засеивали, делили, ловили насекомых и скашивали до сбора урожая.[405]

Во-вторых, условия жизни «кули». «Войдя в сад, нельзя входить и выходить без разрешения, хотя с отцом, братом и сыновьями встречаться нельзя.[406] Это является исторической основой для пословицы, которая передается в Чаошане по сей день: «В пещеру дня можно войти, а из пещеры позы выйти».[407] Можно найти исторические основы, «Кули жили в большом «ята ляо» (дом, покрытый пальмовыми листьями), около 100 метров в длину и 20 метров в ширину, где было много людей, а воздух был нечистым.[408] Еда состояла из коричневого риса и самых дешевых ингредиентов.

В-третьих, эксплуататорские методы бригадира. «Эти люди настолько корыстны, что делают все для себя. Они снижали заработную плату, увеличивали каторжный труд, склоняли к азартным играм и займам, заставляли влезать в долги, фабриковали обвинения и отправляли их чиновникам для наказания.[409] Бригадир также организовал в саду продуктовый магазин (также известный как «магазин» или «магазин у стены сада»), чтобы «кули» могли покупать в кредит предметы первой необходимости, еду и опиум. Все счета погашались в конце сбора урожая (в народе его называют «тук-тук»). Однако цена продажи была выше рыночной.[410] Это истина вышеупомянутой цитаты: «Серебро, используемое для покупки товаров, стоило десять юаней, но использовалось только пять или шесть».

В-четвертых, практическое действие правил найма. Правила на иностранном языке голландского правительства содержали следующие слова: «Если у работника есть недостаток, владельцу сада разрешается отправить его на суд к правительству и не подвергать частной порке, и его работа не должна превышать лимита в три года, а после истечения лимита владелец сада должен отдать деньги в Сычуань, независимо от того, есть ли недостача или нет, и не оставаться больше. Однако владелец сада не соблюдал требования и не указал в китайском контракте, что он злоупотребляет. («Записи

Чжао Дунь Хуа в эпоху Гуаньсуй», (1887) 13-ый год Гуансуй октябрь «Записи Чжан Чжидун») «Хотя работа была завершена, репатриация была четко оговорена, но слова и постановления были использованы, или они даже не получили сертификат на вывоз от имени рабочих, поэтому они оказались в ловушке на всю жизнь. (Дипломатическая история династии Цин, том 204, «Записи Чянь Сюньсю») Таким образом, ясно, что голландские владельцы садов осмелились «пойти против зерна», потому что правительственные чиновники были «соучастниками мошенничества» (см. предыдущую цитату). Здесь снова проявляется скрытый характер правил вербовки.

2. Бонга

Бонга — остров, известный своим производством олова в юго-восточном море Суматры. В конце XVIII века «многие люди из Фуцзяня и Гуандуна приезжали сюда собирать олово».[411] Позже Нидерланды завладели всеми месторождениями олова на острове и в 1853 году направили специалистов для изучения местности, расширения зоны добычи и внедрения инновационных методов добычи. С тех пор производство увеличилось и достигло 100 000 центнеров в 1890 году.

Согласно декабрьскому изданию «Записи Дун Хуа» династии Гуансуй за 1901 год (27-ый год управления Гуансуй), в декабре Люй Хайхуан гласит:

Большинство горнодобывающих заводов расположены на холмах, где вода течет вниз по склону, и владельцы заводов не устанавливают машины для откачки воды. Кроме того, погода была настолько жаркой, что болезни были постоянными, и мертвые были повсюду. Владельцы фабрик открывали магазины и заставляли китайских рабочих покупать здесь товары, которые были крайне низкого качества и очень дорого стоили. Полученной прибыли не хватало на повседневные нужды, и время от времени, когда возникала острая необходимость, они занимали заработную плату и ежемесячно выплачивали проценты — один таэль за пять монет. Поэтому, несмотря на то, что они много работали, они не могли не есть.

Приведенный выше рассказ теперь объясняется и дополняется соответствующими источниками. Во-первых, Бонга была богата аллювиальной оловянной рудой, частично отложенной в море, известной в народе как «оловянное море»,[412] которую приходилось ежедневно вычерпывать и добывать с огромным трудом со дна озера (т.е. «оловянного моря») на глубине 30-40 метров по «трамплину» (деревянной лестнице). «Со дна озера на глубине 30-40 метров («оловянное море») каждый день

нужно было выносить на поверхность три кубометра оловянной грязи без отдыха, пока не будет выполнена квота. Это была так называемая система «трех ведер грязи», которую использовал «свиноголовый», чтобы заманить «свинок» на работу.[413] Во-вторых, сколько составила «прибыль», упомянутая в предыдущей цитате? Утверждается, что «контракт был ограничен тремя годами. Заработная плата должна была исчисляться с даты начала работы. Дневная ставка составляла два квадрата и четыре цента за каждый день работы до ста восьмидесяти, после чего ставка увеличивалась до трех квадратов и шести центов. По истечении тридцати шести месяцев работы контракт прекращает свое действие. Если работник желает продолжить работу, то дневная ставка составляет два цента за квадрат, а если работник продолжает работать более двух лет, то ставка составляет шесть центов за квадрат. Это было окончательное повышение цены труда».[414] В-третьих, преследование кули и разнообразие их эксплуатации владельцами шахты (т.е. «бали-ту») и бригадирами. «Кули не разрешалось выходить на улицу, если у них не было на это разрешения, в противном случае считалось, что они сбежали. Если они сопротивлялись, их пытали (например, связывали и кусали «рыжие муравьи») или даже убивали. Капиталисты эксплуатировали кули всеми возможными способами. В первые годы несколько женщин были куплены на Яве за 15 или 16 рупий каждая и проданы кули в качестве жен за 25-30 рупий каждая. Кроме того, на территории, из которой добывали «хок», были организованы игорные и курительные заведения.[415]

3. Белитун

Белитун, расположенный к востоку от Банги, уступает Банге только по объему производства олова. С 1852 года компания Белитун получила контракт от голландского колониального правительства на разработку всего острова. Они получали зарплату раз в год и брали в долг у бригадира под 3 процента.[416] Существует также следующая система поощрений и наказаний: (1) «Работа на барже»: если «кули» работает 27 дней подряд в течение месяца, оставшиеся три дня являются «работой на барже», и заработная плата начисляется за полный месяц. (2) «рискованная работа»: перед добычей «кули» разрешалось получить определенное количество земли, и если он мог закончить квоту раньше, то мог получить более дешевую цену; (3) «плохая работа»: то есть в качестве наказания вычиталась часть зарплат. Остальные разделы такие же, как и днем.[417] Остальные разделы аналогичны разделам Дели и Бонга, поэтому нет необходимости повторять их.

Ниже приводится описание положения малайских «кули» — китайских рабочих.

4. Остров Пенанг

Пенанг, расположенный на северо-западе Малайи, был передан в аренду султану Кедаха капитаном Райт из Британской Ост-Индской компании 17 июля 1786 года и административно включен в состав провинции Уэсли в 1800 году. Остров Пенанг, о котором рассказывается в этой статье, включает в себя обе эти части.

В 1830-х и 1840-х годах на Пенанг ежегодно прибывало от 2 000 до 3 000 новых посетителей. На плантациях сахарного тростника в Уэсли «с ними плохо обращались, часто били, плохо кормили и запирали на ночь, чтобы предотвратить побег. В общем, не было никакого медицинского оборудования, и болезни были широко распространены». На перечных плантациях Пенанга «кули» платили 2 доллара в месяц в первый год и комплект одежды; во второй год им платили 3 доллара в месяц; а в третий год владельцы сдавали половину плантации в аренду культиваторам на пять лет.[418]

В конце XIX века положение «кули» также не улучшилось.[419] На одной из плантаций сахарного тростника в Пенанге «кули» выполнили свой первоначальный контракт, но все еще были в долгах. Большинство из них были больны, и «единственной больницей была маленькая хижина в конюшенном дворе частного дома работодателя, где, как говорят, рабочие умирали от голода. Но это место не было даже в пятидесяти ярдах от полицейского участка». «Рабочие в один голос заявляли, что они не смогут покинуть остров, даже если сбегут отсюда. По здешним правилам, на паромах выдаются пропуска; и лодочники обычно не хотят брать их в качестве транзитных пассажиров».[420] Эти правила, введенные в действие Законом III от 1877 года по просьбе уэслианских плантаторов, «предусматривают, что любое лицо, которое обманом или незаконными побуждениями склоняет кого-либо покинуть колонию, чтобы работать в других частях, подлежит наказанию».[421]

Однако «кули» не были такими ручными, и они часто восставали под руководством частной партии. «Рабочие на плантациях при звуке бычьего рога собирались вместе, чтобы противостоять вторжению воров или оказать сопротивление полиции при исполнении своих обязанностей. Когда человека арестовывали, они почти всегда пытались его спасти; эта традиционная практика не существовала до роспуска частной партии (1890

год).»[422]

5. Перак и Малакка

Перак расположен на западной стороне Малайского полуострова и богат оловянной рудой. Первые поселения горняков были в районе Ларута. «Китайские шахтеры в Ларуте были, очевидно, из Пенанга, но они также принесли в Ларут вражеские партии «Исин» и «Хайшань».[423] В 1873 году «около 2000-3000 рабочих в год колонизировались прямо из Китая в Ларуту, и около 10-20 процентов из них умерли от лихорадки, когда осваивали новые леса; когда начали разрабатывать шахты, 50 процентов уже умерли».[424]

Малакка находится на юго-западе полуострова. Большинство «кули» работали на местных плантациях маниоки. Согласно опросу, девяти китайских ферм в 1902 году, две из них имели более тридцати новых клиентов, одна — более двадцати, три — более десяти и три — менее десяти. Общее число новых клиентов составило 154 человека, из которых восемь сбежали и восемь погибли.[425]

Описав положение китайских рабочих в «Кули», первое, на что следует обратить внимание, — это разница в характере трудовых отношений между Суматрой и малайским Кулипу, характер трудовых отношений разный. На Суматре владельцами ферм и шахт, где работали китайские рабочие, были европейцы. Характер трудовых отношений там представлял собой сочетание классового и расового угнетения. С другой стороны, в Малайе, помимо ферм и шахт, управляемых европейцами, была также определенная доля ферм и шахт, управляемых китайцами. Поэтому природа противостояния между трудом и менеджментом здесь более сложная. Не только на европейских фермах и шахтах существовало сочетание классового и расового угнетения, но и на китайских фермах и шахтах также имело место классовое угнетение. Существование последних явно способствовало маскировке британской колониальной администрации, чтобы запутать некоторых «кули» и заставить их думать, что британская колониальная администрация представляется «освободителем», который освободил их от рабства «главной семьи». В Пенанге, когда помощник китайского опекуна г-н Лай осматривал плантацию китайского сахарного тростника, тридцать «кули» пробежали две мили за его машиной, умоляя забрать их; в Малакке, когда помощник китайского опекуна осматривал плантацию китайской маниоки, он объявил «кули», что им полагается 12 долларов в месяц, и тут же «заплатил» им 12 долларов.[426] Тот факт, что когда помощник китайского стражника, их тут

же «подбодрила толпа», показывает, как истинные цвета британского колониального правительства были искажены в угоду ему в восприятии некоторых «кули».

Во-вторых, стоит также изучить вопрос о том, что случилось с «кули» китайских рабочих в «Кулибу». Согласно имеющейся информации, существует четыре категории работников: (1) те, кто подвергся эксплуатации со стороны игорных заведений и ростовщиков, кто влез в большие долги и не в состоянии их выплатить, и кто превратился в «кули на всю жизнь». (2) Новые клиенты становятся вторыми и третьими зимними клиентами, и, наконец, старыми клиентами. (3) Бегство. (4) «Огородники»: «около 100 000 китайцев, которые были наемными рабочими из фермерских общин, расположенных в окрестностях Танджунг Бехрава, Барангай, Нампа, Минь Лай, Генгкат и Лао Мо Хан, арендовали землю у коренного населения, чтобы разбить огороды и выращивать свиней, кур и уток..... Свиньи, куры и утки содержались в кредит в магазинах заморских китайцев в порту на корм, удобрения, корм для животных и предметы повседневной необходимости, и после года тяжелой работы, когда свиньи достигали 100 кг, их продавали, чтобы расплатиться с долгами.[427] Таковы четыре типа жизни «кули» — китайских рабочих в Юго-Восточной Азии. Что касается ситуации другого типа, описанной Хуан Цзунсянем в его «Гостях у веера»: «Черный ребенок слева, который долгое время работал в шахтах, вернулся с пустыми руками с горы сокровищ, и его потери не хватает, чтобы оплатить ее. Вдруг я увидел ведро олова, настоящее бесконечное сокровище; как бедный ученый, который гордится тем, что попал в золотой список. Количество накопленного золота неизвестно. Миллион долларов и фиолетовая метка — столько денег лежит в моем бункере.[428] Оно отражает лишь образ жизни «одного или двух хитрых людей в старые времена, которые также нажили свои состояния таким образом»[429], и не имеет универсального значения.

Более того, правда об употреблении наркотиков и азартных играх «кули» китайских рабочих уже была раскрыта другими, поэтому нет необходимости повторять ее. Это конкретный пример того, как колониальная система превратила людей в призраки. Введение курения и азартных игр имело для голландских и британских колонизаторов и их сообщников два скрытых мотива: заставить «кули» потерять личную свободу, которую они могли бы получить по окончании контракта, играя в азартные игры, и превратить трудовую борьбу в хроническое самоубийство для «кули», поменяв курение на оружие в их руках. хронический суицид». И так далее!

20.4 Борьба «кули» китайских рабочих против своих эксплуататоров

Бесчеловечное обращение с «кули» китайских рабочих неизбежно привело к их борьбе против своих эксплуататоров. В конце XIX века в Юго-Восточной Азии наверняка было много подобных схваток. Однако из-за ограниченности имеющейся информации невозможно дать полный отчет. Поэтому можно лишь привести следующие примеры и провести некоторые предварительные исследования особенностей борьбы «кули», используя в качестве основной базы так называемую «войну Лю И».

В 1876 году китайские рабочие «кули» устроили бунт в Жири Яньюане, «убив более десяти западных жителей и ранив, а также убив выстрелами более тысячи китайцев».[430]

17 февраля 1877 года группа китайских рабочих, которые должны были быть завербованы для Сингапура, после высадки на берег была перепродана на Суматру «Кули Бонга», и они отказались подняться на борт корабля, что вызвало бунт.[431]

Около 1900 года в Гбарнге произошло восстание «кули» китайских рабочих, известное как «война Лю И». История восстания такова: «кули» Чжэн 15 и Чжэн 16 были заклятыми братьями Ассоциации трех точек и владели искусством бокса. Они взяли у Лю Юнфу псевдоним «Лю И» и собрали группу «кули», одетых в красные тюрбаны и красные пояса, используя ножи, пистолеты и палки в качестве оружия, для восстания в Као Му, разрушив шахту компании Тун Шэнь и убив многих владельцев шахты и чиновников компании. Затем они двинулись на Пенанг, по пути снова сжигая шахты и вербуя местных китайских рабочих-«кули» для участия в восстании. В этот момент голландское колониальное правительство мобилизовало большие силы полиции из Лепанга для подавления восстания, и между двумя сторонами разгорелось ожесточенное сражение. Группа повстанцев была плохо оснащена и рассеяна. В 1900 году Лю И был захвачен голландским колониальным правительством после доноса (неизвестно, был ли это Чжэн 15 или Чжэн 16, или оба). Неизвестно, был ли это Чжэн 15 или 16, или оба были арестованы) и повешены в Джакарте. Накануне казни толпа восхваляла его словами: «Лю И, ты родился человеком, а умрешь богом! Толпа выразила свое восхищение и скорбь по этому героическому шахтеру».[432]

Согласно китайским документам, одновременно с так называемой «войной Лю И», китайские рабочие в Пангасинане «кули» «собрали более 300 человек, назвали Ассоциацию трех пальцев и внезапно восстали». Когда владельцам фабрики сообщили

об этом, они открыли огонь, убив и ранив бесчисленное количество людей. Местные чиновники арестовали многих из них и неоднократно допрашивали их, говоря, что они подвергались жестокому обращению со стороны владельцев фабрик и надсмотрщиков» (Записи Дун Хуа, династия Гуансуй, декабрь 1901 года, «Цзао Люй Хай Хуан»). Это «внезапное восстание» совпало с «войной Лю И», но пока неясно, было ли это одно и то же событие.

Похоже, что борьба «кули» китайских рабочих против своих эксплуататоров имела свои особенности. Во-первых, они в основном были связаны, более или менее неявно, или явно, с частными лицами; во-вторых, это была чисто экономическая борьба или даже спонтанная реакция на нарушение прав человека. Во-вторых, «Война Лю И», взявшая имя Лю Юнфу и подражавшая костюму Армии красных тюрбанов, показала, что повстанцы «прибегали к духам прошлого, заимствуя их имена, боевые лозунги и костюмы, чтобы облачиться в священные костюмы древнего мира и говорить на этом заимствованном языке для осуществления мирового восстания».[433] Восстания «обращались к духам прошлого, заимствуя их имена, боевые лозунги и костюмы, чтобы облачиться в священные одежды древности и говорить на этом заимствованном языке на новой сцене мировой истории».[434] Таким образом, вместо примитивного характера рабочего движения, борьба Пятачка является копией крестьянских войн феодального Китая. Эта характеристика определялась классовым составом кули: они представляли собой рабочую силу в основном разорившихся крестьян.

Борьба с такими характеристиками, как оказалось, не могла привести китайских рабочих-пигмеев к полному освобождению. Однако в результате борьбы колониалисты были вынуждены частично скорректировать крайне варварские правила[435], что позволило рабочим-пигмеям жить в несколько лучших условиях.

20.5 Заключение

Система «кули» была вариантом рабства в колониальных условиях. Внутренняя структура этой системы показывает, что контракт лишает непосредственных производителей свободы продавать свою собственную рабочую силу; проблема воспроизводства рабочей силы решается постоянным импортом «кули». Таким образом, там, где использовалась система «кули», свободный наемный труд, основа капиталистического производства, был заменен на труд рабов-арендаторов. Это является отличительной чертой системы «кули»: эксплуатация рабства в целях капиталистического производства. Это была

система, которая не привела к капитализму, но способствовала его развитию. Именно поэтому голландские и британские колонизаторы не жалели сил для его защиты.

После Синьхайской революции доктор Сунь Ятсен, чтобы «уважать права человека и сохранить государство», 19 марта 1912 года издал указ под названием «Приказ Министерству иностранных дел сделать надлежащие приготовления для запрещения торговли «кули» и защиты китайских граждан», в котором говорилось, что:

В прежние времена династия Цин закрывала глаза на эту проблему, в результате чего страдали соотечественники, у которых не было возможности пожаловаться. Теперь, когда создана Китайская Республика, необходимо спасти их, чтобы соблюсти права человека и сохранить национальную идентичность. На островах также живет много экспатриантов, и многие из них самостоятельно обеспечивают себя в промышленности и торговле, но они неоднократно подвергались жестокому обращению со стороны иностранцев. Теперь, когда народ Китайской Республики наслаждается свободой и счастьем, почему мы не можем смириться с тем, что экспатрианты отвернулись и не протянули им руку помощи? Помимо того, что губернатор Гуандуна строго запретил экспорт «кули», необходимо, чтобы Министерство иностранных дел также провело надлежащую подготовку к ликвидации торговли людьми и защите зарубежных китайцев, чтобы принцип братства и равенства мог быть реализован с силой. Это крайне необходимо. Этот заказ.

История системы «кули» в Юго-Восточной Азии подошла к концу к началу XX века. Прошедшая эпоха оставила после себя две вещи: труд кули-первопроходцев в Юго-Восточной Азии и свидетельства преступлений колониалистов, разграбивших ее.

Глава 21

Прибрежный район Южно-Китайского моря

Прибрежный регион всегда был в авангарде экономических и культурных обменов, он полон жизненной силы и очарования. Гуанчжоу, Гонконг и Макао в дельте Жемчужной реки, выходящей к Южно-Китайскому морю и текущей с востока на запад, исторически демонстрируют богатое и красочное наследие, которое заслуживает того, чтобы о нем вспомнили.

В середине XIX века Вэй Юань (1794-1856), поэт и ученый династии Цин, после путешествия по Гуанчжоу, Гонконгу и Макао написал четыре стихотворения в семи строфах под названием «Хроника путешествия на лодке в Чу и Гуандун», третья строфа которого гласит: «Вода в городе Хаоцзин и Ян плотная, китайцы и иностранцы сформировали свои собственные корабли. Прилив перед дверью — это море, а храм из баньяна и хлопка — это облако между карнизами».[436] На основе его описания природной и человеческой среды можно сформулировать тезис, а именно: связь между культурой Линьнань и морем. Другими словами, «дельта Жемчужной реки» на берегу Южно-Китайского моря является одновременно и центром морской торговли между Китаем и зарубежными странами, и портом, где встречаются цивилизации, и воротами в мир для Китая. Это место великого богатства, великих людей и великого духа, о чем свидетельствуют история и факты.

21.1 Культура Линьнань и море

Обращенный к морю регион Линьнань имеет длинную и извилистую береговую линию. Вся береговая линия начинается на юго-западе в восточной части Гуандуна и идет по дуге немного на юго-восток до Чжаньцзяна в западной части Гуандуна, где она поворачивает на юг вокруг полуострова Лейчжоу, и от острова Хайнань до залива Бейбу, где она немного вогнута к северу, общая протяженность составляет около 6096 километров.[437] Гуанчжоу, расположенный в центре побережья, является столицей Линьнань. Его топография давно описана как топография «большого корабля»: «Цветочная пагода и Светлая пагода являются ориентирами города, и ученые-философы говорят, что город похож на большой корабль, с двумя пагодами и стрелой, и пятью этажами навигационного здания». Этот отрывок содержится в книге Цюй Дацзюна «Гуан Дун Синь Юй», том 19, и позже был повторен Чжан Синтай в его «Сяо Чжи» («Краткая история путешествий по Гуандуну»).[438] «Фраза «город похож на большой корабль», указывающая на внешний характер порта, является смутным указанием на то, что земля южного Гуандуна была тесно связана с морской цивилизацией, несмотря на то, что она была превращена из причины в следствие «практиками фэн-шуй». Неудивительно,

что Ли Тиюань, гуандунский ученый родом из Сычуани, был очарован некоторыми уникальными выражениями в Гуанчжоу эпохи Цин: «Вся вода называется океан, и все, что вы видите, — океан. Выход из океана называется Сяхай, а вход в реку называется Шанхай».[439]

Предки Линьнань, которые процветали в прибрежном регионе, рано стали искусными «лодочниками». Они строили лодки и корабли, заходили в реки и море и постоянно расширяли свое жизненное пространство. При раскопках бронзовой гробницы южновьетнамского короля в Гуанчжоу был обнаружен бронзовый цилиндр, украшенный изображением четырех морских лодок, каждая из которых вмещала шесть человек, с отсеком под палубой и рулем на корме, движущихся вдоль берега. Модель гончарного корабля времен династии Восточная Хань также найдена при раскопках в восточных пригородах Гуанчжоу. Лодка разделена на три отсека, один спереди и один сзади, и имеет руль на корме, по форме напоминающий деревянное весло. Кормовой руль был главным изобретением древних лодочников Линьнаня и занимал ведущее место в истории судоходства в мире, что подтвердил и высоко оценил известный британский ученый Джозеф Ли.[440]

Гуанчжоу также был «первым местом на западе» для южного буддизма, и звук «морского прилива» из Индии ощущался с самого начала. Во второй год правления династии Цзинь (266 г.) шаман Цзян Лян Лоу Чжи (что означает «истинное счастье») перевел в Гуанчжоу «Сутры двенадцати путешествий», распространив неслыханное учение «Четыре сына Неба». Хотя оригинальный перевод недоступен, отрывок, о котором идет речь, можно найти в ретрансляции: «На востоке жил Сын Неба Цзинь, народ которого процветал. На юге находится Сын Неба царства Тяньчжу, а на земле много слонов. На западе находился Сын Неба из великого государства Цинь, чьи земли были богаты золотом, серебром и нефритом. На северо-западе есть Сын Неба Луны, чья земля полна хороших лошадей».[441] Эта новая теория о том, что есть четыре сына небес и четыре сына богов, потрясла традиционную модель «Китай плюс четыре потомка» и пересмотрела понятие «мир», которое принадлежит исключительно нам, и открыла глаза монахам и мирянам в Линьнане.

21.2 Процветание «Дороги Гуанчжоу к морю и варварам»

Можно сказать, что история «соединения с морем» в районе Линьнань, от ближнего до дальнего, от периодического, сезонного до многолетнего, имеет долгую историю:

В Юаньдине (116-110 гг. до н.э.) генерал Фубо Лу Бодэ был послан управлять Байюэ и основать уезд Ринан. Его передали зарубежным странам и дарили со времен императора У-ди. Во времена императора Хуаня из династии Поздняя Хань Дацинь и Тяньчжу отправили послов, чтобы внести свой вклад в этот путь. И У Суньцюань отправил Сюаньхуа посланником Чжу Ина и Чжунлан Кантая в разные страны, о них ходят сотни стран и слухов. Очень мало тех, кто знал Китай во времена династии Цзинь. Что касается династий Сун и Ци, то существует более десяти стран. Со времен Лян У и Суй Яна прибыли послы из разных стран, превосходящие предыдущие династии. После Чжэнгуаня в династии Тан голосное учение было далеко, и те, кто не понимал его с древних времен, были ретранслированы, причем больше, чем Лян и Суй. («Энциклопедия», том 188, «Предисловие к Южно-Китайскому морю»).

Со времен династии Хань Южноморская дорога издавна считалась дорогой дани, по которой «отправляли посланников для внесения вклада». Трибуны, монахи и морские купцы прибывали один за другим, обмениваясь товарами и услугами. После тысячелетнего расширения, только в середине правления династии Тан он приобрел богатый географический оттенок, когда стал известен как «морской путь Гуанчжоу». Этот знаменитый международный маршрут средневековья начинался из Гуанчжоу, проходил через горы Тун Мэн Шань, Семь островов, Малаккский пролив, пересекал Индийский океан, входил в Персидский залив и достигал побережья Восточной Африки. Маршрут проходил через более чем сотню гор, континентов, городов и стран («Синь Таншу», т. 43). В начальной точке «Морской дороги Гуанчжоу» с 14-го года правления императора Суй Вэньти (594 год) стоял храм Бога Южного моря, символ морского духа. Храм считался «духовным маяком» для моря и океана после того, как на десятом году правления танского императора Сюаньцзуна Тяньбао (751 год) бог Южного моря был назван «царем Гуанли». Ляо Чань описывает его мифическую функцию в своей «Записи о восстановлении храма Южного моря» следующим образом:

Купцы Ху, Юэ Цзя и 10 000 лодок с тягловой силой, расправив свои паруса, как облака, развернув свои тотемы, как горы, оседлав попутный ветер и разбив огромные волны, двигались быстро, словно по ровной земле. Благословение царя было не единственной причиной для этого. На юго-запад страны более тридцати стран отправляли драгоценности. Бронзовые корабли Фуцзянь и Чжэцзян также прибыли со своими грузами, и ежегодная субсидия составила не менее десяти миллионов монет! Торговля на рынке была процветающей и обильной, а

государственный и частный секторы жили в достатке.[442]

Эта храмовая запись похожа на рекламу богатства и процветания, мифологизируя экономическую функцию заморского транспорта. В те дни «драгоценные и экзотические товары», которые сходились в город, включали в себя бусы, благовония, слона (бивень), носорога (рог) и черепаховый панцирь (доспехи) и имели очень сложную структуру. В «Наньхай чжи», составленном в восьмом году правления династии Юань (1304 год), импортные товары разделены на восемь категорий: сокровища, ткани, благовония, лекарства, древесина, шкуры и кожи, копыта и рога крупного рогатого скота и разные товары, всего 71 вид.[443] Под влиянием иностранных товаров, начиная с конца династии Тан, общественная культура Линьнань пополнились новыми несуществующими вещами раньше. Их можно рассматривать как кульминацию светского духа «царя Гуанли», который в IX веке открыл новое измерение рынка Южно-Китайского моря. Включены три части: первое — создание новой официальной системы, Департамента морской торговли, а второе — нового сообщества, открытие мастерской для пребывания и возвращения иностранцев в море. Третье — к новым отраслям промышленности относятся Хэсянжэнь (работники, производящие специи), Цзэсижэнь (работники, которые вырезают рога носорога и слоновую кость), Бойя (брокеры иностранных товаров), Тангпа (переводчики) и т. д.

Династия Сун была золотым веком морской торговли. По «морскому пути Гуанчжоу» ханьские корабли «Тан», возглавляемые купцами-гигантами, экспортировали шелк и керамику в Южную Азию, Западную Азию и Северо-Восточную Африку, а корабли «Боши», «Даши» и «Куньлунь» импортировали благовония и драгоценности, распространяясь с юга на север. Гуанчжоу стал торговым портом номер один и пользовался репутацией «города жемчуга» и «города яшмы». Надпись на павильоне общей радости Чэн Шимэна — это хвалебная поэма: «Тысяча ворот сияют солнечным светом в городе жемчуга, тысяча плиток дыма в городе нефрита. Горы и море — это сокровища Китая. («Хроника общественного мнения и географии», том 89).

Каменные надписи «Записи о восстановлении Тянь Цин Гуана», сделанные на камне «Записи Трех Будды», которые сейчас находятся в Гуанчжоу, являются вещественным доказательством «любви к иностранцам» в средние века и иллюстрируют долгую историю дружбы между Китаем и арабским миром.[444] В династии Мин и Цин, когда варварских чувств стало меньше, а варварского бизнеса больше, мирная торговля сменилась коммерческой войной,[445] так что «в

последнее время иезуиты распространяли Ветхий и Новый Заветы, перевозили торговые суда и помогали нападать на города с пушками», что уже не то, что раньше.

21.3 Морские изменения и встреча Китая с морем

Взаимодействие между Востоком и Западом не было пастырским процессом. Замена «иностранных судов» на «океанские корабли» ознаменовала собой беспрецедентное изменение. Первая, представленная арабами, и вторая — Португалией, были двумя державами, которые соперничали и менялись в Индийском океане в конце XV века. С тех пор Китай столкнулся с вызовом со стороны западных держав и с большим трудом переходит от системы дани к системе договоров и от мелкого к более глубокому участию в мировой системе. Судьба Гуандуна, Гонконга и Макао в разгар великих исторических перемен складывалась по-разному, но не была исключением из общей тенденции встречи Китая и Запада.

Новый путь с Запада на Восток был открыт, когда португальский Диас обогнул южную оконечность Африки в 1487 году (на двадцать третьем году правления династии Мин) и пошел кружным путем вокруг мыса Бурь (позже переименованного португальским королем в мыс Доброй Надежды) в Индийский океан. В так называемую «Эпоху великого мореплавания» западные жители прибывали один за другим, сначала из Португалии, Испании и Нидерландов, а затем из Великобритании, Франции и Соединенных Штатов. Гуанчжоу и регион дельты Жемчужной реки первыми приняли на себя основной удар, и действительно, «китайцы и иностранцы формировали свои собственные корабли». Макао, расположенный на западном берегу Жемчужной реки, был обязательным пунктом посещения Гуанчжоу. С середины XVI века португальцы вошли в город и построили большое количество зданий, импортируя европейские цивилизации и превращая его в центр торговли между Востоком и Западом, а также в важный мост между китайским и иностранным культурным обменом. С середины 19 века Гонконг также заявил о себе на берегах Южно-Китайского моря. Будучи викторианской британской ловлей на Дальнем Востоке, этот новый портовый город возвысился и стал международным городом с большой известностью.

Примыкающий к Гонконгу и Макао, Гуанчжоу когда-то был известен как «Южная сокровищница Сына Неба» и являлся экспортной базой для трех самых известных китайских товаров: шелка, фарфора и чая. Эмалированный фарфор, производимый в Гуанчжоу, даже экспортировался в Россию, где он пополнил убранство Эрмитажа в Санкт-Петербурге. В частности, с

1757 года (22-й год правления Цяньлуна), когда цинский двор ограничил торговлю в Гуанчжоу, до 1856 года (6-й год правления Сяньфэна), когда произошел инцидент с кораблем Ялу, сезонный «взаимный рынок» сменился разнообразными «делами варваров» в течение столетия, охватывающего XVIII и XIX века. На смену сезонному «взаимному рынку» пришли разнообразные «дела варваров». Сначала через Макао, а затем через Гонконг, западная материальная и духовная цивилизация сошла в Гуанчжоу и распространилась на материк в двух направлениях, став «южным окном» китайского ландшафта. Самыми первыми иностранными картинами, привезенными в Гуандун, были религиозные картины. Знаменитый иезуит Маттео Риччи приехал в Чжаоцин из Макао в 11-м году периода Ваньли (1583 год), чтобы проповедовать. В церкви, называемой храмом Сяньхуа, висели статуи Бога и Девы Марии. Затем светская живопись была представлена в Линьнане, что стало глотком свежего воздуха для зрителя. Чэнь Гунъинь, один из трех великих мастеров Линьнань в начале династии Цин, написал поэму под названием «Западные картины», когда он жил в Гуанчжоу, выразив свои чувства следующим образом.

Западный метод рисования необычен, как туман и дым, но еще не реален. Это как если бы молодой человек развлекал Хань У и смотрел на Леди Ли через занавеску. Переплетение нитей создает свой собственный текст, и четыре соседа не нарисованы в центре.

Это также копия иероглифической почты династий Цзинь и Тан, но с пристрастием к передаче чувства удивления там, где нет чернил.[446]

Поэт сравнивает туманную красоту западной живописи, которая «как туман и дым», с хитростью династии Хань — Фань Ши, который «развлекал Хань У», чтобы проиллюстрировать истину о том, что «лучше смотреть издали, чем насильно» (аллюзия из «Поэмы»). (из «Книги сбора урожая», а также из «Цзю Ханьшу» — биография госпожи Ли). В то время, когда западное искусство было впервые представлено, литераторы Линьнаня оценили «западную живопись по-китайски», что действительно интригует. В конце эпохи Цяньлун (1736-1795) Юань Мэй, известный поэт, путешествовал по Гуандуну и написал в третьей из шести поэм «Пребывание в Сянцине»: «Я учил вас идти далеко вверх к городу Вуян, где один за другим проплывают морские храмы и цветочные поля. Песни на песчаной поверхности шумят днем и ночью, а золото и синева иностранных зданий сияют». (Поэтическое собрание Сяо Цан Шань, том 30) Иностранные здания, которые видел Юань,

были так называемыми «яшмовыми залами»: «Западные люди любят синий цвет, поэтому в тринадцати домах Гуанчжоу есть яшмовый зал. Вся система основана на работе непрерывных домов и широких зданий, укрывающих солнце от луны.» (Ли Доу: «Запись о росписях лодок в Янчжоу», том 12). В период Даогуан (1821-1850) на сцену вышли иностранные фирмы, церкви, западные больницы, газетная бумага и так далее, и произошла встреча Китая и Запада. «Гуанчжоу» также приобрел вид «чужого города». Можно сказать, что привлекательный экспортный фарфор, экспортные картины, экспортная резьба по слоновой кости и экспортная мебель являются воплощением ориентированной на экспорт культуры, отражающей дух времени традиционных творческих преобразований.

21.4 Линьнаньские пионеры, вышедшие на мировой уровень

Дельта Жемчужной реки, которую окрестили «западным обучением», имеет богатое культурное наследие и породила большое количество первопроходцев, которые познали мир и вышли на мировой уровень. Их достижения послужили примером для сельской местности и ярко светили последующим поколениям.

В первые годы существования морской полиции Лян Тинсян собирал информацию в Китае и за рубежом и написал книги о морской обороне, такие как «История государства-притока Юэ Дао», «Хроника гуандунских обычаев» и «Хроника варваров», выражающие пыл сынов Линьнаня.[447] После восьмилетнего обучения в Соединенных Штатах он написал книгу под названием «Записи о западном обучении на Востоке», чтобы послужить родине. Чжэн Гуаньин был членом престижной семьи в Макао, и его волновала судьба страны и ее народа, прозвучал призыв к спасению в «Опасных словах процветания». Еще более памятно то, что трое из четырех ведущих деятелей современной эпохи, которые «искали истину на Западе» (Хун Сюцюань, Кан Ювэй и Сунь Ятсен), были линьнаньскими мудрецами.

Дельта Жемчужной реки в конце правления династии Цин также была важной питательной средой для иностранных талантов. На одиннадцатом году эры Тунчжи (1872 г.) в США была отправлена первая партия из 30 детей, 24 из которых были из Гуандуна, а 13 — «сыновья Сяншаня». Важность кантонских выходцев в интеллектуальных преобразованиях была общеизвестна при императорском дворе. Неудивительно, что Лю Кун-и в своем «Пожертвовании средств для привлечения интереса к воспитанию талантов для иностранных дел» указал «кантонский человек» в качестве первого выбора:

Те, кто находится вблизи гор, хорошо охотятся, а те, кто находится вблизи воды, хорошо рыбачат. Народ Юэ хорошо ладит с иностранцами, миллионы из них живут в иностранных портах, они знают не только много слов и языков, но и много западных законов и западных искусств. Например, Го Сунтао цитировал генерального консула Ху Сюаньцзе, американского переводчика Юй Чжэньсяна и британского адвоката У Чиюна, все они были кантонского происхождения. Другой пример — Вэнь Цзышао, кандидат в губернаторы, который хорошо разбирается в различных машинах. Кантонцы хорошо разбираются в иностранных делах, как видно из этого. Если этот талант удастся развить, если древесина арки будет таким образом орошаться и питаться, будет легче добывать материалы. («Наследие Лю Чжунчэнь», Цзюньшу, том 12).

С конца династии Цин и до наших дней солнце и луна долгое время сменялись новым небом. Мы верим, что «пул талантов» Гуандуна, Гонконга и Макао, сформировавшийся в ходе истории, сможет работать вместе, опираясь на прошлое и строя будущее для великого омоложения китайской нации.

Заключение

Следуя по стопам предыдущих ученых, я изучаю и исследую эту область истории Китая и иностранного обмена уже довольно долгое время. Оглядываясь назад, я стыжусь собственного невежества, и то, что я оставил после себя, это ряд следов от ветра и дождя, и ничего общего с первопроходчеством, прорывами или устранением старых амбиций. Если бы я мог взять фразу для описания этого, я бы сказал, что я не способен спеть «Песню водяного дракона», а только напевал несколько «Южных песен» не очень громко и четко.

Господин Се Фан, мой сокурсник по университету, всегда беспокоился о моих успехах в учебе. В последние годы он неоднократно поручал мне выявить сильные стороны моей семьи и составить сборник собственных работ, чтобы я мог задавать вопросы академическому сообществу и ученым. Во время своего выздоровления он с большим трудом написал

предисловие, что стало для него большим позором. В нем много слов похвалы и ободрения — это то, чего он хотел, чтобы я достиг, а не то, чего я уже достиг. В любом случае, добрые слова надежды на то, что железо станет сталью, вдохновляют. Спасибо, Лао Се.

Направление научной деятельности, несмотря на ограничения традиции, часто меняется от человека к человеку, от времени к времени и от места к месту. В детской песенке эпохи Яньцзин об этом хорошо сказано: «Когда наступает Новый год, сахарные тыквы предлагают в честь огня. Девочки хотят цветы, а мальчики — пушки. Старик хочет надеть новую твидовую шляпу, а старуха — съесть большой цветочный торт». У каждого из нас есть свои удовольствия и свои предпочтения. Это верно как в жизни, так и в научной деятельности. Моя научная область, которая не является ни современной, ни древней, ни иностранной, ни коренной, объективно определяется тем, что она базируется в Китае и смотрит на мир, изучая исторический сценарий двустороннего взаимодействия между различными периодами, особенно от контакта до интеграции двух разнородных культур. Тексты, собранные в этой книге, первоначально относились к четырем подразделениям, а именно: Запад, Южно-Китайское море, Запад и Россия. Для удобства коллекция теперь разделена на две части, одна из которых расположена сверху, а другая — снизу. Приложение состоит из трех эссе, цель которых — проследить истоки учености, составить хронику учений, признать благодеяния учителей, отметить их добродетели и выразить смиренную искренность.

Академическая пустыня обширна, в ней есть и солнечные тропинки, и мосты с односторонним движением, и повсюду перекрестки. Я привык входить в узкие ворота, идти маленькими тропинками и заводить дружбу с незнакомцами, как это принято в академическом мире. В результате, главы этой книги не являются провидческими, а скорее представляют собой набор незначительных моментов. Название книги, «Рассмотрение исторических вопросов», на первый взгляд показывает, что это всего лишь создание частей, и в ней нет абсолютно никакой роскоши стать великим инструментом. Как гласит старая поговорка: «Ни один мудрец не знает мало». Для меня главное — знать малое, а судить о том, добродетельно это или нет, я предоставляю другим. Я надеюсь, что читатели будут знать, понимать и учить.

Я ем историю уже много лет, но чем больше я ее ем, тем больше мне становится трудно есть, и я вздыхаю в разочаровании. Это

не скромное заявление, а истина. Наиболее прослеживаемые вещи в истории китайской и иностранной культуры — это транспортные пути, обмен товарами и распространение религии. Если быть невнимательным и путаться в поверхностном, то можно увидеть «дороги» и «вещи», и даже «богов», но не людей, тем самым отступая от принципа, что историческое исследование должно быть ориентировано на людей. Коннотация исторического знания — это просвещение, и только с просвещением может быть знание. Поскольку именно люди творят историю, они становятся предметом и темой истории. В этой книге несколько исторических рассказов посвящены дани, китайскому зодиаку, лошадям, львам и собакам, но предметом изучения остаются люди. Если история не является историей людей, она теряет свое очарование для них.

Я особенно благодарен Чжан Жуй, Цуй Янь и Лу Шуцин за то, что они сделали возможным публикацию этой книги в издательстве «Великий принцип». Я очень благодарен им за их усилия, начиная с проекта и заканчивая рецензированием и корректурой, и хотел бы записать их здесь в знак моей признательности.

Цай Хуншэн

1 июля 2006 года

^[1] Шестой том пятого письма «Поэзии Цюань Тан», том 307.

^[2] Клаусон: «Ак-Бешим-Суяб», Труды Королевского азиатского общества, апрель 1961 г. (Г. Клаусон, «Ак-Бешим-Суяб», JRAS, апрель 1961 г.), т. 1 — 13 страниц.

^[3] «Новая история книга Тан» «Синь Таншу», том 221, «повесть Гаочан». В данном случае «Старой истории Тан» «Цзю Таншу» гласит: «В последующие месяцы купец Ху был отрезан от внесения вклада», но Фэн Чэн Цзюнь подозревает, что «здесь должен быть недостающий отрывок» (см. «Собрание очерков по истории и географии западных областей и Южно-Китайского моря», стр. 80). Согласно «известного политика Чжэньгуань» том 9, слово «месяц» в предыдущем предложении является

ошибкой слова «есть», и слово «подвергать» также следует исправить на «величать». Все предложение можно прочитать так: «С тех пор считается что купец Ху, был отрезан от внесения своего вклада в обуздание моря.»

^[4] Турфанские раскопки, книга VII, издание 1986 года, стр. 88-94,389-390.

^[5] Б.Хеннинг: «Дата древних согдийских писем», Лондонский университет, «Журнал Института востоковедения и африканистики», Том 12

Б. Хеннинг, «Дата древних согдийских писем», (Вестник Школы востоковедения и африканистики, Обь. 12, 1948), стр.609

^[6] В.А. Лившиц: «Согдийские документы сгоры Муг», (юридические документы и письма) стр. 78-81.

^[7] М.Наршахи: «История Бухары», переведенная и аннотированная Фраем (Фрай, Истории Бухары), издание 1954 года, стр. 40-41

^[8] О. И. Смирнова, «Из Истории арабских завоеваний в средней Азии», СВ) № 2, 1957, стр. 119-133; О. И. Смирнова, «К истории Самаркандского договора 712 г.» К СИВАН, вып.28), 1960, стр. 69-79.

^[9] А. М. Беленицкий, Б. И. МаршАк: «Древнейшее и изображение осадной машины в Средней Азии», Культура Востока. Древность и раннее средневековье.»), Ленинград, издание 1978 года, стр. 215-221.

^[10] См: «Всеобщая история Аравии», том 1, издание 1979 года, стр. 241-243; Ван Чжилай: «История Центральной Азии», издательство Hunan Education Press, издание 1986 года, стр. 244-252.

^[11] Зуев Ю.А.: «Тамги лошадей из вассальных княжеств», Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана), Алма-Ата, издание 1960 года, стр. 110.

^[12] Кролл: «Танцующие лошади династии Тан», Том 67, стр. 3-5), 1981 год, стр. 240-268.

^[13] Дуань Чэнши: «Всякая всячина из Юяна» том 1, и Ван Жэньюй: «Забытые истории времен Кайюань и Тяньбао том (ниже), приводят практически аналогичные сведения. Касающиеся, но, скорее всего, он подлаживал к древней Китайской национальному суеверию, которая верила, что персик может «продлевает жизнь» (персик долголетия), «подавлять зло» (персиковый талисман) и даже этнопсихология сделать посланника «бессмертным» (персик бессмертия).

^[14] Писатель Лауфер, в соответствии с переводом Линь Юнь: Китайско-Иранского издания, Коммерческая пресса, 1964, стр. 340-343

^[15] Жао Цзуньи: «Изречение потерянного камня» «Сборник документальных исследований Дунь Хуан Турфан» второй выпуск, Пекинский университет, издание 1983, стр. 627-630. См. также Чжан Хун Чжао — Изречение о драгоценных камнях, Шанхайское издательство «древних книг», издание 1993, с. 343-355.

^[16] Иерусалимская, «Древняя латунь на торговых путях Кавказа» Советская археология. 1986 год № 4. Стр.100-109.

^[17] В.И. Марковин. Сердолик — «камень счастья». Новое в советской археологии. МИА № 130.

^[18] Яо Жу Нэн: «Деяния Ань Лушаня» том (часть 1).

^[19] См. Фудзита Таёхати: «Исследование плетёной лежанки и изумительных шерстяных ковров», «Сборник исследовательских статей о древней связи Южно-китайского моря», The Commercial press, 1936год. Ма Юн: «Исследование Синцзянь-Харинских письменностей о коврах Ко'сара», «Исследование

древнекитайских этнических письменностей», Народное издательство, 1983 год, стр. 50-55.

^[20] См. Беленицкий А.М., Бентович И.Б.: «Краткая история шелкоткачества в Средней Азии», (А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, «Из истории среднеазиатского шелкоткачества», СА), 1961, 2 издание, стр. 66-78; См. (Бленицкий А.М., Бентович И.Б, Лившиц В. А. «Парча из раскопок горы Муг», «Советская этнология», СЭ) 1963 г. 4 издание, стр. 108-119.

^[21] Лауфер: «Китайско-Иранское изд-во», стр. 323-325.

^[22] Сюэ Айхуа: «Золотой персик Кангуо» (Э.Х. Шефер, «Золотые персики Самарканда»), Беркли, издание 1963 г., стр. 201; Перси: «(Заметки о Марко Поло)» (P, Pelliot Notes on Marco Polo), Париж: «(Марк Поло) издание 1959 г., стр. 483-484.

^[23] «Жень Бань Тан»: «Династия Тан», том 2, страница 976: «Так называемый танцевальный праздник должен быть чувством сцены».

^[24] См. «Всеобщее зеркало, управлению помогающее», «Цзы чжи тун цзянь» том 203, параграф «Начало новой эпохи Хун Дао».

^[25] Фицджеральд: «гамак: происхождение Китайского стула», Лондон, издание в 1965 году, стр. 1-88.

^[26] Подробнее см. Цзи Сяньлинь: «Фрагмент из Дуньхуана о внедрении индийского производства сахара в Китае», «Историческое исследование», выпуск 1, 1982 г., стр. 124-136, то же автор: «Древняя Индия производство и использование сахара в Китае», «Исторические исследования», 1 выпуск, 1984 г., стр. 25-42.

^[27] Лауфер: «Китайско-Иранское издание», стр. 43-70; Сюэ Ай Хуа: «Кан Го золотой персик страна Кан», стр. 141-145.

^[28] М.Н. Боголюбов, О.И. Смирнова, «Экономические документы Согдийской раскопки горы Му» Москва, 1963 г, стр.32-33.

^[29] А. Э. Бердимуратов: «Винная лавка в северо-западе Соду, Сана», «Советская археология» 1986 год № 4, стр. 210-214.

^[30] Ся Дэ Чжу, перевод Чжу Цзе Цинь: «Полные записи о великом государстве Цинь», Коммерческая пресса, выпуск 1964 г., стр. 98-106.

^[31] Иерусалимская: «Связи между Согдианой, Византией и Египтом», «Азиатско-африканские народы» № 3, 1967, стр. 119-126.

^[32] Г.Л. Семенов: ««Сюжет из □ Махабхараты □ В живописи Пенджикента», «Культурное наследие Востока» Ленинград, издание 1985 г., стр. 216-228.

^[33] Писатель Шаванн, перевод Фэн Чэн Цзюнь: «История западных тюркских наук», Коммерческая пресса, издание 1935 г., стр. 168.

^[34] Худяков: «Снаряжение средневековых кочевников Южной Сибири и Внутренней Азии», Новосибирск, русское издание 1985 г. стр. 149. См. также того же автора, «Железные наконечники стрел из Монгольских раскопок», в «Древней монгольской культуре», Новосибирск, русское издание 1985 г., стр. 96-114.

^[35] Базарова: «Толкование некоторых древнетюркских названий птиц», «Советская тюркология», русское издание № 4, 1975, № 1, стр. 11-22.

^[36] Ян Шигун, уроженец Цзинина, был ученым на четвертом курсе Чунчжэня. Книга была написана в декабре 16-го года правления Чунчжэня (1643 г.), чуть более чем за сто дней до гибели династии Мин, и представляет собой книгу переживаний.

^[37] Pelliot *Le Nom du vin dans Odoric de Pordenone*, 1:TP. 1914; Pelliot, *Le mot bigni(ou begni) "vin" en turc*, TP. 1926.

^[38] Хань Жулинь: «Коллекция юрт», Шанхайское народное издательство, 1982 г., стр. 310-311.

^[39] «Сборник *Materia Medica*», том 18, Народное медицинское издательство, издание 1985 г., стр. 1307.

^[40] Гай Шаньлинь: *наскальные рисунки гор Инь*, Издательство культурных реликвий, издание 1986 года, стр. 382, рис. 700.

^[41] Панг Дайя: «Краткая история черных татар», заметка Сюй Тин, «Купол дома».

^[42] *Неизвестные реликвии Синьцзяна*, Издательство культурных реликвий, 1975, с. 74.

^[43] «Словарь изучения и интерпретации иностранных слов в классической опере», Издательство китайских словарей, 2001, стр. 401-402.

^[44] Луо Чанпэй: «Язык и культура», китайское издательство, издание 1989 г., стр. 19-20. См. также Сюэ Айхуа: «Кан Го Цзиньтао», Беркли, английское издание 1963 г., стр. 86-87.

^[45] Ставиский: «Основные каменные колонны раскопанного города Танми», *Восточное культурное наследие*, Ленинград, русское издание 1985 года, стр. 193-194.

^[46] Сюй Цзун Цзе, «Резюме из переводов иезуитов во времена династий Мин и Цин», Китайское книгоиздательство, 1989 г., стр. 307. И см. У Чжэнь Юй: «сборник записей Ян Ци Чжай «том 26: «Канси 17 лет 55-60 летнего цикла, год желтой Лошади, Западной страны Гурий дань льва, указ министра Гуань Чжи, Мао Ци Лин имеет поэму, в которой записал события».

^[47] Фэн Хань Цзи: «Доклад о раскопках гробницы Ван Цзяня из Раннего Шу», пресса реликвий 1964, стр. 37-38, рис. 39.

^[48] Редакторы Чэн Чжэн и Ли Хуэй: «Каменная резьба восемнадцати гробниц эпохи Тан, Издательство «жэньминь Мэйшу» Шэньси народного изобразительного искусства, Шэньси, издание 1988 г., стр. 97-107. Самая ранняя известная запись о захоронениях — это гробница Инь Цзяня, правителя Аньи в династии Восточная Хань, в середине II века н.э., где «сравнительным недостатком Нань были противостояние двух львов», самые ранние записи см. Ян Куань: «Исследования по истории древнекитайской системы гробниц», Шанхайское издательство древних книг, 1985 г., стр. 73.

^[49] Под редакцией Яо Цяня и Гу Бина: «Каменные надписи на мавзолеях южных династий», Издательство «Культурные реликвии», издание 1981 г., листы 73, 74, 76 и 77

^[50] «Цюань Тан Вэнь», том 400. Украшение позолоченными бронзовыми львами во дворцах династии Тан вызвало интересную историю о пропаганде буддизма: монах Фа Цзан выступил с речью У Цзэтяня, ссылаясь на «золотого льва» в ратуше как на метафору, и написал знаменитую «Хуаянь — Трактат о золотом льве».

^[51] Сан Шань как раз входит: «Датировка четырех всадников из парчи Хорюдзи с узором охоты на льва (1)», «Древние мемориальные эссе профессора Эками Бофу — археологическое искусство», издательство Шань Чуань, 1976 г., японское издание, стр. 143-150. Обсуждение сасанидского стиля мотивов охоты на львов и их влияния на золото и серебро династии Тан. См. у шведского ученого Гранвика: «Золото и серебро династии Тан», «Публикация музея дальнего Востока Стокгольма», том 29, издание на английском языке 1957 г., стр. 117-119, клише иллюстрации 65».

^[52] Писатель Линь Цин, проиллюстрировано Ван Чунь Цюань и др.: «Иллюстрации судьбы Хунсюэ», Пекинское издательство древних книг, издание 1984 г., том 2, эпизод 3 «Биюнь Фушиши».

^[53] «Теория китайской живописи», том II, издательство People's Fine Arts, издание 1986 г., стр. 1200.

^[54] Ли Доу: Том 17 «Запись ярко раскрашенных прогулочных лодок Янчжоу», Общество гравировки древней литературы Цзянсу Гуанлин, издание 1984 г., стр. 387.

^[55] Фу Чонгю: «Общий путеводитель по Чэнду», том 1, издательство Башу, издание 1987 года, стр. 531.

^[56] «Минь Бао» выпуск 2, 1906 г.

^[57] Ло Фэн: «Кладбище династий Суй и Тан в южных пригородах Гуюаня», Издательство «Культурные реликвии», издание 1996 г., стр. 82.

^[58] Хронологические свидетельства сборника стихов Гао Ши, Лю Кайян, Китайское книжное бюро, 1981 г., стр. 304. Толкование Лю слово «байшэн» как «безбородый» может быть принято.

^[59] Собрание сочинений Цэнь Шэня, под редакцией Чэнь Тие Мина и Хоу Чжунъи, Шанхайское издательство древних книг, 1981, стр. 248-249.

^[60] Сборник сочинений Цэнь Шэня, отредактированное и аннотированное, стр. 165-166.

^[61] Комментарий У Жуюя от Вэнь Идуо см. в «Полном собрании имен поэтов Тан», образовательное издательство Цзяесу, 1990 г., стр. 153; см. также его «указатель стихов о взаимодействии Тан и Пяти династий», Шанхайское издательство «Древних книг» 1993 г., стр. 1004. Чэнь Тие Мин: «подозревает, что генерал Гай — посланник армии Юймэнь», хотя он не уверен, о ком идет речь, но «это не Гай Тинлун, посланник западной армии и лошадей». См. Аннотированный сборник Цэнь Шэня, стр. 491.

^[62] Сборник сочинений Бо Цзюйи, под редакцией Чжу Цзиньчэна, Шанхайское издательство древних книг, 1988, стр. 1225.

^[63] «Антология стихов Хань Чанли», Антология Цянь Чжунлянь, Шанхайское издательство древних книг, издание 1984 г., стр. 120.

^[64] Книга изречений, том 20, Коммерческая пресса.

^[65] «Письменность Цюань Тан» том 10. Гравировки о системе лагерей барельефов шести скакунов из гробницы Чжаолин императора Тайцзун, см. Ю Шисюн: «Надпись монумента шести лошадей», «собрание книг о бронзах и камней», том.139. Изображение «Ши Фа Чи» см. в издании Чэн Чжэн и Ли Хуэй, «Каменный барельеф восемнадцати гробниц эпохи Тан», Шэньси издательство «Женьминь Мэйшу» 1988 г., стр. 48.

^[66] В. Karlgren Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese pp. 39,40,258,301.

^[67] I. Gershevitch A Grammar of Manichean Sogdian Oxford 1954, pp.12, 47.

^[68] B. Gharib Sogdian Dictionary, Tehran, 1995, p.128.

^[69] Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand, Berkeley — Los Angeles, 1963, p.295.

^[70] «Географические заметки эпохи Тай Пин» том 194 «Восхождение Тюрков». Эмиль Есин, «Лошадь в турецком искусстве» «Центрально Азиатский журнал». № 3-4, 1965 г. стр. 208-209.

^[71] «Письменность Цюань Тан» том 481; Уэйл А. «Небесные кони Ферганы», История сегодня, 1955 год. №2, стр. 95-102.

^[72] Ян Чжун Си: «Поэзия о снежном мосту», Пекинское издательство древних книг.

^[73] Сочинение Бульнува, перевод Гэн Шэн: «Великий шелковый путь», Синьцзянское народное издательство 1982 г., стр. 17.

^[74] В отношении «Гуанфу» одного человека обстановки использования в литературе династии Тан, см. Цэнь Чжун Мян: «Завещание о китайских и зарубежных исторических местах» первый том, Китайское книгоиздательство 1962 г., стр. 295-296. Так же автора: «Юй Шэнь истории Тан» Китайское книгоиздательство 2004 г. стр 252-254. Так же сопоставить «заметки исторических рассказов Люй Сымянь» Дин Чжи», Шанхайская издательство «Дреня книга» изданный 1982 г., стр. 999-1008.

^[75] Е Тингуй: «Разбитые дела «Морских законов», Шанхайское лексикографическое издательство, 1989 г. фотолитография летописи Ваньли, стр. 415. Иначе можно полностью сверить с Цюань Ханьчжун: «Внутренняя и внешняя торговля Гуанчжоу в период династии Сун», Исследования экономической истории Китая» последние 2, 3 тома, Тайбэй, издание 1991 г., стр. 478-550.

^[76] Юань Мэй: «Сборник стихов и эссе Цан Шань Фана», том 1, Шанхайское издательство «Древних книг», издание 1988 г., стр. 805.

^[77] Чжу Юй: «Пинчжоу Кетан», том 2, Шанхайское издательство древних книг, 1989 г., стр. 26.

^[78] Там же, стр. 27.

^[79] Чжоу Цюйфэй: Том 3 «Ответа Лин Вай Дай», Китайское книгоиздательство, 1999 г., стр. 126. Перевод и аннотация русского друга Ма Ю Ульянова «Линвайдая», Москва, издание 2001 г., стр. 156, перевел «Даше» как «устраивать пир» и получил свое точное объяснение.

^[80] Ван Чжунлуо: «Коллективное исследование обрезков золотой глины и нефрита», Китайское книгоиздательство, издание 1998 г., стр. 234.430

^[81] Хун Ши: «Собрание сочинений из Паньчжоу», первое издание четырех серий, т. 65 и т. 78.

^[82] Цянь Чжунлянь: «Антология стихов Хань Чанли», том II, Шанхайское издательство древних книг, издание 1984 г., стр. 1259.

^[83] Лу Ю: «Заметки Лао Сюэань», том 1, Китайское книгоиздательство, 1997 г., стр. 2-3.

^[84] Го Чжэнсян: Два стихотворения в 8-м томе «Коллекции Циншань» (версия четырех книгохранилищ): «Презентация маршала Цзяна на Юэвантай в Гуанчжоу» и «Презентация маршала Цзяна на Пу Цзянь».

^[85] Чжу Юй: «Суждения Пин Чжоу Кэ», том 2, стр. 31.

^[86] Чжао Жугуа: «Описание иноземных стран», Китайское книгоиздательство, 2000г., стр. 186

^[87] Написано Лауфером, переведено Линь Юньинь: «Китайско-иранское издание», The Commercial Press, издание 2001 г., стр. 215-216.

^[88] Чжоу Цюйфэй: «За хребтами. Вместо ответов», том 6, стр. 235.

^[89] Написано Мэн Юаньлао и аннотировано Дэном Чжичэном: «Записи прекрасных снов о Восточной столице», том 9, Китайское книгоиздательство, издание 1982 г., стр. 223. Чжан Цин: «Традиции подвешивания цветов в эпоху династии

Сунь», «Знания о литературе и истории», №5, 1992г., перевод и аннотации Ёсихико Ирия и Ику Умэхара «Записи прекрасных снов о Восточной столице», японское книгохранилище, 2003 г., стр. 305-315.

^[90] Мэн Сэнь: «Сборник сочинений по истории династий Мин», том 2, Китайское книгоиздание 1984 г., стр. 379-380.

^[91] Скачков: «Основные линии исторического развития Русской китайской филологии», г. Москва, 1977г, издание на русском языке; Уидмер: «Русская проповедь в Пекине в восемнадцатом веке», Гарвардский университет, 1976 г., на английском языке.

^[92] «Собрание литературы» 27 сборник, стр.4-5.

^[93] Под редакцией Ван Тея: «Сборник китайских и иностранных Ветхих Заветов», том 1, The Commercial Press, издание 1957 г., стр. 88.

^[94] Бантыш Каменский: «Сборник русских и китайских дипломатических документов 1619-1792 гг.», Казань, русское издание 1882 г., стр. 142, 164.

^[95] Скачков: Очерк истории русского китаеведения, стр. 40.

^[96] Гарн: «История русско-китайских отношений при Петре Великом» издание на китайском языке, коммерческое издание 1980 г., стр. 270.

^[97] Скачков: «Основные линии исторического развития китайской филологии в России», стр. 134.

^[98] Скачков: «Основные линии исторического развития китайской филологии в России», стр. 142.

^[99] Скачков: «Пекин в дни восстания тайпинов», Москва, русское издание 1958 г., стр. 84.

^[100] Редактор Веселовский: «История русской миссии в Пекине», том 1, Петербург, 1905 г., издание на русском языке, с. 57.

^[101] «Дипломатическая история Цзяцина», том 6, с. 32-33.

^[102] Веселовский: Предварительно раскрытая книга, стр.60.

^[103] Скачков: «Врачи русской миссии в Пекине», и «Китайские исследования в СССР», 1958 г., русское издание, выпуск 4, стр. 146-148.

^[104] Варисская: «Путешествия И. П. Ковалевского, Москва», 1956 г., русское издание, стр. 140-143.

^[105] «Литературная коллекция», 27 сборник.

^[106] Чжан Тэ Сянь: «Литература научно-технических книг, подаренных Россией в 1845 году», и «Справочных материалах по культурному наследию», 1958г., выпуск, стр. 45.

^[107] «Чистая речь Чан Цзы Чжи», том 3, вписан в 1943 году. См. Ли Сы Чунь «Неисчерпаемые познания Пянь Линь Лу» 7 февраля, «Русский дар книг при династии Цин», и «Истории литературы», Звыпуск, Китайское книгоиздательство, 1963 г., стр. 115-116. Смертность была вызвана не бытовыми условиями жизни в Российских учреждениях, а их не привыкшей к новому климату, в особенности в следствии дурной привычки безудержно пьянствовать.

^[108] Веселовский названный вышеупомянутой книги, стр. 16.

^[109] Там же, стр. 28.

^[110] Скачков: «Основные линии исторического развития Русского китаеведения», стр. 143.

^[111] «Своевременный указ Цюань», стр. 83.

^[112] См. также мою книгу: «Дополнения и исправления к хронике русского учреждения «новолуние Фан Бэй Чэн», и «Литература и история», 7 выпуск (1979 г.), стр. 119-128. См. также Видмер: «Русская миссия в Пекине в восемнадцатом веке», Гарвардский университет, 1976 г., стр. 154-166.

^[113] Скачков: «Основные линии исторического развития Русского китаеведения», Москва, 1977 г. издание на русском языке, стр. 210.

^[114] «Начало и конец организации обязанности и усмирения», династия Тун Чжи, том. 39, стр. 1-2.

^[115] «Заметки о ремеслах западных стран», опубликованные в восьмом году эры Тунчжи, стр. 1.

^[116] Печатная книга императора Тун Чжи «конфуция Цзюнь» первоначально использовалась для поста Сяо Фан Ху как «определение известности Конфуция», что предположительно является более поздним добавлением.

^[117] В книге о poste Сяо Фан Ху в начале цитаты добавлен дополнительный абзац: «Однажды я вспомнил Пекинскую поговорку: «Если суждено встретиться за тысячу верст, но не суждено встретиться лицом к лицу. Ваше превосходительство, до сих пор, вы не только за тысячу верст!» Неизвестный источник.

^[118] Писатель Чжи Ган, отредактировано И Хоу: «первый посланник на Запад», Гуансуй город красного Быка ксилографическое печатное издание (1877).

[119] В словах Цзо Цзунтана можно встретить: «Дипломатическую историю последних лет Цинской династии» династия Гансюй, том 16, стр.5.

[120] Скачков: «библиография Китая», Москва 1960 г., издание на русском языке, стр.344,617.

[121] «Сборник глав Ветхого Завета в Китае и иностранных государств» том 1, стр. 179-184.

[122] «Дипломатическая история династии Цин» том 15, стр. 5.

[123] Го Мэй Мань: «Русско-Китайский банк», Бирмингемский университет, англоязычный выпуск 1977 г. стр. 27.

[124] Скачков: «тезисы по истории китаеведения в России», стр. 254-259.

[125] Скачков: «тезисы по истории китаеведения в России», стр. 228.

[126] «Культурные реликвии» 1977 г. выпуск 8.

[127] Скачков: «Тезисы по истории китаеведения в России», стр. 228.

[128] Мяо Юйсунь: «Сборник русских путешествий», Шанхайская литография, Гуансюй 32 год 60-летнего цикла (1895 г.). Моу Юй Сунь писал своему двоюродному брату Моу Цюань Сунь о своих ощущениях от поездки в Россию и о своих впечатлениях от Сибирских городов на обратном пути, о чем можно судить по письмам исчисляя с 64 по 72 номера. См. первый том «И Фэн Тан письма друзьям», Шанхайское издательство «Древних книг», 1980 г., стр. 296-306.

^[129] Скачков: «Тезисы по истории китаеведения в России», стр. 233-234.

^[130] «Начало и конец организации обязанности и усмирения», династия Сянь Фэн, том. 28, стр. 46.

^[131] Коростович: «Россия на Дальнем Востоке» Пекин, издание на русском языке 1922 г., стр. 93.

^[132] «Дипломатическая история династии Цин» том 12, стр. 31-34.

^[133] Скачков: «Тезисы по истории китаеведения в России», стр. 238.

^[134] Чжан Дэ И: «Четыре необычных толкований» том 14, статья «Шестой день августа пятого года правления Гансюй».

^[135] Маркс: «Торговля России с Китаем», «Избранные произведения Маркс Энгельса», том. 2, Народное издательство 1995 г., стр. 9-10.

^[136] Василий Паршин: «Хроника Забайкальских пограничных районах», китайский перевод, Коммерческая пресса, издание 1976 г., стр. 136.

^[137] Каршаков: «Статистический обзор истории русско-китайской торговли», Казань, издание на русском языке 1857 г., стр. 110.

^[138] Хохлов: «Внешняя торговля в Китае 90 г. 18 века по 40-е годы 19 века», «Китайское государство и общество», Москва, издание на русском языке 1978г., стр. 93.

^[139] «Полное собрание сочинений Юнь Ань», том 8, См. Шлегель: «Исследование начальное распространение чая в Нидерланды», «Сводка», 1900 г., стр. 468-472.

^[140] Бадре: «Россия, Монголия, Китай» том 2, Лондон, английское издание 1919 г., стр. 118.

^[141] Бадре: «Россия, Монголия, Китай» том 2, стр. 398.

^[142] Ранее опубликованные книги Карцакова, стр. 94-95.

^[143] «Данные истории промышленности в период новой истории Китая», том 1, стр. 304.

^[144] «Исследование о купцах Шаньси» Шаньсийское народное издательство, 1986 г., стр. 303-313.

^[145] Ранее опубликованные книги Хохлова, стр.96-97. См. так же Пань И Цай, Цюй Шао Мяо: «О торговле верблюжьих банд Шаньси с Россией в эпоху династии Цин», «Журнал Цзиньян», выпуск 4, 1983 г., стр. 12-21.

^[146] Маркс: «Мнение о социальной проблеме России», «Избранные произведения Маркс Энгельса», том. 2, Народное издательство 1995 г., стр. 618-619.

^[147] Ранее опубликованные книги Карцакова, стр. 328.

^[148] Маркс: «К критике политической экономии», «Избранные произведения Маркс Энгельса», том. 13, Народное издательство 1998 г., стр. 140.

^[149] Барсуков: «Муравьев – граф Амурский», китайский перевод, том 2, Коммерческая пресса, 1974 г., стр. 204-205.

- ^[150] Ранее опубликованные книги Хохлова, стр. 94-95.
- ^[151] «Посмертное собрание сочинений Лю Куньи» Китайское книгоиздание 1959 г., стр. 607-608.
- ^[152] Об обоих случаях см. «Начало и конец организации дел», династия Тунчжи, том 5.6.
- ^[153] Богоявленский: «Западный Китай за Великой стеной», Коммерческое издание, 1980 г., стр. 170.
- ^[154] «Хроники провинции Хунань», том 1, стр. 101.
- ^[155] Скачков: Очерк истории русского китаеведения, Москва, русское издание 1977 г., стр. 113.
- ^[156] Гу Тинлун: Хроника г-на У Ичжая, Гарвардский институт Йенчин, стр. 135-145.
- ^[157] Предраскрытие Скаликовского, стр. 463.
- ^[158] Предварительное раскрытие Коршака, стр. 151.
- ^[159] Гастон-Гарн, перевод Цзян Цзайхуа и Чжэн Юнцин: «История российско-китайских отношений в период Петра Великого», Коммерческое издание, издание 1980 г., стр. 261.
- ^[160] Предобъявленная книга Скачкова, стр. 156
- ^[161] Скачков, «Врачи русской миссии в Пекине», в Китайские исследования в СССР, русское издание, № 4, 1958, стр. 143-144.

^[162] Джордж Ленсон: «Российская экспансия на Восток», The Commercial Press, издание 1978 г., стр. 136.

^[163] Предразоблачительная книга Скалкова, стр. 156.

^[164] Варская: Путешествия И. П. Ковалевского, Москва, русское издание, 1956, стр. 147.

^[165] Книга доразоблачения Хохлова, стр. 107.

^[166] Г. Р.: «Пекинская миссия и русско-китайская торговля в 1830-х и 1850-х годах», Красное досье, 1932, № 4, с. 154.

^[167] Попов, «Царская дипломатия в эпоху восстания тайпинов», Красное досье, 1927, № 21, с. 195.

^[168] См. также мою работу: «Дополнение к хроникам русского павильона «Шофан Бэйчэн», «Литература и история» серия 7, Китайское книгоиздательство, издание 1979 г., стр. 119-128; см. также Видмера: «Русские миссии в Пекине в 18 век», Гарвардский университет, английское издание, 1976 г., стр. 148-167.

^[169] «Подготовка к варварским делам», Династия Сяньфэн, том 5. См. Также Сюй Шумин: «Новый город северной пограничной торговли в период Юн-Цянь — город Мааймай», «Информационный бюллетень исследований по истории Цин», выпуск 1, 1984 г., стр. 11-16.

^[170] Коршак: Статистический обзор истории российско-китайской торговли и коммерции, стр. 329.

^[171] Паршин: «Путешествие в Забайкальский край», стр. 48-49.

^[172] «Банкноты скотного двора Цин», том 17, страницы 70-71.

[173] Скачков: Очерк истории русского китаеведения, стр. 109.

[174] Предыдущее разоблачение Паршина, стр. 50.

[175] Зал: Грамматика и текст пиджин-инглиша, Журнал Американского восточного общества, том 46, английское издание 1944 года.

[176] Как чаоторговцы Шаньси превращались в билетные дома — вопрос, требующий дальнейшего изучения. О некоторых известных спорадических случаях см. «Исторические материалы Шаньси Пяохао», издательство Shanxi Economic Publishing House, издание 1990 г., стр. 776–793.

[177] «Исторические материалы по дипломатии династии Цин» (династия Даогуан), том 2, страницы 3-4. Согласно «Краткой истории Макао», «Сяо Сян» аннотируется как «Воя».

[178] Лян Шаожэнь: Очерки двух разных храмов Цюйюань, том 3.

[179] Дерек Лай, перевод Чэнь Юй: История ранних китайско-американских отношений, The Commercial Press, 1963, стр. 31. и ср.

См. Джо Ф. Генри, «Ранние художники морских пейзажей на северо-западном побережье Тихого океана (1741-1841 гг.)», Сиэтл, 1984 г. Английское издание, стр. 63-90, 173-194.

[180] Хэ Вэй: Обзор морской торговли мехом, Washington Historical Quarterly.

[181] Предыдущая публикация Лейдли, стр. 36. См. Также Оден: «Торговля морскими выдрами в Калифорнии (1784-1848)», Беркли, английское издание 1941 г., стр. 66-94.

[182] Деннет: «Американцы в Восточной Азии», The Commercial Press, издание 1959 г., стр. 35.

^[183] Первый исторический архив Китая: Избранные исторические материалы из архива китайско-русских отношений при династии Цин, т. 1 (второй том), Китайский книжный магазин, 1981, с. 400.

^[184] Окон: Российско-американская компания, Коммерческое издание, 1982, стр. 29.

^[185] Коршак: «Статистический обзор истории российско-китайской торговли и коммерции», русское издание, стр. 261-262.

^[186] «Исторические материалы по дипломатическим делам династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 37.

^[187] Лю Сюаньминь: «Исследование ранней торговли между Китаем и Россией», «Журнал Яньчин», № 25, 1939 г., стр. 196.

^[188] Дин Цзэлян: «Первое русское кругосветное путешествие и Китай», «Исторические исследования», № 5, 1954. В статье не исследуются причины контрпризнания российской стороны, но утверждается, что «Яньфэн солгал, когда доложил цинскому императору, что эти два корабля не были круизными лайнерами» (стр. 127), что явно не соответствовало действительности.

^[189] «Таможенная хроника провинции Гуандун», том 29, стр. 13.17.

^[190] «Исторические материалы по дипломатическим делам династии Цин» (династия Даогуан), том 3, стр. 22.

^[191] Джордж Ренсон: Русское продвижение в Японию, Нью-Джерси, английское издание 1959 г., стр. 130.

^[192] Невский: «Первое русское кругосветное плавание», Москва, 1951 г. Русское издание, стр. 54.

[193] Там же, стр. 26.

[194] Крузенштейн, Кругосветное плавание «Надежды» и «Невы» в 1803-1806 годах, Москва, 1950, стр. 250-251. Русское название Типа или Тайпа — это транскрипция португальского слова Таира, которое относится к Там-Чай близ Макао, известному под своим исконным названием «Тайпа», как предположил г-н Тай.

[195] «Внешняя политика России в девятнадцатом и начале двадцатого веков», том 3, Москва, 1963 г., русское издание, стр. 17.

[196] В Гуандунском таможенном журнале, том 7, страница 38, говорится, что Акедана «прослужил десять лет в ноябре и остался на одиннадцать лет». В чиновничьей среде этот человек пользовался прозвищем «А Цай Шен»: «Во времена Цзя Дао, Акедана был чрезвычайно широк, и был известен как А Цай Шен более десяти лет. Он был известен как Бог богатства. См. следующий том «Слухи о Воде и весне», Китайское книгоиздательство, 1984, с. 63.

[197] «Исторические материалы дипломатии династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 45-48.

[198] Дипломатическая история династии Цин (династия Цзяцин), т. 1, с. 45-48.

[199] Дипломатическая история династии Цин (династия Цзяцин), т. 1, с. 45-48.

[200] Макарова, «Краткая история дальневосточной политики России в конце XVIII века», Московский государственный историко-архивный сборник, т. 18, с. 347. Сборник Московского государственного исторического архива, т. 18, с. 347.

^[201] Вернадский, изд.: Сборник русских исторических источников (с ранних лет до 1917 г.), т. 2, Нью-Хейвен, английское издание 1972 г., стр. 478.

^[202] Скаковский: «Русская коммерция на Тихом океане», Петербург, русское издание, 1883, стр. 444.

^[203] Полховичинов: «Становление русско-американских отношений 1775-1815 гг.», М., 1966, стр. 318 русского издания. См. также Уилер: «Происхождение российско-американской компании», «Исследования по истории Восточной Европы», т. 14, № 4, 1966 г., стр. 485-494.

^[204] Предисловие Полховичинова, стр. 306-307. См. также «Исторические записки», № 67, 1960 г. Преображенский: «Об акциях русско-американских компаний в начале XIX века».

^[205] Невский *op. cit.*, стр. 54.

^[206] «Внешняя политика России в девятнадцатом и начале двадцатого века», т. 1, стр. 405.

^[207] Окон: «Русско-американская компания», Москва-Ленинград, 1939 г. Русское издание, стр. 258.

^[208] «Внешняя политика России в девятнадцатом и начале двадцатого века», т. 3, стр. 175-177.

^[209] «Исторические материалы дипломатии династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 47.

^[210] «Исторические материалы дипломатии династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 47.

^[211] Лян Цзябинь: «Тринадцать путешествий по Гуандуну», издание Национального института компиляции и перевода 1937 года, стр. 321-325.

^[212] Лишанский: Кругосветное путешествие «Нева», Москва, 1947 г. Русское издание, стр. 234.

^[213] Внешняя политика России в XIX и начале XX века, т. 3, с. 18. После инцидента с русским кораблем Томас Бир долгое время жил в Макао и жил в роскоши. Он умер в декабре 1841 года на пляже Черные пески в Макао и был похоронен на кладбище возле Голубинового гнезда. В июне 1993 года, когда автор посетил Макао, г-н Антонио Сапаж подарил ему этот знаменитый фарфоровый сервиз. Когда я увидел объект и подумал о человеке, я испытал множество эмоций. Я хотел бы отметить это и поблагодарить г-на Са за его добрые слова.

^[214] На 24-м году правления Цяньлуна «Варварские купцы Франции за почтительное представление таможенного вреда, представленного губернатору Гуандуна» (копия в коллекции Сяньда), опубликовано в Куньмине, журнал «Гуманитарные науки», 1942, № 1. Коррупционность таможни провинции Гуандун в период Цзяцин также отражена в романе, см. Ю Линглаорэнь: «Полная биография хроник Миража», глава 18.

^[215] «Данные о продаже «Надежды» приведены в Крузенштейн *op. cit.* р. 254. Об остальном см. внешнюю политику России в XIX и начале XX века, т. 3, с. 21.

^[216] Дипломатическая история династии Цин (династия Цзяцин), т. 1, с. 6.

^[217] «Исторические материалы по дипломатическим делам династии Цин» (династия Цзяцин), т. 1, с. 47, 49.

^[218] «Исторические материалы по дипломатическим делам династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 6.

[219] Под редакцией Сюй Дишаня: «Да Чжун Цзи» (Исторические материалы о китайско-британских переговорах до опиумной войны), Commercial Press, издание 1931 г., стр. 203.

[220] «Исторические материалы по дипломатическим делам династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 18, и см. Лян Тин: «Теория кантонского диалекта Дао Гунго», том 6.

[221] Сян Да: «Чанъань в династии Тан и цивилизация западных регионов», издательство Саньянь, 1957 г., стр. 647.

[222] Увещание Крузенштейна, стр. 252

[223] Предыдущая публикация Лишанского, стр. 237.

[224] Увещание Крузенштейна, стр. 254

[225] По-русски Гуандунский таможенный надзор называется гоппо, что является транслитерацией английского horpo. Согласно предыдущим исследованиям, существует три исходные теории языка «horp»: (3) это означает правительственное ведомство (кантонский ху-пу), или «Причал у реки». Если подумать о звучании и значении, первая теория заслуживает доверия». См. Хуан Бошэн: «Гуандунская торговля при династии Цин и ее значение в экономической истории Китая», «Журнал Линнань», № 4, 1934 г., стр. 175.

[226] Увещание Крузенштерна, стр. 255.

[227] Дипломатическая история династии Цин (династия Цзяцин), т. 1, с. 47-48.

[228] «Исторические материалы дипломатии династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, страницы 47-48.

[229] «Исторические материалы дипломатии династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, страницы 47-48.

[230] «Недавно добавленные хроники капитала», том 1, стр. 8.

[231] «Записи императора Сюаньцзуна династии Цин», том 74, стр. 20.

[232] «Исторические материалы по дипломатическим делам династии Цин» (династия Цзяцин), том 1, стр. 20. Доказательство того, что «студенты-переводчики» года вмешивались в инцидент с проходом российского корабля

[233] Скачков: Очерк русской синологии, Москва, русское издание 1977 г., стр. 406-407.

[234] Гастон Гарн: «История российско-китайских отношений в период Петра Великого», Commercial Press, издание 1980 г., стр. 335.

[235] Маркс: «Внутренняя история дипломатической истории в восемнадцатом веке», Народное издательство, издание 1979 г., стр. 80.

[236] Гринбург: «Китайско-британская коммерческая история до опиумной войны», The Commercial Press, издание 1961 года, стр. 65.

[237] «Становление отношений между Россией и США: 1765-1815» (сборник документов), Москва, русское издание 1980 г., стр. 519.

[238] Маркс: «Внутренняя история дипломатической истории в восемнадцатом веке», Народное издательство, издание 1979 г., стр. 81.

- [239] История Ленинграда, т. 2, русское издание, стр. 393.
- [240] «История Ленинграда», т. 2, русское издание, стр. 225-226.
- [241] «История Ленинграда», т. 2, русское издание, стр. 225-226.
- [242] набросок истории Ленинграда, т. 2, русское издание, стр. 225-226.
- [243] «История Ленинграда», т. 2, русское издание, стр. 175.
- [244] Том 26 «Полного собрания сочинений Ленина», Народное издательство, издание 1957 года, страницы 16-17.
- [245] «История Ленинграда», т. 2, стр. 804.
- [246] Предыдущая книга, стр. 483.
- [247] Известный драматург Станиславский так прокомментировал судьбу элитных рабочих царской эпохи: «Жизнь этих рабов муз действительно тяжела. Сегодня воля хозяев вознесет их на гору Парнас (высокая гора в Древней Греции, где поклонялись богам); завтра она отправит их служить в конюшни; послезавтра они будут проданы, как равное количество скота. Например, в 1806 году князь Волконский продал свою семейную труппу из семидесяти четырех крепостных за тридцать тысяч рублей». См. его книгу «Моя жизнь в искусстве», Shanghai Translation Press, 1984, стр. 9-10.
- [248] Подробнее см. в моей работе «Исторический процесс формирования государственной церкви в царской России», «Журнал Университета Сунь Ятсена», № 6, 1978 г., стр. 59-65.
- [249] См. также статью «Дополнение к хронике русского павильона «Шофан Бэйчэн»» в этой книге.

[250] Скачков, «Врачи русской миссии в Пекине», Советская китаистика, 1958, № 4 стр. 140, 143.

[251] Мясников, «Пекинское письмо доктора Кириллова» (вновь опубликованный архивный материал), Проблемы Дальнего Востока, № 4, 1988, с. 153.

[252] Скачков: набросок истории русского китаеведения, русское издание 1977 года, стр. 146.

[253] Скачков: Очерк истории русского китаеведения, стр. 45-46.

[254] Скачков: «Библиография китайских книг», стр. 473.

[255] Белкин: «Пушкин и китаевед Якинов-Бичурин», изд. «Азиатско-африканские народы», русское издание № 6, 1974 г., стр. 128-132.

[256] Ху Вэньбинь: Взгляд на истории камней в перечисленных изданиях, Шанхайское издательство древних книг, издание 1987 г., стр. 8-12.

[257] Ли Фуцин и Мэн Лев, «Неслыханные расшифровки сна в красном тереме», в «Афро-азиатские народы», русское издание, 1964, № 5, стр. 123.126. Полный текст китайского перевода включен в книгу «Ху Вэньбинь и Чжоу Лэй, ред., Мир красных исследований», Пекин, 1984, стр. 244-260. Текст этой статьи основан на русском издании.

[258] Ли Фуцин, Мэн Лев: «Открытие и значение истории камня в ленинградской коллекции», «История камня», том 1, Китайское книгоиздательство, издание 1986 г., стр. 10.

[259] «Исторические материалы русской миссии в Пекине», том 1, Петербург, 1905 г. Русское издание, стр. 49.

^[260] «Краткий отчет о собрании востоковедения в крупнейших библиотеках Советского Союза», Москва, русское издание 1963 г., стр. 27.

^[261] Скачков: Очерк истории русского китаеведения, стр. 142.

^[262] Горбачева: «Академик Васильев, русский синолог», «Русское востоковедение», том 2, Москва, русское издание 1956 г., стр. 282-283.

^[263] Статья содержится в «Народах Азии и Африки», № 5, 1964 г., стр. 121-122.

^[264] См. также Ли Минбинь: «Китайская литература в России и Советском Союзе», издательство Хуачэн, издание 1990 г., стр. 13-20.

^[265] Статья содержится в «Народах Азии и Африки», № 5, 1964 г., стр. 121-122.

^[266] Скачков: набросок истории русского китаеведения, с. 428.

^[267] Лу Синь: «Три сборника для отдыха • Как писать».

^[268] Предраскрытая книга Скачкова, стр. 217.

^[269] «Народы Азии и Африки», № 5, 1964, стр. 121-122.

^[270] Том 18 «Рукописи г-на Ли Вэньчжуна», «Учебное дело внутренней России — еще один сборник».

^[271] Первый том «Исторических материалов по учебным делам в династии Цин», «Записки исполняющего обязанности

российского императорского посланника Бу Цэ о наказании убийцы, забившего русских насмерть».

^[272] Том 29 статей Цзэн Вэньчжэн Гуна, «Различные эмоции Фу Чен Тяньцзиня».

^[273] «Вся история подготовки к варварским делам», период Тунчжи, том 83.

^[274] «Академические и учебные файлы», том 2 (1), Тайбэй, стр. 348.

^[275] Под редакцией Тяньцзиньского архива: «Избранные письма трех министров торговли в Тяньцзиньский таможенный налоговый департамент», Тяньцзиньское народное издательство, издание 1992 г., стр. 227-228.

^[276] Скаликовский: «Русская коммерция на Тихом океане», русское издание 1883 г., стр. 305. Что касается положения Тяньцзиня в китайско-российской торговле чаем, вы можете обратиться к Чэнь Цию: «Развитие современной китайской чайной промышленности и мировой рынок», Тайбэй, Институт экономики Академии Синика, издание 1982 г., стр. 142-145.

^[277] «Академические и учебные файлы», том 2 (1), стр. 377.381.

^[278] «Академические и учебные файлы», том 2 (1), стр. 377.381.

^[279] «Вся история подготовки к варварским делам», Династия Тунчжи, том 808, том 50.

^[280] «Вся история подготовки к варварским делам», Династия Тунчжи, том 808, том 50.

^[281] Бабков: «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири», том 1, The Commercial Press, издание 1973 г., стр. 193.

[282] Маркс: «Внутренняя история дипломатической истории в восемнадцатом веке», Народное издательство, издание 1979 г., стр. 83.

[283] Ду Цзунъюй: «Транслитерация разных имен Ин Хуаня», том 3, гравированное издание Гуанской Цзячэнь (1904 г.).

[284] См. Юй Цзяси, «Подробное исследование четырех книгохранилищ», Китайское книгоиздательство, 1980 г., страницы 465-468.

[285] См. аннотацию к русскому переводу «Экзотических земельных летописей», см. «Русско-китайские отношения в XVIII веке», том 1, Издательство «Московские исследования», русское издание 1978 г., стр. 632-633.

[286] Лян Цзябинь: «Иностранная фирма Шисань в Гуандуне», Commercial Press, издание 1937 года, стр. 360-368.

[287] По словам Ли Минчжу: «Шелковая промышленность и экспорт в современном Китае», Шанхайское научное общественное издательство, 1996, стр. 79-80.

[288] Мелнер: «Шведская Ост-Индская компания и Китай», «Пекинские социальные науки», № 1, 1988 г., стр. 67.

[289] Ли Хунбинь пятого декабря девятого года Даогуана (1829 г.), согласно «Исследованию компании Шисань в провинции Гуандун», Commercial Press, издание 1937 г., цитируется на странице 238.

[290] Маркс: «Ост-Индская компания, ее история и окончание», том 9 «Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса», Народное издательство, издание 1961 г., стр. 168.

[291] Чжу Кэцзин: «Записи коммерческих стран», содержащиеся в одиннадцатом томе «Сборник малых рецептов об очищении земли».

[292] Чжан Вэйхуа: Заметки о биографии четырех европейских королевств в истории Мин, Шанхайское издательство древних книг, издание 1982 г., стр. 90–91.

[293] Под редакцией Оу Чу и Ван Гуйчэня: «Полное собрание сочинений Цюй Дацзюня», т. 1, Издательство «Народная литература», издание 1996 г., стр. 38.

[294] Цюй Дацзюнь: «Гуандун Синьюй», том 18, Китайское книгоиздательство, издание 1985 г., стр. 482.

[295] Бао Леши, перевод Чжуан Готу и Ченг Шаоган: «История китайско-голландских обменов», Амстердам, издательство Лукоудиан, стр. 10.

[296] Цюань Ханьшэн: «Краткое обсуждение внешней торговли Китая после открытия новых морских путей», «История морского развития Китая», том 5, Тайбэй, Чжуншаньский институт гуманитарных и социальных наук, Академия Синика, 1993, стр. 12.

[297] См. книгу: «Хроника русского павильона», Гуандунское народное издательство, издание 1994 г., стр. 18-19.

[298] C. J. A. }6Y^, Procelain and the Dutch China Trade, Hague, 1982. p54.

[299] Под редакцией Чжан Инчана: «Цин Шидуо» (Часть 2), Китайское книгоиздательство, издание 1983 г., стр. 923.

[300] Лян Цзябинь: «Тринадцать компаний в провинции Гуандун», The Commercial Press, издание 1937 года, стр. 365.

[301] Чжан Цзюе: «Поэтический сборник Цзысянь Шань Жэнь», том 11. Многие западные картины и фарфоровые картины, вывезенные из Гуанчжоу во времена династии Цин, могут быть использованы в качестве иллюстраций главы «Фань Синь», см. «Пейзаж Жемчужной реки», составленный и опубликованный Муниципальным советом Гонконга, издание 1996 г., стр. 149-183.

[302] Цзэн Циру: «Маленький бобовый сарай», том 16. Описание костюмов голландцев можно увидеть в статье «Варвары Нидерландов» в 1 томе «Карта дани Хуанцин».

[303] с. J. A. Jorg, Procelain and the Dutch China Trade, Hague, 1982. p204.

[304] J. J. L. Duyvendak, The last Dutch Embassy to the Chinese Court (1794—1795), Toung Pao, Vol. XXXIV, Livr. p.1-2, 5-7.

[305] Ч. Р. Боксер: «Голландские посланники в Китае в восемнадцатом веке», см. перевод Чжу Цзециня: «Переводы истории китайских и международных отношений», Ocean Press, издание 1984 г., стр. 265.

[306] Дворцовый музей: «Серия документов», том 5, Дело о вербовке голландского государства.

[307] Дворцовый музей: «Серия документов», том 5, Дело о вербовке голландского государства.

[308] Та же книга, том 1-2, страницы 97-107.

[309] Написано Си Дандуном, переведено Е Дуи: «Отчет о встрече британского посланника с Цяньлуном», Hong Kong Издательство Сяньлянь, издание 1994 года. Вы также можете обратиться к «Материалам академического симпозиума, посвященному

двухсотлетию китайско-британского общения», China Social Sciences Press, издание 1996 года.

[310] Написано Перефитом, переведено Ван Гоцином, Мао Фэнчжи и др.: «Застопорившаяся империя — столкновение двух миров», Издательство Саньянь, издание 1993 г., стр. 564.

[311] Пауль: «История китайско-голландских обменов», стр. 102.

[312] Чжан Вэньань: Том 3 «Сборник стихов Хайбая», издание цзючжэнь на седьмом году правления Гуансю.

[313] Пань И Цзэн: «Поэзия Пан Ю Пана», печатное издание 20-год Гуансюя

[314] Жуань Юань: «Коллекция кабинета» (часть 2), Пекин, Китайское книгоиздательство, издание 1993 г., стр. 971-972.

[315] Составитель Хуан Фойи: пятый том «Гуанчжоу Чэнфан Чжи». Вы также можете обратиться к моей работе: «Происхождение мопса».

[316] Автор Хант, перевод Фэн Шутти: «Гуанчжоуская запись» Фан Гуй «», Народное издательство Гуандуна, издание 1993 г., стр. 91-92.

[317] Ян Баолинь: «Избранные статьи по истории Цзиличжая и истории сельского хозяйства», Guangdong Higher Education Press, издание 1993 г., стр. 313-316.

[318] Книга □, стр. 200, 203-204.

[319] Автор несколько лет назад написал статью «О хрониках Швеции при династии Цин и бизнесе Гуанчжоу Жуйсин», опубликованную в «Журнале Университета Сунь Ятсена», № 2, 1991 г. Английский перевод этого текста включен в

The Golden Age of China Trade, Viking Hongkong Publications, 1992, стр. 90-104. Для недавних подобных работ есть также Чжа Шицзе: «Моррисон и тринадцать варваров в Гуандуне», см. «Современный Китай и Азия» (Часть 2), опубликованный Азиатским исследовательским центром Гонконгского колледжа Хайчжу, издание 1995 г., стр. 629-661.

^[320] В мае 1996 года Китайское научное социальное издательство опубликовало «Материалы симпозиума, посвященного двухсотлетию китайско-британского общения», в который вошли 22 статьи китайских, британских, американских, французских и немецких ученых. В августе 1996 года Международная культурная издательская компания опубликовала «Сборник архивов и исторических материалов визита посла Великобритании Макартни в Китай» под редакцией Первого исторического архива Китая, всего 605 страниц.

^[321] Юань Синюнь: «Рассказы сборника стихов Цин» (2), Издательство «Культура и искусство», издание 1994 г., стр. 1765.

^[322] Ван Вэнь Гао: «Сборник стихов Юньшаньтан», том 1, опубликован книгоиздательством Чжэцзян в 14-м году правления Гуансю.

^[323] с. R. Boxer, *Dutch Merchants and Mariner in Asia, 1602—1795*, London, 1988, pp. 3-4.

^[324] Написано Си Дандуном, переведено Е Дуи: «Встреча британского посланника с Цяньлуном», Гонгконг, издательство Сяньлянь, издание 1994 г., стр. 123.

^[325] Чжао И: «Коллекция Обэй» (Часть 1), Шанхайское издательство древних книг, издание 1997 г., стр. 334.

^[326] CR Boxer, *Dutch Merchants and Mariner in Asia, 1602–1795*, Dish, p69.

[327] С. J. A. Jorg, Procelain and the Dutch China Trade, Hague, 1982, p201.

[328] J. J. L. Duyvendak, The Last Dutch Embassy to the Chinese Court (1794—1795) T'oung Pao, Vo1.XXX^, L1 -2, pp93 -94.

[329] С. R. Boxer, Dutch Merchants and Mariner in Asia, 1602—1795 , К. p29.

[330] с. R. Boxer, Du^сА. Merchants and Mariner in Asta, 1602—1795 , К, ppl4 — 15

[331] с. R. Boxer, Duic^ Merchants and Mariner in Asia, 16Q2—1795, К, p15.

[332] Стэнтон: «Интервью британского посланника с Цяньлуном», стр. 431.

[333] Хуан Гошэн: «Садовые особняки в Гуанчжоу во времена династии Цин», содержащиеся в «Литература и история Линнань», № 4, 1997 г., стр. 43.

[334] с. R. Boxer, Duic^ Merchants and Mariner in Asia, 1602—1795 , К , ppl5 — 16.

[335] Пятая серия «Литературной серии», «Список предметов, которые должны быть награждены Департаментом военной авиации для сопровождения голландских посланников».

[336] Лян Тинсян: «Таможенная хроника Гуандуна», том 25, статья «Бизнес»; Инь Гуанжэнь, Чжан Жулинь: «Отчеты Макао», том 1 «Официальная охрана».

[337] Дату рождения и смерти Пань Юду до сих пор трудно подтвердить. Она временно цитируется следующим образом:

«Родился в 20-й год правления Цяньлуна (1755 г.) и умер в 25-й год правления Цзяцина (1820 г.). См. Чэнь Годун: «Пань Юду (Пань Цигуань II); успешный иностранный бизнесмен», «Очерки истории освоения океана в Китае», № 5, Тайбэй, Чжуншаньский институт гуманитарных и социальных наук, Academia Sinica, издание 1993 г., стр. 247.

^[338] Ма Ши: «Хроника торговли Ост-Индской компании с Китаем», том 2, издательство Университета Сунь Ятсена, издание 1991 г. стр. 569–577. Лян Цзябинь: «Тринадцать домов в провинции Гуандун», Commercial Press, издание 1937 года, стр. 286–287, ранее опубликованная книга Чэнь Годуна, стр. 265–267.

^[339] Подробнее см. в моей книге: Хроники русского павильона, Гуандунское народное издательство, издание 1994 г., стр. 168–197. Три копии официальных документов главного зала уезда Сяншань, связанных с инцидентом с русским кораблем, сейчас хранятся в китайских архивах Макао времен династии Цин, а именно в башне Дунпо Национального архива Лиссабона. Подробнее см. Лю Фан, Чжан Вэньцин: «Сборник китайских архивов Макао времен династии Цин», том 2, опубликовано Культурным фондом Макао в 1999 г., стр. 696–700.

^[340] Ранее опубликованная книга Лян Цзябиня, стр. 410.

^[341] Лишанский: «Кругосветное плавание Невы, 1803–1806», Москва, русское издание 1947 г., стр. 255.

^[342] Предыдущая публикация Чэнь Годуна, стр. 254.

^[343] Сборник записных книжек и подборок Бай Цзюйи, «Тинлу Гуан», Шанхайское издательство древних книг, издание 1988 г., стр. 3829.

^[344] Под редакцией Сюй Дишаня: «Сборник Да Чжуна (Исторические материалы о китайско-британских переговорах до опиумной войны)», Commercial Press, издание 1935 г., стр. 170.

[345] Руань Юань: «Коллекция кабинета», том 2, Китайское книгоиздательство, издание 1993 г., стр. 971-972.

[346] О памятнике Ли Хунбиню, губернатору Гуандуна и Гуанси на девятом году правления Даогуана, см. ранее опубликованную книгу Лян Цзябиня, стр. 238.

[347] Юй Инши: «Современная китайская религиозная этика и торговый дух», Anhui Education Press, издание 2001 г., стр. 237.

[348] Чен Иньке: «Исследование теории Чжиминду», «Предварительный сборник серии Цзиньмингуань», совместное издание, издание 2001 г., стр. 173.

[349] Ле Гофф и др. Перевод Яо Мэн: «Новая историография», Shanghai Translation Publishing House, издание 1989 г., стр. 22.

[350] Реснелл и Рубцов: «Современная история восточных стран», том 2, совместное издательство, издание 1958 г., стр. 251.

[351] О. И. Шапокилаева: «Формирование индонезийского рабочего класса», «Сборник исторических переводов», № 6, 1957 г., стр. 101.

[352] В. С. Руднев: «Земельные отношения в Малайе», содержащиеся в «Земельных отношениях в странах Востока», Русское издание АН СССР в 1958 г., стр. 353-354.

[353] За конкретными материалами обращайтесь к редактору Ли Вэньчжи: «Данные по истории современного сельского хозяйства Китая», первая серия, «Совместное издательство», издание 1957 г., стр. 175-193, 233-250, 939-942, 502-508.

[354] Письмо Энгельса к Зорге от 10 ноября 1894 г., «Маркс и Энгельс о Китае», Народное издательство, 2-е издание, 1957 г., стр. 143. Точность анализа Энгельса подтверждается

рукописью Сюэ Фучэна: «С уважением, сегодняшние пароходы, лодки и повозки беспрепятственны и беспрепятственны. Царства Инхуань настолько близки друг к другу, что они близки, как дом, и близки, как несколько мест, невозможно отступить и править в одиночку. Более того, мое священное паломничество воспитывало меня более двухсот лет, а Китай наполняется людьми, поэтому мне приходится нанимать домашнюю прислугу, чтобы расширить свои средства к существованию». «Дунхуалу династии Гуансюй», 19 июля года Гуансюй.

[355] Маркс: «Капитал», том I, Народное издательство, издание 1953 г., стр. 932.

[356] Там же, стр. 949-950. Также голландские колонизаторы давно планировали ограбить китайцев в качестве рабов.

[357] В 1623 году Коэн, губернатор Голландской Ост-Индской компании, поручил своему преемнику послать корабли к побережью Китая, чтобы грабить мужчин и женщин. (См. Ли Чанфу: «История зарубежных китайцев в Наньян», опубликованная в 1929 г. Наньянским отделом культуры Цзинаньского университета, примечание 3 на стр. 33).

[358] Избранные переводы Энциклопедии Советского Союза: «Британская империя», Совместное издательство, издание 1957 г., стр. 275.

[359] Го Цзуолан Цзао Шу, том 4, записано в 1893 году. Термин «детеныш» используется в сочетании с термином «дитя». Согласно серии, Лян Шаорена «Два обычных осенних дождя», том 3, статья «Дитя»: «Дело детеныша, слово детеныш имеет звук Цзай». В «Сутре воды» гласит: маленькая девочка, слабый годовалый ребенок. Это оригинал».

[360] Под редакцией Пан Синнуна: Третья книга «Тунцзянь малайских теочью, заморских китайцев», издательство Южного острова Сингапура, издание 1950 г., стр. 31.

[361] Чжуан Вэйцзи и др.: «Отчет об исследовании истории зарубежных китайцев в особом районе Цзиньцзян провинции Фуцзянь», «Журнал Наньянского института Сямьнского университета», № 1958, стр. 18.

[362] Митхоп, Пинлек: «Обзор правительственной организации Малайзии», переведенный и напечатанный Министерством образования Малайской федерации, Сингапур, издание 1951 г., стр. 159.169. См. также Такефу Масаичи: «Кули» в «Малайском словаре», японское издание 17-го года правления Сёва (1942 г.), стр. 50.

[363] «Энциклопедия Советского Союза», т. 24, стр. 13 «Кули».

[364] «История зарубежных китайцев в Наньян», стр. 50.

[365] Юн Юминь: «Обзор Цюньцзяо в Сингапуре», Hainan Book Company, издание 1930 г., стр. 28.

[366] Лю Цзисюань, Шу Шичэн: «История исследования китайцами Наньян», The Commercial Press, издание 1935 г., стр. 143.

[367] «Малайский теочью, зарубежные китайцы», стр. 31.

[368] Написано Виктором Перселлом, переведено Лю Цяньду: «История зарубежных китайцев в Малайе», Penang Guanghua Daily, издание 1950 г., стр. 41.

[369] ПК Кэмпбелл, перевод Ван Даньхуа: «Торговля кули в Британской Малайзии», «Исследования Южных морей», том 2, № 5, 1929 г., стр. 149.

[370] Это касается ситуации в Малайзии, другое дело Китай. Например, Дж. Тейт, англичанин, который также является консулом Испании, Португалии и Нидерландов в Сямэне, является владельцем крупнейшего продавца Tait & Co. в этом

районе. См. Дин Миннань и др.: «История империалистического вторжения в Китай», том 1, Science Press, издание 1958 г., стр. 63.

[371] Ли Чжунцзюэ: «Предложения о запрете кули», содержащиеся в «Избранных произведениях поздней династии Цин» под редакцией Чжэн Чжэндуо, Life Bookstore, издание 1937 года, стр. 195.

[372] «Полное собрание сочинений герцога Чжан Вэньсяна», том 95, официальный документ 10, 19 марта, 15 год Гуансю (1889 г.), «Обратите внимание, что британский консул в Шаньтоу Хуа Мин по-прежнему должен запрещать кредитные заказы при выезде за границу».

[373] «Малайский теочью, зарубежные китайцы», стр. 31.

[374] «Дипломатические исторические материалы династии Цин», том 74, 13 декабря года правления Гуансюя, «губернатор провинции Гуандун Чжан Чжидун посетил и исследовал положение китайцев в Наньяне и предложил учредить небольшой генеральный консул Лусона для защиты».

[375] «Сборник пересмотренных документов Саньчжоуфу», сообщение Чжуан Дукан, согласно Ли Чанфу: «Китайская колониальная история», Коммерческая пресса, издание 1937 года, цитаты на стр. 276–277, дата неизвестна.

[376] «Обзор государственных организаций в Малайзии», стр. 163.

[377] Виктор Перселл: «Китайцы в Юго-Восточной Азии», «Переводной сборник материалов по вопросам Наньян», второй и третий выпуски 1958 г., стр. 134.

[378] У. Л. Блайт: «Краткая история зарубежных китайских рабочих в Малайе», «Серия переводов материалов по вопросам Наньян», № 2, 1957 г., стр. 7.

[379] Там же, стр. 9.

[380] Яо Гуансун: «Прошлое и настоящее рабочего круга в Северном Цзянсу», в «Life News 10th Anniversary Issue», Джакарта, издание 1955 г., стр. 84.

[381] Под редакцией Сюй Тунсиня: Хроники герцога Чжан Вэньсяна, The Commercial Press, издание 1946 года, стр. 61-62. Также см. том 131 «Полного собрания сочинений герцога Чжан Вэньсяна», «Ляо Вэйцзе, члену комитета по западным делам Шаньтоу на улице Хуйчао Цзяде, Чаочжоу». Время, когда «кули» были непосредственно завезены на Суматру, в Японии Фукуда Сёдзо, началось в 1888 году, см. статью «Китайские иммигранты» на странице 64 «Исследований Наньян», том 5, № 5 (1935 г.). Только Кэмбелл сказал, что это был 1880 год, страница 153 «Наньянских исследований», том II, № 5 (1929). «История китайской колонизации» Ли Чанфу приняла его, но не указала на противоречие между ним и китайскими историческими материалами.

[382] «История экономического развития Восточной Индии и зарубежных стран Китая» под редакцией Цю Шою, Genzhong Book Company, издание 1947 г., стр. 88.

[383] Блудный сын Тяньнань: «Недавняя ситуация с Пэн Цзяхуа Гонгом», «Восточный журнал», том 16 (июль 1919 г.), № 7, стр. 80.

[384] Под редакцией Шэнь Лейю: Взгляд на Суматру, Книжный магазин Чжэнчжун, издание 1936 года, стр. 124-125. По словам Тан Менгяна: «Обычные люди, когда они въезжают в Нидерланды, должны платить причальный налог (150 донгов, около 170 юаней в национальной валюте), но кули гарантируются компанией, и налога нет. кто может выкупить свои свободные тела и желает жить в Нидерландах, должен заплатить половину стоимости причального налога (то есть семьдесят пять гульденов)». Т., стр. 411)

[385] Тяньюй: «Положение китайских рабочих в Белитунге», «Наньянские исследования», т. 2, № 4 (1928), стр. 33-34.

[386] «Недавняя ситуация с Пэн Цзяхуа Гонгом», стр. 80.

[387] «Исторические материалы о дипломатических делах в династии Цин», том 2 О 4, 22 июля 1907 г., на 33-м году правления императора Гуансюя, «Посланник и Цянь Сюньцзо и положение заморских китайцев сообщаются согласно тому, что они слышали и видели».

[388] «История зарубежных китайцев в Наньяне», стр. 48, и см. «Историю империалистического вторжения в Китай», том 1, стр. 61. Между прочим, «Британская энциклопедия», 14-е издание, том 6, стр. 387, «Кули» сказал: «Имиграция по контракту из Китая началась примерно в 1845 году», а Морзе: «История международных отношений Китайской империи», первый том, совместное издание 1957 года., страница 409 говорит, что «первая отправка кули иностранным кораблем была 7 марта 1847 года», что слишком поздно.

[389] Приложение к «Подготовке к варварским делам», том 3 (часть 2) династии Сяньфэн, стр. 559. Согласно «Историческим материалам о преследовании китайских рабочих в Соединенных Штатах» Чжу Шицзя, Китайское книгоиздательство, издание 1958 года, цитируется на странице 3.

[390] Слова «Гуоли» и «Гули вор» в статье указывают на то, что люди в то время не знали значения «Гули», поэтому данный исторический материал может быть первым упоминание о грабеже чужаками «свиной» вдоль побережья Чаошань. И среди них вопрос о «строительных кастрюлях», согласно шестому тому «Хроник уезда Чэнхай», выгравированных в году Цзясю Цзяцин (1814 г.), статьи «обычай» и «рытье кастрюль для заработка»: «На илистых отмелях морского берега растут растения, и есть те, кто их выкапывает, а кастрюль нет... Люди у моря выкапывают их на лодочках, продают домохозяйствам для сжигания золы или используют для дворцов или как орудия для навозных полей».

^[391] Юн Юмин: «Обзор Цюнцяо в Сингапуре», стр. 28: «С тех пор, как Цюнчжоу был основан как торговый порт (открыт в 1858 г.)

Когда Straits Settlements активно развивались, потребность в кули также росла день ото дня, поэтому рыночные условия для кули становились лучше, чем раньше: Хайкоу следовал за Шаньтоу и Сямэнем, и спекулянты один за другим начинали заниматься кули».

^[392] «Торговля кули в Британской Малайзии», «Исследования Наньян», т. 2, № 5, стр. 146.

^[393] «Малайский теочью, зарубежные китайцы», стр. 31.

^[394] Под редакцией Цзинь Тяньмина: «Чаогэ», Nanda Book Company, издание 1929 г., стр. 78. Все примечания добавлены автором. Слово «пересекать Лу» в песне основано на аллюзии «Пересекать Лу в мае, чтобы углубиться в бесплодные земли» в «Цянь Чу Ши Бяо» Чжугэ Ляна, что показывает, что оно было отшлифовано литераторами.

^[395] «Малайский теочью, зарубежные китайцы», стр. 31. Хотя записей о цене «пяточков» много, недостатков много: дата расплывчата, площадь общая, единица перепутана. Поэтому он может дать людям только общее впечатление, но не может составить точную статистику. Соответствующие библиографии перечислены ниже для справки: ① «Дунхуалу династии Гуансюй» «Lv Haihuan Zou» в декабре 27-го года Гуансюй; 16-го числа «китайские бизнесмены из Наньян представили деловой контракт, и министр Ли Чен подвергся насилию, пожалуйста, установите составить консульский отчет»; ② Хуан Цзинчу: «Зарубежные китайцы Наньян», Коммерческая пресса, издание 1930 г., стр. 74-75; ③ Тяньюй: «Трагедия китайских рабочих в Белитунге», «Отчеты», стр. 32; ④ Яо Гуаньсун: «Прошое и настоящее зарубежного китайского рабочего кружка на севере Цзянсу», «Life News 10th Anniversary Issue», стр. 84; стр. 80; ⑤ Фукуда Сёдзо III: «Иммиграция из Китая», стр. 64; ⑥ Ситу Мейтан: «Я ненавижу американского императора», Guangming Daily, издание 1951 г., стр. 91; ⑦ Кэмп-белл:

^[396] Подробнее см. Чжэн Цзяньлу: «Марш в Наньяне», Китайское книгоиздательство, издание 1935 г., стр. 182-183; Шэнь Лэйю:

«Взгляд на Суматру», стр. 127; Морс: «История международных отношений китайского народа». Империя», т. 2, с. 194.

[397] Маркс: Капитал, т. 1, стр. 949.

[398] Сталин: «Разговор с английским писателем Уэллсом», Народное издательство, издание 1953 г., стр. 22.

[399] Мао Цзэдун: «Анализ классов в китайском обществе», примечание 15, «Избранные произведения Мао Цзэдуна», том 1, Народное издательство, издание 1952 г., стр. 11.

[400] Ху Шэн: «Периодизация современной китайской истории», «Исторические исследования», № 1, 1954 г., стр. 10.

[401] «Дипломатические исторические материалы династии Цин», том 76, 15 июня 14 года правления Гуансю (1888 г.), «директор Ли Хунчжан Генеральному управлению Нового соглашения, запрещающего китайским рабочим выезжать в Соединенные Штаты, пожалуйста, отложите вызов.» Этот исторический источник является относительно поздним, но все же информативным, поскольку цитаты ретроспективны.

[402] «Династия Гуансю Дунхуалу», «Чжан Чжидун Цзо» в октябре тринадцатого года правления Гуансю (1887 г.): «Акт защиты на самом деле состоит в том, чтобы облегчить краткосрочные заботы, а не в том, чтобы быть усердным и далеко идущим».

[403] «Династия Гуансю Дунхуалу», Гуансю двадцать восемь лет (1902 г.) Февраль Дин Си «Министерство иностранных дел».

[404] «Прошлое и настоящее зарубежных китайских рабочих кружков в Субэе», «10-й юбилейный выпуск Life News», стр. 85.

[405] «История экономического развития Восточной Индии и Китая за рубежом», стр. 89.

[406] «Династия Гуансю Дунхуалу», Гуансю двадцать седьмой год (1901 г.) декабрь «Lv Haihuan».

[407] Более поздние поколения не знают исторических фактов и ложно распространяют это как «вход в пещеру карпа», поэтому они не могут этого объяснить.

[408] «Прошлое и настоящее зарубежных китайских рабочих кружков в Северном Цзянсу», стр. 85.

[409] «Дипломатические исторические материалы династии Цин» Том 204, 22 июля, Гуансю 33-го года (1907 г.), «Эмиссары и Цянь Сюньцзо и положение заморских китайцев основаны на том, что мы слышали и видели».

[410] «Прошлое и настоящее зарубежных китайских рабочих кружков в Субэе», «10-й юбилейный выпуск Life News», стр. 85. См. Также «Жизнь и будущая судьба Наньяна «Пигги», «Ежемесячник текущих дел», том 4, стр. 412; и «История китайских колоний», стр. 279.

[411] Се Цин Гао Шу, Фэн Чэнцзюнь Примечание: «Hai Lu Note», Zhonghua Book Company, издание 1955 г., стр. 42.

«История экономического развития Восточной Индии и Китая за рубежом», стр. 168.

[412] EG Dobby: «Юго-Восточная Азия», Издательство Сяньлянь, издание 1958 г., стр. 193.

[413] Ли Сюй: «Остров олова и китайские рабочие острова олова», «Журнал Life Daily, посвященный 10-летию», стр. 92.

[414] Блудный сын Тяньнань: «Недавняя ситуация с Пэн Цзяхуа Гонгом», стр. 80–81. Что касается дневной зарплаты после истечения контракта, Ли Сюй записал ее как: от трех центов и пяти центов до трех центов и шести центов в первый год,

четырёх центов и двух центов во второй год и пяти центов и двух центов в третий. год. (Примечание к тому же, что и выше)

^[415] Блудный сын Тяньнань: «Недавняя ситуация с Пэн Цзяхуа Гонгом», стр. 80–81. Что касается дневной зарплаты после истечения контракта, Ли Сюй записал ее как: от трех центов и пяти центов до трех центов и шести центов в первый год, четырех центов и двух центов во второй год и пяти центов и двух центов в третий. год. (Примечание к тому же, что и выше)

^[416] Хуан Цзинчу: Зарубежные китайцы в Наньяне, The Commercial Press, издание 1930 г., стр. 74–75.

^[417] Тяньюй: «Положение китайских рабочих в Белитунге», стр. 41.

^[418] «Краткая история зарубежных китайских рабочих в Малайе», стр. 8-10.

^[419] «Китайский язык в Малайе», «Переведенный сборник выпусков Наньян», февраль и март 1958 г., стр. 41.

^[420] «Краткая история зарубежных китайских рабочих в Малайе», «Переводной сборник материалов по вопросам Наньяна», № 2, 1957 г., стр. 5.

^[421] «История зарубежных китайцев в Малайе», стр. 32.

^[422] «История зарубежных китайцев в Малайе», стр. 43-44.

^[423] «История зарубежных китайцев в Малайе», стр. 71.

^[424] «Краткая история зарубежных китайских рабочих в Малайе», стр. 23. Согласно «Династии Гуансюй Дунхуалу», на тридцать четвертом году правления Гуансю (1908 г.) февраля Реншен,

«которого играет Ян Шици», в Пераке было «200 000 китайских рабочих».

[425] «Краткая история зарубежных китайских рабочих в Малайе», стр. 10-12.

[426] «Краткая история зарубежных китайских рабочих в Малайе», стр. 10-12.

[427] «Прошлое и настоящее зарубежных китайских рабочих кружков в Северном Цзянсу», «10-й юбилейный выпуск Life News», стр. 86.

[428] «Human Realm Lu Poetry Grass Notes» Том 7, Издательство классической литературы, издание 1957 г., стр. 223.

[429] «Дипломатические исторические материалы династии Цин», том 2 О 4, «Цянь Сюнь Цзо» 22 июля, Гуансюй 33-го года.

[430] «Пожалуйста, подготовьте консульский отчет о жестоком обращении с министром Ли Ченом со стороны китайских купцов из Наньян», «Дипломатические исторические материалы династии Цин», том 166.

[431] «Пожалуйста, подготовьте консульский отчет о жестоком обращении с министром Ли Ченом со стороны китайских купцов из Наньян», «Дипломатические исторические материалы династии Цин», том 166.

«Обзор Цюньцяо в Сингапуре», стр. 28.

[432] «Оловянный остров и китайские рабочие с оловянного острова», «Life News, выпуск к 10-летию», стр. 93-95. Ван Чэнчжи: «Записи об обычаях и опыте Наньян», The Commercial Press, издание 1931 г., стр. 184.187-188.

[433] Это утверждение не противоречит восстанию местных китайских горняков 1857 г. в Кучинге, Британское Борнео, и

установлению временного правительства, поскольку «свиньи»-китайские рабочие были завезены на Борнео из Малайи в 1887 г. оф.

^[434] Маркс: «Переворот Луи Бонапарта», «Избранные произведения Маркса и Энгельса», том I, Народное издательство, издание 1954 г., стр. 223.

^[435] Например, после «копилочного» бунта в Рили Яньюань в 1876 г. голландское колониальное правительство пересмотрело новые правила; после «копилкового» бунта в Сингапуре в 1877 г. британское колониальное правительство пересмотрело иммиграционные правила и т.

^[436] «Коллекция Вэй Юань», том 2, Китайское книгоиздательство, издание 1983 г., стр. 814.

^[437] Ло Чжанжэнь, Ин Чжифу и др.: «Южно-китайская гавань», издательство Университета Сунь Ятсена, издание 1992 г., стр. 29-30.

^[438] «Записи о слушаниях и опыте в путевых заметках Восточного Гуандуна и Южного Вьетнама», Guangdong Higher Education Press, издание 1990 г., стр. 4.

^[439] «Заметки Наньюэ», «Сборник малых рецептов об очищении земли», девятый том, стр. 229.

^[440] «Собрание сочинений Нидхэма», Liaoning Science and Technology Press, издание 1986 г., стр. 258-259.

^[441] Бо Сихэ: «Теория четырех небесных сыновей», см. перевод Фэн Чэнцзюня: «Третье издание текстового исследования по истории и географии западных регионов и Южно-Китайского моря», Китайское книгоиздание, издание 1962 г., стр. 84 -88.

^[442] «Живописные места Линхая», том 10. Для исследования храма в Южно-Китайском море и формы жертвоприношения вы можете обратиться к «Храму Наньхай» Лун Цинчжуна, см. «Китайская архитектура и китайская нация», издательство Южно-Китайского технологического университета, издание 1990 г., стр. 255-274. Что касается исторической эволюции, вы можете обратиться к «Исследованию храма Наньхай в Гуанчжоу в период династий Суй и Тан» Цзэн Имина, см. «Сборник симпозиума по истории культуры династии Тан», Тайбэй, издательство Вэньшичжэ, издание 1991 г., стр. 311. -358.

^[443] «Юань Даде Фрагменты хроники Южно-Китайского моря», Народное издательство Гуандун, издание 1991 г., стр. 44-45. См. Чэнь Ляньцин: «Исследование свидетельств великой добродетели в Южно-Китайском море — импортные товары в порту Гуанчжоу в эпоху ранней династии Юань», в «Исследованиях древней китайской истории», Том 2, Издательство литературы и истории Цзилиня, 1991 г. издание, стр. 816-844.

^[444] Дай Исюань: «Исследование и интерпретация надписи о восстановлении храма Тяньцин в Гуанчжоу тремя буддами династии Сун», содержащейся в «Академических исследованиях», № 2, 1962 г.

^[445] Хуан Цзуньсянь: «Трава поэзии в мире людей», том 6, «Лежащий Будда острова Цейлон».

^[446] «Сборник Дулутана», издательство Университета Сунь Ятсена, издание 1988 г., стр. 260.

^[447] Перевод и аннотация Ши Ни: «Автобиография Юн Вин» («Моя жизнь в Китае и США»), издательство ста школ, издание 2003 г.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>